This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Въ книжномъ складѣ **Д. Д. Полубояринова** (С.-Петербургъ, Николаевская, 18) продаются слѣдующія книги **для учителей и для библіотекъ народныхъ школъ:**

1) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. **Опытъ методическаго руководства** для наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ Священной Исторіи. Ц. 40 коп.

2) К. ЕЛЬНИЦКІЙ: а) **Методика начальнаго обученія отечественному языку.** Ц. 75 коп. б) **Общая Педагогика.** Ц. 75 коп. в) **Курсъ Дидактики.** Ц. 75 коп. г) **Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія.** Ц. 60 коп. и д) **Очерки по исторіи педагогики.** Ц. 75 коп.

3) П. БУНАКОВЪ: а) **Родной языкъ,** какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Ц. 1 руб. б) **Руководство къ обученію грамотѣ** по книгамъ того же автора **«Азбука»** и **«Первинка».** Ц. 15 коп. в) **Руководство** къ преподаванію по книгѣ для чтенія того же автора **«Въ школѣ и дома».** Ц. 30 коп. г) **Школьный годъ.** Распредѣленіе учебныхъ занятій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ начальной школѣ съ тремя отдѣленіями, при одномъ учителѣ. Ц. 25 коп. д) **Школьное дѣло.** Учебный матеріалъ, проработанный авторомъ на многихъ учительскихъ съѣздахъ. Ц. 1 р. 50 коп. и е) **Русская подвижная школа,** воскресные повторительные уроки. Ц. 50 коп.

4) А. БАРАНОВЪ: а) **Руководящія замѣтки** для учащихъ къ преподаванію родного языка по всѣмъ тремъ книгамъ **«Наше Родное».** Ц. 30 коп. б) **Руководство** для учителей и учительницъ къ преподаванію родного языка по **«Книгѣ для чтенія».** Ц. 40 коп. и в) **Подробный планъ** занятій въ начальной народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 коп.

5) М. ВОЛЬПЕРЪ. **Руководящія замѣтки** о преподаваніи русскаго языка инородцамъ по всѣмъ тремъ выпускамъ **«Русской Рѣчи».** Ц. 30 к.

6) В. РУДНЕВЪ. **Руководство** къ преподаванію по книгѣ **«Родной Міръ».** Ц. 30 коп.

7) П. СОЛОНИНА: а) **Записки по методикѣ Русскаго языка,** составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей и учительницъ народныхъ школъ, въ трехъ выпускахъ: 1) *Первый выпускъ* — Методика обученія грамотѣ. Ц. 35 коп. 2) *Второй выпускъ*—Методика объяснительнаго чтенія. Ц. 40 коп. и 3) *Третій выпускъ*—Методика начальной грамматики. Ц. 50 к. б) **Курсъ Училищевѣдѣнія,** составленный для учительскихъ семинарій и институтовъ. Ц. 80 к.

8) П. ПОЛЕВОЙ. **Методика преподаванія Русской Грамматики.** Ц. 50 коп.

9) В. ЕВТУШЕВСКІЙ: а) **Методика Ариѳметики.** Пособіе для родителей, учителей, учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и преподавателей низш. классовъ средн. учебн. заведеній. Ц. 1 р. 50 коп. и б) **Руководство для учителей и учительницъ** къ преподаванію начальной Ариѳметики въ народныхъ школахъ. Ц. 75 коп.

10) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. **Методика начальной Ариѳметики.** Ц. 75 коп.

11) В. ГЕРБАЧЪ. **Методическое руководство** къ обученію письму. Ц. 40 коп.

12) Прот. В. ПѢВЦОВЪ. **Иллюстрированные Евангельскіе разсказы,** съ большимъ количествомъ художественно исполненныхъ рисунковъ въ текстѣ.

13) Проф. Э. БРАНДТЪ. **Популярная Зоологическая Энциклопедія** (Млекопитающія), съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 5 руб.

Примѣчаніе. Въ этой книгѣ изложены просто и кратко свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя приносятъ человѣку пользу или вредъ или представляютъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи.

14) А. ВОРОНЕЦКІЙ. **Иллюстрированная Географическая Хрестоматія** въ трехъ частяхъ. Цѣна за всѣ три части 5 руб.

15) Л. КОВАЛЬСКІЙ. **Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при помощи которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми простыми физическими и химическими явленіями.** Пособіе для учителей начальныхъ школъ, а также для родителей и воспитателей. Ц. 2 р.

16) **Иллюстрированная Географическая Библіотека.** *Выпускъ I.* **Путешествіе вокругъ Свѣта.** Составила *О. И. Шмидтъ*, авторъ извѣстныхъ дѣтскихъ разсказовъ, премированныхъ Фребелевскимъ Обществомъ. Ц. 1 руб.

17) П. ПОЛЕВОЙ. **Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ,** съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ.

Примѣчаніе. Въ пятомъ изданіи новый періодъ пополненъ тринадцатью біографіями писателей новѣйшаго времени.

18) В. СИПОВСКІЙ. **«Родная Старина».** Отечественная исторія въ разсказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полнаго экземпляра 6 руб.

19) В. РАЗЫГРАЕВЪ. **Справочный указатель** спорныхъ написаній въ русской орѳографіи. Ц. 80 коп.

Русскій Начальный Учитель. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый *В. Латышевымъ*, при постоянномъ участіи народныхъ учителей. Отдѣлы программы: 1) педагогическій, 2) библіографическій, 3) практическій (сообщеніе полезныхъ свѣдѣній), 4) историко-статистическій. (Принимаются и объявленія о книжномъ дѣлѣ). *Ежегодный конкурсъ для народныхъ учителей.* Ежемѣсячно не менѣе 2 листовъ.

Подписка принимается въ магазинѣ Н. Фену и К°. Подписная цѣна 2 р. въ годъ, съ пересылкою 3 р.

Исторія писателей есть существенная часть исторіи Словесности.

Митрополитъ Евгеній.

BODLEIAN
21 OCT 1929
LIBRARY

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1890 г.

Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава XIII. В. А. Жуковскій.—Біографическія подробности.—Его дѣятельность журнальная и литературная.—Элегическое настроеніе и поводы къ нему.—Жуковскій и его друзья-арзамасцы.—Заслуги Жуковскаго, какъ переводчика.—Батюшковъ и его отношеніе къ Жуковскому.—Вліяніе, оказанное на его поэзію эпохою подвиговъ и разочарованій.—Біографическія подробности 175

Глава XIV. Значеніе Крылова.—Біографія его.—Крыловъ, какъ сатирикъ и журналистъ—Крыловъ и Карамзинъ.—Крыловъ, какъ писатель народный.—Значеніе „морали“ въ басняхъ Крылова 197

ПЕРІОДЪ ВОСЬМОЙ.

ОТЪ ПУШКИНА ДО НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Глава XV. А. С. Пушкинъ.—Дѣтство и воспитаніе на французскій ладъ.—Пребываніе въ Лицеѣ.—Пушкинъ и Жуковскій.—Первыя произведенія юноши-поэта и его изгнаніе.—Пребываніе на югѣ и байронизмъ.—Житье въ деревнѣ.—Эпоха наступленія сознательнаго творчества.—Періодъ колебаній и сомнѣній—Пушкинъ и общество тридцатыхъ годовъ.—Значеніе Пушкина, какъ поэта народнаго 207

Глава XVI. Ближайшіе послѣдователи Пушкинской школы въ поэзіи.—Дельвигъ.—Баратынскій.—Языковъ 229

Глава XVII. А. С. Грибоѣдовъ.—Гусарство и первые литературные опыты.—Служба въ миссіи и „Горе отъ ума“.—Неудачи и разочарованія.—Примиреніе съ жизнью и успѣхи по службѣ.—Трагическая смерть 240

Глава XVIII. Н. А. Полевой.—Отзывъ Вигеля.—Дѣтство и родители.—Коммерція и ученье.—Литературныя попытки и участіе въ журналахъ.—«Московскій Телеграфъ».—Романтизмъ и философія.—Занятія исторіею.—Борьба и неудачи.—Бѣлинскій—преемникъ Полевого 245

Глава XIX. Значеніе Лермонтова по отношенію къ его эпохѣ.—Біографическія подробности.—Письма Лермонтова и воспоминанія о немъ.—Русскій байронизмъ и русская дѣйствительность.—Отзывы современниковъ о Лермонтовѣ 253

Глава XX. Н. В. Гоголь.—Біографическія подробности.—Романтическое фантазерство и высокое мнѣніе Гоголя о себѣ самомъ.—Переходъ къ простому наблюденію и спокойному изображенію жизни.—Неудачныя попытки въ области науки.—Сознательный періодъ творчества.—Вліяніе душевной болѣзни на дѣятельность литературную.—Жалкое положеніе Гоголя въ послѣдніе годы жизни 263

Глава XXI. В. Г. Бѣлинскій.—Дѣтство и отрочество его; учителя и ученье.—Характеръ и направленіе умственной дѣятельности Бѣлинскаго.—Увлеченіе философскими теоріями и театромъ.—Три періода литературной дѣятельности.—Бѣлинскій, какъ истолкователь Пушкина, Лермонтова и Гоголя 276

Глава XXII. С. Т. Аксаковъ.—Два періода въ его дѣятельности литературной: подражательный и самобытный.—Мастерскія описанія природы.—Положительный взглядъ на наше прошлое. 284

Глава XXIII. А. В Кольцовъ и среда, изъ которой онъ вышелъ.—Впечатлѣнія юности.—Серебрянскій и Станкевичъ.—Вліяніе кружка московскихъ друзей.—Неудачныя попытки измѣнить окружающую среду.—Значеніе поэзіи Кольцова.—И. С. Никитинъ, какъ поэтъ и общественный дѣятель 289

Глава XXIV. Важнѣйшіе проповѣдники нынѣшняго вѣка: Филаретъ, митрополитъ Московскій, и Иннокентій, архіепископъ Херсонскій 297

Глава XXV. Важнѣйшіе представители новѣйшей литературной школы: Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій и Писемскій 305

Глава XXVI. Важнѣйшіе представители новѣйшей литературной школы (продолженіе): Некрасовъ, Григоровичъ, Достоевскій и Л. Толстой 324

Глава XXVII. Важнѣйшіе представители новѣйшей русской поэзіи: А. Майковъ, Л. Мей, А Толстой, Ѳ. Тютчевъ, Я. Полонскій, А. Фетъ 344

ной, и собственно литературной дѣятельности въ началѣ не придавали рѣшительно никакого значенія. Положеніе и ученаго, и литератора было до такой степени ново въ періодъ, послѣдовавшій за эпохою преобразованій, что даже въ средѣ тѣхъ дѣятелей, которые посвящали себя литературѣ и наукѣ, долго не могъ выясниться правильный взглядъ на отношенія между наукой и литературой. Многіе даже не рѣшались смотрѣть на литературу иначе, какъ на забаву, какъ на хорошее препровожденіе времени на досугѣ, между дѣломъ... И вотъ, на пространствѣ всего періода нашей литературы, непосредственно послѣдовавшаго за эпохою преобразованій, мы замѣчаемъ одно общее явленіе: наука оказывается тѣсно связанною съ занятіями литературными, а всѣ наши литераторы до конца царствованія Елисаветы Петровны являются въ то же время и учеными. На первый планъ въ ихъ дѣятельности выступаетъ наука, большею частью въ примѣненіи къ практикѣ, и только свои досуги посвящаютъ они литературѣ. Таковы были всѣ первые писатели наши, послѣ Петра: Кантемиръ, Татищевъ, Тредіаковскій и самъ геніальный Ломоносовъ. Таковъ былъ, наконецъ, и первый изъ свѣтскихъ писателей нашихъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, Ѳеофанъ Прокоповичъ, небрезгавшій возможностью посвящать литературѣ минуты отдыха. Выше мы уже упоминали о тѣхъ литературныхъ и дружескихъ связяхъ, въ которыхъ онъ находился съ Кантемиромъ и Татищевымъ; въ настоящей главѣ переходимъ къ возможно-полной характеристикѣ этихъ двухъ писателей нашихъ, которыхъ литературная дѣятельность была прямымъ слѣдствіемъ эпохи преобразованій.

Князь Антіохъ Димитріевичъ Кантемиръ родился въ Молдавіи въ 1708 году, и ему было не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, Димитрій Кантемиръ, бывшій господаремъ молдавскимъ, перешелъ на сторону Россіи во время несчастнаго Прутскаго похода, и потому самому долженъ былъ, съ семьею своею и съ 4,000 молдаванъ, перебраться вслѣдъ за русскимъ войскомъ въ Россію. Здѣсь принялъ онъ русское подданство, выговоривъ себѣ отъ Петра нѣкоторыя особыя права и преимущества и, между прочимъ, дозволеніе „сыновей своихъ послать для наукъ въ знатные города и иныя христіанскія страны“.

Самъ Димитрій Кантемиръ, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ числѣ которыхъ сохранился между прочимъ и отзывъ о немъ самого Петра, былъ человѣкъ разумный и не только образованный, но даже ученый. Любовь къ научнымъ занятіямъ не оставляла его до конца жизни, и большую часть своего времени, послѣ переселенія въ Россію, гдѣ онъ получилъ обезпеченное и спокойное положеніе, онъ провелъ въ кабинетныхъ занятіяхъ. Петръ пользовался не разъ его совѣтами и помощью въ сношеніяхъ своихъ съ Востокомъ, и во время похода въ Персію, въ 1722 году, бралъ съ собою Кантемира, какъ человѣка, обладавшаго основательнымъ знаніемъ двухъ восточныхъ языковъ: турецкаго и персидскаго. Извѣстно даже, что на пути въ Персію, во время плаванья на судахъ по Волгѣ, Кантемиръ везъ съ собою походную типографію и занятъ былъ печатаньемъ на этихъ языкахъ прокламацій, которыя предназначаемы были къ распространенію на Кавказѣ.

Мать Антіоха Кантемира, гречанка изъ знатнаго рода Кантакузеновъ, находившихся въ родствѣ съ императорами греческими, была также женщина замѣчательнаго ума и образованія. На ней-то собственно и лежала забота о воспитаніи дѣтей, за которыми она зорко и строго наблюдала, при помощи ученаго грека-священника, Анастасія Кондоиди, который жилъ въ домѣ князя Кантемира, въ качествѣ наставника при дѣтяхъ, и обучалъ ихъ греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, юный Антіохъ Кантемиръ дома пріобрѣлъ такое образованіе, какое для другихъ оказывалось въ то время почти недостижимымъ. Еще будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ уже на столько владѣлъ древними языками, что сказалъ однажды, въ присутствіи Петра, похвальное слово св. Димитрію на греческомъ языкѣ: это происходило въ церкви, при московской академіи, гдѣ онъ нѣкоторое время учился, во время пребыванія отца его въ Москвѣ. Когда-же, по смерти первой своей супруги, отецъ Антіоха женился на второй женѣ, знаменитой красавицѣ, княжнѣ Трубецкой, выросшей и воспитывавшейся въ Швеціи на европейскій ладъ, всей семьѣ

полкъ, и, вѣроятно, около того же времени сблизился съ кружкомъ Ѳеофана. Оба эти образованнѣйшіе представители современнаго русскаго общества не могли не оцѣнить другъ друга. Сближеніе Кантемира съ Ѳеофаномъ, не смотря на разницу въ лѣтахъ, скоро обратилось въ тѣсную дружбу Кантемиръ не былъ человѣкомъ, способнымъ принадлежать къ какой бы то ни было партіи; ни по лѣтамъ, ни по взглядамъ своимъ не могъ онъ сочувствовать интригамъ и борьбѣ, волновавшимъ тогда все общество. Но тягостныя обстоятельства вскорѣ вынудили и благодушнаго Кантемира избрать себѣ партію и горячо отстаивать ея интересы. Въ концѣ царствованья Петра II, когда вся власть находилась въ рукахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, братъ Кантемира Константинъ женился на дочери одного изъ „верховниковъ", князя Димитрія Михайловича Голицына, и воспользовался этимъ случаемъ для приведенія въ исполненіе завѣщанія Кантемира-отца. Зять князя Голицына, Константинъ Кантемиръ, овладѣлъ всѣмъ имѣньемъ отца (болѣе 10,000 душъ крестьянъ). Антіохъ, вмѣстѣ съ остальными братьями и сестрами, остался безъ всякихъ средствъ къ существованью, кромѣ весьма скуднаго офицерскаго жалованья. Такая грубая несправедливость, поставившая Кантемира въ затруднительное положеніе, глубоко потрясла его, и заставила его стать на сторону той партіи, которая, противно желаніямъ верховниковъ, возвела на престолъ Анну Іоанновну „безъ всякихъ ограниченій ея власти". Верховники погибли; отъ переворота и паденія верховниковъ, на первыхъ порахъ кое-кто и выигралъ; къ числу немногихъ принадлежалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, избавившійся отъ наиболѣе опасныхъ враговъ своихъ, и Кантемиръ, которому возвращена была нѣкоторая часть его состоянія. Наконецъ, въ 1731 году, при могущественномъ содѣйствіи сильнаго въ то время при Дворѣ князя Черкасскаго и другихъ лицъ восторжествовавшей партіи, двадцати-двухъ-лѣтній Кантемиръ, котораго Черкасскій прочилъ себѣ въ зятья, былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ.

До отъѣзда своего въ Лондонъ, Кантемиръ успѣлъ уже написать пять сатиръ, нѣсколько басенъ и посланій, и хотя ни одно изъ этихъ литературныхъ произведеній не было напечатано, однакоже, обращаясь въ рукописи по рукамъ, они уже пріобрѣли молодому автору довольно почетную извѣстность въ образованной средѣ современнаго русскаго общества. Почему Кантемиръ посвятилъ себя сатирѣ и сосредоточилъ на ней всю свою дѣятельность литературную—этотъ вопросъ объясняется для насъ не столько простою склонностью автора къ извѣстному литературному роду, не столько вліяніемъ классическихъ и французскихъ образцовъ (сатиръ Горація и Буало), сколько вліяніемъ того переходнаго времени, въ которое приходилось жить и дѣйствовать Кантемиру. Мы дѣйствительно видимъ, что сатира чаще всего проявляется въ литературѣ именно въ такіе періоды реформъ и переломовъ, переживаемые обществомъ, когда старый и новый порядокъ вещей рѣзко противополагаются одинъ другому.

Эпоха преобразованій, весьма естественно, и въ нашей образованной средѣ вызвала къ жизни направленіе сатирическое, и выразителемъ его явился молодой Антіохъ Кантемиръ, выказавшій много остроумія и наблюдательности въ своихъ сатирахъ. Изъ числа 9 сатиръ, пять написаны въ бытность Кантемира въ Россіи, четыре остальныя—во время пребыванія его за границей.

Первая въ числѣ этихъ девяти была „сатира на хулящихъ ученіе", въ которой авторъ, обращаясь „къ уму своему", съ особенною горечью высказываетъ ту мысль, что современное ему общество не нуждается ни въ занятіяхъ наукою, ни въ занятіяхъ искусствами, такъ какъ есть много другихъ путей къ славѣ. Въ доказательство этой мысли, авторъ рисуетъ въ своей сатирѣ отдѣльные типы представителей современнаго ему общества, выводя ихъ подъ вымышленными именами Критона, Сильвана, Луки и Медора и поочередно заставляя ихъ высказывать взглядъ на науку и образованность, съ ихъ личной точки зрѣнія. Типы эти, вѣроятно взятые авторомъ изъ современной дѣйствительности очерчены очень ярко и естественно, и даютъ намъ довольно ясное понятіе о положеніи писателя и ученаго въ современномъ обществѣ (особенно такого писателя, какъ Кантемиръ); вполнѣ сознавая недостатки того общества, среди котораго онъ жилъ, и, въ то же время, стремясь принести ему посильную пользу, онъ

Вотъ почему, чувствуя это, авторъ рѣшается, не обращая вниманія на отзывы людей злонравныхъ, продолжать свою сатирическую дѣятельность—„злой язъ пятнать вездѣ неотступно“ — въ той надеждѣ, что „беззлобные“ оцѣнятъ его желаніе принести пользу отечеству.

Мы нарочно обратили особенное вниманіе на эту четвертую сатиру Кантемира, такъ какъ въ ней совершенно ясно высказывается его личный взглядъ на собственную литературную дѣятельность.

Остальныя сатиры Кантемира менѣе замѣчательны и менѣе оригинальны, нежели тѣ четыре, которыя упомянуты нами выше. Въ нихъ Кантемиръ обращаетъ вниманіе на „человѣческія злонравія вообще“; излагаетъ свои мысли о воспитаніи, указывая на необходимость воспитывать гражданъ, которые бы способны были проникаться не личными, а общими интересами.

Болѣе всего важною для характеристики Кантемира, какъ человѣка и писателя, является намъ его шестая сатира, написанная имъ въ 1738 году. Но о ней нельзя говорить, не упомянувъ о нѣкоторыхъ біографическихъ подробностяхъ. Выше уже говорили мы, что Кантемиръ въ 1731 году былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ; въ началѣ 1732 г. онъ выѣхалъ изъ Россіи — и болѣе уже не возвращался: до самой смерти пришлось ему прожить за границей, сначала посломъ при англійскомъ дворѣ, а потомъ, съ 1738 года, при французскомъ. Все время, проведенное имъ за границей, было для него самымъ тяжкимъ и труднымъ періодомъ его жизни, потому что ему, при незначительныхъ средствахъ, получаемыхъ отъ правительства, при новости положенія русскаго посла среди европейской дипломатіи и придворной жизни, постоянно приходилось отстаивать честь и достоинство Россіи. При этомъ все время Кантемира уходило на дѣла посольскія, а также и на хлопоты по исполненію тѣхъ порученій, которыми весьма неделикатно обременяли посла то русскіе друзья и знакомые его, то наиболѣе вліятельные изъ русскихъ вельможъ. Только при необычайной усидчивости Кантемира и при его великомъ рвеніи къ наукѣ и къ занятіямъ литературнымъ, онъ могъ находить, среди своего дѣла, досугъ и для этой дѣятельности, которая являлась ему отдыхомъ и усладой послѣ тягостей дѣятельности дипломатической. Не даромъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своимъ стихотвореніямъ, онъ говоритъ: „если бы изъ цѣлыхъ сутокъ одну четверь часа на письмо употребляли, то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла: непрерывный трудъ, сколько ни маловременъ, весьма скоръ“. И дѣйствительно, мы видимъ, что и среди весьма тревожной дѣятельности дипломатической Кантемиръ не оставлялъ занятій науками и поэзіей: переводилъ Анакреона и Юстина, перевелъ сочиненіе Фонтенеля „о множествѣ міровъ“ и статью Альгароти „о свѣтѣ“, сносился съ петербургской академіей, занимался математикой и чтеніемъ своихъ классическихъ авторовъ. И въ Лондонъ, и въ Парижъ выписывалъ онъ себѣ книги изъ Россіи, слѣдилъ тщательно за скромными успѣхами русской литературы и науки. Ознакомившись съ разсужденіемъ Тредіаковскаго о русскомъ стихосложеніи [1]), Кантемиръ и этого вопроса не оставилъ, не обслѣдовавъ и не разсмотрѣвъ его очень внимательно. Однакоже, онъ не принялъ новой теоріи Тредіаковскаго, можетъ быть потому, что Тредіаковскій не въ состояніи былъ подтвердить ее на практикѣ хорошими стихами. Кантемиръ не отдалъ преимущества тоническому стиху передъ силлабическимъ и удовольствовался лишь тѣмъ, что нѣсколько видоизмѣнилъ свой силлабическій стихъ. Онъ понялъ, что опредѣленная послѣдовательность ударній, дѣйствительно, сообщаетъ русскому стиху больше гармоніи, а потому и рѣшился создать нѣчто среднее между тоническимъ и силлабическимъ размѣромъ. Стихъ его сатиръ состоялъ изъ тринадцати слоговъ, раздѣленныхъ цезурою на двѣ части. Онъ нѣсколько измѣнилъ его въ томъ отношеніи, что не только далъ опредѣленное мѣсто цезурѣ (между седьмымъ и восьмымъ слогомъ), но и допустилъ еще въ каждой части, отдѣленной цезурою, по одному, рѣзко-замѣтному ударенію; въ первой части, изъ семи слоговъ, это удареніе должно было падать на пятомъ или на седьмомъ слогѣ, во второй — непремѣнно на предпо-

[1]) См. далѣе главу II, стр. 17.

Образованіе удалось Татищеву пріобрѣсти отчасти въ Россіи, отчасти за границей, гдѣ онъ дважды побывалъ и пожилъ довольно долго. Одинъ изъ біографовъ Татищева полагаетъ, что Татищевъ или до поступленія его на службу, или послѣ того, учился въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи Брюса. „На это", по мнѣнію біографа, „указываютъ хорошія свѣдѣнія Татищева въ артиллеріи и фортификаціи, и устройство имъ школъ на заводахъ, отчасти по образцу московской; наконецъ и то, что онъ такъ охотно принималъ на службу при заводахъ учениковъ московской артиллерійской и инженерной школы". Свѣтлый, практическій и глубокій умъ Татищева, въ связи съ той желѣзною волею, которою онъ обладалъ, дали ему возможность въ короткое время пріобрѣсти большой запасъ свѣдѣній и такую обширную начитанность, что очень немногіе изъ его современниковъ, кромѣ развѣ Ѳеофана, могли быть поставлены съ Татищевымъ на одинъ уровень по образованности. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что любознательность часто влекла Татищева въ подробное изученіе и такихъ отраслей знанія, которыя, повидимому, не имѣли никакого отношенія къ его дѣятельности. Такъ, напримѣръ, подобно многимъ другимъ изъ своихъ современниковъ, увлекаясь вопросами религіозными, вопросами о значеніи церкви въ обществѣ и объ отношеніи православнаго вѣроисповѣданія къ остальнымъ, Татищевъ такъ много прочелъ богословско-философскихъ и догматическихъ сочиненій, такъ отлично изучилъ св. Писаніе, что даже съ самимъ Ѳеофаномъ дерзалъ вступать въ богословскія пренія.

Большая часть жизни Татищева протекла на службѣ, и притомъ на службѣ трудной, требовавшей и ума, и твердости, и обширныхъ знаній. Татищевъ служилъ сначала въ артиллеріи, потомъ по горнымъ заводамъ и подъ конецъ былъ губернаторомъ въ Астрахани. Рано сдѣлался онъ лично извѣстенъ Петру, какъ человѣкъ пригодный ко всякому дѣлу и обширно-образованный. „Оклеветаніе злодѣевъ" (т. е. враговъ), по словамъ самого Татищева, чуть-чуть не подвергло его опалѣ и гнѣву Петра. Въ то время, когда, незадолго до смерти, Петръ вызвалъ Татищева съ екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ въ Петербургъ, Татищевъ былъ обвиненъ передъ Петромъ во взяточничествѣ. На вопросъ Петра, справедливо-ли обвиненіе, Татищевъ смѣло отвѣчалъ: „я беру; но въ этомъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю"—и началъ разсуждать, что судья не виноватъ, если рѣшитъ дѣло, какъ слѣдуетъ и получитъ за это благодарность; что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ время сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность въ рѣшеніи дѣлъ, тяжкая для судящихся. Петръ отвѣчалъ: „правда; но позволить этого нельзя, потому что безсовѣстные судьи, подъ видомъ доброхотныхъ подарковъ, станутъ насильно вымогать". Откровенность Татищева и рекомендація его начальника по горнымъ заводамъ, Геннина, [1]) избавили Татищева отъ грозы, собиравшейся надъ его головою; но понравиться Петру онъ не могъ, хотя Петръ, сознавая за нимъ большія способности и обширныя знанія, конечно, не преминулъ воспользоваться имъ, какъ полезнымъ дѣятелемъ. Онъ отправилъ его въ Швецію, для призыва мастеровъ, потребныхъ къ горнымъ заводамъ. При отъѣздѣ, Петръ поручилъ Татищеву осмотрѣть „знатныя строенія, работы, горные промыслы, заводы, денежное дѣло, кабинеты, библіотеки и особенно каналъ Обицкій; достать, по возможности, всему чертежи и описанія; взять изъ школъ молодыхъ русскихъ людей и раздать въ Швецію по заводамъ, для наученія горному дѣлу"; при этомъ дано было ему и секретное порученіе: „смотрѣть и освѣдомляться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытныхъ намѣреніяхъ Швеціи". Татищевъ возвратился изъ этого путеше-

[1]) Рекомендація эта сама по себѣ заслуживаетъ вниманія: „... къ тому дѣлу (т. е. горному) лучше не сыскать, какъ капитана Татищева; и надѣюся, что В. В. изволите мнѣ въ томъ повѣрить, что я онаго Татищева представляю не изъ пристрастія, не изъ любви или какой интриги, или-бъ чьей ради просьбы—я и самъ его рожи калмыцкой не люблю—но видя его въ дѣлѣ весьма права, и въ строеніи заводовъ смышлена, разсудительна и прилежна..."

ніе въ подобномъ же памятникѣ XVI вѣка—въ „Домостроѣ“ попа Сильвестра.

Татищевъ начинаетъ свое „Духовное завѣщаніе“ съ сознанія своей грѣховности и съ приведенія различныхъ свидѣтельствъ св. Писанія, вообще касательно грѣховъ и пороковъ молодости, обыкновенно выказывающей менѣе склонности къ сознанію и раскаянью, нежели старость „Егда же человѣкъ приблизится къ старости“, говоритъ Татищевъ, „или скорби, болѣзни, бѣды, напасти и другія горести усмирятъ плоть его, тогда освобождается духъ отъ порабощенія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волею, тогда познаетъ неистовство и пороки юности своея, и начнетъ прилежать о пріобрѣтеніи истиннаго добра, прилежать о знаніи закона Божія“... Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ себѣ лично, Татищевъ дѣлаетъ распоряженія относительно погребенія своего „безъ великихъ чиновъ и убранствъ по закону христіанскому“, и наконецъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь, касаясь сначала религіознаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія въ молодости, отношеній къ родителямъ, къ женѣ и семейству, а потомъ государственной службы — военной, гражданской и придворной; наконецъ, говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ распоряжаться богатствомъ, управлять дѣлами и деревнями.

Любопытно то, что Татищевъ, который между современниками своими, приверженными къ старинѣ до-петровской, слылъ за вольнодумца, выказывается намъ въ самомъ началѣ своего „Завѣщанія“ не только глубоко-религіознымъ человѣкомъ, но и признающимъ религію за основу всѣхъ свѣдѣній человѣческихъ, всего воспитанія. Онъ говоритъ, что наставлялъ въ вѣрѣ сына своего частыми и пространными разговорами, и все совѣтуетъ ему, сверхъ того—„поучаться въ законѣ Божьемъ день и нощь даже до старости: для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. библію и катехизисъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго; также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катехизисъ, а малая букварь или юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ“ [1]).

Послѣ чтенія религіознаго, Татищевъ совѣтуетъ сыну своему озаботиться болѣе всего о знакомствѣ съ науками свѣтскими: сперва слѣдуетъ выучиться „право и складно писать“; потомъ заняться ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и другими математическими науками; слѣдуетъ обратить вниманіе и на изученіе нѣмецкаго языка. На свои матеріалы и бумаги Татищевъ указываетъ сыну, какъ на единственное средство къ изученію русской исторіи и географіи; при этомъ онъ замѣчаетъ, что привести ихъ въ порядокъ и напечатать „безъ помощи государя никакъ не можно“. Какъ на важную часть образованія Татищевъ указываетъ на необходимость изучать отечественные законы, не только по печатнымъ указамъ и уложеніямъ, но также изъ бесѣдъ о законахъ съ искусными въ законахъ людьми, по поводу собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ. Надобно знать и „ябедническія коварства“, чтобы при случаѣ умѣть отъ нихъ защититься.

Любопытнымъ признакомъ новаго времени является и слѣдующее мѣсто „завѣщанія“, гдѣ Татищевъ говоритъ о почтеніи къ родителямъ: „хотя я съ матерью твоею нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено, но тебѣ нѣтъ въ томъ ни малой причины къ нарушенію твоей должности... И если ты попадѣешься на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству

[1]) Здѣсь упоминается о книгахъ духовнаго содержанія, изданныхъ по повелѣнію Петра и особенно ненавистныхъ сторонникамъ старины: о катехизисѣ, изд. Ѳ. Прокоповичемъ, о букварѣ, изданномъ имъ-же, и о книгѣ, изд. въ 1719 г.: „Юности честное зерцало“, или показаніе ко житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ, пользовавшееся въ свое время большимъ почетомъ. Въ составъ этой книги входили: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ; правила отъ св. писанія, по алфавиту избранныя; числа церковныя, арабскія и римскія; наконецъ „Зерцало житейскаго обхожденія“—собраніе правилъ, какъ себя держать въ обществѣ.

ніе въ подобномъ же памятникѣ XVI вѣка—въ „Домостроѣ“ попа Сильвестра.

Татищевъ начинаетъ свое „Духовное завѣщаніе“ съ сознанія своей грѣховности и съ приведенія различныхъ свидѣтельствъ св. Писанія, вообще касательно грѣховъ и пороковъ молодости, обыкновенно выказывающей менѣе склонности къ сознанію и раскаянью, нежели старость „Егда же человѣкъ приблизится къ старости“, говоритъ Татищевъ, „или скорби, болѣзни, бѣды, напасти и другія горести усмирятъ плоть его, тогда освобождается духъ отъ порабощенія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волею, тогда познаетъ нецтовство и пороки юности своея, и начнетъ прилежать о пріобрѣтеніи истиннаго добра, прилежать о знаніи закона Божія“... Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ себѣ лично, Татищевъ дѣлаетъ распоряженія относительно погребенія своего „безъ великихъ чиновъ и убранствъ по закону христіанскому“, и наконецъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь, касаясь сначала религіознаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія въ молодости, отношеній къ родителямъ, къ женѣ и семейству, а потомъ государственной службы — военной, гражданской и придворной; наконецъ, говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ распоряжаться богатствомъ, управлять дѣлами и деревнями.

Любопытно то, что Татищевъ, который между современниками своими, приверженными къ старинѣ до-петровской, слылъ за вольнодумца, выказывается намъ въ самомъ началѣ своего „Завѣщанія“ не только глубоко-религіознымъ человѣкомъ, но и признающимъ религію за основу всѣхъ свѣдѣній человѣческихъ, всего воспитанія. Онъ говоритъ, что наставлялъ въ вѣрѣ сына своего частыми и пространными разговорами, и все совѣтуетъ ему, сверхъ того—„поучаться въ законѣ Божьемъ день и нощь даже до старости: для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. библію и катехизисъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго; также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катехизисъ, а малая букварь или юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ“ [1]).

Послѣ чтенія религіознаго, Татищевъ совѣтуетъ сыну своему озаботиться болѣе всего о знакомствѣ съ науками свѣтскими: сперва слѣдуетъ выучиться „право и складно писать“; потомъ заняться ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и другими математическими науками; слѣдуетъ обратить вниманіе и на изученіе нѣмецкаго языка. На свои матеріалы и бумаги Татищевъ указываетъ сыну, какъ на единственное средство къ изученію русской исторіи и географіи; при этомъ онъ замѣчаетъ, что привести ихъ въ порядокъ и напечатать „безъ помощи государя никакъ не можно“. Какъ на важную часть образованія Татищевъ указываетъ на необходимость изучать отечественные законы, не только по печатнымъ указамъ и уложеніямъ, но также изъ бесѣдъ о законахъ съ искусными въ законахъ людьми, по поводу собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ. Надобно знать и „ябедническія коварства“, чтобы при случаѣ умѣть отъ нихъ защититься.

Любопытнымъ признакомъ новаго времени является и слѣдующее мѣсто „завѣщанія“, гдѣ Татищевъ говоритъ о почтеніи къ родителямъ: „хотя я съ матерью твоею нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено, но тебѣ нѣтъ въ томъ ни малой причины къ нарушенію твоей должности... И если ты понадѣешься на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству

[1]) Здѣсь упоминается о книгахъ духовнаго содержанія, изданныхъ по повелѣнію Петра и особенно ненавистныхъ сторонникамъ старины: о катехизисѣ, изд. Ѳ. Прокоповичемъ, о букварѣ, изданномъ имъ-же, и о книгѣ, изд. въ 1719 г.: „Юности честное зерцало“, или показаніе ко житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ, пользовавшееся въ свое время большимъ почетомъ. Въ составъ этой книги входили: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ; правила отъ св. писанія, по алфавиту избранныя; числа церковныя, арабскія и римскія; наконецъ „Зерцало житейскаго обхожденія“—собраніе правилъ, какъ себя держать въ обществѣ.

быть снабжены банями, больницами, домашнимъ лѣкаремъ и аптекою. Лѣкарь необходимъ для того, чтобы крестьяне не обращались „къ проклятымъ обманщикамъ, ворожеямъ шептунамъ и колдунамъ“. На обязанности помѣщика лежитъ и призрѣніе старыхъ и увѣчныхъ. Затѣмъ, съ изумительною точностію Татищевъ обращается къ заботамъ о распредѣленіи каждаго рабочаго дня крестьянъ и дворовыхъ, и входитъ въ подробности, которыя выказываютъ въ немъ не только опытнаго и дѣятельнаго хозяина, но и вообще человѣка расчетливаго, привыкшаго пользоваться всѣмъ и изъ всего извлекать выгоду. Сурово относится онъ къ нерадивымъ: „для винныхъ людей“, говоритъ онъ, „имѣть тюрьму; а затѣмъ наказывать за вину нещадно; одна милость, безъ наказанія, быть не можетъ, по закону Божію“. Но все же, и въ этомъ отношеніи, Татищевъ, конечно, стоитъ головою выше многихъ своихъ современниковъ: самъ неутомимо и постоянно трудясь и работая, онъ по Петровой системѣ, думалъ и всѣхъ окружающихъ увлечь къ труду, если не уговоромъ, то страхомъ наказанія, взысканія. Увлекаясь стремленіемъ къ труду, онъ и въ завѣщаніи, говоря о крестьянскомъ трудѣ, восклицаетъ: „праздность человѣка приводитъ въ воровство и разбои, отчего послѣ на вѣки долженъ будетъ пропасть душею и тѣломъ; всякой крестьянинъ дѣтей своихъ долженъ въ великомъ страхѣ содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда принуждая къ работѣ, дабы онъ въ томъ взялъ привычку, и, смотря отца своего неусыпные труды, себя къ тому пріучить могъ; а дабы каждый праздно и въ младости не былъ, то долженъ онъ (т. е. отецъ) отдать его какому нибудь художеству и рукодѣлью учиться, отъ чего всегда интересъ свой получить можетъ“.

Всѣ свои наставленія и совѣты сыну Татищевъ сводитъ къ одному общему выводу: „конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ въ свѣтѣ главный пунктъ деньги; не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ: а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по пропорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домъ не пускать“

Послѣдніе годы своей службы Татищевъ провелъ въ Астрахани, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Здѣсь онъ попалъ подъ судъ, которому его подвергли враги; и судъ этотъ, обвиняя его въ несоблюденіи самыхъ пустыхъ формальностей, привязываясь къ мелочамъ, длился безконечно. Василій Никитичъ, переселившійся изъ Астрахани въ свое подмосковное с. Болдино (Клинскаго уѣзда), содержался на домашнемъ арестѣ: при немъ, въ видѣ стражи, находились даже и солдаты сенатской роты. Здѣсь, въ Болдинѣ, Татищевъ доканчивалъ свою „Исторію“, которую въ 1739 г. привозилъ въ Петербургъ, но къ которой не встрѣтилъ сочувствія: по поводу ея были даже возбуждены толки о его неправославіи. Толки эти побудили тогда-же Татищева измѣнить въ своей „Исторіи“ все то, что нашелъ нужнымъ новгородскій архіепископъ Амвросій. Вѣроятно эти воспоминанія были тяжки для нашего историка, и потому въ деревенскомъ уединеніи ему приходила смѣлая мысль: отправить свое сочиненіе въ Лондонское Королевское Общество съ тѣмъ, чтобы оно издало его въ переводѣ. Онъ даже писалъ объ этомъ одному изъ своихъ пріятелей-англичанъ; но дѣло не состоялось по ненмѣнію хорошихъ знатоковъ русскаго языка въ Англіи.

Въ іюлѣ 1750 г. ему стало хуже и онъ захотѣлъ проститься съ сыномъ, который явился вмѣстѣ съ женою на зовъ отца. Намъ сохранился разсказъ внука Татищева о послѣднихъ минутахъ жизни Василія Никитича. Простыя подробности этого разсказа на столько интересны, что мы далеко не лишнимъ считаемъ привести ихъ здѣсь. Съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и твердостью духа приготовляясь къ смерти, Василій Никитичъ самъ распорядился о томъ, чтобы ему выкопана была на погостѣ, рядомъ съ предками его, могила, и самъ ѣздилъ пригласить къ себѣ на утро духовника своего. „Возвратившись домой, онъ нашелъ тутъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ Императрицы, что онъ найденъ (по суду) невиннымъ и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ написалъ благодарственное письмо къ Государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что уже приближался

II.

В. К. Тредіаковскій.—Біографическія подробности.—Ученые труды.—Услуги, оказанныя русскому стихосложенію.—Личный характеръ Тредіаковскаго и отношенія его къ современникамъ.

Василій Кирилловичъ Тредіаковскій родился въ Астрахани въ 1703 году. Отецъ и дѣдъ его были священниками. Въ ранней молодости судьба свела его съ католическими монахами, жившими въ Астрахани, съ цѣлью распространенія католицизма между тамошними армянами и въ Персіи, и эта случайная встрѣча опредѣлила будущность юноши; отъ этихъ духовныхъ лицъ Тредіаковскій получилъ первыя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ и въ словесныхъ наукахъ и, въ 1723 году, какъ самъ говоритъ, „по охотѣ къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ и родителей, и убѣжалъ въ Москву". Тамъ онъ нашелъ случай пристроиться въ Заиконоспасскія школы, т. е. славяно-греко-латинскую академію, и, какъ ученикъ уже достаточно подготовленный, поступилъ прямо въ риторику. Въ академіи оставался онъ до 1725 г. и прошелъ въ ней курсъ схоластическаго ученія. Уже здѣсь сталъ онъ заниматься сочиненіемъ силлабическихъ стиховъ: написалъ двѣ драмы — „Язонъ" и „Титъ, Веспасіановъ сынъ" — которыя были играны студентами академіи на ихъ домашней сценѣ, и элегію на смерть Петра Великаго. Въ то же время, какъ самъ о себѣ пишетъ Тредіаковскій, „проходя науки въ Спасскомъ Заиконномъ монастырѣ, превеликое онъ имѣлъ желаніе, чтобъ оныя окончить въ Европскихъ краяхъ, а особливо въ Парижѣ". Неудивительно, что вскорѣ послѣ того онъ и „нашелъ способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ обучился французскому языку". Это было въ 1726 году. Въ то время одною изъ главныхъ обязанностей русскихъ дипломатовъ за границею было попеченіе о русскихъ молодыхъ людяхъ, отправленныхъ для образованія въ чужіе края. На этомъ основаніи и Тредіаковскій, хотя поѣхалъ за границу по своей волѣ, прибѣгъ къ покровительству русскихъ пословъ — сперва въ Гагѣ, а потомъ въ Парижѣ. Нашъ посланникъ въ Гагѣ, графъ Головкинъ, далъ ему рекомендательное письмо къ представителю Россіи въ Парижѣ, князю Куракину, но, вѣроятно, очень скудно помогъ ему деньгами; поэтому Тредіаковскій „съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности" отправился въ Парижъ, при чемъ большую часть пути прошелъ пѣшкомъ. Въ Парижѣ, пользуясь болѣе щедрымъ покровительствомъ Куракина, Тредіаковскій прослушалъ курсъ математическихъ, философскихъ и богословскихъ наукъ въ Сорбоннѣ и, по обычаю того времени, „содержалъ публичные диспуты въ Мазаринской коллегіи", чему всему имѣлъ письменное засвидѣтельствованье парижскаго университета". Въ то время парижскій университетъ сохранялъ еще свою старинную славу, и нѣтъ сомнѣнія, что Тредіаковскій, при своемъ усердіи къ ученію, пріобрѣлъ въ немъ хорошее образованіе и основательно изучилъ нѣсколько языковъ (итальянскій, нѣмецкій), въ особенности же французскій, на которомъ совершенно свободно излагалъ свои мысли и стихами, и прозой. Изъ позднѣйшихъ его сочиненій видно, что онъ основательно зналъ латинскую и французскую словесность, а также былъ знакомъ и съ французскою наукою (преимущественно съ областью историческихъ и филологическихъ знаній).

Въ 1730 году Тредіаковскій возвратился въ Россію съ намѣреніемъ посвятить себя литературной дѣятельности, но безъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. Въ какой степени незавидно было матерьяльное положеніе Тредіаковскаго, въ первое время по возвращеніи его изъ-за границы, можно судить уже потому, что онъ нашелъ себѣ пріютъ въ казенной квартирѣ академическаго студента Ададурова, „который принялъ пріѣзжаго въ видахъ привлеченія для себя поль-

домъ познавается, столь сіе наше всякому изъ великороссіянъ легко, способно, безъ всякія трудности, и наконецъ, отъ единаго только общаго употребленія знать можно". Къ этой мысли, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, привела его русская народная поэзія. „Даромъ", говоритъ онъ, „что слогъ ея весьма некрасный отъ неискусства слагающихъ; но сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе", внушило ему мысль этого новаго размѣра стиховъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи онъ свидѣтельствуетъ еще о томъ, что тому нововведенію способствовало знакомство его съ стихотворнымъ размѣромъ сербодалматинцевъ. Впослѣдствіи Тредіаковскій не разъ возвращался къ теоріи русскаго стихосложенія (между прочимъ защищалъ превосходство хорея надъ ямбомъ) и совершенствовалъ ее въ подробностяхъ.

Несмотря однако на свои литературныя заслуги, Тредіаковскій не пользовался даже сколько-нибудь почетнымъ положеніемъ въ русскомъ обществѣ анненскаго времени. Человѣкъ, котораго общественная роль опредѣлялась только его литературною дѣятельностію, былъ слишкомъ новымъ, небывалымъ явленіемъ для тогдашнихъ русскихъ людей и самое занятіе наукой и литературой для большинства представлялось даже имѣющимъ нѣкоторую связь съ ремесломъ приказнаго, канцеляриста.. Это особенно выясняется намъ изъ того собственноручнаго отзыва, который данъ былъ Тредіаковскимъ на запросъ Сената о служащихъ при Академіи (14 ноября 1737). Въ этомъ отзывѣ онъ съ особеннымъ усердіемъ выставляетъ на видъ Сенату, что его, Тредіаковскаго, президентъ Академіи Наукъ, фонъ-Кейзерлингъ, „опредѣлилъ секретаремъ въ Академію, гдѣ онъ и понынѣ упражняется въ разныхъ академическихъ дѣлахъ, касающихся до наукъ, а не въ приказныхъ".

При этой новости положенія литературы въ русскомъ обществѣ, Тредіаковскій, къ тому же, ни по складу ума, ни по личному характеру своему не могъ выработать себѣ положенія почетнаго и самостоятельнаго. Неспособный къ борьбѣ съ грубыми общественными нравами, запуганный неудачами и бѣдностью, Тредіаковскій совершенно утратилъ всякую личность, всякій опредѣленный характеръ, а потомъ и всякое сознаніе собственнаго достоинства. Его нравственная философія была такъ податлива, его убѣжденія такъ шатки, его воззрѣнія и мнѣнія такъ уступчивы, что ни въ комъ изъ современниковъ своихъ онъ не съумѣлъ возбудить уваженія ни къ своей личности, ни къ своей дѣятельности... Товарищи его по ремеслу относились къ нему съ пренебреженіемъ и смѣялись надъ нимъ; „высокія персоны" и „придворные милостивцы" считали его шутомъ и скоморохомъ, и позволяли себѣ надъ нимъ страшныя шутки, не щадя для него оскорбленій и униженій. Особенно ярко характеризующимъ ту мрачную эпоху является извѣстный въ біографіи Тредіаковскаго печальный эпизодъ его столкновенія съ Волынскимъ (въ 1740 г., по поводу шутовской свадьбы въ Ледяномъ домѣ), который его избилъ и страшно изувѣчилъ по жалобѣ одного изъ своихъ приближенныхъ.

Тогдашній президентъ Академіи распорядился освидѣтельствовать Тредіаковскаго, приказалъ лѣчить его, но ничего не смѣлъ предпринять для преслѣдованія такого грубаго насилія, и дѣло оставалось безъ всякаго разслѣдованія до апрѣля мѣсяца. Оно бы, по всей вѣроятности, осталось такимъ навсегда, если бы Волынскій не навлекъ на себя гнѣвъ фаворита Императрицы — Бирона. Биронъ подалъ Императрицѣ жалобу на оскорбленіе его Волынскимъ, и въ ней-то, между прочимъ, упомянулъ, что Волынскій „не устыдился недавно нанесть побои нѣкоему секретарю академіи, Тредіаковскому, во дворцѣ, въ покояхъ его, герцога, чѣмъ оказано неуваженіе Государынѣ, а Бирону—обида, извѣстная уже при иностранныхъ дворахъ".

Только уже заручившись такимъ высокимъ (хотя и совершенно случайнымъ) покровительствомъ, Тредіаковскій тоже догадался подать жалобу Императрицѣ (въ іюнѣ 1740 г.) на Волынскаго, и такъ какъ обидчикъ былъ уже въ это время казненъ, то Тредіаковскій просилъ „за напрасное безчестіе и безвинное увѣчье" удовольствовать его изъ имѣнія „жестокаго мучителя и безсовѣстно злобнаго обидителя, Волынскаго".

Отвѣтъ на эту просьбу послѣдовалъ уже

борьбѣ съ начальствомъ и товарищами-академиками и съ литературными противниками... Но ему не везло: всѣ были противъ него — даже судьба, разворявшая его пожарами! — и несчастный стихотворецъ видимо слабѣлъ въ неравной борьбѣ. Неподдѣльнымъ и грустнымъ сознаніемъ нравственнаго безсилія звучатъ слѣдующія заключительныя строки одной изъ его статей, направленныхъ противъ Сумарокова:

„Не полно-ль, государь милостивый, вамъ на меня нападать? Я усталъ, отражая ваши обвиненія. Болѣе, по истинѣ, не хочу; и сіе письмо есть послѣдній мой отвѣтъ вамъ, въ чемъ по христіанству и по честности клянусь... Я уже въ лѣтахъ, и не болѣе пекусь о красномъ разумѣ, коль о добромъ нѣсколько житіи. Я то хочу позабывать, что вы нынѣ толь благоуспѣшно знаете. Вѣрьте, я васъ отъ всего сердца признаваю (понеже вамъ, какъ видно, того только и желается) первенствующимъ нашимъ Вольтеромъ, хотя и не ругаюсь... Позабудьте, прошу, меня... Дайте мнѣ препровождать безмятежно остаточные мои дни въ нѣкоторую пользу обществу... Попустите мнѣ несмущенно размышлять иногда и о совѣсти моей: настаетъ время и мнѣ туда явиться, куда должно всѣмъ человѣкамъ. Тамъ не спросятъ меня, зналъ-ли я хорошую силу въ Сафіческой и Гораціанской строфахъ, но былъ-ли добродѣтельный христіанинъ? Сжальтесь обо мнѣ, умилитесь надо мною, извергните изъ мыслей меня... я сіе самое пишу вамъ не безъ плачущія горести. Паки и паки прошу: оставьте меня отъ нынѣ въ покоѣ".

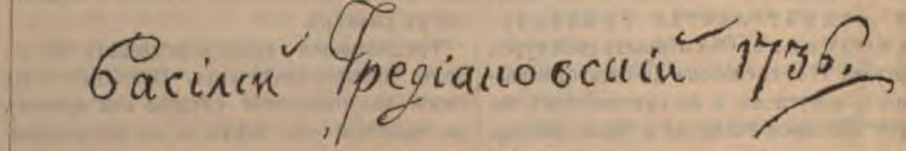
Съ августа 1757 г. Тредіаковскій прекратилъ хожденіе въ Академію, а съ небольшимъ черезъ годъ, послѣ многихъ напоминаній ему со стороны начальства Академіи о его неисправности, вынужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ. Прошеніе его было принято съ замѣтною готовностью удовлетворить желанію Тредіаковскаго; отставка дана ему тотчасъ же (30-го марта 1759 г.) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему отказано во всякой, даже и самой незначительной денежной помощи.

„Такъ кончилась служба Тредіаковскаго въ Академіи",—замѣчаетъ историкъ Академіи—„и должно сознаться, что Академія, въ лицѣ тогдашнихъ правителей ея судебъ, т. е Ломоносова и Тауберта, поступила жестоко съ этимъ старымъ и несомнѣнно оказавшимъ услуги русскому просвѣщенію писателемъ, который остался на старости съ семьей безъ всякихъ средствъ къ существованью". Несмотря, однакоже, на крайній недостатокъ въ средствахъ, несчастный труженикъ продолжалъ и въ отставкѣ заниматься переводами и обработывалъ „Разсужденіе о древности россійской",—весьма слабое въ научномъ отношеніи сочиненіе о происхожденіи Варяговъ-Руси. Въ отставкѣ Тредіаковскій прожилъ еще десять лѣтъ, и скончался 6-го августа 1769 года, почти совершенно забытый современниками.

Въ переходную эпоху русской литературы, между XVII вѣкомъ и организаторскою дѣятельностью Ломоносова, Тредіаковскому принадлежитъ довольно видное мѣсто. Онъ оказалъ несомнѣнную услугу русскому просвѣщенію своими переводами; какъ знатокъ теоріи литературы, онъ далъ полныя для своего времени литературныя понятія; наконецъ, какъ филологъ, онъ возбудилъ нѣкоторые любопытные вопросы русской грамматики и метрики. Но желая создать русскій слогъ, онъ писалъ хуже, чѣмъ многіе изъ его современниковъ (не говоря о поколѣніи болѣе молодомъ, къ которому принадлежали Ломоносовъ и Сумароковъ); а создавая теорію русскаго тоническаго размѣра, онъ не далъ ни одного хорошаго стиха въ подтвержденіе своего ученія.

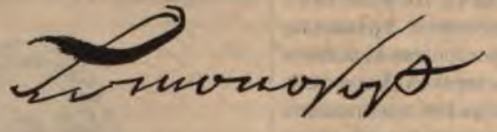
Вообще говоря, ему нельзя отказать ни въ трудолюбіи, ни въ знаніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждаго должно невольно поражать въ немъ полнѣйшее отсутствіе таланта.

Вскорѣ послѣ нескладныхъ опытовъ Тредіаковскаго, явились благозвучные ямбы Ломоносова и совершенно затмили собою тяжеловѣсныя піитическія попытки „стихъ начавшаго стопой прежде всѣхъ въ Россіи".



Подпись Тредіаковскаго.

По нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ раннемъ періодѣ своей юности Ломоносовъ вовлеченъ былъ даже въ расколъ, который такъ много имѣлъ приверженцевъ на нашемъ сѣверѣ. Поддаться вполнѣ религіознымъ воззрѣніямъ раскольниковъ Ломоносовъ не могъ при своемъ здравомъ умѣ и сильной волѣ, но чтеніе духовныхъ книгъ и толки о вѣрѣ вѣроятно еще болѣе способствовали развитію въ немъ природной пытливости и страстнаго желанія учиться. Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго — эти первыя книги, изъ которыхъ Ломоносову удалось почерпнуть свои первыя знанія — вскорѣ перестали удовлетворять его любознательности. При томъ же и самыя условія домашней жизни значительно ухудшились: мѣсто матери, оказывавшей благотворное вліяніе на сына, заступила злая и сварливая мачиха, о которой самъ Ломоносовъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ, пишетъ, что она „всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ, представляя, что онъ всегда сидитъ по-пустому за книгами. Для того многократно (онъ) принужденъ былъ „читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ“. Такое положеніе сдѣлалось наконецъ невыносимо для юнаго Ломоносова: горячее, страстное желаніе учиться одолѣвало его — и онъ рѣшился отправиться въ Москву. Это произошло въ декабрѣ 1730 года. Ломоносовъ получилъ отъ волости увольнительное свидѣтельство, по которому и



Подпись Ломоносова.

отпущенъ былъ въ Москву до осени слѣдующаго 1731 года; но такъ какъ онъ въ срокъ домой не воротился, то и числился съ 1731 года „въ бѣгахъ“. Преданіе гласитъ, что, на пути въ Москву, Ломоносовъ провелъ нѣкоторое время въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, исправляя должность пономаря или причетника; что, потомъ, прибывъ въ Москву, онъ находился одно время въ школѣ при Сухаревой башнѣ, пока наконецъ успѣлъ попасть въ число студентовъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи (съ 15 января 1731 г.), гдѣ и пробылъ около пяти лѣтъ, начавъ курсъ съ самаго начала. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову свое пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи:

„Обучаясь въ Спасскихъ школахъ [1]), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никого дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи (у него) одинъ, его оставилъ, оставилъ и все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ (1731—1736) и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться!“

Однакоже „болванъ лѣтъ въ двадцать“ оставилъ всѣхъ школьниковъ назади, и, обративъ на себя вниманіе учителей своими замѣчательными способностями, не терялъ

[1]) Такъ называетъ Ломоносовъ академію, потому что она находилась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

такъ же широко, шумно и разгульно, какъ жило около него все современное ему нѣмецкое студентство... И вмѣсто этого приходилось сносить лишенія, горькую нужду, а впослѣдствіи и преслѣдованье за долги! Но никакая нужда, никакія страданія не могли отбить у него охоты къ занятіямъ науками; все, что извѣстно намъ о его пребываніи за границей, свидѣтельствуетъ намъ, что онъ трудился неутомимо и не терялъ времени даромъ. Знаменитый ученый и профессоръ того времени при Марбургскомъ университетѣ, Христіанъ Вольфъ, которому порученъ былъ надзоръ за занятіями трехъ русскихъ студентовъ, постоянно доставлялъ въ письмахъ своихъ къ президенту Академіи, Блюментросту, самые похвальные отзывы о прилежаніи и способностяхъ студента Ломоносова, который быстро успѣлъ овладѣть нѣмецкимъ языкомъ и сталъ посѣщать въ университетѣ лекціи, преимущественно по математическимъ наукамъ, хотя занимался и философіей, и даже медициной. Добросовѣстный Вольфъ не скрываетъ отъ начальства Академіи, что русскіе студенты ведутъ жизнь разгульную и распущенную, обременены долгами; но въ то же время съ большою похвалою отзывается онъ о занятіяхъ и талантахъ студента Ломоносова, выражая совершенно искренно надежду, что деньги на него потрачены не даромъ, и что его, какъ ученаго, ожидаетъ блестящая будущность. Точно также лестно отозвался Вольфъ о Ломоносовѣ и въ аттестатѣ, выданномъ ему въ 1739 году отъ университета. Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ во Фрейбергъ (въ Саксонію), для практическихъ занятій металлургіей подъ руководствомъ Генкеля; лѣтомъ 1740 г. занимался онъ на Гарцѣ изученіемъ на мѣстѣ горнаго дѣла. Въ то же самое время, онъ слѣдовалъ и академической инструкціи, на основаніи которой ему и товарищамъ его предписывалось, кромѣ наукъ, изучать языки: латинскій, французскій и нѣмецкій, не оставляя упражненій и въ русскомъ. Вслѣдствіе этого, между 1736 и 1741 гг., Ломоносовъ неоднократнаго доставлялъ въ Академію свои первые опыты ученыхъ изслѣдованій, писанные на латинскомъ языкѣ, писалъ на нѣмецкомъ свои „доношенія“, и наконецъ представилъ также и первые опыты литературные въ совершенно новомъ родѣ. Въ 1738 г. прислалъ онъ свою оду изъ Фенелона, переведенную въ Марбургѣ хореическими стихами („Горы, толь что дерзновенно“, и т. д.); въ 1739 г. прислалъ извѣстную „Оду на взятіе Хотина“, которая долгое время считалась первымъ нашимъ тоническимъ стихотвореніемъ; къ ней было приложено — „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“ [1]).

Въ 1740 году Ломоносовъ женился въ Марбургѣ на Елисаветѣ-Христинѣ Цильхъ, дочери одного изъ тамошнихъ портныхъ, бывшаго членомъ Марбургской городской думы и церковнымъ старшиной. Матерьяльное положеніе Ломоносова, вслѣдствіе этого, сдѣлалось вскорѣ почти невыносимымъ; онъ вынужденъ былъ даже на время бѣжать изъ Марбурга, скрываясь отъ преслѣдованья за долги. Здѣсь, до самаго возвращенія его въ Россію, наступаетъ довольно темный и мало извѣстный намъ періодъ его біографіи; предполагаютъ даже, что, во время своихъ скитаній по Европѣ, онъ, около Дюссельдорфа, встрѣтился съ партіею прусскихъ вербовщиковъ, которые его напоили, записали въ рекруты и увели на службу въ крѣпость Везель; что онъ успѣлъ оттуда спастись бѣгствомъ и вернулся въ Марбургъ.

Отсюда, въ ноябрѣ 1740 г., Ломоносовъ писалъ въ Академію о своемъ возвращеніи, и въ февралѣ 1741 года „на проѣздъ и на платежъ долговъ получилъ токмо сто рублевъ, и выѣхалъ за Вольфовымъ поручительствомъ въ отечество“. Въ академическихъ документахъ значится, что „1741 г. іюня 8 дня, г. профессоръ Ломоносовъ пріѣхалъ сюда назадъ изъ Марбурга“, а въ 1742 г. „января 8 дня, г. Ломоносовъ, по резолюціи Академіи Наукъ, впредь до указу Правит. Сената и академической резолюціи, здѣланъ адъюнктомъ съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, включая въ то число дрова, свѣчи и квартиру съ 1-го января 1742 г.“.

[1]) Оба эти произведенія — и „Ода на взятіе Хотина“, и „Письмо“ — переданы были, по порученію Академіи, на разсмотрѣніе адъюнкту Адодурову, который одобрилъ и теорію версификаціи, предлагаемую Ломоносовымъ, и стихи, написанные на основаніи ея.

сносное безчестіе и неслыханное ругательство, повелѣть учинить надлежащую правильную сатисфакцію, безъ чего Академія болѣе состоять не можетъ, потому что ежели 'намъ въ такомъ поруганіи и безчестіи остаться, то никто отъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ, также и мы себя за недостойныхъ признавать должны будемъ, безъ возвращенія чести нашей, служить Ея Императорскому Величеству при Академіи, понеже во всѣхъ государствахъ, гдѣ есть Академіи, такого ругательнаго примѣра, какъ намъ случилось, не бывало"...

Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ противъ Ломоносова видимъ между прочимъ и слѣдующее:... „Ломоносовъ бранилъ всѣхъ, которые ему отказали въ конференціи [1]), позорною нѣмецкою бранью. (Винцгеймъ) отвѣтствовалъ: „нарядно, я запишу и донесу въ надлежащемъ мѣстѣ", и на то-де Ломоносовъ сказалъ: „я самъ столько разумѣю, сколько профессоръ, да къ тому-де я природный русскій". И надѣвъ шляпу, повторилъ тѣ же рѣчи позорною нѣмецкою бранью, и называлъ всѣхъ ворами, которые ему отказали отъ конференціи, а потомъ съ гордою и презрительною поступкою пошелъ въ географическій департаментъ".

По жалобѣ и прошенію профессоровъ Ломоносовъ былъ арестованъ въ маѣ 1743 г., и, несмотря на неоднократныя свои просьбы объ освобожденіи, продержанъ подъ арестомъ до января 1744 года, когда наконецъ конченъ былъ разборъ его дѣла и, по указу Императрицы, Ломоносовъ выпущенъ изъ-подъ ареста. Въ указѣ значится: „онаго адъюнкта Ломоносова для его довольнаго обученія отъ наказанія освободить, а въ объявленныхъ, учиненныхъ имъ, продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ конференціи, за то давать ему, Ломоносову, жалованье въ годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему жъ, Ломоносову, въ канцеляріи Правительствующаго Сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено будетъ съ нимъ по указамъ неотмѣнно".

Горькій опытъ и тяжкая нужда, которая не переставала угнетать молодого и горячаго ученаго, наконецъ научили его быть нѣсколько болѣе осмотрительнымъ и сдержаннымъ въ своихъ поступкахъ и менѣе давать воли своему негодованію. Какова была нужда, которой Ломоносовъ подвергался около этого времени, т. е. до 1744 года, это видно изъ сохранившихся намъ академическихъ документовъ. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, что 19 февраля 1743 г. въ канцеляріи академической доложены были просьбы секретаря Тредіаковскаго и адъюнкта Ломоносова о выдачѣ имъ въ счетъ жалованья за истекшій 1742 г.—первому 10 рублей, второму сколько заблагоразсудится. Опредѣлено первому выдать 10 рублей, второму пять! Въ маѣ того же года Ломоносовъ изъ-подъ ареста подаетъ въ канцелярію Академіи просьбу о выдачѣ того же заслуженнаго имъ за прошлый 1742 г. жалованья, и указываетъ на свою крайнюю нужду. На это прошеніе разрѣшаютъ ему выдачу жалованья только за одинъ мѣсяцъ. Въ іюлѣ — новая просьба Ломоносова, еще ближе знакомящая насъ съ положеніемъ его дѣлъ: „хотя я, нижайшій, прошлаго 1742 года за двѣ трети жалованье и получилъ, однако что чрезъ полтора года забралъ изъ канцеляріи по указамъ, все то у меня изъ оныхъ (двухъ третей) вычтено; притомъ же и долги заплатилъ, и затѣмъ у меня, нижайшаго, ничего не осталось. А понеже Академіи уже извѣстно, что нынѣ я содержусь отъ слѣдственной коммисіи подъ карауломъ, и чтобы надлежало въ домѣ (издержать, а издерживается и въ домѣ, и имъ отдѣльно отъ дома), то не малое излишество въ издержкѣ происходитъ. Того ради Академію Наукъ покорно прошу, дабы указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было, для моей необходимой нужды въ платьѣ, выдать мнѣ прошлаго 1742 года хотя за два мѣсяца жалованья". По этому прошенію опредѣлено выдать „за неимѣніемъ денегъ" всего десять рублей! 29 ноября 1743 года въ журналѣ канцеляріи Ака-

[1]) Т. е. тѣхъ, которые устранили его отъ участія въ засѣданіи конференціи.

ли удивляться тому, что онъ дѣйствительно нуждался и въ одеждѣ, и даже въ пропитаніи, какъ онъ совершенно искренно высказываетъ въ своихъ вышеприведенныхъ нами запискахъ и прошеніяхъ, и что расходъ въ два рубля, вычитаемые у него за квартиру, долженъ былъ для него являться весьма значительнымъ расходомъ.

Въ іюнѣ 1745 г. Ломоносовъ возведенъ былъ наконецъ въ профессорское званіе, а съ марта 1746 года началъ получать и профессорское жалованье, по 600 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году получилъ онъ и довольно изрядную казенную квартиру; но крайняя бѣдность все еще продолжала держать его въ своихъ желѣзныхъ тискахъ, такъ какъ ему приходилось постоянно уплачивать старые долги, да къ тому же и жалованье выдавалось Академіею неакуратно, и по-прежнему часто выдавалось книгами изъ академической книжной лавки. По крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1747 года и даже въ началѣ 1748, мы опять встрѣчаемся съ прежними „допошеніями“ Ломоносова (уже профессора, а не адъюнкта), въ которыхъ онъ проситъ о скорѣйшей выдачѣ ему заслуженнаго за прошлые мѣсяцы жалованья „для его крайнихъ нуждъ, и что жена его находится въ великой болѣзни, а медикаментовъ купить не на что“...

Только съ конца 1748 года денежныя обстоятельства Ломоносова начинаютъ нѣсколько поправляться, вѣроятно вслѣдствіе одновременнаго полученія имъ 2.000 р. въ подарокъ отъ Императрицы за его „Оду въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны“, поднесенную Государынѣ президентомъ Академіи Наукъ, графомъ Разумовскимъ.

Но и въ двухъ каморкахъ, и среди тяжкой нужды въ первѣйшихъ насущныхъ потребностяхъ, и среди множества непріятностей и препятствій, представляемыхъ молодому русскому ученому нѣмецкой администраціей Академіи, и даже подъ арестомъ за „непорядочные поступки“ — Ломоносовъ не оставлялъ своихъ непрерывныхъ занятій наукою, трудился, дѣлалъ опыты, пріобрѣталъ на послѣдній грошъ книги, сносился съ учеными, изобрѣталъ новые способы изслѣдованій. Постоянно расширяя кругъ своихъ занятій, онъ наконецъ заставилъ и самыхъ враговъ своихъ обратить вниманіе на его изумительную дѣятельность. Съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства и силъ, твердо уповая въ свое будущее и постоянно стремясь къ развитію своей дѣятельности, Ломоносовъ, въ апрѣлѣ 1745 г., подаетъ въ канцелярію Академіи, на Высочайшее имя, прошеніе, въ которомъ говоритъ:

„Указомъ, даннымъ изъ высокаго Кабинета и по опредѣленію Академіи, посланъ былъ я, нижайшій, въ Германію... для ученія физики, химіи и горныхъ дѣлъ съ такимъ обѣщаніемъ, что ежели я указаннымъ мнѣ наукамъ обучусь и о томъ подамъ свидѣтельства и специмины, то по моемъ возвращеніи опредѣлить меня, нижайшаго, профессоромъ... Я черезъ полпята года указаннымъ мнѣ наукамъ обучился, и сверхъ того въ математикѣ и въ другихъ полезныхъ наукахъ довольное основаніе положилъ. Минувшаго 1741 г., ордеромъ, присланнымъ отъ Академіи Наукъ, призванъ я, нижайшій, изъ Германіи возвратно, и подалъ въ оную Академію свидѣтельство и специмины о моей наукѣ, которые отъ всѣхъ профессоровъ апробованы; а потому я, нижайшій, опредѣленъ при той же Академіи адъюнктомъ физическаго класса... Въ бытность мою при Академіи Наукъ трудился я, нижайшій, довольно въ переводахъ физическихъ, химическихъ и піитическихъ съ Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ на Россійскій, и сочинилъ на Россійскомъ же языкѣ горную книгу и Риторику, и сверхъ того въ чтеніи славныхъ авторовъ, въ обученіи назначенныхъ ко мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ, сколько за неимѣніемъ химической лабораторіи быть можетъ, и въ сочиненіи новыхъ диссертацій съ возможнымъ прилежаніемъ упражняюсь; чрезъ что я, нижайшій, къ вышеупомянутымъ наукамъ больше знанія присовокупилъ. Но точію я по силѣ онаго обѣщанія профессоромъ не произведенъ, отчего къ большему произысканію оныхъ наукъ ободренія не имѣю“.

Въ заключеніе Ломоносовъ просилъ о томъ, чтобы его пожаловали профессоромъ химіи. Вслѣдствіе этого прошенія, Академія Наукъ не могла отказать Ломоносову въ повышеніи, и сама ходатайствовала о возведеніи его въ званіе профессора химіи. „Сне-

являлся онъ въ отношеніи къ своимъ товарищамъ-академикамъ. Онъ не стыдился просить, даже докучать своими просьбами вельможамъ, если предвидѣлъ, что отъ ихъ ходатайства передъ Императрицею, отъ ихъ покровительства и связей, зависѣлъ успѣхъ дѣла, задуманнаго имъ, или удачное примѣненіе къ дѣйствительности, ко благу народа, тѣхъ проэктовъ, которые безпрестанно роились въ головѣ его. Часто прибѣгалъ онъ къ „знатнымъ особамъ“ и въ самомъ разгарѣ борьбы за рѣшеніемъ какого нибудь вопроса, возникшаго въ стѣнахъ Академіи. Но личныя выгоды, узкіе интересы, матерьяльные или служебные, занимаютъ очень незначительное мѣсто въ перепискѣ Ломоносова съ его высокими друзьями. Даже тамъ, гдѣ онъ хлопочетъ о награжденіи чиномъ, объ увеличеньи своихъ матеріальныхъ средствъ, о возможности быть избраннымъ въ члены какого-нибудь ученаго заграничнаго общества, — Ломоносовъ никогда не унижается до просьбы: онъ требуетъ повышенія чиномъ или матерьяльной помощи, ссылаясь прямо на заслуги свои, на труды, на пользу, которую онъ приносилъ и приноситъ. Указывая на блестящее положеніе ученыхъ за границею и сравнивая съ нимъ жалкое положеніе ученаго и литератора въ русскомъ обществѣ, онъ доказываетъ, что ему долѣе не слѣдуетъ оставаться въ этомъ положеніи, и что если правительство желаетъ прямой пользы русскому просвѣщенію, то прежде всего должно возвысить въ глазахъ общества значеніе ученаго и литератора. А такъ какъ современное общество придавало огромное значеніе чинамъ, то Ломоносовъ и требуетъ постоянно награжденія своихъ заслугъ чинами, наравнѣ съ другими, и даже очень ревниво отстаиваетъ передъ товарищами-академиками свое старшинство службой и рангомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его стараются обойти при помощи канцелярской интриги или хотятъ отъ него избавиться, какъ отъ безпокойнаго и непокладливаго человѣка, который все хочетъ дѣлать по своему, всюду старается на первый планъ выставить русскіе интересы. Что у Ломоносова могли быть только такія чистыя и высокія цѣли даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хлопоталъ, повидимому, о своихъ личныхъ выгодахъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ та благородная гордость и глубокое сознаніе собственнаго достоинства, которыя высказываются въ нѣкоторыхъ письмахъ его къ „знатнымъ особамъ“ и подтверждаются свидѣтельствомъ даже не слишкомъ дружелюбно смотрѣвшихъ на него академиковъ-нѣмцевъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ И. И. Шувалову (14 января 1761 г.),—котораго вообще Ломоносовъ очень уважалъ, въ которомъ цѣнилъ многія стороны характера и ума, — недовольный тѣмъ, что Шуваловъ настаивалъ на примиреніи Ломоносова съ Сумароковымъ и старался ихъ сблизить, онъ прямо высказывалъ ему:

„Не хотѣлъ Васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показать Вамъ ослушаніе; только Васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который одинъ мнѣ былъ въ жизни защитникомъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Превосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству споможествованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ... Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отыметъ... Ежели Вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ Вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте“.

Въ другомъ письмѣ, также къ И. И. Шувалову (отъ 17 апрѣля 1760 года), Ломоносовъ выражаетъ еще рѣзче и прямѣе свой взглядъ на отношеніе къ „знатнымъ особамъ“... „Едва принимаю смѣлость“ — пишетъ онъ — „послать Вамъ сіи строки. И ноньче бы не послалъ, еслибъ меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ привести въ вожделенное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы: и для того Ваше Превосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы изъ конференціи, при Дворѣ учрежден-

ностью Ломоносова по литературѣ, исторіи и словесности, старался склонить его къ тому, чтобы онъ окончательно посвятилъ себя наукамъ словеснымъ, оставивъ занятія науками естественными. Ломоносовъ на это не соглашался и однажды даже высказалъ ему въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Что же до моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности“ — такъ пишетъ Ломоносовъ Шувалову въ январѣ 1755 года. „Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, затѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на упокоеніе моё отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе Россійской Исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ, вмѣсто бильярду, употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріею вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принесть могутъ, едва менѣе-ли первой“. Нѣкоторое понятіе о неутомимой дѣятельности Ломоносова даетъ намъ его же письмо къ И. И. Шувалову, отъ 31 мая 1753 года, въ которомъ онъ представляетъ ему краткій отчетъ о своихъ текущихъ занятіяхъ:

„Доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во-первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно,—одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ... Примѣтилъ я у своей громовой машинки, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за руковю гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи, происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ, что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ г. профессоромъ Рихманомъ. Онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то она уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и

И. И. Шуваловъ.

должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила краснорѣчія на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того и ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось“.

И всему этому Ломоносовъ предавался съ страстнымъ увлеченіемъ, съ непремѣннымъ желаніемъ принести пользу и твердою увѣ-

рой отъ иностранныхъ нашему народу приписывать невозможно (2 іюня 1764)". Но университетъ Петербургскій, не смотря на всѣ старанія и хлопоты Ломоносова, не былъ открытъ, хотя уже все было готово къ открытію его, и даже написана была Ломоносовымъ та благодарственная рѣчь Елисаветѣ, которую предстояло говорить на торжествѣ по поводу этого открытія: болѣзнь и смерть Императрицы Елисаветы помѣшали приведенію благого дѣла въ исполненіе... Не могла осуществиться и другая мечта Ломоносова: преобразованіе Академіи Наукъ по такому плану, при которомъ бы ученая дѣятельность академиковъ была вполнѣ независимою отъ академической канцеляріи. По этому поводу составлено было имъ нѣсколько подробныхъ записокъ и между прочимъ „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ". Въ ней Ломоносовъ излагаетъ дѣйствія своихъ главнѣйшихъ недоброжелателей (Шумахера, Тауберта, Теплова), разсказываетъ „академическія несчастія", которыя приходится претерпѣвать наукѣ. Въ заключеніе краткой исторіи онъ восклицаетъ: „Какое же можетъ быть усердіе у Россіянъ, учащихся въ Академіи, когда видятъ, что самый первый изъ нихъ, уже чрезъ науки въ отечествѣ и въ Европѣ знатность заслуживши, и самимъ Высочайшимъ особамъ не безъизвѣстный, принужденъ безпрестанно обороняться отъ недоброжелательныхъ происковъ и претерпѣвать нападенія почти даже до самаго конечнаго опроверженія и истребленія?"... „Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Бозѣ, во всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, которая отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества можетъ быть разсмотритъ и отвратитъ сіе несчастіе. Ежели же онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи".

Несмотря на эти временныя неудачи, на которыя такъ горько жаловался и сѣтовалъ Ломоносовъ, положеніе его въ это время, до конца царствованія Елисаветы (т. е. въ періодъ наибольшаго значенія И. И. Шувалова при Дворѣ), могло назваться блестящимъ по сравненію съ тѣмъ, что ожидало его въ близкомъ будущемъ. 25 декабря 1761 г. Елисавета скончалась и началось кратковременное царствованіе Петра III, окончившееся 6 іюля 1762 г.

Эти событія должны были оказать на участь Ломоносова неожиданное вліяніе. Вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, Шуваловы и Воронцовы,—такъ много причинившіе ей непріятностей и въ то время, когда она была великой княгиней, и потомъ—въ царствованіе ея супруга,—должны были, конечно, пасть, можетъ быть даже подвергнуться преслѣдованіямъ... Ломоносовъ, пользовавшійся весьма громкою извѣстностью литературною, открыто стоявшій на сторонѣ усерднѣйшихъ сторонниковъ Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, не могъ, конечно, расчитывать на милости Екатерины, и видѣлъ, въ близкомъ будущемъ, полное паденіе своего значенія и въ обществѣ, и въ средѣ академической. Тѣмъ не менѣе, суровый обычай времени требовалъ того, чтобы голосъ поэзіи сочувственно отозвался торжественнымъ поздравительнымъ произведеніемъ и встрѣтилъ привѣтомъ своимъ вступленіе на престолъ новой властительницы судебъ Россіи... И вотъ Ломоносовъ поспѣшилъ написать: „Оду торжественную ея Императорскому Величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, на преславное ея восшествіе на всероссійскій, императорскій престолъ іюня 28 дня 1762 года, въ изъявленіе истинной радости и вѣрноподданнаго усердія и искренняго поздравленія приносится отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова".

Но предупредительная поспѣшность Ломоносова не достигла своей цѣли: онъ не угадалъ характера новой Императрицы, „первой, покинувшей систему опалъ и преслѣдованія людей, пользовавшихся значеніемъ въ предшествовавшія царствованія" [1]). Екатерина не мстила своимъ врагамъ и ихъ ближайшимъ сторонникамъ:—она съ достоинствомъ умѣла отъ нихъ отвернуться и забыть о нихъ... Такой-то участи полнаго забвенія подвергся и Ломоносовъ въ первое время царствованія Екатерины. Въ то время,

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи. II, 766.

нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами" посѣтила Ломоносова въ его домѣ, гдѣ, по словамъ современной газеты, „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента вѣчнославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ въ отечествѣ".

Уже въ самомъ началѣ настоящей главы было нами упомянуто о томъ, что Ломоносовъ стоитъ на грани, отдѣляющей „эпоху преобразованій" отъ новѣйшаго времени, и что на его долю досталось быть послѣднимъ въ ряду тѣхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, которые одновременно являлись и учеными, и литераторами. При этомъ мы указывали выше и на то предпочтеніе, которое многіе изъ нашихъ дѣятелей литературныхъ придавали своимъ научнымъ занятіямъ; на литературу они смотрѣли исключительно какъ на занятіе, приличное только досугу, какъ на забаву. И Тредіаковскій, и Ломоносовъ отдаютъ еще положительное предпочтеніе своимъ научнымъ изслѣдованьямъ передъ своими же чисто-литературными произведеніями; Ломоносовъ рѣшается даже открыто насмѣхаться надъ людьми, исключительно посвятившими себя занятіямъ литературнымъ,—однако онъ придаетъ уже и литературѣ важное значеніе, какъ такому орудію, которымъ можно съ большимъ удобствомъ пользоваться для проведенія въ общество новыхъ идей, для истолкованія различныхъ истинъ, не только отвлеченныхъ, нравственныхъ, но даже и принадлежащихъ къ области научнаго изслѣдованія. На этомъ основаніи онъ заботился и о томъ, чтобы дать русской публикѣ образцы литературныхъ произведеній во всѣхъ родахъ, и о томъ, чтобы улучшить и довести до возможнаго совершенства самый языкъ русской литературы и науки. Несмотря однакоже на весьма значительные труды, предпринятые Ломоносовымъ по русской словесности, этотъ геніальный труженикъ имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе въ исторіи нашей науки, нежели въ исторіи литературы XVIII в. Ближайшее потомство смотрѣло на Ломоносова совсѣмъ не такъ, какъ мы на него смотримъ: оно выше цѣнило въ немъ литературныя, поэтическія его достоинства, и вообще мало обращало вниманія на заслуги Ломоносова, какъ ученаго, какъ натуралиста, который и въ современной европейской наукѣ пользовался уваженіемъ... Ломоносовъ не только какъ поэтъ, но даже и какъ ораторъ, и какъ историкъ, загораживалъ передъ лицомъ ближайшаго потомства величавую личность Ломоносова-ученаго только потому, что эта область его дѣятельности была болѣе близка и понятна его современникамъ, нежели малоизвѣстная имъ область любимыхъ его научныхъ занятій. Къ тому же, Ломоносовъ, представившій современникамъ своимъ первые сносные опыты различныхъ литературныхъ родовъ, послужилъ образцомъ для множества послѣдующихъ писателей русскихъ, которые подражали ему, какъ поэту, какъ оратору и литератору. Они старались держаться одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ на литературу, разрабатывать тѣ-же формы ложно-классической поэзіи, какія онъ разработывалъ, даже писать тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ писалъ онъ, считая этотъ языкъ возможнымъ предѣломъ литературнаго совершенства. И только уже новѣйшее время, благодаря серьезной обработкѣ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, снова возстановило правильное отношеніе между славою Ломоносова, какъ поэта, и славою Ломоносова, какъ ученаго и натуралиста. Новѣйшіе біографы и критики Ломоносова должны были прійти къ тому убѣжденію, что онъ былъ дѣйствительно геніальный человѣкъ, геніальный ученый, и въ то же время весьма посредственный поэтъ и литераторъ. И только благодаря геніальности своей натуры, онъ, даже какъ поэтъ и литераторъ, съумѣлъ стать выше окружавшихъ его литературныхъ бездарностей, съумѣлъ лучше ихъ совладать съ нашей литературной техникой и удачно воспользоваться нѣкоторыми замѣчательными свойствами нашего роднаго языка. Оставляя въ сторонѣ всякій разборъ ученой дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста, мы, въ заключеніе этой главы, разсмотримъ его дѣятельность литературную и скажемъ нѣсколько словъ о его трудахъ по отношенію къ разработкѣ нашего языка и слога.

Въ настоящую минуту даже трудно и во-

нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами" посѣтила Ломоносова въ его домѣ, гдѣ, по словамъ современной газеты, „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента вѣчнославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ въ отечествѣ".

Уже въ самомъ началѣ настоящей главы было нами упомянуто о томъ, что Ломоносовъ стоитъ на грани, отдѣляющей „эпоху преобразованій" отъ новѣйшаго времени, и что на его долю досталось быть послѣднимъ въ ряду тѣхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, которые одновременно являлись и учеными, и литераторами. При этомъ мы указывали выше и на то предпочтеніе, которое многіе изъ нашихъ дѣятелей литературныхъ придавали своимъ научнымъ занятіямъ; на литературу они смотрѣли исключительно какъ на занятіе, приличное только досугу, какъ на забаву. И Тредіаковскій, и Ломоносовъ отдаютъ еще положительное предпочтеніе своимъ научнымъ изслѣдованьямъ передъ своими же чисто-литературными произведеніями; Ломоносовъ рѣшается даже открыто насмѣхаться надъ людьми, исключительно посвятившими себя занятіямъ литературнымъ,—однако онъ придаетъ уже и литературѣ важное значеніе, какъ такому орудію, которымъ можно съ большимъ удобствомъ пользоваться для проведенія въ общество новыхъ идей, для истолкованія различныхъ истинъ, не только отвлеченныхъ, нравственныхъ, но даже и принадлежащихъ къ области научнаго изслѣдованія. На этомъ основаніи онъ заботился и о томъ, чтобы дать русской публикѣ образцы литературныхъ произведеній во всѣхъ родахъ, и о томъ, чтобы улучшить и довести до возможнаго совершенства самый языкъ русской литературы и науки. Несмотря однакоже на весьма значительные труды, предпринятые Ломоносовымъ по русской словесности, этотъ геніальный труженикъ имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе въ исторіи нашей науки, нежели въ исторіи литературы XVIII в. Ближайшее потомство смотрѣло на Ломоносова совсѣмъ не такъ, какъ мы на него смотримъ: оно выше цѣнило въ немъ литературныя, поэтическія его достоинства, и вообще мало обращало вниманія на заслуги Ломоносова, какъ ученаго, какъ натуралиста, который и въ современной европейской наукѣ пользовался уваженіемъ.... Ломоносовъ не только какъ поэтъ, но даже и какъ ораторъ, и какъ историкъ, загораживалъ передъ лицомъ ближайшаго потомства величавую личность Ломоносова-ученаго только потому, что эта область его дѣятельности была болѣе близка и понятна его современникамъ, нежели малоизвѣстная имъ область любимыхъ его научныхъ занятій. Къ тому же, Ломоносовъ, представившій современникамъ своимъ первые сносные опыты различныхъ литературныхъ родовъ, послужилъ образцомъ для множества послѣдующихъ писателей русскихъ, которые подражали ему, какъ поэту, какъ оратору и литератору. Они старались держаться одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ на литературу, разрабатывать тѣ-же формы ложно-классической поэзіи, какія онъ разработывалъ, даже писать тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ писалъ онъ, считая этотъ языкъ возможнымъ предѣломъ литературнаго совершенства. И только уже новѣйшее время, благодаря серьезной обработкѣ матерьяловъ для біографіи Ломоносова, снова возстановило правильное отношеніе между славою Ломоносова, какъ поэта, и славою Ломоносова, какъ ученаго и натуралиста. Новѣйшіе біографы и критики Ломоносова должны были прійти къ тому убѣжденію, что онъ былъ дѣйствительно геніальный человѣкъ, геніальный ученый, и въ то же время весьма посредственный поэтъ и литераторъ. И только благодаря геніальности своей натуры, онъ, даже какъ поэтъ и литераторъ, съумѣлъ стать выше окружавшихъ его литературныхъ бездарностей, съумѣлъ лучше ихъ совладать съ нашей литературной техникой и удачно воспользоваться нѣкоторыми замѣчательными свойствами нашего роднаго языка. Оставляя въ сторонѣ всякій разборъ ученой дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста, мы, въ заключеніе этой главы, разсмотримъ его дѣятельность литературную и скажемъ нѣсколько словъ о его трудахъ по отношенію къ разработкѣ нашего языка и слога.

Въ настоящую минуту даже трудно и во-

Сильвестра Медвѣдева, да со школьными комедіями Дмитрія Ростовскаго, — ложно-классическіе образцы лирики и драмы, несмотря на всю свою неестественность и даже уродливость, должны были показаться вполнѣ достойными подражанія. Мы полагаемъ даже, что Ломоносовъ вовсе не потому сталъ подражать ложно-классическимъ образцамъ, что увлекся ложно-классическимъ направленіемъ: онъ просто подчинился ему безусловно, какъ и всѣ его современники, не признавая никакое другое литературное направленіе возможнымъ...

Первые поэтическіе опыты Ломоносова въ ложно-классическомъ родѣ (его подражанія Фенелону и Гюнтеру) были приняты въ Петербургѣ весьма благосклонно, по свидѣтельству современниковъ: Академія ихъ одобрила, а общество прочитало съ удовольствіемъ. Правильное понятіе о поэзіи въ большинствѣ современниковъ Ломоносова вовсе не было развито: въ началѣ XVIII в., поэтомъ все еще продолжали у насъ считать каждаго, кто болѣе или менѣе складно умѣлъ управиться со стихомъ. Къ тому же, въ высшихъ классахъ общества нашего и при Дворѣ, гдѣ особенно сильно было стремленіе къ подражанію иноземнымъ образцамъ, развился еще и особенный взглядъ на поэзію, какъ на необходимую принадлежность великосвѣтской и придворной жизни, какъ на приличное украшеніе всякихъ празднествъ и торжественныхъ случаевъ. Этотъ взглядъ на поэзію занесенъ былъ въ высшіе слои нашего общества изъ Франціи, гдѣ поэты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. являлись настоящими придворными чиновниками; они считали своею прямою обязанностью воспѣваніе всего, что при Дворѣ совершалось, заваливали литературу напыщенными описаніями торжествъ, баловъ, иллюминацій и другихъ, еще менѣе замѣчательныхъ, событій, подносили вельможамъ трескучія и восторженныя оды по поводу ихъ именинъ или полученныхъ ими повышеній и милостей — и за все это получали щедрыя награды. То, что на Западѣ, при болѣе развитыхъ условіяхъ общественной жизни, могло казаться необходимымъ, неизбѣжнымъ злоупотребленіемъ поэзіею, даже и просто-свѣтскимъ обычаемъ то у насъ на Руси, при гораздо меньшемъ развитіи общественности, проявлялось въ формѣ обязательныхъ служебныхъ отношеній поэта къ придворной жизни или къ лицамъ, занимавшимъ важное положеніе въ современномъ обществѣ. Ни Дворъ, ни вельможи съ поэтами не церемонились; поэтамъ просто приказывали черезъ ближайшее начальство обработать извѣстныя темы, и при этомъ еще стѣсняли ихъ срокомъ. Біографія Ломоносова представляетъ намъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ фактовъ такого обязательнаго исправленія должности придворнаго поэта. Такъ, напримѣръ въ 1748 г., 20 апрѣля, въ журналѣ конференціи Академіи Наукъ записано было:

„Къ профессору Ломоносову послать ордеръ, чтобъ оной присланныя изъ Артиллеріи къ иллюминаціи апрѣля къ 25 числу стихи перевелъ стихами-же на россійскій языкъ, и конечно сего апрѣля, 23-го числа, по переводѣ, взнесъ въ канцелярію".

Стихи были нѣмецкіе и принадлежали перу совѣтника Штелина, и видно, что перевести ихъ на русскій языкъ было не легко, потому что, тотчасъ по полученіи ихъ, Ломоносовъ обратился къ секретарю Академіи, Теплову, со слѣдующимъ письмомъ:

„Хотя должность моя и требуетъ, чтобы по присланному ко мнѣ ордеру сдѣлать стихи съ нѣмецкова; однако я того исполнить не могу, для того, что въ нѣмецкихъ виршахъ нѣтъ ни складу, ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить не хочется, и весьма досадно, чтобъ такую глупость перевести на русскій языкъ"...[1])

И не смотря на эти возраженія, не смотря на то, что, вмѣсто перевода чужихъ стиховъ, Ломоносовъ предлагалъ сочинить новые стихи, ему все же не удалось избавиться отъ перевода нѣмецкихъ стиховъ, сочиненныхъ Штелинымъ.

29 сентября 1750 г., въ канцеляріи Академіи полученъ былъ еще болѣе курьезный

[1]) Тепловъ отвѣчалъ на это письмо Ломоносова почти выговоромъ... „письмо ваше такихъ экспрессій наполнено, которыя предосудительны чести г. совѣтника Штелина: берегитесь, чтобъ вы ему не досадили: пишетъ всякъ, на сколько можетъ, и въ разсужденіи, какъ кто хочетъ"...

ныя произведенія Ломоносова: его академическія рѣчи и похвальныя слова. Болѣе замѣчательными изъ нихъ оказываются рѣчи, въ которыхъ онъ занимается рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ, отношеніемъ естествознанія къ религіи или значеніемъ естественныхъ наукъ вообще. Что-же касается похвальныхъ словъ Ломоносова (Елисаветѣ и Петру Великому), имѣвшихъ важное политическое и общественное значеніе для современниковъ, пережившихъ страшныя времена Бироновщины, то они мало уступаютъ, по своему складу и по способу изложенія мысли, схоластическимъ образцамъ похвальныхъ словъ кіевской школы писателей и ученыхъ въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII. Къ тому же, тяжелая, напыщенная проза, которою эти ораторскія произведенія написаны, состоящая изъ нескончаемо-длинныхъ періодовъ, съ несвойственнымъ русскому языку построеніемъ фразы по образцу латинскому—все это значительно уменьшаетъ литературное достоинство всѣхъ вообще ораторскихъ произведеній Ломоносова, но въ особенности его похвальныхъ словъ. Такая внѣшняя форма, такой складъ рѣчи въ ораторскихъ произведеніяхъ Ломоносова являлись вовсе не вслѣдствіе того, чтобы онъ, какъ писатель, не обладалъ извѣстнымъ умѣньемъ излагать свои мысли въ какой бы то ни было литературной формѣ: способъ выраженія Ломоносова является сжатымъ, энергическимъ, а языкъ его естественнымъ и простымъ въ его письмахъ, проэктахъ и дѣловыхъ запискахъ. Но Ломоносовъ не могъ отрѣшиться отъ литературныхъпреданій схоластическаго направленія: подъ вліяніемъ этихъ преданій *добраго стараго* времени, онъ вѣрилъ въ то, что слогъ долженъ подраздѣляться на три отдѣла: — *высокій, средній и низкій* — что къ каждому изъ этихъ трехъ отдѣловъ должны быть относимы тѣ или другіе литературные роды, и что *отличительною чертою высокаго* слога, которымъ должны были писаться героическія поэмы, оды и произведенія ораторскія, была именно извѣстная напыщенность и высокопарность выраженій.

Это ученіе о трехъ разныхъ *штиляхъ* или *слогахъ*, подробно изложенное Ломоносовымъ въ его Риторикѣ, служитъ какъ-бы связующимъ звеномъ между старыми риторическими теоріями кіевской схоластической науки и между новыми началами, внесенными Ломоносовымъ въ русскій литературный языкъ. Его труды по части русскаго языка и словесности оказали чрезвычайно важное вліяніе на развитіе всего послѣдующаго періода исторіи нашей литературы. Въ своей „Россійской Грамматикѣ“ и въ „Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“, и въ особенности въ томъ „Планѣ для филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики надлежащихъ“, который остался намъ въ бумагахъ Ломоносова, онъ является намъ ученымъ, глубоко постигающимъ не только основные законы своего роднаго языка, но даже и отношеніе его къ языкамъ родственнымъ. На этомъ основаніи Ломоносовъ даже и начинаетъ свою русскую грамматику съ наставленія о человѣческомъ словѣ вообще, „а въ нѣсколькихъ отрывкахъ“ плана высказываетъ о сродствѣ языковъ такія понятія, которыя сдѣлались общимъ достояніемъ европейской науки только уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ, напримѣръ, Ломоносовъ, говоря о происхожденіи языковъ отъ одного общаго корня, замѣчаетъ, что языки „*разнятся свойствами своими*“, не только словами; „что они перемѣняются не вдругъ, а въ значительную долготу времени“. Сверхъ того, и на самую грамматику Ломоносовъ смотритъ не такъ, какъ смотрѣли до него другіе составители грамматикъ, т. е. не какъ на механическое собраніе правилъ, а какъ на результатъ долговременнаго общенія съ жизнью, которую языкъ проживаетъ вмѣстѣ съ народомъ. При такомъ правильномъ взглядѣ на языкъ, какъ на нѣчто живое и органически-цѣлое, Ломоносовъ, конечно, не могъ удовольствоваться простымъ повтореніемъ того сухаго грамматическаго матерьяла, который до него вмѣщали въ себѣ наши грамматическіе учебники, и хотя многое изъ нихъ заимствовалъ, однакоже еще болѣе внесъ въ грамматику своего, новаго, имъ самимъ добытаго изъ наблюденій надъ составомъ и свойствами нашего роднаго языка. Бумаги Ломоносова, хранящіяся въ архивѣ Академіи Наукъ, служатъ прямымъ подтвержденіемъ того, что каждая глава, каждый параграфъ его грамматики

какой высказываетъ Ломоносовъ на языкъ народный, только при томъ правильномъ отношеніи русскаго книжнаго языка къ церковно-славянскому, какое было установлено Ломоносовымъ же, для русскаго литературнаго языка открывалась та блестящая будущность, какую отчасти предвидѣлъ уже и самъ Ломоносовъ, когда въ приношеніи своемъ къ „Грамматикѣ“ указывалъ свойства нашего языка, рѣшаясь ставить его во многихъ отношеніяхъ выше всѣхъ европейскихъ языковъ:

„Карлъ V, Римскій Императоръ“ — такъ пишетъ Ломоносовъ въ этомъ „приношеніи“ — „говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ—съ друзьями, нѣмецкимъ—съ непріятелями, итальянскимъ—съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но еслибъ онъ россійскому былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ-бы, чтобы имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ-бы въ немъ великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ этого богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка... Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и премѣны, бывшія въ семъ видимомъ строеніи міра и человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и все выражающія рѣчи“.

Село Денисовка, родина Ломоносова.

писатель въ Россіи въ концѣ эпохи преобразованій; а Сумароковъ, при всей незначительности своего образованія и ограниченности своего литературнаго таланта, все же является намъ настоящимъ представителемъ новаго и болѣе правильнаго взгляда на значеніе и положеніе писателя въ обществѣ. И если мы, приступая къ описанію эпохи преобразованій, рѣшились назвать Ѳ. Прокоповича „первымъ русскимъ свѣтскимъ писателемъ“: — совершенно въ такомъ же смыслѣ Сумароковъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, названъ „первымъ русскимъ литераторомъ“, въ томъ общемъ значеніи, которое привыкли у насъ придавать этому слову.

Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. 14 ноября 1717, умеръ 1 октября 1777 г.) по происхожденію относился къ высшему слою современнаго русскаго общества. Предки Сумарокова принадлежали къ одному изъ нашихъ старыхъ боярскихъ родовъ, и многіе изъ нихъ, состоя на службѣ при московскихъ государяхъ, пользовались даже нѣкоторымъ значеніемъ въ придворной средѣ. Отецъ Александра Петровича, Петръ Панкратьевичъ, крестникъ Петра Великаго, также успѣлъ дослужиться, въ эпоху преобразованій, до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и скончался уже въ царствованіе Екатерины II (1766 г.). Обращаемъ вниманіе на эти подробности именно потому, что самъ Александръ Петровичъ придавалъ нѣкоторое значеніе своей родовитости, особенно когда сравнивалъ себя съ другими литературными дѣятелями своего времени. Мы мало знакомы съ первыми годами жизни Александра Петровича, его дѣтствомъ и домашнимъ воспитаніемъ. Знаемъ только, что родился онъ въ Вильманстрандѣ, гдѣ отецъ его находился на службѣ; что не ладилъ съ отцомъ, къ которому всегда относился очень непочтительно, хотя тотъ по мѣрѣ силъ снабжалъ его средствами къ жизни, и вообще былъ къ нему довольно добръ. На пятнадцатомъ году Сумароковъ вступилъ въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій корпусъ, основанный по идеѣ фельдмаршала графа Миниха, въ 1730 году, и предназначавшійся спеціально для того, чтобы молодые люди, приготовлявшіеся къ военному званію, могли получать соотвѣтствующее потребностямъ времени военное образованіе и нѣкоторый свѣтскій лоскъ. Трудно составить себѣ, по неимѣнію свѣдѣній, опредѣленное понятіе о томъ, чему именно и какъ обучали Сумарокова въ корпусѣ, тѣмъ болѣе, что его пребываніе въ этомъ заведеніи (съ мая 1732 г. по апрѣль 1740 г.) относится къ первымъ временамъ существованія корпуса. Опредѣленно можно сказать только то, что корпусъ, не смотря на свое, повидимому, спеціальное назначеніе, былъ въ началѣ второй четверти XVIII столѣтія почти единственнымъ въ Россіи учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ можно было получить общее образованіе. Первоначально, по недостатку въ русскихъ преподавателяхъ, всѣ корпусные преподаватели выписывались даже изъ-за границы при посредствѣ Академіи Наукъ, черезъ публикацію въ иностранныхъ газетахъ. Въ сороковыхъ годахъ преподаваніе въ корпусѣ нѣкоторыхъ предметовъ производилось уже вѣроятно по-русски [1]); но въ началѣ существованія этой „рыцарской академіи“ (какъ тогда называли корпусъ) тамъ не могло быть ни одного учителя изъ русскихъ. По аттестату, полученному Сумароковымъ при выпускѣ изъ корпуса, также не оказывается никакой возможности получить опредѣленное понятіе объ уровнѣ свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ этого заведенія, хотя въ немъ и значится подробно, что Александръ Петровичъ „въ геометріи обучилъ тригонометрію, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ; въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ; сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части (прошелъ); имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ“ и т. д. Однакоже нельзя отрицать того, что первое побужденіе къ занятіямъ литературнымъ появилось у Сумарокова вслѣдствіе вліянія корпусной обстановки. Повидимому, тамъ существовали какія-то условія, благопріятныя для развитія лите-

[1]) Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ 1746 году Ломоносовъ читалъ кадетамъ на русскомъ языкѣ лекціи по физикѣ, во время лѣтнихъ вакацій.

мы знаемъ только то, что въ 1743 г. въ академической типографіи отпечатаны были „три парафрастическія оды“ Тредіаковскаго, Ломоносова и адъютанта Сумарокова, „подъ смотрѣніемъ Тредіаковскаго“. Знаемъ еще, что трагедія „Хоревъ“, напечатанная въ 1747 году, послѣ первыхъ своихъ представленій, обратила на себя въ такой степени вниманіе Императрицы, что она и Тредіаковскому, и Ломоносову, черезъ президента Академіи, приказала написать по трагедіи. Отъ слѣдующаго 1748 года намъ сохранилось любопытное свѣдѣніе о другой трагедіи Сумарокова — „Гамлетъ“ — въ бумагахъ Академической Канцеляріи. „Сего Октября 8-го числа“ — такъ гласитъ одинъ изъ ея документовъ — „Его Высокографскаго Сіятельства перваго камергера генерала аншефа Ея Императорскаго Величества оберъ-егермейстера, лейбкампаніи капитана поручика, обоихъ россійско-императорскихъ орденовъ, тако-жъ польскаго бѣлаго орла и св. Анны кавалера, лейбгвардіи коннаго полку Г. Полковника Графа А. Г. Разумовскаго генеральсъ-адъютантъ Александръ Сумароковъ въ Канцелярію Академіи Наукъ взнесъ сочиненія его „Гамлетъ“, трагедію скоропись̃ную, которую желаетъ при Академіи напечатать. Того ради опредѣлено: трагедію освидѣтельствовать профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову, не окажется ли въ оной чего касающагося кому до предосужденія, что-жъ касается до штилю, и оное имѣетъ такъ остаться, какъ оно написано“.

На это „Октября 11 числа профессоръ Ломоносовъ репортовалъ, что въ оной трагедіи по его мнѣнію нѣтъ ничего, что бы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать“... Слѣдовательно, Ломоносову пришлось быть цензоромъ первыхъ произведеній Сумарокова.

Должно предполагать, что уже во время пребыванія въ корпусѣ Сумароковъ могъ присутствовать на одномъ изъ тѣхъ театральныхъ представленій, которыя нерѣдко давались при Дворѣ заѣзжими труппами иноземныхъ актеровъ. Тамъ, напримѣръ, при самомъ вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, при Дворѣ давала представленія труппа итальянскихъ актеровъ, присланная на время коронаціи въ Петербургъ изъ Дрездена Августомъ, королемъ польскимъ.

Въ 1735 году, по желанію Императрицы, которой очень понравились эти представленія, выписана была въ Петербургъ изъ-за границы другая труппа, въ которой были и актеры, и актрисы, и пѣвцы, и пѣвицы, такъ что представленія драматическія чередовались съ операми, впервые появившимися въ это время въ Россіи. Достовѣрно извѣстно, что „юность рыцарской академіи“ также принимала участіе въ тѣхъ балетахъ и интермедіяхъ, которыми одинъ разъ въ недѣлю эта новая труппа услаждала досуги скучающей Императрицы. Легко можетъ быть, что, вмѣстѣ съ другими кадетами, въ подобныхъ представленіяхъ и юный Сумароковъ бывалъ уже не только зрителемъ, но и участникомъ въ самомъ исполненіи ихъ на сценѣ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны, страстно любившей всякія увеселенія, а въ особенности театры, мы видимъ въ Петербургѣ уже не одну, а двѣ труппы. Французская труппа пріѣхала въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы. Съ директоромъ французской труппы, Серенъи, заключенъ былъ весьма выгодный для него контрактъ: онъ получалъ 25,000 р. въ годъ, и Дворъ, сверхъ того, снабжалъ труппу музыкантами, декораціями и свѣчами; директору оставалось озаботиться только о костюмахъ. Другая, итальянская труппа для балета и оперы-буффъ, съ директоромъ Локателли, пріѣхала въ Петербургъ уже подъ конецъ царствованія Елисаветы (1757 года), и, по свидѣтельству современниковъ, представленія ея могли быть поставлены на ряду съ лучшими, какія можно было видѣть въ то время въ Парижѣ или въ Италіи [1]).

Положеніе итальянской труппы было вполнѣ обезпеченное; Локателли за входъ въ театръ бралъ со всѣхъ по рублю; за наемъ ложи на годъ платили ему до 300 р.; сверхъ того получалъ онъ еще и щедрые

[1]) Представленія этой труппы происходили на старомъ придворномъ театрѣ, близъ Лѣтняго сада. Первая же французская труппа, до 1749 года, играла въ одномъ изъ флигелей дворца, а потомъ во вновь построенномъ деревянномъ театрѣ (около Полицейскаго моста, на мѣстѣ нынѣшняго д. Елисѣева).

тѣми же самыми впечатлѣніями, которыя и Сумарокова привели къ попыткѣ написать первую русскую трагедію. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. Волковъ (р. 1729 г., ум. 1763 г.), сынъ костромскаго купца, послѣ смерти отца своего поселившійся въ Ярославлѣ, хотя и воспитался въ Московской славяно-греколатинской Академіи, и вѣроятно даже принималъ участіе въ представленіи духовныхъ драмъ, которыя тамъ служили обычнымъ упражненіемъ для воспитанниковъ, однакожъ мысль объ основаніи театра въ Ярославлѣ явилась у него не прежде 1746 года, когда этому талантливому юношѣ, во время его пребыванія въ Петербургѣ, удалось увидѣть представленія тамошнихъ иностранныхъ трупиъ. По возвращеніи въ Ярославль, онъ собралъ около себя небольшую труппу изъ своихъ же сверстниковъ и подъячихъ, и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчима, на скорую руку обращенномъ въ театръ, разыгралъ передъ удивленными ярославцами драму „Эсеиръ“. При помощи любителей изъ купечества и пользуясь съ одной стороны особымъ покровительствомъ ярославскаго намѣстника, Мусинъ-Пушкина, а съ другой — щедрою помощью богатаго тамошняго помѣщика, Майкова, Ѳ. Г. Волковъ завелъ наконецъ въ Ярославлѣ свой собственный, особый, изрядно-устроенный театръ, вмѣщавшій въ себя около 1000 зрителей. Здѣсь-то сталъ онъ разыгрывать только-что появившіяся тогда драматическія сочиненія Сумарокова, а также и свои собственные переводы и подражанія иностраннымъ образцамъ, такъ какъ ему при своемъ театрѣ приходилось быть и директоромъ, и авторомъ, и декораторомъ, и машинистомъ. Благодаря его собственной талантливости, и труппа около него сложилась очень удачно: явились актеры способные и страстно приверженные къ сценѣ — Дмитревскій, Шумскій, Иконниковъ, братья Поповы, и т. д. Около пяти лѣтъ существовалъ уже ярославскій театръ, когда слухи о вольной ярославской труппѣ достигли столицы, гдѣ въ это время единственными исполнителями трагедій Сумарокова являлись кадеты и офицеры Шляхетнаго корпуса, игравшіе то на своей домашней сценѣ, то въ покояхъ Императрицы. Труппа Волкова, по Высочайшему повелѣнію, была выписана изъ Ярославля, и показала все свое искусство на дворцовой сценѣ, гдѣ ею разыграны были въ присутствіи Императрицы и Двора: „Хоревъ“, „Гамлетъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Кающійся Грѣшникъ“. Это происходило въ 1752 году. По желанію Императрицы, способнѣйшіе представители ярославской трупны были оставлены въ столицѣ и отданы въ „рыцарскую академію“ для обученія языкамъ и словесности. Ровно черезъ четыре года послѣ того, Высочайшимъ указомъ Сенату, 30 августа 1756 года, существованіе русскаго театра было признано и прочно установлено; директоромъ театра назначенъ былъ Сумароковъ, который, повидимому, уже и задолго до этого времени (съ 1750 года) завѣдывалъ при Дворѣ всѣми русскими представленіями:—и литературною, и хозяйственною частью ихъ. Въ должности директора театра онъ оставался до 1761 года, и это пятилѣтіе составляетъ положительный переломъ въ біографіи Сумарокова. Довольно обширная переписка его съ Шуваловымъ, относящаяся именно къ этому времени, представляетъ драгоцѣнный матеріялъ для характеристики Сумарокова и современной ему эпохи.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, 1755 года 11 октября, напечатано было слѣдующее извѣстіе изъ С.-Петербурга: „Ея Императорское Величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на россійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли—установить россійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову“. Въ этой простой публикаціи для насъ чрезвычайно характеристическою чертою является именно то, что театръ основанъ „для умноженія драматическихъ сочиненій“, вслѣдствіе чего, вѣроятно, по наивнымъ воззрѣніямъ современной эпохи на литературу, и самое управленіе театра могло быть поручено только такому человѣку, который несомнѣнно способенъ былъ „умножить количество драматическихъ сочиненій“. И дѣйствительно, даже и самъ Сумароковъ не иначе понималъ свое назначеніе директоромъ театра, какъ съ непремѣннымъ обязательствомъ постоянно занимать сцену своими драматическими сочиненіями. Неоднократно жалуется онъ въ своихъ письмахъ Шувалову на то, что хлопоты и неудовольствія по управленію теат-

основаніе [1]); я бы имѣлъ къ театральному сочиненію и къ управленію больше способнаго времени, мысли-бы мои были яснѣе и силы-бы мои безполезно не умалялись, и время-бы оставшее употребилъ я себѣ на отдохновеніе, которое стихотворцу весьма потребно".

Сверхъ всѣхъ этихъ неудобствъ, Сумарокову приходилось безпрестанно бороться съ препятствіями со стороны цензуры, которая являлась въ лицѣ гофмаршала, графа К. Е. Сиверса, съ 1759 года отправлявшаго прокурорскую должность при русскомъ театрѣ и обязаннаго наблюдать за правильнымъ ходомъ всего учрежденія. Графъ Сиверсъ находился постоянно во власти чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, и вѣроятно склоненъ былъ во всемъ имъ довѣрять, а Сумароковъ, уже по самому характеру своему ни съ кѣмъ не уживавшійся, болѣе всего ненавидѣлъ „подъячихъ и ихъ козни", и смотрѣлъ на всѣ продѣлки ихъ съ неумолимою суровостью. Отношенія его къ „подъячимъ" и къ графу Сиверсу кончились тѣмъ, что онъ былъ, послѣ очень крупныхъ непріятностей, отставленъ отъ должности директора театра въ апрѣлѣ 1761 г... съ пожизненною пенсіею по двѣ тысячи рублей въ годъ.

Незадолго до этого времени, въ „Трудолюбивой Пчелѣ" — небольшомъ сатирическомъ журналѣ, который Сумароковъ издавалъ около года, въ 1759 г.—онъ самъ отзывался о своихъ заслугахъ для русскаго театра и о своихъ отношеніяхъ къ Сиверсу слѣдующимъ характеристическимъ и безцеремоннымъ образомъ: „Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, Россія, стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена! Всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ, видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня (избрать) своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно; а я выше еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися; но скажу словами Апостола Павла: „дадеся мнѣ пакостникъ ангелъ сатанинъ", который мнѣ пакости дѣлаетъ: да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подъяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извѣргъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подъячаго и самаго скареднаго крючкотворца"...

Этотъ любопытный отрывокъ, такъ ясно обрисовывающій намъ характеръ Сумарокова,— самонадѣянный, заносчивый, суетный и безпокойный — въ то же время не менѣе ясно рисуетъ намъ и тотъ періодъ нашей литературы, когда каждый, хоть сколько-нибудь видный, дѣятель литературный, при неразвитости литературы и журналистики, такъ легко заражался высокомѣрнымъ взглядомъ на свою дѣятельность, такъ часто и пространно способенъ былъ говорить о своихъ трудахъ и выставлять на показъ свои литературныя заслуги отечеству... При такомъ взглядѣ на занятія литературныя, всякое, даже весьма снисходительное сужденіе о произведеніяхъ того или другаго писателя уже должно было казаться ему оскорбленіемъ, и никакая критика еще не оказывалась возможною. И Тредіаковскій, и Ломоносовъ одинаково оскорблялись всякими отзывами (кромѣ хвалебныхъ) о ихъ сочиненіяхъ; еще болѣе оскорблялся Сумароковъ ихъ критикою на свои сочиненія, тѣмъ болѣе, что, какъ писатель молодой, да притомъ еще и непринадлежавшій къ академическому кружку, онъ поставленъ былъ въ нѣкоторую зависимость отъ Ломоносова, какъ отъ цензора и оффиціальнаго цѣнителя его литературной дѣятельности. Непримиримая литературная вражда Сумарокова и Ломоносова тѣмъ болѣе является любопытною, что цѣли, къ которымъ они стремились, были очень близки: они оба хотѣли принести посильную пользу отече-

[1]) Сумароковъ намекаетъ здѣсь на проектъ объ устройствѣ театра, поданный имъ, и въ которомъ онъ, вѣроятно, требовалъ независимаго и обезпеченнаго положенія для русской сцены и русской труппы.

Несмотря на то, что Екатерина незадолго передъ тѣмъ выразила свою благосклонность къ преданному поэту довольно крупной наградой [1]), она пришла въ сильнѣйшее негодованіе, вступилась за оскорбленную мать и приказала объявить Сумарокову, что съ нимъ поступлено будетъ такъ, „какъ мать его пожелаетъ, если онъ не испроситъ у нея помилованія". Сумароковъ смирился и, конечно, былъ помилованъ матерью, и тотчасъ послѣ того съ усиленнымъ рвеніемъ принялся за поэтическую дѣятельность, вѣроятно добиваясь того, чтобы и сама Императрица забыла о непріятной исторіи его съ матерью. Но въ Петербургѣ ему не жилось.

Въ январѣ 1769 года онъ обращается съ письмомъ къ графу Григорію Григорьевичу Орлову, и въ немъ, прося о выдачѣ ему тѣхъ 2000 р., которые были еще въ 1761 году задержаны изъ его жалованья бывшимъ его начальникомъ по театру, Сиверсомъ, въ то же самое время сообщаетъ, что хочетъ поселиться окончательно въ Москвѣ „яко въ отечествѣ Россійскаго дворянства".

Вскорѣ послѣ этого желаніе его было исполнено, деньги ему выданы, и, сверхъ того, Императрица, благосклонно принявши при письмѣ присланную ей Сумароковымъ новую трагедію (недавно вышедшаго въ свѣтъ „Вышеслава"), приказала ему выдать 1000 р. изъ Кабинета на дорогу и пріѣхать на другой день (5 марта 1769) ей откланяться [2]). Раннею весною Сумароковъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и поселился, и жилъ до самой своей смерти.

Незадолго до своего поселенія въ Москвѣ, Сумароковъ, послѣ десятилѣтняго перерыва, снова возвратился къ тому роду литературной дѣятельности, который, собственно говоря, и составилъ, главнѣйшимъ образомъ, его славу, какъ писателя. Съ 1768 г. онъ опять началъ писать для театра. Изъ-подъ его пера около этого времени, одна за другою, выходятъ сначала трагедія „Вышеславъ", потомъ комедіи: „Приданое обманомъ", „Тихомирецъ", „Три брата совмѣстника", „Ядовитый" и „Нарциссъ". Интересъ къ сценѣ, къ которой Сумароковъ такъ охладѣлъ-было одно время, явно возбуждается въ немъ вновь, и чуть-ли еще не съ большею силою, нежели прежде: онъ не только сочиняетъ и переводитъ для сцены, не только тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву принимаетъ участіе въ хлопотахъ объ устройствѣ частнаго театра въ Москвѣ, но и вступаетъ изъ-за отношеній къ сценѣ въ препирательство съ новымъ директоромъ театра, Ив. Перф. Елагинымъ, и даже занимается рѣшеніемъ общихъ вопросовъ по теоріи драмы [3]). Наконецъ, вскорѣ послѣ переселенія въ Москву, Сумароковъ начинаетъ трудиться надъ сочиненіемъ своей новой трагедіи: „Димитрій Самозванецъ", которой придаетъ почему-то особенно важное значеніе въ ряду своихъ произведеній.

Но житье въ Москвѣ не надолго успокоило тревожнаго поэта. Вскорѣ, несмотря на покровительство многихъ сильныхъ патроновъ, не смотря на явное снисхожденіе со стороны Императрицы, Сумароковъ, задѣтый въ своемъ авторскомъ самолюбіи и недовольный отношеніями къ директору московской труппы, успѣваетъ со всѣми перессориться и сдѣлать себѣ жизнь невыносимою. Къ ссорамъ и тяжбамъ присоединяются и другого рода невзгоды: болѣзни, бывшія слѣдствіемъ невоздержнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, тревога отъ страшной московской чумы, и болѣе всего — нужда, преслѣдовавшая несчастнаго поэта въ теченіи всей его безпорядочной, суетливой и безалаберной жизни. Хотя одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни Сумарокова,—а именно 1774 — и принадлежалъ къ числу плодовитѣйшихъ въ его обширной литературной дѣятельности, однакоже нельзя не замѣтить по всѣмъ сохранившимся до насъ свѣдѣніямъ, что бѣдный поэтъ болѣе и болѣе опускается, погрязая въ мелочахъ и дрязгахъ своей московской жизни, чаще и

[1]) Въ началѣ 1767 года Сумароковъ, тогда уже дѣйствительный статскій совѣтникъ, получилъ Аннинскую ленту.— [2]) Лонгиновъ. Послѣдніе годы жизни Сумарокова. Русск. Арх. 1871, стр. 1659.— [3]) Къ этому времени относится его знаменитое письмо къ Вольтеру о вредѣ новаго, недавно появившагося во Франціи рода—драмъ собственно или такъ называемыхъ comédies larmoyantes (слезныхъ комедій). Отвѣтомъ на это письмо, уклончивымъ и любезнымъ, Вольтеръ совсѣмъ вскружилъ голову бѣдному Сумарокову.

злодѣя, какимъ Самозванецъ представлялся Сумарокову, на основаніи ложно-классическихъ понятій о созданіи драматическаго характера.

Не смотря на то, что Сумароковъ придавалъ важное значеніе своимъ драматическимъ произведеніямъ, не смотря на то, что большую половину жизни онъ посвятилъ почти исключительно театру и постоянно называлъ „Мельпомену своею любимою музою"—онъ все же не былъ писателемъ драматическимъ. Драматическія произведенія Сумарокова, въ обширной массѣ его сочиненій, составляютъ даже не очень значительную долю ихъ, и при томъ, относятся, конечно, къ такимъ, которыя утратили положительно всякое значеніе для потомства, хотя Сумароковъ болѣе всего и разсчитывалъ прославиться именно своими драматическими произведеніями. Рядомъ съ его драмами и комедіями слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, поставить и большую часть его „Эпическихъ и лирическихъ произведеній",—эклоги, идилліи, элегіи, оды торжественныя, оды разныя, оды вздорныя и т. п. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго; это все только слабыя и безцвѣтныя подражанія не менѣе безцвѣтнымъ образцамъ сентиментальной и однообразной французской лиро-эпической поэзіи XVII столѣтія. Большая часть этихъ произведеній явилась на свѣтъ Божій вѣроятно вслѣдствіе стремленія Сумарокова угодить публикѣ, замѣчательно склонной къ сантиментализму, и, кромѣ того, блеснуть обиліемъ и разнообразіемъ формъ, въ которыя онъ умѣлъ облекать незатѣйливое и немудреное содержаніе. По всѣмъ вѣроятіямъ, лиро-эпическія произведенія Сумарокова нравились публикѣ и читались ею съ удовольствіемъ, потому что иначе мы и не могли-бы объяснить себѣ необычайной плодовитости Сумарокова. Въ собраніи сочиненій его видимъ около 80 одъ, 39 элегій, 76 эклогъ, 151 пѣсню, и, сверхъ того, множество другихъ мелкихъ лирическихъ произведеній: стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эпитафій, надписей... Но вся эта масса стиховъ, повторяемъ, можетъ служить только доказательствомъ неразборчивости вкуса и со стороны автора, и со стороны публики: общество (особенно молодое поколѣніе) съ жадностью хваталось за все, что могло развлечь и позабавить его, удовлетворить недавно развившейся въ немъ потребности къ легкому, занимательному чтенію. Съ одной стороны, очевидно, стараясь удовлетворить этой потребности, Сумароковъ, съ другой стороны, увлекался и желаніемъ состязаться съ главнымъ соперникомъ своимъ по литературѣ—съ Ломоносовымъ. Ради этого соперничества, онъ тоже много разъ принимался писать во всѣхъ родахъ, сочинялъ и торжественныя, похвальныя рѣчи, ударялся и въ философію, и въ критику, и даже въ исторію... Всматриваясь внимательнѣе въ сплошную массу лирическихъ произведеній Сумарокова, мы находимъ въ нихъ только одну, живую сторону, немаловажную по отношенію къ исторіи литературы. Эта живая сторона лирики Сумарокова является намъ въ цѣломъ рядѣ его басенъ, эпиграммъ и эпитафій, проникнутыхъ рѣзкимъ и ѣдкимъ сатирическимъ отношеніемъ къ современности. Тэмы Сумароковской сатиры очень не разнообразны: дурное устройство правосудія, выказывавшееся въ крючкотворствѣ, ухищреніяхъ и взяточничествѣ подъячихъ, вредныя и тягостныя стороны откуповъ, стремленіе къ неразумному подражанію иностранцамъ въ языкѣ и въ обычаяхъ и невѣжество, прикрытое внѣшнимъ лоскомъ образованія,—вотъ что осмѣиваетъ Сумароковъ въ своихъ сатирахъ на современные нравы. Не смотря на то, что форма его сатиры большею частью очень груба и несовершенна, содержаніе живо передаетъ намъ впечатлѣнія современника, одареннаго наблюдательностью и, въ то же время, не способнаго относиться хладнокровно къ тому, что совершалось передъ его глазами. Сравнивая сатирическія произведенія Сумарокова со всѣми остальными, мы невольно приходимъ къ тому убѣжденію, что сатира и была настоящею, наиболѣе выдающеюся стороною его литературнаго таланта. Но не та спокойная, положительная сатира Кантемира, которая, рисуя темныя стороны общественной жизни, противополагала ей образы свѣтлые, или по крайней мѣрѣ ослабляла тѣни спокойнымъ, безмятежнымъ взглядомъ на жизнь... Сатира Сумарокова, напротивъ того, отличается совершенно отрицательнымъ, безпокойнымъ, разъѣдающимъ характеромъ. Видно, что авторъ самъ страдалъ отъ тѣхъ бѣдъ и неурядицъ, которыя онъ безжалостно бичуетъ

ПЕРІОДЪ ШЕСТОЙ.

ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ

V.

Вліяніе Екатерины II на русскую литературу; ея сочувствіе современному философскому движенію на Западѣ. — Литературная и педагогическая дѣятельность Екатерины; участіе въ журналахъ. — Е. Р. Дашкова. — Значеніе вѣка Екатерины.

Литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ внутренней жизни каждаго народа, а слѣдовательно и прямымъ выраженіемъ тѣхъ общихъ идей, которыя руководятъ обществомъ въ извѣстное время; поэтому въ литературѣ, конечно, перемѣна воззрѣній на значеніе отдѣльной личности и ея отношеніе къ обществу должна находить себѣ свое постоянное выраженіе. Эта перемѣна воззрѣній въ литературѣ преимущественно выражается въ перемѣнѣ взгляда на значеніе въ обществѣ писателя и его дѣятельности: чѣмъ бо̀льшимъ количествомъ правъ, уваженія и свободы пользуется въ обществѣ каждая отдѣльная личность, тѣмъ бо̀льшимъ количествомъ почета, свободы и уваженія пользуются въ томъ-же обществѣ писатель и его дѣятельность. И наоборотъ:—литература и писатель тѣмъ менѣе имѣютъ значенія въ обществѣ, чѣмъ менѣе развито въ немъ уваженіе къ правамъ и значенію каждой изъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ общества.

Этотъ общій законъ, который не трудно прослѣдить въ исторіи каждой литературы, съ замѣчательною очевидностью сталъ проявляться у насъ на Руси съ того времени, когда болѣе благопріятныя условія общественной жизни дали возможность отдѣльной личности выдвинуться изъ сплошной массы народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературѣ — проявиться, какъ выраженію идей преобладавшаго въ обществѣ развитаго меньшинства. Мы уже видѣли, какое значеніе имѣлъ въ нашемъ обществѣ писатель въ началѣ эпохи преобразованій, при Петрѣ, и потомъ при ближайшихъ его наслѣдникахъ до Екатерины II; мы знаемъ, какъ сами писатели смотрѣли на свою дѣятельность; знаемъ, сколько труда и тяжкихъ усилій пришлось потратить литературнымъ дѣятелямъ эпохи преобразованій на то, чтобы

всего этого (т. е. воцаренія въ Россіи)". Самою выгодною стороною воспитанія Екатерины, конечно, было то, что она въ дѣтствѣ и ранней юности не могла быть избалована никакой роскошью, росла среди весьма скромной обстановки, и рано должна была научиться пониманію людей, потому что могла видѣть ихъ близко.

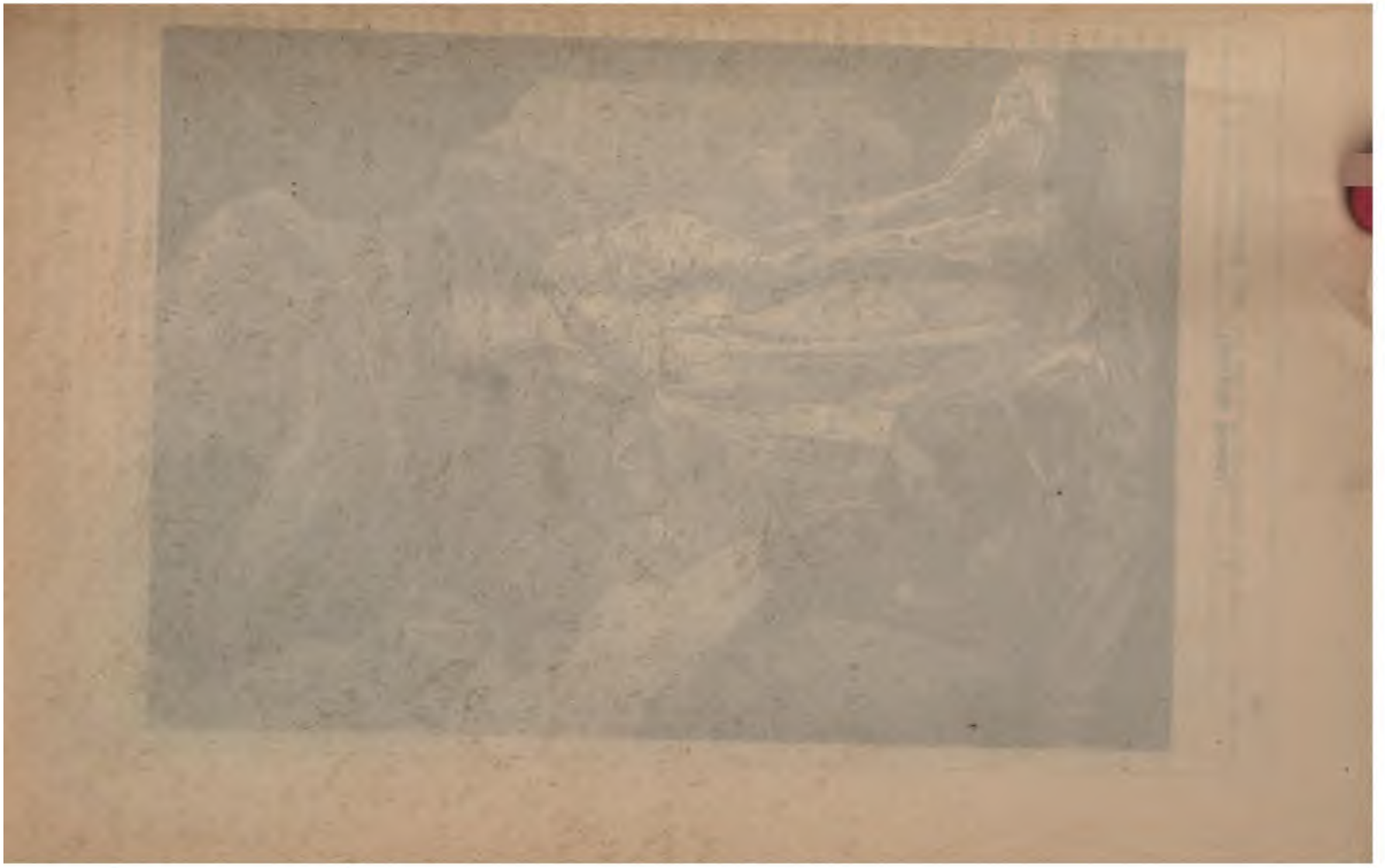
Екатерина пріѣхала съ матерью въ Россію въ 1744 году, когда ей, слѣдовательно, еще не было и 15 лѣтъ—и уже не выѣзжала изъ Россіи [1]). Съ самаго пріѣзда своего, она дѣятельно принялась за изученіе русскаго языка, и очень скоро успѣла съ нимъ освоиться на столько, что могла не только говорить на немъ, но и писать. Первымъ наставникомъ Екатерины по русскому языку былъ уже извѣстный намъ адъюнктъ Академіи Наукъ Адодуровъ; но Екатеринѣ, какъ кажется, не пришлось долго пользоваться его уроками, судя потому, что она сама о себѣ разсказывала впослѣдствіи своему статсъ-секретарю Грибовскому:... „Ты не смѣйся" — говорила она ему однажды— „надъ моей русской орѳографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда (т. е. въ Россію), я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка, Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: „полно ее учить, она и безъ того умна!" Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это причина, что я плохо знаю правописаніе". „Впрочемъ", замѣчаетъ Грибовскій, „государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять прямыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала". Нельзя не припомнить здѣсь, что Екатерина очень мало придавала значенія грамматическимъ погрѣшностямъ, которыя закрадывались въ ея рѣчь въ разговорѣ или на письмѣ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій она замѣчаетъ: „надѣяться можно, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ",— и въ этихъ словахъ ея невольно слышится то, что гораздо выше всѣхъ этихъ мелочей ставила она то глубокое пониманіе духа языка и то знаніе народнаго характера, которое она дѣйствительно успѣла пріобрѣсти и вполнѣ усвоить себѣ въ теченіе 18-ти лѣтъ, проведенныхъ ею въ Россіи еще до вступленія на престолъ.

По собственному признанію Екатерины, уединеніе, въ которомъ она постоянно жила въ теченіе этого времени, развило въ ней охоту къ чтенію [2]), доставило ей возможность прочесть множество самыхъ разнообразныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ современной французской, англійской, итальянской и нѣмецкой литературы. Само собою разумѣется, что, при ея живости и впечатлительности, на ней должно было отразиться вліяніе того умственнаго движенія, главнымъ центромъ котораго была литература французская.

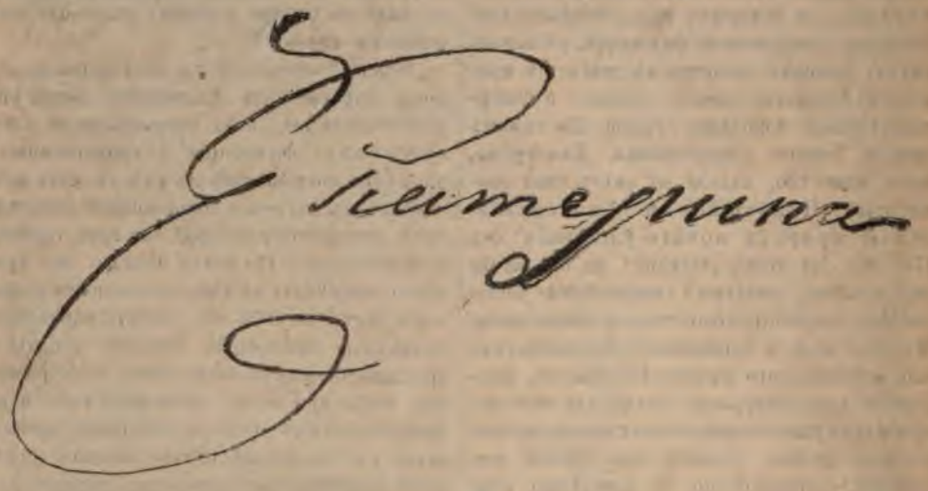
Французская литература не представляла однакоже ничего оригинальнаго, что бы исключительно могло принадлежать французской почвѣ. Французскіе писатели начала XVIII вѣка только способствовали распространенію въ массахъ и популяризаціи научныхъ философскихъ истинъ, которыя были выработаны англійскими учеными и мыслителями конца XVII столѣтія, благодаря той гражданской свободѣ и тому замѣчательному государственному устройству, которыхъ Англія успѣла около этого времени достигнуть. Какъ только французы, въ первой четверти XVIII вѣка, ознакомились поближе съ результатами, выработанными англійской наукой, англійской общественной и государственною жизнью,—эти результаты для всей мыслящей части французскаго общества стали немедленно основой, за многостороннюю разработку которой дѣятельно принялись и французская литература, и французская наука.

Екатерина II, какъ мы уже видѣли, получила первоначальное воспитаніе подъ сильнымъ французскимъ вліяніемъ, которому слѣпо подчинялась ея мать; впослѣдствіи, живя въ Россіи и страстно предаваясь чтенію, она не могла не подчиниться вліянію новаго философскаго направленія, исходившаго изъ Франціи и преобладавшаго во всѣхъ современныхъ европейскихъ литературахъ. Свое сочувствіе этому направленію выразила она перепискою съ Вольтеромъ, продолжавшеюся

[1]) 6 Ноября 1796 года, на 67-мъ году отъ роду.—[2]) См. статью академика Пекарскаго: «Матер. для ист. журн. и литер. дѣят. Екат. II»: въ III т. Зап. Имп. Акад. Наукъ: стр. 76.



заведеніяхъ, которыя учреждены были уже и до Екатерины, сверхъ того, что ею же положено было начало одному изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій въ Имперіи—воспитательному дому въ Москвѣ, въ 1763 г.—она же, основаніемъ воспитательнаго общества для дѣвицъ дворянскаго (въ 1764 г.) и мѣщанскаго въ 1765 г.) сословія при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, положила первое основаніе женскому воспитанію въ Россіи; замѣтно, что вопросы воспитательные занимали ее постоянно и не переставали занимать ее до конца жизни, потому что значительная часть ея литературныхъ произведеній посвящена только этимъ вопросамъ. Сюда относятся ея нравоучительныя сказки „О царевичѣ Февеѣ“ и „О царевичѣ Хлорѣ“ (1782 г.), „Выборныя Россійскія пословицы“—отчасти заимствованныя изъ народныхъ, отчасти составленныя изъ разныхъ изреченій нравственныхъ, „Инструкція кн. Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей“ (Александра Павловича и Константина Павловича). Сюда же относятся

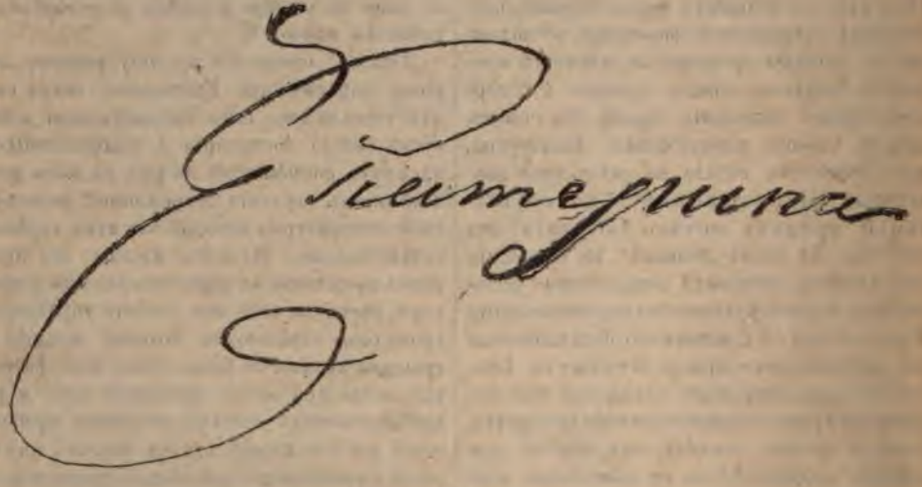


Подпись Екатерины II.

„Записки“, составленныя изъ разсказовъ и замѣтокъ, касающихся преимущественно отечествовѣдѣнья, и изъ разговоровъ (отца или матери съ сыномъ), въ которыхъ кратко и наглядно представляется разборъ общихъ нравственныхъ вопросовъ [1]). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ своихъ Екатерина представляется намъ вполнѣ преданною современнымъ возрѣніямъ на воспитаніе, какъ на единственное и притомъ всемогущее средство къ нравственному совершенствованью человѣка. И Екатеринѣ, какъ многимъ изъ современныхъ мыслителей, человѣкъ представлялся такимъ существомъ, которое вовсе не носитъ въ себѣ никакихъ прирожденныхъ нравственныхъ элементовъ. Цѣлью воспитанія являлась отвлеченная добродѣтель, которую можно было вселить въ душу воспитываемаго, постоянно окружая его хорошими примѣрами и какъ можно чаще внушая ему правила добродѣтели, передавая ему мудрыя изреченія различныхъ писателей и ведя съ нимъ назидательныя и возвышающія душу бесѣды. Таковъ былъ взглядъ вѣка, замѣнившій грубую и несогласную съ дѣтской природой школьную дисциплину XVI и XVII вв.—

[1]) Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести и „Китайскія мысли о совѣсти“, которыя входятъ въ составъ „Гражданскаго начальнаго ученія“. На всѣ вышеприведенныя нами педагогическія сочиненія свои Екатерина указываетъ въ „Инструкціи“ Салтыкову, какъ на необходимыя пособія, по которымъ великіе князья учились читать и писать, и которыхъ забывать они не должны.

заведеніяхъ, которыя учреждены были уже и до Екатерины, сверхъ того, что ею же положено было начало одному изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій въ Имперіи—воспитательному дому въ Москвѣ, въ 1763 г.—она же, основаніемъ воспитательнаго общества для дѣвицъ дворянскаго (въ 1764 г.) и мѣщанскаго въ 1765 г.) сословія при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, положила первое основаніе женскому воспитанію въ Россіи; замѣтно, что вопросы воспитательные занимали ее постоянно и не переставали занимать ее до конца жизни, потому что значительная часть ея литературныхъ произведеній посвящена только этимъ вопросамъ. Сюда относятся ея нравоучительныя сказки „О царевичѣ Февеѣ“ и „О царевичѣ Хлорѣ“ (1782 г.), „Выборныя Россійскія пословицы“—отчасти заимствованныя изъ народныхъ, отчасти составленныя изъ разныхъ изреченій нравственныхъ, „Инструкція кн. Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей“ (Александра Павловича и Константина Павловича). Сюда же относятся



Подпись Екатерины II.

„Записки“, составленныя изъ разсказовъ и замѣтокъ, касающихся преимущественно отечествовѣдѣнья, и изъ разговоровъ (отца или матери съ сыномъ), въ которыхъ кратко и наглядно представляется разборъ общихъ нравственныхъ вопросовъ [1]). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ своихъ Екатерина представляется намъ вполнѣ преданною современнымъ воззрѣніямъ на воспитаніе, какъ на единственное и притомъ всемогущее средство къ нравственному совершенствованью человѣка. И Екатеринѣ, какъ многимъ изъ современныхъ мыслителей, человѣкъ представлялся такимъ существомъ, которое вовсе не носитъ въ себѣ никакихъ прирожденныхъ нравственныхъ элементовъ. Цѣлью воспитанія являлась отвлеченная добродѣтель, которую можно было вселить въ душу воспитываемаго, постоянно окружая его хорошими примѣрами и какъ можно чаще внушая ему правила добродѣтели, передавая ему мудрыя изреченія различныхъ писателей и ведя съ нимъ назидательныя и возвышающія душу бесѣды. Таковъ былъ взглядъ вѣка, замѣнившій грубую и несогласную съ дѣтской природой школьную дисциплину XVI и XVII вв.—

[1]) Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести и „Китайскія мысли о совѣсти“, которыя входятъ въ составъ „Гражданскаго начальнаго ученія“. На всѣ вышеприведенныя нами педагогическія сочиненія свои Екатерина указываетъ въ „Инструкціи“ Салтыкову, какъ на необходимыя пособія, по которымъ великіе князья учились читать и писать, и которыхъ забывать они не должны.

даго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовью и вѣрностью къ государю" и т. п. Вскорѣ послѣ того, на страницахъ „Всякой Всячины" и явилось письмо Патрикѣя Правдомыслова, въ которомъ опровергаются толки, будто у насъ нѣтъ правосудія въ Россіи: „мы всѣ"— говоритъ въ этомъ письмѣ Патрикѣй — „сомнѣваться не можемъ, что нашей Великой Государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива"... „Долгъ нашъ, какъ христіанъ и сограждан, велитъ имѣть довѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще не видалъ, чтобы съ умысла случались. Впрочемъ я не судья и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужное сіе къ вамъ написать для того, что нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ: промотались. И не осталось у нихъ окромѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ"... Но журналы не унимались въ обличеніяхъ знатныхъ господъ и въ очеркахъ придворной жизни; завязалась полемика, въ которой „Всякая Всячина" отвѣчала на ихъ нападки уже почти угрозами, высказывая весьма рѣзко свое неудовольствіе противъ „свободоязычія". Такъ, напримѣръ, возставая противъ „Трутня" [1]), одно изъ лицъ, выставленныхъ „Всякой Всячиной", говоритъ прямо: „не въ свои-де (онъ) садится сани. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ боляръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость ни что иное есть какъ дерзновеніе... въ старыя времена послали-бы-де его потрудиться для пользы государственной—описывать правы каково ни на есть царства русскаго владѣнія [2]), но нынѣче-де дали волю писать и за такія сатиры не взыскиваютъ".

Однакоже, полемика эта, очевидно непріятная для Екатерины, не могла далѣе продолжаться въ томъ же рѣзкомъ тонѣ и потому, вѣроятно не безъ вліянія со стороны Екатерины, всѣ сатирическіе листки внезапно прекратились. Ихъ пережили только „Всякая Всячина" и „Трутень"; но ни тотъ, ни другой уже не помѣщали болѣе сатирическихъ замѣтокъ и очерковъ, и вскорѣ прекратились вовсе, вѣроятно потому, что публика охладѣла къ нимъ въ этомъ новомъ ихъ видѣ.

Со времени прекращенія „Всякой Всячины" и до 1783 года Екатерина уже не принимала болѣе участія въ русской журналистикѣ; но за то въ теченіе этого періода времени и была написана ею большая часть тѣхъ комедій, въ которыхъ явились на сценѣ типы и стороны современной русской жизни, уже прежде обрисованные Екатериною въ сатирическихъ очеркахъ ея журнала. Екатерина до 1790 года успѣла написать четырнадцать комедій, девять оперъ, семь пословицъ [3]), изъ которыхъ до насъ дошло одиннадцать комедій, семь оперъ и пять пословицъ— всего двадцать три пьесы. Всѣ онѣ писаны были Екатериной для домашней сцены и предварительно являлись на Эрмитажномъ театрѣ, а потомъ уже оттуда переходили на публичную сцену. Нѣкоторыя изъ пьесъ сочинены были ею на французскомъ языкѣ и впослѣдствіи уже переведены на русскій; другія не вполнѣ написаны ею, а закончены, исправлены и дополнены хорами и стихотворными вставками по данному ею плану [4]). Сама Екатерина, какъ извѣстно, никогда стиховъ не писала, и, по собственному ея признанію, даже никакъ не могла постигнуть технической стороны стихотворства и сложить хоть сколько нибудь сносныя вирши.

Комедіи Екатерины хотя не заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны художественной, однакоже несомнѣнно важны для исторіи литературы, какъ довольно

[1]) Современный журналъ, который издавался Н. И. Новиковымъ.

[2]) Академикъ Пекарскій видитъ здѣсь „тонкій намекъ на Сибирь". См. стр. 8 вышеуказанной статьи: „Матерьялы для ист. журн. и литерат. дѣят. Императрицы Екатерины II".

[3]) Т. е. пьесъ, которыхъ содержаніе почерпнуто было изъ пословицъ.

[4]) Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Екатерины по части постановки ея пьесъ и выправки въ нихъ слога былъ ея статсъ-секретарь Храповицкій.

камъ, изъ древнѣйшаго періода русской исторіи: таковы, напримѣръ, „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика", „Начальное управленіе Олега" (объ пьесы относятся въ 1786 году). Еще менѣе заслуживаютъ вниманія въ литературномъ отношеніи заимствованныя изъ русскаго сказочнаго міра комическія оперы Екатерины (1776—1787 г.): „Февей", „Храбрый и славный витязь Ахридѣевичъ" (передѣланная изъ сказки объ Иванѣ-Царевичѣ), „Новгородскій богатырь Боеславичъ и Горе богатырь Косометовичъ" (1787 г.).

Въ концѣ своей литературной карьеры Екатерина еще разъ выступила на поприще журнальной дѣятельности и написала цѣлый рядъ сатирическихъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ „Былей и Небылицъ"; эти очерки помѣщались, въ теченіе 1783 года, въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова" — новомъ журналѣ, который начала издавать на счетъ Академіи Наукъ княгиня Дашкова, тогда только-что возведенная въ званіе директора Академіи Наукъ и предсѣдателя Академіи Россійской, учрежденной въ этомъ году по ея же докладу. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ этой замѣчательной русской женщинѣ XVIII в., рѣзко выступающей изъ ряда всѣхъ современницъ Екатерины II.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родилась въ мартѣ 1743 года въ С.-Петербургѣ (скончалась въ Москвѣ, въ январѣ 1810 г.), и получила блестящее по тому времени образованіе въ домѣ дяди своего, канцлера М. Л. Воронцова, гдѣ обучалась языкамъ, наукамъ и искусствамъ вмѣстѣ съ его дочерью у лучшихъ преподавателей того времени. Не смотря на это, сама княгиня отзывается о первоначальномъ воспитаніи своемъ насмѣшливо, и обширную, глубокую свою ученость приписываетъ себѣ самой, называетъ плодомъ того разносторонняго чтенія, которому она предавалась со страстью отъ самой юности и въ старости не переставала посвящать всѣ свои досуги. „Бейль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были моими любимыми писателями" — замѣчаетъ княгиня въ своихъ „Запискахъ". И. И. Шуваловъ, зная о ея ненасытной жаждѣ къ чтенію и пополненію пробѣловъ своего свѣтскаго образованія, предложилъ ей снабжать ее книгами, и пересылалъ ей всѣ новинки, получаемыя имъ прямо изъ Франціи. По собственнымъ словамъ Екатерины Романовны, уже въ первый годъ по выходѣ замужъ за князя Дашкова, она обладала библіотекою въ 900 томовъ и тратила на пополненіе ея всѣ свои карманныя деньги. Покупка „Энциклопедіи" и „Лексикона" Морери вынуждаетъ Е. Р. Дашкову замѣтить, что „никогда самыя дорогія бездѣлки не доставляли ей и половины того удовольствія, какое она чувствовала по поводу этого пріобрѣтенья". Эти занятія науками и усиленное чтеніе крѣпко не нравились ея родинѣ, и даже дядя ея М. Л. Воронцовъ, писалъ о Екатеринѣ Романовнѣ къ ея брату (въ 1762 г.):... „она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ свое время проводитъ".

Рано принятая при Дворѣ, и дѣйствительно по природѣ своей крайне-тщеславная и самолюбивая, Е. Р. Дашкова со всею страстностью и жаромъ молодости предалась интригамъ, которыя привели къ перевороту 1762 года и къ вступленію на престолъ Екатерины II.

Щедро награжденная Екатериною за вѣрную службу и „къ отечеству отмѣнныя заслуги", Екатерина Романовна однакоже никакъ не могла примириться съ тою второстепенною придворною ролью, которую весьма благоразумно и осторожно предоставила ей новая Императрица, тщательно оберегавшая независимость своихъ мнѣній и поступковъ отъ всякихъ сильныхъ вліяній. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Екатерины, между нею и Е. Р. Дашковой наступило замѣтное охлажденіе и послѣдняя должна была удалиться отъ Двора. Для нея начался долголѣтній періодъ странствованій изъ Россіи за границу и обратно, въ теченіи котораго она вынуждена была посвятить на занятіе книгами и наукой весь тотъ жаръ и всю ту энергію, которую она было собиралась затратить на политическую карьеру. „Политика въ особенности интересовала меня съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ" — замѣчаетъ о себѣ сама княгиня въ своихъ „Запискахъ", вообще не блистающихъ слишкомъ большою откровенностью; но этой страсти къ полити-

Въ первыхъ статьяхъ „Былей и Небылицъ“ помѣщено было Екатериной нѣсколько портретовъ, очевидно списанныхъ съ живыхъ и всѣмъ извѣстныхъ лицъ окружавшей ее среды. Нашлись люди, которые очень хорошо узнали себя въ выставленныхъ Императрицею личностяхъ; другіе стали обижаться, неправильно относя къ себѣ каждый намекъ „Былей и Небылицъ“ и все перетолковывая вкривь и вкось. Это вынудило Екатерину помѣстить въ „Собесѣдникѣ“ письмо отъ имени „Петра Угадаева“ къ издателю или издательницѣ „Былей и Небылицъ“. Въ этомъ письмѣ Петръ Угадаевъ говоритъ: „напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми: я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы, да и не мы одни...“ Екатерина, написавъ сама къ себѣ отъ имени Угадаева, тутъ же помѣстила и отвѣтъ на это письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ:

„Люди тутъ (т. е. въ „Быляхъ и Небылицахъ“) безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое: до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде же Карпъ или Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы; слово отъ слова внесемъ въ „Были и Небылицы“.

Екатерина, пользуясь орудіемъ слова для того, чтобы осмѣять недостатки нѣкоторыхъ изъ числа окружавшихъ ее лицъ и дать отпоръ той партіи, которая осуждала ея дѣйствія, вѣроятно не ожидала того, что и та партія въ свою очередь воспользуется тѣмъ же самымъ орудіемъ и выставитъ противника, который рѣшится вступить съ нею въ состязаніе. По крайней мѣрѣ, когда въ третьей книжкѣ „Собесѣдника“ явились извѣстные 20 вопросовъ Фонъ-Визина „сочинителю Былей и Небылицъ“, Екатерина была весьма непріятно поражена ими, тѣмъ болѣе, что не могла не видѣть въ нихъ намековъ на своихъ приближенныхъ. Такъ напр. вопросъ 14-й, — въ которомъ Фонъ-Визинъ спрашиваетъ: „отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣче имѣютъ, и весьма большіе?“—направленъ былъ очевидно противъ одного изъ Екатерининскихъ вельможъ, Л. Н. Нарышкина, и вызвалъ со стороны Екатерины отвѣтъ, въ которомъ она не могла скрыть своего негодованія. „Сей вопросъ“, отвѣчала она, „родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то нашли-бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ“.

Этимъ отвѣтомъ Екатерина не удовольствовалась и возвратилась вновь къ тому же вопросу въ своихъ „Быляхъ и Небылицахъ“, прикрываясь, по обычаю своему, мнѣніями дѣдушки:

...„Дѣдушка, ходя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный 14 вопросъ (который напечатанъ на 10 стр. Собесѣдника, части третьей), подобно сему: хемъ, хемъ.

NB. Хемъ, хемъ, изображаетъ дѣдушкинъ кашель.

Хемъ, хемъ, отъ чего — хемъ, хемъ — въ прежнія времена — хемъ, хемъ, шуты — хемъ, хемъ, — шпыни, хемъ, хемъ, и балагуры — хемъ, хемъ, чиновъ не имѣли — хемъ, хемъ, хемъ, а нынѣ имѣютъ... хемъ— хемъ, и весьма большіе... Тутъ дѣдушка умножилъ хемъ, хемы такъ, что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя... Отдохнувъ нѣсколько, началъ разбирать подробно члены вопроса, и говорить: отъ чего?... отъ чего?... Ясно отъ того, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ — хемъ, хемъ, хемъ, — опасенія. О! прежнія времена! Сію строку кончили паки множество хемъ, хемовъ... Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ; въ шпынъствѣ есть острота; за то, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ... Потомъ дошло дѣло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное, а „скучны лишь“,—говоритъ прародитель,—„Маремьяны плачущія“ и о всемъ мірѣ косо и криво некущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго“. Дѣдушка, разгорячась, молвилъ: „зависть есть „свойственникъ ненависти“, и для того онъ намъ совѣтовалъ отъ оной держаться и пороку сему не давать воли“.

Осенью того же года „Были и Небылицы“ прекратились, вслѣдствіе новаго охлажде-

мнѣ казалось, часто превратно понимаютъ. Къ этому влекло меня собственное сердце, которое я считала кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ своей слабости, и случалось, что иные изъ нихъ, также со слезами на глазахъ, принимали мое мнѣніе. Нравъ у меня веселый и откровенный; но на своемъ долгомъ вѣку я не могла не узнать, что есть желчные умы, которые не любятъ веселости, и не всѣ люди могутъ переносить правду и искренность".

Обыкновенная подпись Е. Р. Дашковой.

Латинская подпись Е. Р. Дашковой подъ дипломами Россійской Академіи.

[illegible] ...хали [illegible] въ XVI [illegible] ...ударями [illegible] ...ъ Фонъ-Ви- [illegible] ...ы при Ива- [illegible] ...ъ вмѣстѣ [illegible] и поселился [illegible] ...ересѣхъ однакоже [illegible] только уже въ XVII [illegible] Петра принялъ, [illegible] Михайловичъ, пра- [illegible] Фонъ Визина мы не зна- [illegible] же касается отца его, [illegible] то извѣстно, что онъ [illegible] въ военной службѣ, а по- [illegible] по ревизіонъ-коммиссіи, гдѣ [illegible] до чина коллежскаго совѣтни- [illegible] умеръ въ 1774 году. Денисъ Ива- [illegible] въ своемъ „Чистосердечномъ при- [illegible] такъ называлъ онъ, въ подражаніе [illegible] Русо, свои автобіографическія [illegible] сообщаетъ о немъ весьма любо- [illegible] подробности, ясно указывающія [illegible] что развитіе личнаго характера Де- [illegible] Ивановича было вовсе не случайнымъ, а совершенно правильнымъ слѣдствіемъ [illegible] условій быта, которыми онъ былъ съ малолѣтства окруженъ дома. Притомъ же нельзя не замѣтить, что въ характерѣ Дениса Ивановича повторились и нѣкоторыя (по всѣмъ вѣроятіямъ родовыя) черты характера его отца.

„Отецъ мой"—такъ разсказываетъ Денисъ Ивановичъ объ Иванѣ Андреевичѣ въ своемъ „Чистосердечномъ признаніи"—„былъ человѣкъ большого, здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученьемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду, и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ передних знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ [2]). Ненавидѣлъ лихоимства и, бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. „Государь мой!" говаривалъ онъ приносителю: „сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права". Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ. — Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе: онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался... за картами ни одной ночи не просиживалъ и, словомъ, никакой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва-ли сохранить можно [3]). Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостью, но, не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. „Мы живемъ подъ законами", говаривалъ онъ,- „и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ; ибо шпаги и кулаки суть одно, и вызовъ на дуэль есть

[1]) Полное заглавіе записокъ: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ". Въ самомъ вступленіи къ запискамъ авторъ указываетъ на „Confessions" Руссо, какъ на образецъ своего труда.—[2]) Судя по тону разсказа Дениса Ивановича, вообще выставляющаго отца своего честнымъ служакой, должно предположить, что праздничные визиты вмѣнялись въ обязанность служащимъ въ прошломъ столѣтіи.—[3]) Этотъ невыгодный отзывъ о своей собственной нравственности, какъ и вообще о современныхъ нравахъ, должно считать нѣсколько преувеличеннымъ: не слѣдуетъ забывать, что „Признаніе" писано Фонъ-Визинымъ въ концѣ жизни, когда онъ былъ склоненъ, подъ вліяніемъ мрачнаго настроенія, нѣсколько преувеличивать и свои личные недостатки, и недостатки всѣхъ окружавшихъ его людей.

стало бѣднаго Іосифа". Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. „Я постыдился", отвѣчалъ я, „да и побоялся, чтобы вы не перестали разсказывать исторіи". „Я ее конечно доскажу тебѣ", говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности. Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ; ибо я знаю многихъ, кои, читая Іосифа [1]), мною переведеннаго, проливали слезы".

„Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ дмитровской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что до сихъ поръ неохотно остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ".

И такъ, воспитаніе, на сколько можно судить по этимъ свѣдѣніямъ, велось довольно правильно: родители обращали вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ ума и сердца, а русская обстановка отцовскаго дома рано способствовала развитію въ Денисѣ Ивановичѣ его живаго, пылкаго воображенія. Попеченіямъ отца своего приписываетъ Денисъ Ивановичъ и рано начавшееся основательное изученіе отечественнаго языка. „Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставилъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно [2]). Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и, бывало... примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ онъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя"...

Послѣ такого тщательнаго и рѣдкаго по тому времени домашняго воспитанія, Денисъ Ивановичъ отданъ былъ отцомъ въ университетскій благородный пансіонъ, какъ только онъ былъ учрежденъ, т. е. въ 1755 году. Въ первые годы своего существованія это воспитательное заведеніе находилось, повидимому, въ довольно жалкомъ положеніи. Воспоминанія свои о пребываніи въ этомъ заведеніи Фонъ-Визинъ начинаетъ даже съ нѣкоторой оговорки, предупреждая читателей своихъ о томъ, что „нынѣшній [3]) университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища [4]) подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ [5]), на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ [6]) четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны", говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ", продолжалъ онъ, ударя по столу рукою, — „извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого (оно) склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте (также), смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете". Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то мы, слѣдственно, экзаменованы были безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: „куда течетъ

[1]) Здѣсь Фонъ-Визинъ упоминаетъ объ одномъ изъ первыхъ своихъ литературныхъ трудовъ, о поэмѣ Битобе „Іосифъ", переведенной имъ и напечатанной въ Москвѣ въ 1769 г. — [2]) См. вышеприведенное нами совершенно сходное съ этимъ мнѣніе Ломоносова на стр. 349. — [3]) Дѣло идетъ о концѣ XVIII стол. — [4]) Здѣсь, подъ именемъ университета и училища, Ф.-Визинъ разумѣетъ все тотъ-же благородный пансіонъ. — [5]) Кафтанъ — верхнее платье, въ родѣ сюртука. — [6]) Камзолъ — т. е. жилетъ.

благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, дозольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—величайшими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило-бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳ. Гр. Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, исполненнымъ достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ-бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ, и съ которымъ дружба моя и до сихъ поръ продолжается".

Такимъ образомъ, изъ словъ самого Фонъ-Визина замѣтно, что эта первая поѣздка въ Петербургъ произвела на его юношеское воображеніе одно изъ тѣхъ неизгладимо-сильныхъ впечатлѣній, которыя не стираются во всю жизнь и не исчезаютъ изъ памяти. Эта поѣздка въ Петербургъ была еще и въ другомъ отношеніи полезна для Ф.-Визина. „Тутъ узналъ я", пишетъ онъ, „сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, а для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному; а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ... Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его „Альзиру".

Трудно сказать, кончилъ-ли Фонъ-Визинъ полный курсъ наукъ въ университетѣ, или до конца его опредѣлился на службу въ иностранную коллегію? Изъ его собственнаго разсказа этого нельзя себѣ уяснить: онъ говоритъ только:

„Въ 1761 г. былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить въ караулы на съѣзжую, то уклонялся я сколько могъ отъ дѣйствительной службы. По счастію моему, Дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній вице-канцлеръ (князь А. М. Голицынъ) взялъ меня въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина, чѣмъ я былъ доволенъ".

Для полнаго уразумѣнія этого мѣста не слѣдуетъ забывать, что всѣ молодые дворяне, по обычаю времени, должны были служить въ военной службѣ, въ которую записывались рядовыми чуть-ли не съ колыбели.

На этомъ основаніи и отецъ Фонъ-Визина, въ 1754 г., когда Денису Ивановичу минуло десять лѣтъ, записалъ его въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Вотъ почему семь лѣтъ спустя, и все это время числясь на службѣ, Ф.-Визинъ, сидѣвшій еще на студенческой скамейкѣ, могъ уже быть сержантомъ гвардіи. Но по смыслу той бумаги, которая прислана была изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскій университетъ по поводу поступленія Фонъ-Визина на службу, оказывается, что Денисъ Ивановичъ покидалъ университетъ, не докончивъ курса; по крайней мѣрѣ въ бумагѣ этой значится только, что коллегія иностранныхъ дѣлъ отъ Императорскаго Московскаго университета требуетъ, „чтобъ оной благоволилъ сержанта Дениса Фонъ-Визина, *выключа изъ числа университетскихъ студентовъ*, прислать въ оную коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и л.-гв. Семеновскаго полка въ полковую канцелярію".

Первые шаги Фонъ-Визина на службѣ были очень удачны; его способности и знанія были замѣчены, и вскорѣ дано было ему даже довольно почетное порученіе, для исполненія котораго онъ отправленъ былъ за границу. Возвратясь оттуда съ самыми лестными рекомендаціями, онъ былъ еще лучше принятъ своимъ начальствомъ; но въ иностранной коллегіи оставался не долго. „Одинъ кабинетъ-министръ (Ив. Пер. Елагинъ) имѣлъ надобность взять кого-нибудь изъ коллегіи; и какъ по „Альзирѣ" моей замѣченъ былъ я съ хорошей стороны, то именнымъ указомъ (7 окт. 1763 г.) велѣно мнѣ быть при томъ кабинетъ-министрѣ. Я ему представился и былъ принятъ отъ него тѣмъ милостивѣе, что самъ онъ, прославясь своимъ витійствомъ на русскомъ языкѣ, покровительствовалъ молодыхъ писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальникъ обращался со мною какъ надобно съ дворяниномъ; но въ домѣ его повсечасно былъ человѣкъ, давно ему знакомый и носившій полную его

и графа Григорья Григорьевича Орлова [1]), который не преминулъ о томъ донести Государынѣ (Екатеринѣ II). Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: „ѣду-ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ-бы съ собою мою комедію „Бригадира“. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ, на балѣ, графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Ея Величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы извольте идти въ Эрмитажъ“. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовою слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня, а нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію передъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, *которому я никогда представленъ не былъ* [2]); но онъ самъ остановилъ меня: „Слуга покорный“, сказалъ мнѣ, „поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго-ли вы здѣсь останетесь?“ спросилъ онъ меня. „Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ“, отвѣчалъ я. „А мы завтра“, сказалъ графъ; „я еще хочу, сударь“, продолжалъ онъ, „попросить васъ: Его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше и для того, по пріѣздѣ вашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ великому князю и вы можете прочитать ее намъ“...

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что Его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. „Я тотчасъ одѣнусь“, сказалъ онъ мнѣ, „а ты посиди со мною“. Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣлъ знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю и представилъ ему меня, какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда“, сказалъ графъ, „Ваше Высочество ее услышите“. Потомъ, подошедъ ко мнѣ: „вы“, сказалъ, „извольте остаться при столѣ Его Высочества“. Коль скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе, посадили меня, и Его Высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми Двора своего сѣли около меня. Черезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ претромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила „Бригадирша“. „Я вижу“, сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу“. По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія“, говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, что сія комедія столько имѣетъ успѣха“. Его Высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма ласковыя привѣтствія. А графъ, когда мы вышли въ другую комнату, сказалъ: „вы мо-

[1]) Въ это время Орловъ (род. 1734 г., ум. 1783 г.) былъ уже генералъ-адъютантомъ, генералъ-аншефомъ, каммергеромъ и т. д.; вообще—находился на верху почестей. Фонъ-Визинъ знакомъ былъ съ нимъ уже прежде.—[2]) Т. е. до этого времени, до чтенія „Бригадира“ въ Эрмитажѣ, въ присутствіи Государыни.

И. И. Панину и къ сестрѣ своей письма, очень замѣчательныя по своему рѣзкому остроумію и по самостоятельности взгляда на порядокъ государственнаго устройства и на общественную жизнь во Франціи, для многихъ служившую образцомъ слѣпого подражанія и поклоненія. Возвратясь изъ этого довольно продолжительнаго путешествія, Фонъ-Визинъ написалъ своего „Недоросля" (въ 1782 году), который всѣми принятъ былъ съ восторгомъ, какъ явленіе еще небывалое въ литературѣ нашей. Но въ этой прекрасной комедіи Фонъ-Визина уже совершенно ясно слышится намъ глубоко-затаенное недовольство современностью. Это недовольство выказывается въ томъ, что ни одна изъ высоко-нравственныхъ (по мнѣнію автора) личностей, выведенныхъ имъ на сцену — въ противоположность порочнымъ и безнравственнымъ типамъ Простаковыхъ, Скотининыхъ и т. п.,—не принадлежитъ современности по идеямъ и стремленіямъ своимъ. Всѣ онѣ указываютъ на доброе старое время, какъ на такое, въ теченіе котораго и люди были будто-бы честнѣе, и нравы чище и т. д. Тѣмъ же рѣзко высказаннымъ недовольствомъ противъ придворной среды и противъ исключительнаго положенія высшаго общественнаго слоя проникнуто все, что около того же времени было написано Фонъ-Визинымъ: и знаменитые „Вопросы" издателю „Былей и Небылицъ", и „Придворная грамматика" (которая также подготовлялась для „Собесѣдника", но была отвергнута за рѣзкость тона), и всѣ остальныя статьи, помѣщенныя въ „Собесѣдникѣ" (слѣдовательно писанныя послѣ „Недоросля") или заготовленныя для него и въ немъ не помѣщенныя. Изъ нихъ-то впослѣдствіи Фонъ-Визинъ и думалъ составить свой особый журналъ подъ названіемъ „Стародумъ или другъ честныхъ людей". Но тутъ ужъ, въ свою очередь, высказалось совершенно ясно недовольство Екатерины Фонъ-Визинымъ и его дѣятельностью: въ своемъ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1788 года Денисъ Ивановичъ извѣщаетъ П. И. Панина о томъ, что петербургская полиція не разрѣшила выхода въ свѣтъ его журнала.

Желчному недовольству Дениса Ивановича, уже отъ природы раздражительнаго, много способствовало около этого времени послѣ (1785 года) болѣзненное разстройство его организма: онъ былъ разбитъ параличемъ, который до самаго конца жизни лишилъ его возможности владѣть лѣвой рукой и лѣвой ногой, и значительно затруднилъ самое употребленіе языка. Это болѣзненное разстройство повліяло еще съ другой стороны на Фонъ-Визина: онъ поддался мрачному религіозному настроенію, подъ вліяніемъ котораго сталъ самымъ неумолимымъ судьею всѣхъ поступковъ своихъ и даже на болѣзнь свою сталъ смотрѣть, какъ на кару, будто-бы ниспосланную на него Богомъ.

Подъ вліяніемъ этого-то мрачнаго религіознаго настроенія и написано было Фонъ-Визинымъ въ концѣ его жизни (въ 1790 году) „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ и помышленіяхъ". Есть однакоже нѣкоторое основаніе думать, что это мрачное настроеніе Дениса Ивановича было только весьма естественнымъ и притомъ временнымъ проявленіемъ болѣзненнаго разстройства въ организмѣ: такъ можемъ мы по крайней мѣрѣ заключить по извѣстному разсказу И. И. Дмитріева о томъ предсмертномъ вечерѣ, который ему удалось провести у Державина, вмѣстѣ съ Фонъ-Визинымъ. Въ этомъ простомъ и замѣчательномъ разсказѣ Фонъ-Визинъ является намъ такимъ же веселымъ, острымъ, живымъ и рѣзкимъ, какимъ мы его знаемъ по его сочиненіямъ, письмамъ и журнальнымъ статьямъ его лучшаго времени; о мрачномъ религіозномъ настроеніи, о самоуничиженіи и смиреніи тутъ нѣтъ и помину. Приводимъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ изъ воспоминаній И. И. Дмитріева, въ заключеніе нашихъ біографическихъ свѣдѣній о Фонъ-Визинѣ.

„Черезъ Державина—такъ пишетъ И. И. Дмитріевъ—я сошелся съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи его изъ бѣлорусскаго его помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича (Державина) познакомить его со мною. Я не знавалъ его въ лицо, какъ и онъ меня. Назначенъ былъ день свиданія. Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдственность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ ними изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукой; равно и

вѣтуемъ обратиться къ почтенному труду А. Д. Галахова [1]), въ которомъ разборъ двухъ комедій Фонъ-Визина занимаетъ едва-ли не одно изъ самыхъ живыхъ и видныхъ мѣстъ.

Мы намѣрены только указать на ту рѣзкую разницу, которую долженъ замѣтить съ перваго же раза всякій читающій обѣ комедіи Фонъ-Визина. Разница эта во всѣхъ отношеніяхъ до такой степени велика, что, напримѣръ, „Бригадира“ можно читать не иначе, какъ прежде „Недоросля“, и если-бы кому случилось прочесть сначала „Недоросля“, а потомъ приняться за чтеніе „Бригадира“—послѣдняя комедія утратилабы въ глазахъ читателя значительную долю своего и литературнаго, и нравственнаго значенія. Для уясненія себѣ этого кореннаго различія между „Бригадиромъ“ и „Недорослемъ“ не слѣдуетъ забывать прежде всего, что между этими двумя произведеніями успѣло протечь около семьнадцати лѣтъ, т. е. болѣе нежели треть всей жизни пылкаго и впечатлительнаго автора. Необходимо также припомнить, что „Бригадиръ“ былъ написанъ Фонъ-Визинымъ въ самомъ началѣ его служебной карьеры, когда ему было не болѣе 22 или 23 лѣтъ, а „Недоросль“ былъ однимъ изъ послѣднихъ произведеній его литературной дѣятельности, результатомъ долгаго и разнообразнаго жизненнаго опыта, долгой и трудной служебной дѣятельности, глубокаго и внимательнаго наблюденія жизни. Въ „Бригадирѣ“ Ф.-Визинъ, благодаря своей замѣчательной наблюдательности и сильному сатирическому таланту, съумѣлъ ярче всѣхъ современныхъ писателей вывести на сцену тѣ-же самые общественные типы, которые уже задолго и до него были подмѣчены нѣкоторыми изъ его предшественниковъ-писателей. Эти типы, такъ сказать, давно уже носились въ нашей литературной сферѣ, и какъ-бы ожидали только искуснаго пера, которое съумѣло бы вполнѣ рельефно представить ихъ современникамъ; этихъ типовъ давно уже ожидало общество отъ комедіи, и успѣхъ „Бригадира“, при всѣхъ недостаткахъ его литературнаго построенія, объясняется именно тѣмъ, что „Акулина Тимофеевна“, выведенная авторомъ на сцену, оказалась „всѣмъ родня“. Точно также близки, знакомы, родственны каждому показались и совѣтница съ Иванушкой, представлявшіе собою мѣтко-схваченную карикатуру поверхностнаго образованія и неразумнаго подражанія иноземцамъ; едва-ли не еще болѣе близки были каждому типы грубаго, хотя и не глупаго „Бригадира“ и хищнаго „Совѣтника“, защищающаго невѣжество изъ собственныхъ корыстныхъ видовъ. Кромѣ того, „Бригадиръ“, какъ произведеніе еще молодаго автора, носитъ на себѣ какой-то шутливый, веселый, даже игривый характеръ. Видно, что авторъ очень ловко подмѣтилъ все смѣшное въ выводимыхъ имъ на сцену типахъ, даже нѣсколько преувеличилъ это смѣшное, но не внесъ въ свое осмѣяніе невѣжества и современныхъ ему общественныхъ недостатковъ ни капли горечи и желчи: даже въ самой морали своей не явился ни суровымъ, ни скучнымъ.

Совсѣмъ иными звуками, иными красками отличается сатира Фонъ-Визина въ „Недорослѣ“. Всѣ характеры лицъ, выведенныхъ авторомъ на сцену, замѣтно распадаются на два разряда, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ живой дѣйствительности, а другой противопоставленъ первому, какъ идеалъ того, что автору хотѣлось-бы видѣть въ дѣйствительности, и чего онъ около себя не видитъ. Этимъ-то положительно и отличаются комедіи Фонъ-Визина отъ комедій Екатерины, съ которыми, въ сущности, онѣ имѣютъ очень много общаго въ подробностяхъ, въ характерахъ, описаніи быта и типовъ, заимствованныхъ изъ русской дѣйствительности. Но Екатерина, выводя на сцену Ханжахиныхъ, Ворчалкиныхъ, Фирлюфюшкиныхъ, старалась всюду, какъ естественную противоположность, противопоставить имъ тѣ разумные честные типы просвѣщенныхъ людей, которые всюду указывали на дѣйствительность, какъ на идеалъ всего лучшаго, чего только возможно было ожидать отъ правильнаго и равномѣрнаго движенія общества по пути прогресса. Въ „Недорослѣ“ Фонъ-Визина, напротивъ того, типамъ порочныхъ, невѣжественныхъ и злыхъ людей, очерченныхъ мастерски, глубоко и вѣрно, противопоставляются типы людей добродѣтельныхъ, почтенныхъ, заслуживающихъ уваженія, и, въ то-же время, почти непріязненно отно-

[1]) Истор. Русск. Слов. древней и новой; часть I, изд. первое.

VII.

Державинъ, какъ «пѣвецъ Екатерины». — Характеристика Державина. — Біографическія подробности.—Державинъ и Екатерина II. — Державинъ и Александровская эпоха. — Значеніе Державина въ исторіи нашей поэзіи.

Сумароковъ, подъ конецъ своей литературной карьеры [1]), при поднесеніи одной изъ своихъ одъ Екатеринѣ, говорилъ между прочимъ: „царствованью Августа потребенъ Горацій“ — и самонадѣянно воображалъ онъ себя тѣмъ избраннымъ пѣвцомъ, тѣмъ Гораціемъ, которому суждено было воспѣть вѣкъ новаго Августа — Екатерины. Но это не ему выпало на долю... На мѣсто отживающаго поэта въ то время уже готовъ былъ выступить Державинъ, — тотъ восторженный и пылкій пѣвецъ Екатерины, который оставилъ потомству поэтическую лѣтопись славы, торжествъ и подвиговъ екатерининскаго времени. Но въ этой „поэтической лѣтописи“, живо и ярко рисующей намъ лица и событія современной эпохи, поэтъ еще болѣе ярко обрисовалъ намъ себя, какъ человѣка и какъ писателя. Къ тому матерьялу, который поэтическія произведенія Державина представляютъ намъ для характеристики его, какъ поэта, присоединяются еще оставленныя имъ „Записки“ [2]) и обширная дѣловая и дружеская переписка, служащія драгоцѣнѣйшимъ дополненіемъ его біографіи и вполнѣ возсоздающія намъ образъ Державина, какъ со стороны его общественной и государственной дѣятельности, такъ и со стороны частной домашней жизни. Если принять въ соображеніе всѣ произведенія Державина, его „Записки“ и обширную переписку, то можно сказать, что ни одинъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка—даже самъ Фонъ-Визинъ—не рисуется намъ такъ живо, такъ полно и ясно, какъ Державинъ. Мало того: въ личности Державина по этому богатому матерьялу рисуется намъ типъ одного изъ передовыхъ русскихъ людей второй половины XVIII столѣтія, со всѣми свѣтлыми и темными сторонами, со всѣми достоинствами и недостатками. Особенно интересною является для насъ личность Державина по сравненію съ Фонъ-Визинымъ, его современникомъ и пріятелемъ, о которомъ мы сказали въ началѣ предыдущей главы, что онъ олицетворялъ въ своемъ замѣчательномъ образѣ всѣ лучшія стороны современнаго общественнаго типа, при весьма немногихъ недостаткахъ. Къ Державину можно примѣнить тотъ же самый отзывъ, нѣсколько измѣнивъ его: въ своемъ величавомъ образѣ Державинъ представляетъ намъ всѣ недостатки современныхъ ему общественныхъ дѣятелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько такихъ личныхъ достоинствъ, которыя составляютъ дѣйствительное украшеніе его и рѣзко отличаютъ его отъ другихъ дѣятелей нашей придворной и административной жизни прошлаго столѣтія. Одаренный отъ природы очень слабымъ и мягкимъ хатактеромъ, способный поддаваться дурнымъ вліяніямъ и вслѣдствіе этого часто уклоняясь съ прямаго пути, Державинъ, однакоже, въ теченіе всей своей жизни не переставалъ уважать этотъ „прямой путь“ и постоянно стремился на него возвратиться. Вообще, непослѣдовательность, горячность, непостоянство и быстрые переходы отъ одного воззрѣнія или направленія въ образѣ дѣйствій къ другому, со-

[1]) Въ сентябрѣ 1773 года, при поднесеніи оды на день коронаціи. — [2]) Немаловажно для насъ то полное заглавіе Записокъ, которое дано было имъ самимъ авторомъ: „Записки изъ извѣстныхъ всѣмъ произшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающія въ себѣ жизнь Гавриды Романовича Державина“. Записки эти начаты были въ 1805 и оканчиваются 1812 годомъ.

пришлось Державинымъ научиться. И воспитаніе, и образованіе, по свидѣтельству „Записокъ“, сводилось къ очень незначительнымъ результатамъ. „Болѣе всего старались“, пишетъ въ Запискахъ Державинъ, — „чтобъ научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представляли на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовали и фехтовали въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ, хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людкость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи“.

Въ 1762 году Державинъ, уже задолго передъ тѣмъ записанный въ Преображенскій полкъ рядовымъ, явился на службу и, не имѣя въ столицѣ ни родни, ни знакомыхъ, вынужденъ былъ помѣститься въ казармѣ, вмѣстѣ съ прочими солдатами. Тутъ Державинъ „долженъ былъ, хотя и не хотѣлъ, выкинуть изъ головы науки. Однако какъ сильную имѣлъ къ нимъ склонность, то, не могши упражняться по тѣснотѣ комнаты ни въ рисованіи, ни въ музыкѣ, чтобы другимъ своимъ компаніонамъ не наскучить, по ночамъ, когда всѣ улягутся, читалъ книги, какія гдѣ достать случалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ, что, однако, сколько ни скрывалъ, но не могъ утаить отъ компаніоновъ, а паче отъ ихъ женъ“... Два года спустя, Державинъ уже нѣсколько болѣе правильно сталъ относиться къ этимъ своимъ занятіямъ и „упражнялся въ чтеніи книгъ и кропаніи стиховъ, стараясь научиться стихотворству изъ книги о поэзіи, сочиненной г. Тредіаковскимъ, и изъ прочихъ авторовъ, какъ гг. Ломоносова и Сумарокова. Но болѣе другихъ ему нравился, по легкости слога, (князь Ѳ. А.) Козловскій, изъ котораго и научился цезурѣ или раздѣленію александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины“. До самаго 1772 года Державинъ, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ времени, проведенныхъ имъ въ отпуску у матери, въ Казани, вынужденъ былъ въ остальное время нести на себѣ всѣ тягости военной службы, принимать участіе во всѣхъ солдатскихъ работахъ и упражненіяхъ. Постепенно пришлось ему пройти всѣ степени солдатства: быть и капраломъ, и каптенармусомъ, и сержантомъ. Наконецъ, послѣ почти десятилѣтней службы, Державинъ былъ произведенъ въ прапорщики. Молодость свою и эти первые годы службы Державинъ рисуетъ самыми мрачными красками и очень живо представляетъ намъ весьма непривлекательную картину нравовъ, преобладавшихъ въ средѣ тогдашней нашей молодежи. Много разъ въ теченіе времени между 1764 — 1772 годами Гавріилъ Романовичъ видѣлъ себя на краю гибели, вдаваясь въ сильнѣйшую картежную игру... Но здоровая и сильная натура Гавріила Романовича выдерживаетъ эту трудную школу и онъ выноситъ изъ нея только сильнѣйшее желаніе во что бы то ни стало сохранить въ себѣ неприкосновеннымъ свое нравственное достоинство. Должно, однакоже, предполагать, что не легко было избѣжать Державину той пропасти, на краю которой скользилъ онъ много разъ въ теченіе этого времени, потому что даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ перепискѣ съ друзьями и родней, онъ не могъ безъ ужаса вспомнить о томъ образѣ жизни, которому предавался въ Москвѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, до окончательнаго переселенія своего въ Петербургъ и до производства въ офицеры.

Четыре года, слѣдовавшіе за производствомъ въ офицеры (1772 — 1776), проведены были Державинымъ на Востокѣ Россіи, гдѣ онъ состоялъ, во время Пугачевщины, членомъ секретной коммиссіи, учрежденной для подавленія мятежа въ Казани и Оренбургѣ. Эти четыре года жизни Державина,— которыми онъ очень гордился, постоянно выставляя на видъ свое безкорыстіе и неутомимую дѣятельность, — не имѣютъ почти никакого значенія въ исторіи развитія его литературнаго таланта. Результаты дѣятельной и безкорыстной службы были, однакоже, далеко незавидны: въ концѣ концовъ Державину пришлось самому хлопотать о томъ, чтобы его наградили за усердіе и уплатили ему за убытки, понесенные имъ отъ продовольствованія войскъ въ его Оренбургской деревнѣ. Наконецъ, въ 1777 году, послѣ долгихъ хлопотъ и ходатайствъ, при посредствѣ Потемкина, Державину удается получить 300 душъ въ Бѣлоруссіи и чинъ

его начальника, какъ ни старался и онъ самъ поддержать къ себѣ расположеніе начальника и его семьи, однакоже когда увидѣлъ, что его ласкаютъ не совсѣмъ безкорыстно, и хотятъ выдать за него родственницу-княжну, „извѣстную въ то время стихотворицу“, то Державинъ женить себя не далъ и очень ловко отшутился отъ партіи, которая обѣщала ему несомнѣнныя выгоды въ отношеніи служебномъ. Вскорѣ послѣ того онъ женился по любви на молодой и прекрасной дѣвушкѣ, за которую не взялъ никакого состоянія. Вѣроятно эта женитьба много способствовала тому, чтобы разстроить отношенія Державина къ Вяземскому, пользовавшемуся въ то время громаднымъ вліяніемъ; а тутъ еще некстати подвернулась и литературная извѣстность, такъ нежданно осѣнившая Державина.

Державинъ не покидалъ своихъ занятій литературой ни во время военной службы, ни по переходѣ въ гражданскую. Весь періодъ его поэтической дѣятельности до 1779 года, по его собственному сознанію, не представлялъ ничего самостоятельнаго. „Онъ хотѣлъ подражать г. Ломоносову, но какъ талантъ сего автора не былъ въ немъ внушаемъ одинакимъ геніемъ, то, хотѣвъ парить, не могъ выдерживать постоянно, красивымъ подборомъ словъ, свойственнаго единственно россійскому Пиндару (т. е. Ломоносову) великолѣпія и пышности. А для того, съ 1779 года, изобрѣлъ онъ совсѣмъ особый путь, будучи предводимъ наставленіями г. Батте и совѣтами друзей своихъ: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражая наиболѣе Горацію. Но какъ онъ (т. е. Державинъ) на нихъ не увѣрялся, то отъ себя ничего въ свѣтъ не издавалъ, а мало-по-малу, подъ неизвѣстнымъ именемъ, посылалъ въ періодическое изданіе С.-Петербургскаго Вѣстника, котораго издатель, г. Брайко, печатая, сообщалъ ему извѣстія, что публика творенія его одобряетъ“. Съ 1779 года, слѣдовательно, Державинъ выступилъ на самостоятельную дорогу литературную и сталъ писать „въ новомъ родѣ“; однимъ изъ такихъ произведеній въ новомъ родѣ и была ода „Фелицѣ“ (1782 г.), поводомъ къ сочиненію которой послужила сказка Екатерины „о Царевичѣ Хлорѣ“, и „какъ сія Государыня любила забавныя шутки, то во вкусѣ ея и писалъ на счетъ ея ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью“. Какъ ни старался авторъ скрывать эту оду, добрые пріятели выдали его и о ней узнали вскорѣ даже многіе изъ придворныхъ. Екатеринѣ очень понравилось произведеніе молодого поэта, отъ котораго дѣйствительно вѣяло новою жизнью, и она выразила свое расположеніе автору богатымъ подаркомъ, который окончательно разссорилъ Державина съ Вяземскимъ. „Съ того времени закралась въ его сердце ненависть и злоба, такъ что равнодушно съ новопроявившимся стихотворцемъ говорить не могъ: привязываясь во всякомъ случаѣ къ нему, не только посмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу. Все сіе сносимо было съ терпѣніемъ, сколько можно, близъ двухъ годовъ“. Окончательный разрывъ между Державинымъ и Вяземскимъ послѣдовалъ тогда, когда молодой стихотворецъ осмѣлился противорѣчить своему начальнику при случаѣ составленія табели и росписанія доходовъ Имперіи на новый годъ. Вяземскій требовалъ, чтобы представлены были старыя табель и росписаніе; а Державинъ утверждалъ, что этого сдѣлать нельзя, такъ какъ доходы государства успѣли возрасти слишкомъ на 8,000,000 противъ прошлаго года. Вяземскій же „для того не хотѣлъ открывать точнаго доходу, чтобы держать себя болѣе въ уваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неимѣніемъ опыхъ, но послѣ будто особымъ своимъ изобрѣтеньемъ и радѣніемъ найдетъ оныя кое-какъ и удовлетворитъ требованьямъ Двора“. Державинъ, предъусматривая, „что нельзя тамъ ему ужиться, гдѣ не любятъ правды“, рѣшился оставить службу и собирался отдохнуть... Онъ съ особеннымъ жаромъ предался занятіямъ литературою, докончилъ знаменитую оду „Богъ“ и написалъ „Видѣніе Мурзы“ (1785 г.). Но отдохнуть ему не удалось: по желанію Императрицы онъ назначенъ былъ олонецкимъ губернаторомъ. На губернаторствѣ пробылъ онъ однакоже не болѣе двухъ лѣтъ, и такъ какъ его постоянная дѣятельность и несносная, придирчивая честность сильно докучали намѣстнику губерніи, то, по его ходатайству, Державинъ и былъ переведенъ въ концѣ втораго года въ тамбовскую губернію, „не сдѣлавъ

которой степени оправдаться передъ нею во взведенныхъ на него обвиненіяхъ; но Императрица удовольствовалась только очень поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу: она сказала Державину, что „не можетъ обвинять автора Фелицы“, но даже и не заглянула въ тотъ толстый томъ документовъ и дѣлъ, на которомъ онъ основывалъ свои оправданія. Державину возвращено было заслуженное имъ жалованье, велѣно было даже „и впредь оное производить до опредѣленія къ мѣсту“; но мѣста ему никакого не давали и онъ оставался безъ службы и безъ дѣла. „Сіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и хотя по воскресеньямъ пріѣзжалъ онъ ко Двору, но какъ не было у него никакого предстателя, который бы напомянулъ Императрицѣ объ обѣщанномъ мѣстѣ, то и сталъ Державинъ какъ бы забвеннымъ. Въ такомъ случаѣ не оставалось ему ничего другаго дѣлать, какъ искать входа къ любимцу Государыни и черезъ него (т. е. черезъ П. А. Зубова) искать себѣ покровительства“. Державинъ не былъ съ нимъ знакомъ, да и не могъ быть, потому что Зубову было тогда всего 22 года. „Но что дѣлать!—восклицаетъ Державинъ въ своихъ „Запискахъ“—надо было сыскивать случая съ нимъ познакомиться. Какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ, ходя нѣсколько разъ, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Вслѣдствіе чего и написалъ онъ оду „Изображеніе Фелицы“, и къ 22-му числу сентября, т. е. ко дню коронованія Императрицы, передалъ черезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ, но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако и одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія; а сверхъ того и Императрица приказала приглашать его и въ Эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ-то на святки, когда они наступали, и прочія собранія“.

Такимъ образомъ время шло; Державинъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ и, вынужденный жить на широкую ногу, входилъ мало-по-малу въ долги и нуждался... между тѣмъ его продолжали ласкать при Дворѣ и постоянно обнадеживали полученіемъ мѣста. Особенно благосклонно принята была Императрицею его „Ода на взятіе Измаила“. Екатерина подарила поэту богато осыпанную брилліантами табакерку и потомъ, увидѣвшись съ нимъ по напечатаніи оды, сказала ему съ усмѣшкой: „я не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна“. Вскорѣ послѣ этого вернулся изъ арміи Потемкинъ, и Державинъ, вращаясь постоянно въ придворномъ кругу, невольно попалъ между двухъ огней. Мы не можемъ не привести здѣсь изъ „Записокъ“ Державина тѣхъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ по своей искренности страницъ, въ которыхъ Гавріилъ Романовичъ разсказываетъ намъ о своемъ затруднительномъ положеніи среди борьбы различныхъ партій:

„Князь Потемкинъ пріѣхалъ изъ арміи“—такъ разсказываетъ Державинъ подъ 1790 годомъ въ своихъ Запискахъ—„сталъ къ автору необыкновенно ласкаться, и черезъ Василія Степановича Попова (бывшаго главнымъ секретаремъ Потемкина) приказывалъ, что хочетъ съ нимъ короче познакомиться. Вслѣдствіе чего Державинъ сталъ въѣзжъ къ Потемкину“. Немного далѣе, излагая непріязненныя отношенія свои къ отцу Зубова, извѣстному своей ненасытностью въ стяжаніи, онъ прибавляетъ, что опасаться ему этихъ отношеній было нечего, „какъ по покровительству сына, такъ и Потемкина, который въ сіе время весьма былъ хорошъ къ автору торжественныхъ хоровъ для праздника на взятіе Измаила, отправленнаго имъ въ Таврическомъ его домѣ“... „Потемкинъ въ сіе время за Державинымъ, такъ сказать, волочился; желая отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ, спрашивалъ черезъ г. Попова, чего онъ желаетъ. Но съ другой стороны, молодой Зубовъ, призвавъ его въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ ему отъ имени Государыни, чтобъ онъ (Державинъ) писалъ для князя, что онъ прикажетъ; но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не про-

вить (людей) отъ пороковъ и угнетенія сильныхъ не всегда строгостью законовъ, но особымъ материнскимъ о нихъ попеченіемъ". Не разъ случалось, что Екатерина жаловалась окружающимъ на грубость и вспыльчивость Державина при докладахъ; „случалось, что разсердится и выгонитъ (его) отъ себя, а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ-ли онъ пить и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что позабудетъ свою досаду и сдѣлается попрежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: „Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы—не человѣкъ. Я сегодня положилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ Вами не говорить; но Вы противъ моей воли дѣлаете изъ меня, что хотите!" Она засмѣялась и сказала: „неужто это правда?"

Не смотря, однакоже, на всю слабость характера своего, не смотря на то, что близость къ Императрицѣ очевидно льстила самолюбію Державина, онъ, послѣ четырехлѣтняго пребыванія при Дворѣ, началъ чувствовать на себѣ всѣ тягости придворной службы и тѣхъ отношеній, къ которымъ никакъ не могъ себя пріучить. Для него наступилъ періодъ разочарованія... „Сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ-бы онъ былъ доволенъ: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства". Къ такому разочарованію, которое, какъ видно изъ этого мѣста Записокъ, весьма неблагопріятно вліяло на поэтическую дѣятельность Державина, прибавилось въ концѣ царствованія Екатерины и другое обстоятельство, которое должно было еще хуже повліять на поэта. Екатерина, уже съ начала 80-хъ годовъ, сдѣлавшаяся взыскательной и нетерпимой по отношенію къ литературѣ и журналистикѣ, рѣшилась взглянуть недовѣрчиво даже и на нѣкоторыя изъ поэтическихъ произведеній Державина. Въ тетради стиховъ, поднесенной поэтомъ Императрицѣ по ея собственному желанію, ей не понравилось переложеніе 81-го псалма, сдѣланное Державинымъ, и собственно потому, что „сей самый псаломъ былъ во время французской революціи якобинцами перефразированъ и пѣтъ по улицамъ для подкрѣпленія народнаго возмущенія противъ Людовика XVI". Такъ истолковали Державину неудовольствіе Императрицы. „Царь Давидъ", отвѣчалъ Державинъ, „не былъ якобинецъ, слѣдовательно, пѣсни его не могутъ быть никому противными". И хотя его объясненія и оправданія были приняты Екатериною благосклонно, однакоже недовѣріе къ самому себѣ закралось въ его душу, и опасеніе навлечь на себя новую немилость начало съ той поры дѣйствовать на Державина: онъ замѣтно сталъ менѣе писать...

Къ концу царствованія Екатерины Державинъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; во время краткаго царствованія императора Павла Державинъ былъ сдѣланъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, потомъ даже государственнымъ казначеемъ, но служебное положеніе его не переставало быть очень шаткимъ и невѣрнымъ; не смотря на свое непреодолимое влеченіе къ дѣятельности, на желаніе приносить своей службой пользу государству, Державинъ видимо уже начиналъ тяготиться своимъ высокимъ саномъ и безполезностью своихъ усилій. Къ этому времени относится извѣстное его стихотвореніе „Къ самому себѣ", въ которомъ, не видя кругомъ себя ничего, кромѣ своекорыстія и ничтожныхъ расчетовъ, онъ, наконецъ, рѣшается сказать:

„Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если свѣтъ за то брашится,
Что иду своей стезей?
Пусть другіе работаютъ,
Много умныхъ есть господъ:
И себя не забываютъ,
И царямъ сулятъ доходъ".

Но и послѣ этого Державинъ прослужилъ еще слишкомъ три года; онъ оставался на службѣ (и былъ сдѣланъ юстицъ-министромъ) даже въ то время, когда, со вступленіемъ на престолъ Александра I, началось сильное либеральное движеніе, среди

подражанія лирикѣ Ломоносова — этого „россійскаго Пиндара", какъ называли его современники. Какое же значеніе имѣлъ Державинъ въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія?

Прежде всего мы должны, конечно, сказать: Державинъ вполнѣ достоинъ своей славы уже потому, что онъ, въ ряду нашихъ поэтовъ, былъ первымъ поэтомъ по вдохновенію, по призванію. Онъ оставилъ намъ весьма значительную массу стиховъ, вовсе незамѣчательныхъ, подобныхъ тѣмъ, которые, по его собственному выраженію, „писались и цеховыми стихотворцами" его времени, въ которыхъ мы видимъ одни громкія слова и очень мало мысли и чувства; но и въ каждомъ, даже самомъ плохомъ изъ его стихотвореній, видна рука мастера, чувствуется талантъ, встрѣчаются мѣста, замѣчательныя по своимъ поэтическимъ образамъ, по звучности стиха, по красотѣ и силѣ выраженія. И въ этомъ отношеніи, особенно если станемъ сравнивать Державина съ Ломоносовымъ и со всѣми нашими лириками второй половины XVIII вѣка, мы должны будемъ, конечно, признать, что Державинъ стоитъ цѣлою головою выше ихъ всѣхъ и что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ, до Пушкина, не могъ съ нимъ равняться ни по силѣ таланта, ни по непосредственности и самобытности вдохновенія. Вдохновеніе Державина находило себѣ весьма обильную пищу въ эпохѣ Екатерининскаго царствованія, среди которой ему пришлось жить и дѣйствовать. И поэзія Державина, по преимуществу, явилась поэзіей образовъ и событій, поэзіей, торжественно и громко прославляющей побѣды и подвиги, описывающей пиры, празднества и шумную свѣтскую жизнь — нескончаемымъ хвалебнымъ гимномъ Екатерининскаго вѣка. Вообще внутреннимъ содержаніемъ, идеями, поэзія Державина не богата. Въ этомъ, съ одной стороны, отразилось еще младенческое состояніе нашей литературы, которая во многихъ отношеніяхъ довольствовалась тогда выработкою поэтической внѣшности произведеній; съ другой стороны, произведенія Державина внутреннимъ содержаніемъ и не могли быть богаты, потому что онъ самъ вовсе не былъ поэтомъ-мыслителемъ, способнымъ сосредоточиться, углубиться въ точное и подробное изслѣдованіе того или другого отвлеченнаго философскаго вопроса. Слабый характеромъ, плохо воспитанный и при этомъ рано вкусившій жизни, Державинъ не успѣлъ выработать въ себѣ никакихъ твердыхъ, положительныхъ убѣжденій; честный, прямой и горячій, по природѣ своей, онъ однакоже не на столько былъ развитъ, чтобы съумѣть всегда и во всемъ провести тонкое различіе между добромъ и зломъ, между правдою и неправдою. Способный вообще поддаваться всякимъ постороннимъ вліяніямъ, Державинъ, сверхъ того, былъ еще крайне стѣсненъ своимъ положеніемъ придворнаго поэта. Это положеніе очень часто вынуждало его не только вообще отступать отъ правды въ поэзіи, но и писать прямо противъ своего убѣжденія похвалы тому, что ихъ вовсе не заслуживало, и насиловать вдохновеніе свое въ тѣхъ случаяхъ, когда оно ему отказывалось служить, не повиновалось его волѣ... Къ тому же и самый уровень нравственнаго развитія, на которомъ находилось современное Державину общество, допускалъ возможность употребленія поэтическаго таланта, какъ средства для достиженія различныхъ матеріальныхъ выгодъ, для обезпеченія своего общественнаго или служебнаго положенія, для обращенія на себя вниманія, для пріобрѣтенія покровительства, даже для избавленія себя отъ угрожающей опасности... Такъ мы уже выше видѣли случай, когда Державинъ прибѣгалъ къ своему таланту, какъ къ надежнѣйшему средству обратить на себя вниманіе Екатерины и добиться знакомства съ Зубовымъ; также точно и въ другой разъ, когда Державинъ опасался гнѣва и опалы со стороны Императора Павла, онъ поспѣшилъ поднести ему оду „на восшествіе его на престолъ" и тѣмъ перемѣнилъ гнѣвъ его на милость... Сверхъ того, бѣдность внутренняго содержанія Державинской поэзіи, среди вышеуказанныхъ условій, значительно увеличивалась еще и слабостью его характера. При отсутствіи твердыхъ убѣжденій, Державинъ, какъ человѣкъ горячій, былъ склоненъ къ порывамъ, къ быстрымъ перемѣнамъ взгляда и рѣзкимъ переходамъ отъ одного направленія къ другому, совершенно противоположному... Вотъ почему очень часто, въ одной и той же одѣ, встрѣчаемъ у него

лирической поэзіи), хотя онъ очень высоко ставилъ оды Ломоносова, утверждая, „что не токмо превзойти его, но и сравняться съ нимъ не можетъ“, однакоже самъ уже замѣчалъ разницу между своей лирикой и лирикой Ломоносова въ общемъ направленіи и въ способѣ обработки сюжета. Разницу эту, въ письмѣ своемъ къ Е. Р. Дашковой, онъ очень мѣтко опредѣлилъ, сказавъ о Ломоносовѣ, что „ему надобно было прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и къ постороннему украшенію, а мнѣ къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна“. Къ этому стремленію, придать одѣ болѣе естественности, прибавлялось еще и умѣнье Державина чрезвычайно ловко и кстати разнообразить торжественный и высоко-настроенный тонъ оды сатирическими очерками нравовъ современнаго общества и довольно игривыми, оригинальными переходами отъ серьезнаго и торжественнаго настроенія оды къ шутливому и забавному.

Лирика въ произведеніяхъ Державина много выиграла съ внѣшней стороны:— онъ совершенно отрѣшился отъ того однообразнаго и скучнаго, какъ бы оффиціальнаго размѣра одъ, который ввелъ Ломоносовъ и который усвоили вслѣдъ за нимъ всѣ его подражатели. Размѣры въ лирикѣ Державина разнообразны; многія изъ его произведеній писаны двумя размѣрами; замѣтно, что онъ вообще ладилъ со стихомъ довольно свободно и даже нѣсколько тщеславился переходами отъ одного размѣра къ другому, которые свидѣтельствуютъ о его умѣньи владѣть стихомъ. Языкъ поэзіи Державина — сильный, образный, выразительный, но еще жесткій и неровный, благодаря неумѣлому смѣшенію русскаго элемента съ церковнославянскимъ, затемняющему значеніе стиха.

Безпристрастно взвѣшивая достоинства и недостатки поэтическихъ произведеній Державина, становясь при этомъ на точку зрѣнія исторической критики, нельзя не признать того, что между поэтическими произведеніями Державина и произведеніями тѣхъ предшественниковъ его, которыхъ онъ самъ почиталъ своими образцами — лежитъ цѣлая пропасть.

Сравнивая оды Ломоносова и Сумарокова съ Державинскими, видимъ, что поэзія сдѣлала большой шагъ впередъ на пути своего внѣшняго и внутренняго развитія. Державину принадлежитъ честь упрощенія нашей поэзіи, сближенія ея съ жизнью, значительнаго совершенствованія ея формъ, наконецъ—честь примѣненія поэтическаго способа обработки къ такимъ сюжетамъ, о которыхъ и помыслить не смѣли его предшественники. Онъ съумѣлъ, кромѣ того, усвоить поэзіи и много такого, что было имъ прямо заимствовано изъ неначатой еще тогда сокровищницы народныхъ преданій, повѣрій и богатаго запаса словъ, оборотовъ и образовъ, представляемаго языкомъ нашей народной поэзіи.

Вообще говоря, Державину уже въ значительной степени удалось вложить душу, вдунуть жизнь въ то мертвое и безжизненное тѣло нашей зарождавшейся поэзіи, которая до него представляла только одну несложившуюся форму. И это — заслуга не малая; заслуга, стоющая памятниковъ... Современная намъ наука вполнѣ сознала ее и по достоинству оцѣнила, увѣковѣчивъ произведенія Державина единственнымъ въ своемъ родѣ академическимъ изданіемъ его сочиненій, редакція котораго поручена была академику Я. К. Гроту. Лучшаго памятника нельзя желать ни одному изъ нашихъ поэтовъ!

Бесѣдка Фелицы, въ Павловскѣ.

ратурныхъ дѣятелей поднимаются, растутъ и зрѣютъ, и выступаютъ на литературное поприще съ новыми взглядами, съ новыми идеями и вкусами — и долго приходится имъ жить и дѣйствовать на этомъ поприщѣ рядомъ съ устарѣвшими, отживающими, но не рѣдко маститыми и почтенными представителями предшествующей литературной эпохи.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (род. 1733, ум. 1807 г.) происходилъ отъ рода валахскихъ бояръ Хересko. Отецъ его, Матвѣй Андреевичъ Херасковъ, переселился въ Россію еще при Петрѣ Великомъ, можетъ быть одновременно съ княземъ Кантемиромъ. Хотя онъ и не дослужился до высокихъ чиновъ, однакоже считался, конечно, лицомъ довольно знатнымъ, потому что могъ жениться на дѣвицѣ изъ знатнаго рода, княжнѣ Аннѣ Даниловнѣ Друцкой. Михаилъ Матвѣевичъ былъ третьимъ сыномъ отъ этого брака и родился въ городѣ Переяславлѣ (Полтавской губерніи) незадолго до смерти отца своего. Мать Хераскова, знаменитая красавица своего времени, вскорѣ послѣ смерти мужа, вышла вторично замужъ за извѣстнаго князя Н. Ю. Трубецкаго, черезъ котораго Михаилъ Матвѣевичъ, въ свою очередь, породнился съ цѣлымъ рядомъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій: съ Салтыковыми, Румянцовыми-Задунайскими, Нарышкиными, Вяземскими, Черкасскими. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія біографа, какъ потому, что оно рисуетъ намъ свѣтскую и родственную обстановку Хераскова, такъ и потому, что родственныя связи и близкія отношенія къ знати должны были впослѣдствіи сильно повліять на служебную карьеру и общественное положеніе нашего писателя. Получивъ только самые начатки воспитанія и ученія дома, Херасковъ уже на 10-мъ году отданъ былъ въ Сухопутный Шляхетный корпусъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, воспитывался и Сумароковъ. Тамъ оставался онъ до 1751 года, и подъ вліяніемъ тѣхъ благопріятныхъ условій тогдашняго корпуснаго быта, о которыхъ мы говорили въ біографіи Сумарокова, въ Херасковѣ тоже довольно рано развился вкусъ къ занятіямъ литературою. Пробывъ недолгое время, послѣ выпуска изъ корпуса, въ военной службѣ (въ Имгерманландскомъ полку), Херасковъ перешелъ на службу сначала въ коммерцъ-коллегію, а потомъ, тотчасъ по учрежденіи Московскаго университета (въ 1755 г.), опредѣленъ въ число лицъ, составлявшихъ штатъ этого новаго высшаго учебнаго заведенія Здѣсь прослужилъ онъ до 1770 г., потомъ снова возвратился на службу въ Петербургъ [1]), и наконецъ въ 1775 году вышелъ

Херасковъ.

въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ жили его единоутробные братья, князья Трубецкіе и большая часть его знатной родни. Въ это время и онъ, и братья его успѣли сдѣлаться ревностными масонами. Въ началѣ 1778 года мы даже видимъ его занятымъ въ Петербургѣ хлопотами по масонскимъ дѣламъ. Здѣсь впервые, по поводу этихъ же дѣлъ, онъ входитъ въ сношенія съ Новиковымъ, съ которымъ знакомство его не прекращается до конца жизни, и которому онъ такъ дѣятельно помогаетъ впослѣдствіи, во время дальнѣйшей службы своей въ Москвѣ, при осуществленіи

1) Съ 1770 по 1775 г. Херасковъ состоялъ на службѣ въ бергъ-коллегіи, между 1775 и 1778 г находился въ отставкѣ, а въ 1778 г. опять перешелъ въ университетъ, будучи назначенъ куратором.

года Императрица Екатерина стала не совсѣмъ благоволить къ Хераскову за связи его съ масонами.

Въ 1792 г. московскіе мартинисты подверглись сильнѣйшимъ преслѣдованіямъ [1]), а ихъ учрежденія были закрыты и уничтожены. Херасковъ, также принадлежавшій къ ихъ кружку, едва усидѣлъ на своемъ мѣстѣ куратора. Императрица не хотѣла щадить и его, и даже предписала его „отставить"; но онъ спасся заступничествомъ ея любимца Пл. А. Зубова, котораго упросилъ о томъ Державинъ, пользовавшійся тогда милостью временщика. Вѣроятно, ему въ этомъ отношеніи не мало помогли и его обширныя, разнообразныя родственныя связи.

Когда, по смерти Екатерины, императоръ Павелъ „взыскалъ мартинистовъ своею милостью", Херасковъ былъ осыпанъ наградами. Только уже въ царствованіе Императора Александра I закончилъ онъ свою почти сорокалѣтнюю службу при Московскомъ университетѣ, и послѣдніе годы своей жизни провелъ на покоѣ въ Москвѣ, занимаясь литературой, печатая стихи свои и до самой кончины пользуясь славою и почетомъ среди современныхъ ему литературныхъ кружковъ. По особенно-странному стеченію обстоятельствъ „Хераскова ожидала литературная почесть даже и по смерти" — какъ замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ. Въ 1807 году онъ представилъ на соисканіе награды отъ Россійской Академіи новую, неизданную трагедію свою: Зеренда и Ростиславъ. Награда была присуждена ей; но имя автора, какъ обыкновенно, оставалось тогда еще тайной. По провозглашеніи рѣшенія, обнаружено было имя автора и имъ оказался — недавно умершій Херасковъ.

Трудясь на литературномъ поприщѣ почти въ теченіе полувѣка, Херасковъ болѣе выказалъ трудолюбія, нежели таланта. Умѣренный, аккуратный и постоянный во всемъ, въ теченіи всей своей жизни, онъ такимъ же точно явился и въ своей литературной дѣятельности. Масса оставленныхъ имъ произведеній, построенныхъ на основаніи правилъ ложно-классической теоріи, представляетъ собою замѣчательно точное воспроизведеніе ложно-классическихъ литературныхъ образцовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поражаетъ современнаго читателя полнымъ отсутствіемъ всякаго самостоятельнаго творчества. Но за то, болѣе всѣхъ русскихъ писателей прошлаго вѣка, Херасковъ можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ представителемъ ложно-классическаго направленія, насколько оно проявлялось въ нашей поэзіи лирической, драматической и эпической. Современники ставили ему въ особенную заслугу именно то, что онъ первый рѣшился перенести на русскую почву образцы ложно-классическаго эпоса и подарилъ русскую литературу двумя обширными эпическими поэмами, написанными по всѣмъ правиламъ современной литературной теоріи; обѣ эти поэмы вполнѣ удовлетворяли современному вкусу и понятіямъ о разработкѣ важныхъ, героическихъ сюжетовъ. Публика уже успѣла освоиться въ это время съ лирикой „Россійскаго Пиндара, съ драмой „Россійскаго Расина": ей не доставало только Россійскаго Гомера,— и его-то олицетворилъ Херасковъ въ своей Россіядѣ, въ своемъ Владимірѣ". Полное отсутствіе всякой литературной критики было одною изъ отличительныхъ чертъ эпохи и потому такая легкая раздача литературныхъ титуловъ писателямъ того времени ничуть не должна казаться намъ удивительной. Титулъ русскаго Гомера долженъ былъ принадлежать первому русскому писателю, у котораго-бы хватило терпѣнія воспѣть какое-бы то ни было героическое событіе въ полутора дюжинѣ объемистыхъ пѣсенъ, написанныхъ правильно составленными русскими стихами. Такимъ терпѣливымъ воспѣвателемъ и творцомъ обширныхъ эпическихъ поэмъ явился Херасковъ, и посредственныя произведенія его, противупоставленныя неуклюжей Телемахидѣ Тредіаковскаго, заставили всѣхъ единогласно присудить громкое прозваніе Россійскаго Гомера—Хераскову, какъ творцу „Россіяды" и „Владиміра". Обѣ эти поэмы, даже и въ глазахъ первоклассныхъ поэтовъ того времени, считались „безсмертными" [2]) твореніями, неподлежащими забвенію въ потомствѣ...

[1]) Мартинизмъ—одна изъ отраслей масонства, особенно сильно распространенная въ Москвѣ конца XVIII вѣка.—[2]) Такъ думалъ и Державинъ, и даже И. И. Дмитріевъ.

общество, уважающее преданія, тишину и порядокъ. Почти тѣ же мысли, та же идеализація современнаго общественнаго устройства въ Россіи, противуполагаемая неурядицѣ и волненіямъ общества, не подчиненнаго единодержавію, составляетъ сюжетъ и другой, весьма популярной поэмы Хераскова: „Царь или спасенный Новгородъ“ (1800 г.).

Но для всѣхъ современниковъ и для ближайшаго потомства Херасковъ все же представлялся замѣчательнымъ поэтомъ именно потому, что создалъ двѣ обширныя эпическія поэмы — Россіаду (1779 г.) и Владиміра (1786) — первые сносные образцы эпическаго рода на нашей литературной почвѣ, и эта заслуга пожалуй можетъ быть названа не малою, въ смыслѣ перваго шага по новому пути, въ смыслѣ указанія для будущихъ поэтовъ. „Россіада“, въ 12 громадныхъ пѣсняхъ, воспѣваетъ взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ; а такъ какъ эпическая поэма должна была заключать въ себѣ (по правиламъ современной ложно-классической теоріи) „какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну, относящуюся до всего человѣческаго рода“ [1]) — то Херасковъ и старается по возможности возвысить значеніе того событія, которое избрано имъ въ основу эпической поэмы. Взглядъ Хераскова на это событіе, какъ и вообще на самое значеніе эпической поэмы, совершенно ясно выраженъ имъ въ предисловіи къ „Россіядѣ“:

„Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но цѣлому отечеству: почему сіе твореніе и Россіядой названо... Важно ли сіе приключеніе въ Россійской Исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно-ли оно Епопеи... а моя поэма сіе оправдать обязана“.

Историческія свѣдѣнія Хераскова оказываются крайне сбивчивыми, и нельзя не замѣтить, что въ своихъ понятіяхъ о личности Грознаго [2]) авторъ „Россіяды“ очень недалеко ушелъ отъ историковъ XVI и XVII вв. Сбивчивости его историческихъ свѣдѣній и понятій, конечно, еще болѣе способствуетъ ложно-классическое направленіе, дозволявшее авторамъ, какъ мы уже видѣли выше, совершенно свободно и безцеремонно обращаться съ историческимъ матерьяломъ. Вотъ что самъ авторъ Россіяды сообщаетъ намъ о своемъ способѣ обработки историческаго сюжета, избраннаго имъ въ основу поэмы:

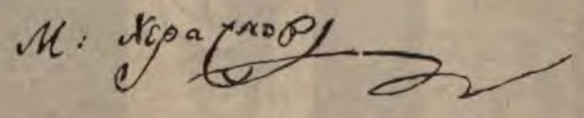
„Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я по исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани... Но да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ—вѣрности исторической, такъ въ дѣописаніяхъ—поэмы искать не должно. Многое отмѣнилъ я, переложилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ-ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что эпическія поэмы обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“.

Въ дополненіе къ тому, что самъ Херасковъ говоритъ о своей поэмѣ, добавимъ отъ себя, что и ложно-классическій эпосъ, по отношенію къ разработкѣ сюжетовъ, страдалъ тѣми же недостатками, которые мы выше замѣтили въ ложно-классической лирикѣ и драмѣ: та же натянутость и высокопарность изложенія, та же безличность героевъ, въ сущности непринадлежащихъ никакой національности и никакой почвѣ, та же неестественность и чрезвычайность положеній. Ко всему этому, въ эпосѣ примѣшивался еще, какъ необходимая и существеннѣйшая сторона его, элементъ чудеснаго, сверхъестественнаго, которое особенно выходило уродливымъ въ русскихъ образцахъ ложно-классическаго

[1]) Слова Хераскова, заимствованныя изъ „Взгляда на эпическія поэмы“, предпосланнаго Россіядѣ ея авторомъ.—[2]) Херасковъ величаетъ его постоянно Іоанномъ Васильевичемъ II-мъ, а не IV-мъ.

столько же ревностнымъ язычникомъ, на сколько впослѣдствіи ревностнымъ христіаниномъ". Выборъ этого сюжета, повидимому, совпадалъ съ тѣмъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, которому Херасковъ поддался подъ вліяніемъ масонства, столь сильно его увлекавшаго въ это время. По крайней мѣрѣ такимъ именно мистическимъ настроеніемъ отзывается все предисловіе къ „Владиміру" [1]).

„Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего „Владиміра", тому совѣтую, наипаче юношеству, читать онаго не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать, какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ въ мракъ сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды, и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается. Не учительскимъ скучнымъ голосомъ преподаю наставленія, какъ достигать свѣта истины; ни съ важностью проповѣдника, мнѣ неприличною, возвѣщаю, какъ возродиться человѣкъ можетъ; но въ духѣ, свойственномъ пѣснопѣвцу, робкому пѣснопѣвцу, единственно о христіанскомъ просвѣщеніи Владиміра повѣдаю, Владиміра, Россіи просвѣтителя и нареченнаго Равноапостольнымъ. Повѣсть важна, велика и восторговъ достойна... Многіе духовные отцы въ томъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованья съ цѣломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ позналъ опытомъ, и ежели кто, прочитавъ сію поэму, скажетъ, что онъ не напрасно потерялъ свое время,



Подпись Хераскова.

то и я сказать осмѣлюсь, что мое время, сочиняя „Владиміра" употребилъ не втунѣ".

То же самое направленіе еще яснѣе высказалось въ предисловіи къ другой духовно-нравственной поэмѣ Хераскова, подъ заглавіемъ „Вселенная" [2]), и отчасти въ послѣднихъ его произведеніяхъ: въ поэмѣ „Пилигриммы или искатели счастія" и „Бахаріана или неизвѣстный" (1803 г.), составленной изъ 14 пѣсенъ, писанныхъ различными размѣрами. Любопытно то, что, не смотря на славу свою, не смотря на сочувствіе и уваженіе со стороны многихъ литературныхъ знаменитостей, Херасковъ не могъ найти между книгопродавцами издателя для Бахаріаны и долженъ былъ печатать ее на свой счетъ.

Вообще говоря, хотя Херасковъ и принадлежитъ большею и значительнѣйшею частью своей литературной и служебной дѣятельности къ царствованію Екатерины, однакоже по своему развитію, образованію и понятіямъ онъ относится къ эпохѣ предшествующей, къ эпохѣ, произведшей Ломоносова и Сумарокова, какъ писателей, горячо слѣдовавшихъ ложно-классической теоріи. Съ Херасковымъ и отжилъ свой вѣкъ въ Россіи типъ литератора, слѣпо приверженнаго правиламъ литературной теоріи, придававшаго большое значеніе внѣшней формѣ и построенію литературныхъ произведеній и „всегда имѣвшихъ на памяти и часто на устахъ" науку о стихотворствѣ Буало. Херасковъ былъ послѣднимъ изъ писателей нашихъ, сочинявшимъ на основаніи правилъ, которыми ложно-классическая теорія стремилась замѣнить вдохновеніе и поэтическій талантъ. Послѣ него едва-ли который-нибудь изъ нашихъ стихотворцевъ рѣшился бы повѣрить тому, что „не одни стихи, но наипаче изобрѣтеніе, естественность, украшенія, привлекательность слога, убѣдительное нравоученіе и остроуміе стихотворца составляютъ" [3]). Этотъ идеалъ

[1]) Именно къ III-му изд. его, въ 1797 г.— [2]) Содержаніе этой послѣдней поэмы почерпнуто изъ русскихъ сказокъ.— [3]) См. предисловіе къ „Кадму и Гармоніи".

журналахъ, которые Херасковъ издавалъ, Богдановичъ провелъ все время до 1761 г., когда, покровительствуемый тѣмъ же Херасковымъ, получилъ мѣсто при Университетѣ. Въ домѣ Хераскова Богдановичъ успѣлъ завязать различныя знакомства и связи съ людьми знатными и высокопоставленными въ обществѣ и обратить на себя особенное вниманіе Е. Р. Дашковой, которая даже пожелала принять участіе въ журналѣ „Невинное Упражненіе", издававшемся подъ редакціею Богдановича до 1763 г. [1]). Княгиня Дашкова доставила Богдановичу мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи, и способствовала этимъ его переселенію въ Петербургъ [2]).

Здѣсь-то, въ 1765 г., онъ, уже извѣстный публикѣ мелкими стихами своими и переводомъ Вольтеровой поэмы „На разрушеніе Лиссабона" — издалъ первую маленькую поэму свою: Сугубое блаженство. „Онъ раздѣлилъ ее на три пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотого вѣка; во второй—успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей; а въ третьей—спасительное дѣйствіе законовъ и церковной власти". Біографъ Богдановича замѣчаетъ объ этой поэмѣ, что она не сдѣлала сильнаго впечатлѣнія на публику; „лавровый вѣнокъ" — говоритъ онъ — „уже сплетался для автора, но еще невидимо".

Въ 1766 году Богдановичъ, въ качествѣ секретаря нашего посольства при саксонскомъ дворѣ, отправился въ Дрезденъ и прожилъ тамъ два года. По возвращеніи оттуда, онъ почти исключительно посвятилъ досуги свои литературѣ: писалъ стихи, переводилъ, даже издавалъ журналъ (Петербургскій Вѣстникъ, въ теченіе полутора года) — „и наконецъ, въ 1775 году [3]), положилъ на олтарь Грацій свою Душеньку"...„Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкой и стихами, въ счастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами".

Сюжетъ „Душеньки" былъ заимствованъ Богдановичемъ изъ повѣсти Лафонтена „Любовь Психеи и Купидона", содержаніе которой было, въ свою очередь, заимствовано французскимъ писателемъ у Апулея, латинскаго писателя, жившаго во II вѣкѣ по Р. Х. Апулей вставилъ разсказъ объ Амурѣ и Психеѣ въ видѣ эпизода въ одну изъ главъ своего обширнаго, философскаго романа: „Превращеніе или золотой оселъ". Лафонтенъ сдѣлалъ изъ Апулеева разсказа граціозную и легкую небольшую повѣсть, написанную прозой и стихами. Богдановичъ, заимствуя то же содержаніе у Лафонтена, и передавая его въ трехъ книгахъ вольными стихами, въ видѣ небольшой романтической поэмы, задался при этомъ желаніемъ передѣлать Лафонтенову повѣсть на русскіе нравы, сообразуясь съ модным въ екатерининское время направленіемъ нашей литературы. Изъ этого-то и произошли всѣ тѣ несообразности и весьма неизящныя отступленія отъ Лафонтенова изложенія, которыя тѣсно были связаны съ неестественнымъ перерожденіемъ отвлеченной, таинственной греческой „Психеи" въ весьма положительную, хорошенькую русскую дѣвушку, у которой однакоже родителями оказываются греческіе царь и царица, живущіе „въ старинной Греціи, въ Юпитерово время". Въ такой же степени неизящнымъ и страннымъ представляется то смѣшеніе русскихъ преданій съ греческою миѳоло-

[1]) Журналъ этотъ издавался только полгода и въ іюнѣ прекратился; въ приложенномъ къ послѣднему № письмѣ „отъ издателя къ обществу" сказано было, что онъ прекращается „по многимъ неотвратимымъ препятствіямъ и, вопервыхъ, потому, что какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались".—[2]) Въ автобіографической запискѣ Богдановича находимъ слѣдующую замѣтку: „По просьбѣ Е. Р. Дашковой опредѣленъ въ переводчики къ П. И. Панину... и употребленъ былъ къ соучаствованью въ издаваемомъ подъ ея покровительствомъ журналѣ, названномъ „Невинное упражненіе". 1763 году Богдановичъ съ Панинымъ и въ Петербургъ отправился".—[3]) Въ автобіографической запискѣ: „1775 г. декабря 23 дня принялъ въ академіи приватную должность, имѣть главное смотрѣніе въ изданіи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Сію должность отправлялъ по декабрь 1782 года".

бенности поощрявшей его писать для театра [1]). Между 1775 и 1789 гг. имъ и дѣйствительно написано было нѣсколько пьесъ: въ томъ числѣ лирическая комедія „Радость Душеньки“ и драма „Славяне“, которую играли во время празднованія двадцатипятилѣтія со дня вступленія на престолъ Екатерины II. Едвали слѣдуетъ здѣсь упоминать о томъ, что около того же времени Богдановичъ предпринялъ написать „Историческое изображеніе Россіи“, о которомъ даже и современники отзывались какъ „объ опытѣ легкомъ, несовершенномъ, но довольно пріятномъ“. Вообще, подъ конецъ царствованія Екатерины, Богдановичъ сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ придворныхъ поэтовъ, посвятившихъ всецѣло досуги свои прославленію Екатерины, и, не довольствуясь своими хвалебными произведеніями въ честь ея, перевелъ также всѣ лучшіе стихи, написанные въ честь Екатеринѣ, Вольтеровы, Мармонтелевы и проч. „Сіи поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ—и Богдановичъ не унижалъ его“ Однимъ изъ болѣе замѣчательныхъ произведеній Богдановича въ теченіе этого періода, конечно, долженъ быть названъ его сборникъ Русскихъ пословицъ (въ 1785 г.), собранныхъ и переложенныхъ въ стихи, въ 3-хъ частяхъ, по желанію Екатерины, вообще любившей народныя поговорки. Пословицы въ сборникѣ Богдановича сглажены, смягчены и расположены по тѣмъ нравственнымъ вопросамъ, которые положены въ основу ихъ (напр. отдѣлъ I: нужная умѣренность въ жизни; отдѣлъ II: нужное терпѣніе въ жизни; отд. III: нужное примѣненіе къ дому и т. д. Или еще: отдѣлъ IV, стыдъ хвастовства, отдѣлъ VII, стыдъ самохвальства, отдѣлъ VIII — глупость спѣси и т. п.).

Одинъ изъ современниковъ посвятилъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько словъ Богдановичу, стараясь охарактеризовать его личность; приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ: „Богдановича (видали) у Державина и въ другихъ петербургскихъ обществахъ. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ и молчаливъ. Являлся на вечера, всегда опрятно и хорошо одѣтый, въ французскомъ кафтанѣ, щеголевато напудренный, съ кошелькомъ, съ плоской тафтяной шляпой подъ мышкой. Говорилъ осторожно и разыгрывалъ дипломата. Предметомъ его разговора было всегда нѣсколько словъ о политическихъ новостяхъ, всѣмъ извѣстныхъ. Вообще, какъ человѣкъ, желавшій казаться свѣтскимъ, онъ не останавливался долго на одномъ предметѣ разговора, не вдавался въ разсужденія, не объявлялъ своего мнѣнія, ни на чемъ не настаивалъ, а скользилъ по предметамъ. Богдановичъ, кажется, не думалъ быть авторомъ: написалъ „Душеньку“ для собственной своей забавы и напечаталъ по убѣжденію пріятеля; на поприще писателя вызвалъ его успѣхъ „Душеньки“. Но послѣ ея ничто уже не далось ему“.

Всѣми уважаемый, какъ авторъ „Душеньки“, и многими любимый за свою скромность, простоту и безвредность, какъ человѣкъ, Богдановичъ спокойно окончилъ свою службу въ 1795 году. Въ послѣднее время службы (съ 1798 г.) онъ занималъ довольно видное мѣсто предсѣдателя новоучрежденнаго тогда С.-Петербургскаго Государственнаго Архива и вышелъ въ отставку, обезпеченный полнымъ окладомъ жалованья. „Наконецъ, 1795 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы“—такъ поясняетъ его біографъ—„разительная картина непостоянства Фортуны въ отношеніи къ людямъ и государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ счастливымъ

[1]) Въ автобіографической запискѣ находимъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „1786 года въ апрѣлѣ, по именному Монаршему повелѣнію сочинилъ лирическую комедію „Радость Душеньки“, которая удостоена была Высочайшей апробаціи, и въ знакъ Монаршаго благоволенія при семъ случаѣ пожалована ему отъ Государыни табакерка; вскорѣ же потомъ пожалованы на заплату долговъ деньги. По представленіи же комедіи на придворномъ театрѣ пожалована еще табакерка“... „1787 года по именному Монаршему повелѣнію сочинилъ изъ русскихъ пословицъ два театральныхъ представленія“ и т. д.

біографъ Хемницера [1]) — „случилось, что уже на 13-мъ году отъ роду, сынъ, послушавшись какихъ-то постороннихъ людей, вздумалъ искать счастія въ военной службѣ: онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго Нотебургскаго полка", причемъ показанъ былъ тремя годами старше своего настоящаго возраста. О пребываніи Хемницера въ военной службѣ теперь извѣстно только то, что пробылъ онъ въ ней 12 лѣтъ (отъ 1757 по 1769 г.), „былъ въ походахъ (во время Семилѣтней войны) въ Помераніи, Бранденбургіи, Шлезіи и Саксоніи, а на баталіи не бывалъ", состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при генералъ-майорѣ Остерманѣ, потомъ при князѣ А. М. Голицынѣ для „случающихся курьерскихъ посылокъ", и наконецъ выпущенъ былъ въ отставку поручикомъ Копорскаго полка.

Онъ говаривалъ не даромъ, вспоминая о военной службѣ, что „попалъ вмѣсто анатомической залы на обширный хирургическій театръ". Въ 1769 году, въ скромномъ чинѣ поручика, перешелъ онъ на службу по горному вѣдомству, куда и поступилъ гиттенфервальтеромъ. Такъ какъ для полученія этой должности необходима была хотя нѣкоторая подготовка спеціальная, и, сверхъ того, знакомство съ начальникомъ горной части, то новѣйшій біографъ и объясняетъ это поступленіе въ горное вѣдомство дружбою Хемницера съ извѣстнымъ уже намъ Н. А. Львовымъ, который былъ въ родствѣ съ М. Ѳ. Соймоновымъ, тогдашнимъ начальникомъ горнаго вѣдомства, и вѣроятно доставилъ это мѣсто своему другу. Дни приходилось ему проводить на службѣ, а ночи просиживалъ онъ за книгами. Собственная охота и вѣроятно, отчасти, вліяніе его друга, Львова, побудили его къ серьезнымъ занятіямъ литературой и къ всестороннему изученію русскаго языка, надъ трудностями котораго ему удалось восторжествовать на столько, что онъ, съ юности говорившій дома по-нѣмецки и до зрѣлаго возраста еще писавшій нѣмецкіе стихи, занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ кругу русскихъ писателей екатерининскаго времени. Въ этомъ отношеніи вліяніе Львова отрицать невозможно, потому что слѣды его вліянія видимъ не на одной только литературной дѣятельности Хемницера, но и на цѣломъ кружкѣ наиболѣе видныхъ и талантливыхъ литераторовъ, его современниковъ. „Львовъ" — по справедливому замѣчанію академика Грота — „хотя и не пріобрѣлъ большой извѣстности, какъ писатель, однакожъ игралъ значительную роль въ тогдашней литературѣ, не только по своему положенію въ свѣтѣ, которое давало ему возможность поддерживать своихъ друзей-писателей, но и по вліянію на эстетическую сторону ихъ трудовъ... Пламенный любитель всѣхъ отраслей искусства и знатокъ во многихъ изъ нихъ, — поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ — Львовъ, въ то же время, писалъ стихи, издавалъ лѣтописи и пѣсни, и принадлежалъ къ кругу лучшихъ литераторовъ того времени. Сблизившись съ Капнистомъ, онъ черезъ него, вѣроятно, сошелся и съ Державинымъ, а чрезъ Державина съ его сослуживцами по Сенату, Храповицкимъ и А. С. Хвостовымъ (сатирикомъ). Въ этомъ даровитомъ кругу Львовъ былъ опять общимъ совѣтникомъ; друзья-писатели показывали ему свои новыя произведенія и прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ русскаго Шапелля, какъ его тогда называли. Онъ выражалъ весьма своеобразные для того времени литературные взгляды, указывалъ на недостатки у Ломоносова, выше всего ставилъ простоту и естественность, понималъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій для поэзіи. Такое расположеніе должно было установить особенную симпатію между нимъ и Хемницеромъ" [2]). Г. Гротъ предполагаетъ, что знакомство между Хемницеромъ и Львовымъ началось вѣроятно вскорѣ послѣ 1770 года, когда напечатано было первое извѣстное стихотвореніе Хемницера, весьма плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. Около 1774 г. напечаталъ онъ стихотворный переводъ героиды Дора „Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы", и этотъ переводъ, составляющій въ настоящее время величайшую библіографическую рѣд-

[1]) Академикъ Я. К. Гротъ. См. его статью: „Біограф. извѣстія объ И. И. Хемницерѣ по новымъ рукоп источникамъ", прилож. къ академ. изданію сочиненій и писемъ Хемницера. С.-Петербургъ, 1873 г. — [2]) См. тамъ же, ст. 11—12.

номъ смыслѣ слова, честно и грозно поддержать значеніе русскаго имени и русскаго дипломатическаго авторитета на Востокѣ. Не даромъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ изъ Смирны, пишетъ онъ между прочимъ: „здѣсь-то прямо видѣть можно, чтб мы есть, видя зависть, кипящую безпрестанно въ толпѣ иноплеменныхъ". Разлука съ родиной, рѣзкая перемѣна климата, а также и весьма тяжелые, непосильные труды по должности консула, вѣроятно, много способствовали разстройству его здоровья и быстрому упадку силъ; уже въ ноябрѣ 1783 г. онъ начинаетъ жаловаться друзьямъ на тягость своего одинокаго положенія на чужбинѣ, среди людей, враждебно настроенныхъ, готовыхъ на всякія ухищренія и обманы. Невыносимою тоскою по друзьямъ и родинѣ проникнуты строки послѣдняго письма его изъ Смирны, отъ 29 февраля 1784 г. Сообщительный, искренній и нѣжный Хемницеръ, который говорилъ о себѣ, что „онъ податься на знакомство никакъ не можетъ, если поводовъ къ заключенію дружбы не предвидитъ" — видимо угасалъ и терялъ на чужбинѣ послѣдній остатокъ силъ физическихъ и нравственныхъ. 20-го марта 1784 г. онъ скончался на 40-мъ году жизни. Тѣло его, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, перевезено было въ Россію и погребено въ Николаевѣ. На его надгробномъ камнѣ, какъ гласитъ преданіе, вырѣзана была имъ самимъ сочиненная и вполнѣ справедливая по отношенію къ его жизни эпитафія:

„Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился".

Не вдаваясь въ анекдотическую часть біографіи Хемницера, мы должны замѣтить, что немногіе дошедшіе до насъ и недавно напечатанные документы рисуютъ намъ Хемницера замѣчательно простымъ, добрымъ и чрезвычайно прямымъ человѣкомъ; здравымъ умомъ и самымъ неподдѣльнымъ, самымъ естественнымъ добродушіемъ дышатъ всѣ дошедшія до насъ письма его. Прекрасная характеристика Хемницера, какъ человѣка, заключается въ одномъ изъ писемъ Державина къ Булгакову, нашему посланнику при константинопольскомъ дворѣ:.. „Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, одинъ изъ моихъ друзей, ѣдетъ къ вамъ" — такъ пишетъ Державинъ къ Булгакову, рекомендуя ему новаго консула, отправлявшагося въ Смирну черезъ Константинополь;—„хотя своими добродѣтелями и любезнымъ поведеніемъ онъ неотмѣнно пріобрѣтетъ благоволеніе и пріязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствахъ, скажу вамъ: „се истинный Израиль, въ немъ же льсти нѣтъ!"

Безпристрастно судя о басняхъ Хемницера по отношенію къ тому времени, въ теченіе котораго онѣ были написаны, и принимая въ соображеніе то, что первое изданіе ихъ вышло въ свѣтъ, когда у насъ не было въ литературѣ ни одного, даже и сноснаго образца басни,—мы должны будемъ, конечно, дать Хемницеру весьма видное мѣсто въ кругу нашихъ писателей прошлаго вѣка. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что и по внутреннему содержанію своихъ произведеній, и по относительному достоинству внѣшней обработки ихъ, и по самостоятельности своего литературнаго таланта, Хемницеръ можетъ быть поставленъ, въ до-карамзинскій періодъ, на одну степень съ лучшими и наиболѣе самостоятельными нашими писателями. И по отношенію къ потомству, Хемницеръ занимаетъ тоже, по нашему мнѣнію, весьма опредѣленное положеніе, такъ какъ литературная дѣятельность Хемницера, какъ баснописца, значительно облегчила и Дмитріеву, и даже Крылову обработку этого новаго поэтическаго рода на русской литературной почвѣ. Достаточнымъ доказательствомъ въ пользу несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ Хемницера служитъ и самая живучесть нѣкоторыхъ его произведеній: — „Метафизикъ" Хемницера до настоящей минуты остается одною изъ любимѣйшихъ басенъ для большинства образованныхъ русскихъ читателей.

Ближайшимъ пріятелемъ Хемницера и Львова, а также и однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ представителей державинскаго литературнаго кружка является его другъ и родственникъ (по женѣ) Василій Васильевичъ Капнистъ (род. 1757 г., ум. 1824). Происхожденіе Капниста и самая исторія рода Капнистовъ весьма замѣчательны. Подобно весьма многимъ нашимъ литературнымъ дѣятелямъ прошлаго столѣ-

томъ и окончательно поселился въ своей „любезной Обуховкѣ“.

Литературная дѣятельность Капниста, весьма немногосложная, выражалась долгое время одними лирическими произведеніями, преимущественно одами, торжественными и громкими, изъ которыхъ особенное вниманіе современниковъ было привлечено одою „На рабство“ (1783) и соотвѣтствующею ей одою „На истребленіе въ Россіи званія раба Императрицею Екатериною II (15 февраля 1786 г.)“. За этими двумя слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, привѣтствовавшихъ побѣды русскаго оружія въ Турціи и въ Италіи. Этимъ одамъ Капнистъ былъ, главнымъ образомъ, обязанъ своею извѣстностью, которая, при его вполнѣ обезпеченномъ и независимомъ состояніи, при большихъ свѣтскихъ и литературныхъ связяхъ, быстро доставила ему видное мѣсто между нашими литературными дѣятелями конца прошлаго столѣтія. Но гораздо болѣе торжественныхъ одъ важны и достойны вниманія элегіи Капниста и мелкія лирическія пьесы, изъ которыхъ многія дѣйствительно легки и граціозны, а его извѣстный переводъ „Памятника“ Горація не уступитъ въ достоинствахъ ни Державинскому, ни даже Пушкинскому переводу, и притомъ, ближе ихъ обоихъ передаетъ подлинникъ.

Важнѣйшимъ произведеніемъ Капниста были не оды, не элегіи и не мелкая лирика, а его комедія „Ябеда“, написанная, вѣроятно, въ концѣ царствованія Екатерины, а появившаяся въ печать уже въ царствованіе Павла, въ 1798 г. Должно предполагать, что авторъ долгое время не рѣшался печатать произведенія, заключавшаго въ себѣ рѣзкое осужденіе нашихъ провинціальныхъ судейскихъ нравовъ и той невообразимой процедуры крючкотворства и взятокъ, которою должно было проходить каждое дѣло. Типы, выведенные на сцену Капнистомъ въ „Ябедѣ“—въ особенности типъ сутяги Праволова, типъ предсѣдателя и членовъ суда — подмѣчены авторомъ очень вѣрно, и едвали не были портретами, заимствованными изъ той провинціальной дѣйствительности, среди которой Капнистъ могъ жить какъ совершенно независимый и спокойный, сторонній наблюдатель. Однакоже опасенія за участь пьесы были вѣроятно довольно сильны, и Капнистъ былъ порядочно напуганъ литературными преслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины, потому что рѣшился издать въ свѣтъ Ябеду не иначе, какъ посвятивъ свою комедію Императору Павлу. Въ этомъ стихотворномъ посвященіи комедіи Императору Капнистъ старается выставить передъ нимъ всю безвредность своей сатиры, испрашивая его покровительства своему произведенію, которое, какъ онъ справедливо предполагалъ, должно было нажить ему много враговъ въ то „доброе старое время“. Въ этомъ посвященіи Капнистъ говоритъ между прочимъ:

«Прости, Монархъ! что я, усердіемъ горя,
Мой трудъ, какъ каплю водъ, въ глубоки лью моря.
Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ боюся я навѣта;
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ»...

Но даже и эта предусмотрительность осторожнаго Капниста не помогла ему. Комедія надѣлала много шуму, возбудила толки, и, если вѣрить одному современному свидѣтельству, едва не подвергла автора весьма серьезной отвѣтственности. „Чиновный людъ“ – такъ сообщается въ этомъ свидѣтельствѣ, – „просто разрывался отъ досады на Капниста за его Ябеду. Составленъ былъ докладъ о комедіи Императору. Представлено что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; найдено въ комедіи даже явное попраніе монаршей власти въ-ея ближайшихъ органахъ... Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи пьесы и о примѣрномъ для будущаго времени наказаніи злостнаго, неотчизнолюбиваго автора. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ будто-бы немедленно отправить Капниста въ Сибирь. Это было утромъ. Приказъ былъ немедленно исполненъ. Послѣ обѣда гнѣвъ Императора остылъ, онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣря, однакоже, никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить Ябеду въ своемъ присутствіи на Эрмитажномъ театрѣ. Государь явился въ театръ только съ вел. кн. Александромъ.

IX.

Первые русскіе журналы.—Сатирическіе журналы катерининскаго времени.—Н. И. Новиковъ; его литературная и общественная дѣятельность.

Появленіе первыхъ русскихъ повременныхъ изданій въ концѣ царствованія Елизаветы представляется намъ важнымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о возрастаніи значенія литературы въ нашемъ обществѣ. Не говоря уже о „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ“, которыя издавались при Академіи Наукъ Миллеромъ, съ 1755 года, и замѣнили собой литературныя Примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ, издаваемыя имъ же съ 1728 года, гораздо болѣе значенія придаемъ мы „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова, появившейся въ 1759 году и существовавшей только одинъ годъ. Это былъ уже довольно замѣчательный по тому времени опытъ повременнаго изданія, въ которомъ помѣщались передовыя оригинальныя статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ статьяхъ высказывалось даже замѣтное желаніе обратить общее вниманіе и на вопросы живые, современные, заставить задуматься надъ нѣкоторыми общественными язвами: взяточничествомъ подъячихъ, преобладаніемъ иноземнаго элемента въ высшихъ слояхъ общества и т. п. „Трудолюбивая Пчела“ для насъ немаловажна и потому, что первый русскій литераторъ являлся у насъ и первымъ русскимъ журналистомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, первымъ выразителемъ того поворота, который совершался въ его время въ нравахъ и воззрѣніяхъ общества и нашелъ себѣ полное выраженіе въ дѣятеляхъ екатерининскаго времени. Плодотворность и своевременность попытки Сумарокова болѣе всего выражается въ томъ, что по слѣдамъ Сумарокова пошли многіе. Тотчасъ по прекращеніи „Трудолюбивой Пчелы“ въ Петербургѣ и въ Москвѣ явилось нѣсколько журналовъ, которые издавались частными лицами и учеными кружками по образцу сумароковскаго журнала. Въ 1760 году, при Шляхетномъ Сухопутномъ Корпусѣ, издавался „еженедѣльникъ“ „Праздное время въ пользу употребленное“, въ которомъ Сумароковъ принималъ дѣятельное участіе; въ то же самое время въ Москвѣ, при Университетѣ, является „Полезное Увеселеніе“ (издававшееся до 1762 г.) и, послѣ этого изданія, другое—„Свободные Часы“, которое служило какъ бы продолженіемъ „Полезному Увеселенію“ и замѣтно придерживалось сатирическаго направленія. Тамъ же, и около того же времени, видимъ ежемѣсячные журналы: „Невинное упражненіе“ и „Доброе намѣреніе“ (1763 и 1764) и наконецъ даже ученолитературный журналъ Рейхеля [1]) подъ названіемъ „Собранія лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія“. Это быстрое возрастаніе журнальной дѣятельности, послѣдовавшее за первой попыткой, сдѣланной Сумароковымъ, свидѣтельствуетъ о быстромъ возрастаніи потребности въ чтеніи, которая значительно способствовала, въ свою очередь, размноженію у насъ людей, исключительно посвящавшихъ себя литературѣ. Около каждаго издателя журнала собирался свой маленькій кружокъ литературныхъ дѣятелей.

[1]) Іоганнъ Готфридъ Рейхель, экстраординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ исторіи. Журналъ свой издавалъ онъ въ 1762 году.

черталъ уже отчасти ту программу, по которой потомъ сталъ составляться цѣлый рядъ подобныхъ „Всячинѣ“ сатирическихъ журнальцевъ: видно, что эта программа была удачно угадана, и что въ обществѣ была потребность въ періодическихъ изданіяхъ, составленныхъ именно по такой программѣ... „Любезный читатель“—говоритъ въ обращеніи къ публикѣ издатель Всячины—„предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится, безъ всякаго порядка: иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться“. Еще яснѣе указываетъ онъ на цѣли, которыя поставилъ себѣ задачею при изданіи своего журнала, въ другомъ мѣстѣ его, въ концѣ года: „я хотѣлъ“—говоритъ онъ—„показать, первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третіе—говорить русскимъ о русскихъ, и не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ“.

Починъ, сдѣланный „Всячиной“, оказался до такой степени своевременнымъ, что подражатели этому „еженедѣльнику“ явились тотчасъ же, противъ всякихъ ожиданій редакціи „Всячины“ и, до нѣкоторой степени, даже къ ея неудовольствію... Въ началѣ же 1769 года явился уже и другой еженедѣльникъ—„И то, и се“, издававшійся подъ редакціею П. Д. Чулкова; вслѣдъ за нимъ, въ концѣ февраля, Рубанъ сталъ издавать еще одинъ еженедѣльникъ, который, въ подражаніе журналу Чулкова, назвалъ „Ни то ни се“. Въ мартѣ явилась „Поденьщина“, В. Тузова, просуществовавшая, впрочемъ, только до 5-го апрѣля; за „Поденьщиною“, въ апрѣлѣ, стали издаваться „Смѣсь“, въ маѣ—„Трутень“ Н. Новикова, а въ іюлѣ—„Адская почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ“, которую издавалъ Ѳ. Эминъ. И такъ, въ одномъ 1769 г. явилось вдругъ семь новыхъ журналовъ, и хотя не всѣ пользовались одинаковымъ успѣхомъ, однакоже большая часть ихъ читалась публикой очень охотно, и лучшіе изъ этихъ журналовъ (напр. Новиковскій „Трутень“) выдерживали даже по два изданія. Успѣхъ и особенная настроенность общества увлекали многихъ; одни брались за дѣло изъ подражанія, другіе изъ желанія блеснуть остроуміемъ и плодовитостью своей поэтической фантазіи... Однакоже нельзя не отдать справедливости современной публикѣ, которая оказалась гораздо болѣе разборчивой, нежели бы можно было того ожидать. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались только тѣ изъ многихъ разомъ явившихся журналовъ, которые отличались большею ѣдкостью сатирическаго отношенія къ современной дѣйствительности. Замѣчательно, что всѣ эти журналы выходили въ Петербургѣ и что въ Москвѣ не было тогда вовсе подобныхъ еженедѣльниковъ. „Трутень“ очень остроумно замѣчаетъ по этому поводу: ...„почтенная наша старушка-Москва и со своими жителями во нравахъ весьма непонятна: ей всегда нравились новыя моды и она всегда ихъ перенимала у петербургскихъ жителей... Въ нынѣшнемъ 1769 г. лишь показалась въ свѣтъ „Всякая Всячина“ со своимъ племенемъ, то жители нашего города заключили, что и это—новая мода, что тамъ сіи листки выходить будутъ не десятками, а сотнями; но всѣ обманулись: въ Москвѣ и по сіе время ни одного такого изъ типографіи не вышло листочка, да и напечатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ немногіе. Старой, но весьма разумной, нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что Москва къ украшенію тѣла служащія моды перенимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва также, какъ и перестарѣлая кокетка, сатиръ на свои нравы читать не любитъ“.

А между тѣмъ „сатира на нравы“ явилась до такой степени преобладающимъ интересомъ новыхъ журналовъ, что та программа, которую при началѣ изданія начертала для себя „Всякая Всячина“, вскорѣ оказалась уже неудовлетворяющею потребностямъ большинства. Это не понравилось издателямъ „Всякой Всячины“, и они попытались было стать во главѣ журнальнаго движенія, какъ-бы желая руководить имъ, направлять его. Стараясь поддержать общій всѣмъ тогдашнимъ журналамъ шутливый тонъ, „Всякая Всячина“ поспѣшила себя объявить родоначальницею всей семьи журналовъ, возникшей послѣ ея появленія въ свѣтъ. Но журналы не поддались этому непрошенному руководству и отвѣчали очень

что едва сію ворчливую старушку отъ „Телемахиды“ отогналъ кто-то такой, ей письмомъ своимъ доказавшій, что авторъ сей книги... много отечеству полезныхъ книгъ перевелъ, и листками „Всякой Всячины“ поврежденъ быть не можетъ“.

Само собою разумѣется, что эта крайне непріятная для „Всячины“ полемика не могла продолжаться и что журналы въ концѣ года прекратили свое существованіе, вѣроятно вслѣдствіе независѣвшихъ отъ нихъ вліяній. Всѣхъ пережила только „Всячина“, выдававшая въ 1770 году „Барышекъ Всякія Всячины“ — составленный изъ остальныхъ статей отъ прошлогодняго запаса — да еще „Трутень“, но уже совершенно утратившій свой характеръ; ни тотъ, ни другой журналъ не помѣщали болѣе сатирическихъ статей на своихъ страницахъ и не вступали ни въ какую полемику.

Въ „Трутнѣ“ за это время даже было помѣщено нѣсколько писемъ, будто-бы полученныхъ редакторомъ отъ разныхъ лицъ по поводу перемѣны тона въ его журналѣ. „Господинъ „Трутень“! — писалось въ одномъ изъ подобныхъ писемъ — „кой чортъ! что тебѣ сдѣлалося? ты совсѣмъ сталъ не тотъ: развѣ тебѣ наскучило, что мы тебя хвалили и захотѣлося послушать, какъ станемъ бранить?... Пожалуй, скажи для какой причины перемѣнилъ ты прошлогодній свой планъ, чтобы издавать свои сатирическія сочиненія? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался, что тебя бранили, такъ знай, что ты превеликую сдѣлалъ ошибку. Послушай, нынѣ тебя не бранятъ, но говорятъ, что нынѣшній „Трутень“ прошлогоднему не годится и въ слуги, и что ты нынѣ также бредишь, какъ и другіе... Г. Новый „Трутень“, преобразись въ стараго... а то вѣдь, я чаю, ты, бѣденькій, останешься въ накладѣ: мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго“.

Послѣ небольшой и довольно замѣтной пріостановки въ журналистикѣ въ началѣ 1770 года, интересъ, возбужденный ею въ обществѣ, сталъ вскорѣ снова побуждать многихъ къ новымъ попыткамъ въ томъ же родѣ. Редакторами новыхъ журналовъ явились нѣкоторые изъ прежнихъ предпринимателей (М. Д. Чулковъ и неутомимый В. Рубанъ); редакціи другихъ предпочли остаться анонимными. Такъ въ 1770 году явились вновь: „Парнасскій Щепетильникъ“ Чулкова, „Пустомеля“, редакторъ котораго остался неизвѣстенъ, и „Трудолюбивый Муравей“ В. Рубана; въ 1772 и 1773 гг. явились „Вечера“ и „Мѣшенина Катоноскарроническая“ — новые журналы, принадлежавшіе также неизвѣстнымъ редакторамъ, и опять журналъ Н. Новикова — „Живописецъ“. Въ 1774 году къ вышепомянутымъ прибавился еще только одинъ новый журналъ „Кошелекъ“, редакторомъ котораго былъ тотъ же Н. Новиковъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ числа этихъ журналовъ былъ, конечно, „Живописецъ“, Н. Новикова, въ короткое время выдержавшій пять изданій и сдѣлавшійся надолго любимѣйшимъ чтеніемъ всѣхъ классовъ общества. Хотя обличительное направленіе въ „Живописцѣ“ было еще болѣе опредѣленнымъ и рѣзкимъ, нежели въ „Трутнѣ“, однакоже редакторъ его очевидно употреблялъ всѣ мѣры для того, чтобы не навлечь на свой журналъ излишнихъ нареканій. Онъ началъ съ того, что посвятилъ свой журналъ будто-бы неизвѣстному сочинителю комедіи „О, время!“ (т. е. самой Екатеринѣ) и въ этомъ посвященіи объявилъ ей прямо: „вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ, вы поострили меня испытать въ томъ свои силы“ и т. д. Мнимонеизвѣстный сочинитель комедіи „О, время!“ отвѣчалъ на это посвященіе любезнымъ письмомъ. Новиковъ поспѣшилъ помѣстить его въ своемъ „Живописцѣ“ и затѣмъ какъ-бы принялъ за правило: каждый разъ, послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статеекъ, помѣщать какую нибудь громкую оду въ честь Императрицы, или дифирамбъ князю Григорью Григорьевичу Орлову, или обращеніе къ графу Никитѣ Ивановичу Панину [1]). Самъ Новиковъ намекаетъ на то, что опытъ научилъ его осторожности;

[1]) См. статью академика Пекарскаго: „Матер. для ист. журн. и литер. дѣят. Екатерины II“ стр. 9. Авторъ прибавляетъ тамъ же къ приведенному нами выше: „Впрочемъ все это, кажется,

приходскаго дьячка; а потомъ когда въ 1755 г. учрежденъ былъ въ Москвѣ университетъ и двѣ гимназіи, Новиковъ года четыре сряду находился въ Московской университетской гимназіи, гдѣ учился очень неровно и вѣроятно не многому, потому что, по его собственному сознанію, онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка и образованіемъ былъ одолженъ одному себѣ. Въ 1760 г., за лѣность и нехожденіе въ классы, онъ даже былъ выключенъ изъ университетской гимназіи, о чемъ тогда же, по современному университетскому обычаю, и пропечатано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, во всеобщее свѣдѣніе. Должно однакоже предположить, что условія домашняго воспитанія были довольно благопріятны для развитія богатаго запаса умственныхъ и нравственныхъ силъ Новикова, потому что, поступивъ въ военную службу въ гвардейскій Измайловскій полкъ) и пріѣхавъ на семнадцатомъ году въ Петербургъ, Новиковъ пошелъ самостоятельною дорогою и не терялъ времени даромъ. Страстно предаваясь чтенію и постоянно вращаясь въ средѣ образованнѣйшихъ людей того времени, онъ быстро успѣлъ восполнить пробѣлы своего скуднаго образованія и, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, уже съ 1767 года „началъ онъ быть извѣстенъ своею склонностью къ словесности, наипаче Россійской и успѣхами въ оной“. Въ чемъ заключались эти успѣхи — неизвѣстно; мы можемъ только предполагать, что онъ, вѣроятно, и тогда уже успѣлъ рѣзко выдѣлиться изъ толпы своихъ сотоварищей-измайловцевъ потому что, когда, въ 1767 году, въ Москву были отправлены молодые гвардейцы, для занятій письмоводствомъ въ знаменитой коммиссіи депутатовъ для составленія проекта новаго Уложенія, то въ числѣ многихъ, отличныхъ молодыхъ людей, набранныхъ для этого дѣла, находился и Новиковъ. Онъ составлялъ дневныя записки по седьмому изъ девятнадцати отдѣленій коммиссіи, именно по отдѣленію „о среднемъ родѣ людей“, и, кромѣ того, велъ Журналы Общаго Собранія Депутатовъ, которые и „читалъ при докладахъ Императрицѣ, узнавшей его тогда лично“ [1]). Собственно на поприще литературное Новиковъ достовѣрно выступилъ не ранѣе, какъ въ 1760 году, когда онъ сталъ издавать „Трутень“. Около этого же времени онъ и въ отставку вышелъ (въ 1768 г.), рѣшившись вполнѣ посвятить себя дѣятельности литературной и издательской. Въ этотъ періодъ дѣятельности, съ 1769 по 1774 годъ, Новиковъ издавалъ уже журналы: „Трутень“, „Живописецъ“ и „Кошелекъ“, о содержаніи которыхъ мы говорили выше. Здѣсь не мѣшаетъ добавить только, что изъ этихъ трехъ журналовъ „Кошелекъ“, пользовавшійся наименьшею популярностью и спеціально посвященный осмѣянію галломаніи, какъ порока, преобладавшаго въ современномъ русскомъ обществѣ, болѣе всего враждебно встрѣченъ былъ въ высшихъ слояхъ его Хотя, по преданію, онъ издавался подъ наблюденіемъ самой Императрицы, однакоже, когда помѣщенная въ „Кошелькѣ“ комедія „Народное игрище“ представлена была на Эрмитажномъ театрѣ, то нѣкоторые знатные галломаны обидѣлись намеками пьесы, и даже французское посольство сдѣлало по поводу ея нѣкоторыя представленія правительству. Вообще изо всѣхъ трехъ журналовъ „Кошелекъ“, по увѣренію друзей Новикова, болѣе всего пріобрѣлъ ему враговъ. Но періодъ журнальной дѣятельности былъ только блестящимъ началомъ, въ которомъ лишь отчасти можно было провидѣть будущую обширную и плодотворную дѣятельность Новикова. Г. Лонгиновъ справедливо замѣчаетъ первые зародыши этой дѣятельности уже въ Живописцѣ, гдѣ въ одной изъ статей говорится съ сочувствіемъ о пользѣ, которую принесло-бы учрежденіе „общества, старающагося о печатаніи книгъ“, которое-бы, кромѣ того, имѣло цѣлію и „стараніе о продажѣ книгъ, особенно въ провинціи, куда книги проникаютъ только случайно и гдѣ онѣ продаются въ три-дорого“. Вообще, подъ конецъ этого періода журнальной дѣятельности „уже разъяснились“ по замѣчанію новѣйшаго біографа [2]) — „четыре характера будущей его дѣятельности: — онъ готовъ на труды типографщика-издателя и книгопродавца, и хочетъ направиться на пользу добрыхъ нравовъ, основанныхъ на уваженіи къ доблестямъ старины,

[1]) М. П. Лонгиновъ. Новиковъ и Московскіе мартинисты.—[2]) Лонгиновъ, томъ 8, стр. 33.

сборникъ историческихъ матерьяловъ подъ названіемъ „Древней Россійской Вивліоѳики“ [1]); въ 1777 году издалъ „Повѣствователь о Древностяхъ Россійскихъ“—собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ „къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійскія“; наконецъ, съ 1777 г., предпринялъ цѣлый рядъ изданій періодическихъ. Первымъ въ числѣ ихъ было ежедневное періодическое изданіе „Санктпетербургскія ученыя вѣдомости“, посвященныя литературѣ и критикѣ. Въ томъ же году принялся Новиковъ и за изданіе ежемѣсячника „Утренній Свѣтъ“, въ стихахъ и прозѣ, содержавшаго въ себѣ какъ оригинальныя сочиненія, такъ и переводы съ разныхъ языковъ. Журналъ издавался Новиковымъ и „обществомъ ученыхъ людей“ до половины 1780 года, когда, перебравшись на постоянное жительство въ Москву, онъ перенесъ туда и журналъ свой, и продолжалъ его тамъ подъ различными названіями: Московское изданіе (1781 г.), Вечерняя заря (1785) и т. д. Екатерина продолжала относиться и къ издательской дѣятельности Новикова такъ же благосклонно, какъ относилась къ журнальной. Всѣ ученыя изданія, подносимыя Императрицѣ Новиковымъ черезъ Козицкаго, заслуживали полнаго ея одобренія и поощренія. Такъ, напр., извѣстно, что она въ 1773 г. предписала ученому Г. Ф. Миллеру сообщать Новикову, для печатанія въ Вивліоѳикѣ, копіи съ разныхъ актовъ архива, который онъ разбиралъ въ это время въ Москвѣ; а немного позже (въ томъ же и въ слѣдующемъ году) пожаловала Новикову и довольно значительныя денежныя вспомоществованія, въ видахъ содѣйствія его полезному предпріятію. Заканчивая разсмотрѣніе этого петербургскаго періода дѣятельности Новикова, нельзя не обратить вниманія еще на одинъ весьма замѣчательный фактъ: на то, что, съ 1773 по 1778 годъ, никто изъ частныхъ лицъ въ Россіи, кромѣ Новикова, не издавалъ журнала.

1-го мая 1779 года онъ взялъ на откупъ университетскую типографію на десять лѣтъ. Съ любовью и знаніемъ приступилъ Новиковъ къ сложной дѣятельности издателя-типографщика и издателя-книгопродавца. Въ два года успѣлъ онъ довести типографію свою до такого положенія, что, по количеству и красотѣ шрифтовъ, по обилію и качеству механическихъ средствъ своихъ, она могла соперничать съ лучшими европейскими типографіями того времени, и въ теченіи трехъ первыхъ лѣтъ, съ 1779 по 1782 годъ, Новиковъ, по одному современному свидѣтельству, успѣлъ напечатать въ университетской типографіи болѣе книгъ, нежели до этого времени было напечатано во всѣ 24 года ея существованія. Карамзинъ говоритъ о Новиковѣ, что „онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ“. И дѣйствительно, подвижность, свѣтлый взглядъ на вещи и неутомимая энергія Новикова даже и теперь могли-бы многихъ привести въ изумленіе. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ для улучшенія своего дѣла, ничего не упускалъ изъ виду, и постоянно изобрѣталъ новые способы для того, чтобы какъ можно больше напечатать и какъ можно больше продать полезныхъ книгъ, общедоступныхъ и по цѣнѣ, и по содержанію. Съ этою цѣлью Новиковъ собралъ вокругъ себя цѣлый кружокъ молодежи, заставлялъ ее работать, читать, переводить, учиться, доставляя ей и ученыя, и денежныя средства. Но, по справедливому воззрѣнію Новикова, составить хорошую книгу и напечатать ее было еще недостаточно: „надобно было имѣть попеченіе и о продажѣ напечатанныхъ книгъ“. Вотъ почему Новиковъ съ особеннымъ усердіемъ заботился объ открытіи новыхъ книжныхъ лавокъ и книжныхъ складовъ не только въ Москвѣ, но и въ провинціи; первый открылъ вольную (публичную) библіотеку для безденежнаго пользованья книгами, и не только продавалъ, но находилъ возможность и даромъ разсылать свои книги по духовнымъ и другимъ училищамъ. Въ тѣхъ же видахъ, заботясь о возможномъ расширеніи своей дѣятельности, Новиковъ съумѣлъ возвысить и значеніе Московскихъ Вѣдомостей, при которыхъ сталъ безплатно выдавать

[1]) До 1784 г. онъ уже выдалъ 10 томовъ „Вивліоѳики“, которая впослѣдствіи, дополненная, доведена была до 20 томовъ и одиннадцати томовъ „Дополненій“.

лишенное всякихъ научныхъ основъ, объясненіе физическихъ и химическихъ явленій“ [1]). Но это только одна, и притомъ чисто внѣшняя сторона масонства, которое имѣло и другую, достойную всякаго уваженія сторону: болѣе всего придавая значенія евангельской любви, масоны, съ величайшимъ самоотверженіемъ и готовностью, жертвовали личнымъ трудомъ своимъ и капиталами для цѣлей благотворительныхъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова; устраивали школы, содержали на своемъ иждивеніи воспитанниковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учреждали больницы, устраивали аптеки, въ которыхъ бѣдные могли безплатно получать лѣкарства и т. п. Горячо предаваясь масонству, поддаваясь и нѣкоторымъ заблужденіямъ его, Новиковъ въ то же время много работалъ и трудился на пользу этой свѣтлой стороны масонства. Вмѣстѣ съ профессоромъ Шварцемъ онъ задумалъ основать такъ называемое „Дружеское Ученое Общество“, цѣлію котораго было: 1) распространять въ публикѣ правила истиннаго воспитанія; 2) привлекать изъ-за границы достойныхъ воспитателей; 3) приготовлять знающихъ русскихъ наставниковъ; 4) издавать духовныя книги и наставлять въ нравственной и евангельской истинѣ, „переводя глубочайшихъ о семъ иностранныхъ писателей“. „Дружеское Общество“, уже нѣсколько лѣтъ сряду существовавшее и дѣятельно работавшее на пользу просвѣщенія, получило въ октябрѣ 1782 года оффиціальное разрѣшеніе градоначальника и благословеніе архіепископа московскаго Платона на публичное открытіе засѣданій. Оно приступило къ своей дѣятельности при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вспомоществуемое многими весьма богатыми людьми, покровительствуемое лицами высшаго круга, составлявшими цвѣтъ московскаго общества того времени. Важнѣйшими дѣятелями въ „Дружескомъ Обществѣ“, кромѣ Шварца и Новикова, являлись и другіе масоны: И. В. Лопухинъ, С. И. Гамалѣя, И. П. Тургеневъ. Подъ ихъ-то руководствомъ и покровительствомъ выростало поколѣніе молодыхъ и талантливыхъ литературныхъ дѣятелей, которые всѣ начинали свое литературное поприще съ участія въ переводческой и педагогической дѣятельности „Дружескаго Общества“: между ними многіе пріобрѣли себѣ впослѣдствіи извѣстность, какъ напр. Карамзинъ, А. М. Кутузовъ, А. А. Петровъ, занимавшійся изданіемъ „Дѣтскаго Чтенія“, В. С. Подшиваловъ и т. д. Открытіе Дружескаго Общества совпадало съ лучшимъ и самымъ блестящимъ періодомъ царствованія Екатерины, когда она сама горячо и ревностно заботилась о распространеніи въ народѣ просвѣщенія, когда только-что издала въ свѣтъ свой замѣчательный указъ объ учрежденіи „Коммиссіи народныхъ училищъ“ и сама съ видимымъ удовольствіемъ говорила своимъ приближеннымъ, что при этихъ школахъ „расколъ безъ насилія исчезнетъ, какъ невѣжество“ [2]). Вскорѣ послѣ того, дѣйствуя въ томъ же прогрессивномъ направленіи, продолжая заботиться о распространеніи способовъ къ образованію, Екатерина издаетъ свой знаменитый указъ 15 января 1783 г. „о вольныхъ типографіяхъ“, на основаніи котораго всякому дано было право заводить типографіи и печатать въ нихъ книги подъ надзоромъ полицейской цензуры. На основаніи этого указа, Новиковъ и Лопухинъ, рядомъ съ арендуемой Новиковымъ университетской типографіей, заводятъ еще двѣ типографіи частныя, а въ 1784 г. изъ того же „Дружескаго Общества“ возникаетъ наконецъ „Типографическая компанія“, которая заводитъ въ Москвѣ нѣсколько своихъ собственныхъ типографій и въ нихъ, рядомъ съ книгами туманнаго мистическаго содержанія, печатаетъ и множество книгъ полезныхъ, ученыхъ, учебныхъ и общеобразовательныхъ, которыя пускаетъ въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ [3]).

Соображая всѣ эти данныя, мы прихо-

---

[1]) А. Аѳанасьевъ. Николай Ивановичъ Новиковъ, біографическій очеркъ (въ Библіограф. Зап. за 1858 г., стр. 170).—[2]) Зап. Храповицкаго; 18 іюля 1782 г.—[3]) Чтобы дать понятіе о размѣрахъ издательской дѣятельности Новикова, достаточно будетъ припомнить здѣсь, что въ росписи книгъ 1785 г., отпечатанныхъ въ одной университетской типографіи, показано 365 заглавій, да вновь приготовлялось къ выпуску въ свѣтъ 55 изданій!

ея дѣятельности слуховъ, сочла за лучшее прекратить свои дѣйствія и закрылась въ концѣ 1791 г. Въ началѣ 1792 г. гроза наконецъ разразилась... Новиковъ, обвиняемый въ сношеніяхъ съ заграничными тайными обществами, былъ арестованъ, а имѣнье его конфисковано, и мѣстомъ заключенія для него назначена Шлиссельбургская крѣпость, куда онъ и былъ отвезенъ, подъ сильнымъ конвоемъ, и притомъ окольными дорогами, черезъ Ярославль и Тихвинъ.

Печальнѣе всего было то, что не только Новиковъ подвергся заточенію, но и самое дѣло его, стоившее ему столькихъ пожертвованій и усилій, погибло безвозвратно: дома, типографіи, книги, благопріобрѣтенныя имѣнья и имущество его—все было конфисковано и продано съ публичнаго торга. Собственно Новикову принадлежавшіе капиталы, а также и порученные ему посторонними лицами „на вспомоществованіе его неистовымъ дѣламъ“ (!), поручено отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія. Одно изъ плодотворныхъ и обширнѣйшихъ предпріятій закончилось ужаснѣйшимъ разореніемъ! Одно только родовое имѣніе Новикова, сельцо Тихвинское, уцѣлѣло отъ общаго крушенія и оставлено въ пользу наслѣдниковъ его „подъ опекою на законномъ основаніи“.

Только уже по вступленіи на престолъ Императора Павла Новиковъ былъ освобожденъ изъ тяжкаго заключенія и возвратился въ свою подмосковную (19 ноября 1796 г.) „дряхлъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ“... Со слезами радости встрѣчала его тамъ не только семья, но и всѣ крестьяне, не одного его села, „но и отдаленныхъ чужихъ селеній, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него помощь получали“. Вскорѣ послѣ того, самъ Новиковъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ: „...силы мои изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы меня не узнали“.

Съ той поры Новиковъ уже не выѣзжалъ изъ своего Тихвинскаго и заботился только объ окончаніи своихъ счетовъ по прежнему предпріятію.

Тихо скончался онъ 31 іюля 1818 года, на семьдесятъ-пятомъ году отъ рожденія, и былъ погребенъ въ приходской церкви своего роднаго села.

„Новиковъ“—по замѣчанію его біографа—„умѣлъ сдѣлаться силой въ такую эпоху, когда сила пріобрѣталась только чисто-государственными заслугами или придворнымъ случаемъ, а онъ не опирался ни на то, ни на другое. Едва-ли не въ немъ первомъ высказалась сила общественная, независимая отъ Двора и высшаго управленія“.

Масонскіе знаки.

честву — соблаговолили мнѣ повелѣть сообщить собраніе древнихъ списковъ, обрѣтающихся въ государственныхъ книгохранилищахъ и архивахъ, изъ коихъ, по большей части сочиня сей трудъ, дерзаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества предложить".

Занимаясь составленіемъ подробнаго и большаго историческаго труда, князь Щербатовъ, въ то же время, ревностно издавалъ отдѣльныя изданія историческихъ памятни-

Князь М. М. Щербатовъ.

ковъ и занимался разработкою частныхъ вопросовъ русской исторической науки. Такъ имъ были изданы въ свѣтъ: „Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ", „Царственная книга", „Царственный лѣтописецъ", „Лѣтопись о многихъ мятежахъ", „Бумаги, письма и повсядневныя записки Петра Великаго" и. т. д. А съ другой стороны, по вопросу о родословіи, князь Щербатовъ составилъ „Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей Россійскихъ, происходящихъ отъ великаго князя Рюрика (М. 1785 г.)"; и вопросу о русской нумизматикѣ посвятилъ другое изслѣдованье, подъ заглавіемъ: „Опытъ о древнихъ Россійскихъ монетахъ".

Изъ этого перечня историческихъ трудовъ и изслѣдованій князя Щербатова видно, что занятіе Русскою Исторіею составляло для него насущную потребность—задачу цѣлой жизни. Многотомный трудъ его, написанный тяжелымъ и неправильнымъ языкомъ, представляетъ собою однакоже большой шагъ впередъ, въ смыслѣ изслѣдованія и изложенія историческаго матеріяла:—онъ старается соблюсти связь между событіями, указываетъ на ихъ причины и слѣдствія и пытается обставить ихъ всевозможными объясненіями, то сравнивая съ историческими событіями въ жизни другихъ народовъ, то сопоставляя событія различныхъ эпохъ.

При весьма большой начитанности и близкомъ знакомствѣ съ иностранною исторической литературою, князь Щербатовъ является въ своей Исторіи горячимъ сторонникомъ національныхъ русскихъ началъ и въ политикѣ, и въ управленіи, и въ устройствѣ государственномъ. Эти воззрѣнія свои онъ еще яснѣе высказываетъ въ своихъ двухъ другихъ сочиненіяхъ, касающихся современной ему эпохи; одно изъ нихъ изложено въ формѣ „Письма къ вельможамъ, правителямъ государства", а другое — въ формѣ объемистой записки „О поврежденіи нравовъ въ Россіи". Въ первомъ сочиненіи князь Щербатовъ укоряетъ современныхъ ему вельможъ и правителей въ неуваженіи къ законамъ, въ своекорыстіи и лѣности... „Вы опредѣлены быть исполнители законовъ", говоритъ Щербатовъ;—„но прилагаете ли вы прилежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго познанія оныхъ? Оставляете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или для собственныхъ вашихъ пользъ васъ обманываютъ, или вы сами — несправясь черезъ секретарей... самопроизвольно судите..." При этомъ Щербатовъ сурово напоминаетъ „вельможамъ" и „правителямъ", что они „обогащены щедродарованностью монарха отъ сокровищъ народныхъ. Чѣмъ же вы воздадите народу, коего сокровища служатъ къ обогащенію вашему?..."

Въ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ" князь Щербатовъ, въ противуположность многимъ другимъ авторамъ и поэтамъ со-

оказываетъ несомнѣнныя услуги, принявъ на себя обработку нѣкоторыхъ буквъ для извѣстнаго Словаря Россійской Академіи.

Но любимымъ занятіемъ Болтина, отъ юности и до самой смерти, было изученіе Россіи въ различныхъ отношеніяхъ и преимущественно со стороны исторической. Въ этомъ историческомъ изученіи Россіи Болтину было особенно полезно его сближеніе и дружескія связи съ другимъ просвѣщеннѣйшимъ вельможей екатерининскаго вѣка—

И. Н. Болтинъ.

съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Мусинъ-Пушкинъ обладалъ огромною, богатѣйшею библіотекою и драгоцѣннымъ собраніемъ рукописей. Этой-то библіотекѣ и этому рукописному собранію Болтинъ и былъ обязанъ большей частью своихъ обширныхъ историческихъ познаній. Вмѣстѣ съ Мусинымъ-Пушкинымъ и Елагинымъ Болтинъ немало потрудился надъ изданіемъ двухъ важныхъ памятниковъ нашей русской старины: — надъ „Поученіемъ Владиміра Мономаха“ и надъ толковымъ изданіемъ „Русской Правды“, которую онъ снабдилъ чрезвычайно любопытными примѣчаніями.

Но главнымъ поводомъ, вызвавшимъ Болтина къ его ученымъ трудамъ, было появленіе на французскомъ языкѣ книги Леклерка, который, пробывъ довольно долго на службѣ въ Россіи (въ царствованіи Елисаветы Петровны и Екатерины II), рѣшился напечатать „Исторію Россіи“, переполненную невѣжественными и грубыми промахами и ошибками, и что еще гораздо хуже—злонамѣренною ложью и клеветами на Россію и Русскихъ людей. Возмущенный общимъ характеромъ книги Леклерка, Болтинъ рѣшился ее разобрать до мелочей и написалъ на нее опроверженіе въ двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-майоромъ Иваномъ Болтинымъ“ (1788 г.). Въ этихъ „Примѣчаніяхъ“ Болтинъ, мѣстами, критиковалъ и „Исторію Россійскую“ Щербатова, на которую Леклеркъ неоднократно ссылается въ своей книгѣ. Щербатовъ оскорбился „Примѣчаніями“ Болтина и на нихъ написалъ довольно обширный отвѣтъ въ видѣ „Письма къ пріятелю“.

Но Болтинъ не остался у него въ долгу:— онъ напечаталъ „Отвѣтъ на Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи“ [1]), въ которомъ очень вѣрно выставилъ на видъ всѣ недостатки историческаго труда Щербатова; а потомъ посвятилъ разбору этого труда еще два тома критическихъ примѣчаній. Извѣстный историкъ нашъ Соловьевъ, оцѣнивая значеніе этихъ критическихъ трудовъ Болтина, отмѣчаетъ ту главную цѣль, которою задался авторъ въ своей полемикѣ съ оклеветавшимъ Россію французомъ:—онъ хотѣлъ защитить Россію отъ несправедливыхъ нападокъ иноземца, хотѣлъ сдѣлать благопріятный выводъ изъ фактическаго изученія матерьяловъ по Русской Исторіи—„хотѣлъ отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ—уяснить

[1]) Этотъ „Отвѣтъ“ и два тома критическихъ примѣчаній вышли въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, который скончался 6 октября 1792 года въ С.-Петербургѣ.

съумѣлъ пріобрѣсти здѣсь такое вліяніе и значеніе, какимъ не пользовались и знатнѣйшіе изъ вельможъ. Недаромъ Екатерина говаривала о немъ: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобы мы плакали, — мы плачемъ; хочетъ, чтобы мы смѣялись, — и мы смѣемся". Свѣтлый умъ, при очень ровномъ и спокойномъ характерѣ, умѣнье быстро схватывать главную суть дѣла и угадывать ту практическую пользу, которую можно было изъ него извлечь—вотъ тѣ черты, которыя особенно цѣнила Екатерина въ Платонѣ, и которыя внушали ей къ нему довѣріе. Довѣряя ему, она не только постоянно давала ему трудныя порученія, но даже прибѣгала къ нему за совѣтомъ и указаніями. Такъ она поручила ему составленіе новаго проэкта для лучшаго устройства духовныхъ училищъ; побуждала его заняться вопросомъ о раскольникахъ, и просила разсмотрѣть написанный ею „Наказъ"...

Высокоталантливыя, живыя и горячія проповѣди Платона очень мало походили на проповѣди другихъ духовныхъ ораторовъ, которыми былъ довольно богатъ вѣкъ Екатерины. Платонъ, — какъ человѣкъ весьма образованный, постоянно слѣдившій за всѣми выдающимися явленіями и за всѣми важнѣйшими направленіями современной жизни и литературы,— умѣлъ превосходно выбирать тэмы для своихъ проповѣдей. Въ однѣхъ рѣчахъ своихъ онъ касался животрепещущихъ вопросовъ современности и давалъ на нихъ простѣйшіе отвѣты; въ другихъ— смѣло выступалъ противъ современныхъ общественныхъ язвъ и пороковъ, и каралъ ихъ смѣло, твердо, неуклонно; въ третьихъ, наконецъ, онъ принималъ на себя трудъ истолкованія новыхъ мѣропріятій Правительства. Ни въ одной изъ проповѣдей своихъ онъ не старается угодить своимъ слушателямъ или польстить ихъ слабостямъ. При этомъ онъ придаетъ очень мало цѣны такъ называемому ложному, поверхностному просвѣщенію, которое болѣе мѣняетъ внѣшность людей, нежели ихъ внутреннія, душевныя качества.

Прекрасно замѣчаетъ по этому поводу въ одномъ изъ своихъ словъ Платонъ:

...„Предки наши, можетъ быть, не были учены, но были просвѣщенны. Можетъ быть, не знали они намѣреній земли, теченія звѣздъ, выкладокъ математическихъ и прочаго подобнаго, но знали, въ чемъ состоитъ благочестіе, какая есть жизнь богоугодная, что есть добродѣтель и честность, и что есть порокъ и постыдность?"

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ при Дворѣ, Платонъ выучился французскому языку, ознакомился съ сочиненіями энциклопедистовъ и вступилъ въ сильнѣйшую борьбу съ безвѣріемъ, которое дѣлало быстрые успѣхи въ русскомъ обществѣ екатерининскихъ временъ. И въ особенности эти проповѣди Платона до такой степени были своевременными и производили такое сильное впечатлѣніе, что ихъ стали переводить на иностранные языки, и проповѣдническая слава Платона разнеслась далеко по Европѣ.

Въ теченіи десятилѣтія, проведеннаго при Дворѣ Екатерины, Платонъ быстро поднялся въ средѣ русскаго духовенства, пролагая себѣ путь и природными дарованіями, и усиленными трудами. Въ 1770 г. Платонъ былъ назначенъ Тверскимъ епископомъ; въ 1773 г.—архіепископомъ Московскимъ, а въ 1787 — Московскимъ митрополитомъ. Въ этомъ высокомъ санѣ онъ ревностно заботился объ улучшеніи и устройствѣ быта московскаго духовенства и, въ особенности, объ улучшеніи образованія, которое можно было получать въ духовныхъ училищахъ. Имѣя постоянно въ виду нужды духовнаго образованія, Платонъ неусыпно трудился надъ составленіемъ учебниковъ для духовенства и нѣкоторые изъ нихъ обработалъ превосходно. Такъ, напримѣръ, Краткая Богословія его, изданная въ 1765 г., не только у насъ, въ Россіи, получила весьма широкое распространеніе, но была переведена на языки латинскій, греческій, армянскій, грузинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій и французскій. Англійскіе богословы внесли даже это руководство почти цѣликомъ въ курсы, преподаваемые студентамъ Кэмбриджскаго и Оксфордскаго университетовъ. Гораздо болѣе важнымъ трудомъ митрополита Платона было его сочиненіе: „Церковная Россійская Исторія"—первый и весьма замѣчательный опытъ изложенія Исторіи Русской Церкви.

Митрополиту Платону пришлось еще торжественно короновать любимаго внука Екатерины, Императора Александра I, котораго онъ также привѣтствовалъ смѣлою и прекрасною рѣчью. Но въ царствованье Алек-

ПЕРІОДЪ СЕДЬМОЙ.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

XI.

Жизнь и дѣятельность Н. М. Карамзина.—Біографическія подробности.—Сентиментализмъ и форма, приданная ему Карамзинымъ.—Услуги, оказанныя Карамзинымъ русскому литературному языку.—Карамзинъ, какъ поэтъ, журналистъ и критикъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II въ литературѣ нашей проявляется замѣтно новое направленіе, проводимое въ цѣломъ рядѣ произведеній новой школы молодыхъ писателей. Эта новая школа писателей установляетъ болѣе вѣрные взгляды на литературу, собираетъ матерьялы для критики, то въ видѣ хорошихъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ образцовъ, то въ видѣ различныхъ попытокъ разбора литературныхъ произведеній русской и иностранныхъ литературъ, и этимъ въ значительной степени способствуетъ развитію въ обществѣ вкуса къ литературѣ. Во главѣ этой новой школы, которая оказала важныя услуги русской литературѣ и журналистикѣ, выступилъ Карамзинъ, какъ журналистъ, литераторъ, поэтъ и ученый. Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Карамзина съ замѣчательною наглядностію подраздѣляетъ жизнь Карамзина, по ея совпаденію съ царствованіями Екатерины и Александра, на двѣ равныя половины:

„Жизнь Карамзина“, — говоритъ онъ — „продолжавшаяся 60 лѣтъ, знаменательно совпадаетъ съ пространствомъ времени отъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II до кончины Императора Александра Павловича, котораго онъ пережилъ только немногими мѣсяцами. Это шестидесятилѣтіе раздѣляется на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна вся принадлежитъ вѣку Екатерины, а другая, самою значительною частію, — вѣку Александра. Въ первой Карамзинъ былъ поэтомъ и литераторомъ, въ послѣдней почти исключительно историкомъ. Въ кратковременное правленіе Императора Павла онъ готовился къ переходу отъ изящной литературы къ строгой наукѣ“. Нѣсколько далѣе, тотъ же біографъ еще точнѣе опредѣляетъ границы періодовъ „авторской жизни“ Карамзина, въ связи съ важнѣйшими моментами его литературной дѣятельности:

„Авторская жизнь Карамзина представляетъ три очень явственно разграниченные

сто рублей въ карманѣ". И вотъ, послѣ того, какъ эта неожиданная неудача охладила его воинскій жаръ, Карамзинъ покидаетъ свой преображенскій мундиръ и уѣзжаетъ на родину, гдѣ около этого времени скончался его отецъ. Это было въ концѣ 1783 или въ началѣ 1784 года.

Пробывъ около года въ Петербургѣ, Карамзинъ успѣлъ подружиться [1]) тамъ съ И. И. Дмитріевымъ, въ то время такимъ-же какъ онъ гвардейскимъ офицеромъ. Почти одновременно вступили они и на литературное поприще со своими первыми опытами....

„Въ Симбирскѣ я видѣлся съ Карамзинымъ" пишетъ Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ — „и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ роль надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, политикомъ передъ отцами семейства, которые хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали". Разсѣянная жизнь, впрочемъ, не отбивала у Карамзина охоты заниматься словесностью: мы знаемъ, что онъ читалъ и переводилъ Вольтера въ это время... Вскорѣ однакоже землякъ Карамзина и Дмитріева, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, который по предъидущему уже извѣстенъ намъ, какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Дружескаго Общества", уговорилъ молодаго Карамзина покинуть провинцію и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Здѣсь ввелъ онъ Николая Михайловича въ новиковскій кружокъ, въ которомъ Карамзинъ довоспитался окончательно подъ вліяніемъ другаго друга своего, Александра Петровича Петрова, одного изъ молодыхъ людей, занимавшихся въ новиковскомъ кружкѣ переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. „Петровъ" — по свидѣтельству И. И. Дмитріева — „знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ, изъ которыхъ извѣстны первые два года еженедѣльника, подъ названіемъ „Дѣтское Чтеніе", „Учитель", въ двухъ томахъ, „Хризомандеръ" — мистическое сочиненіе, и „Багуатгата" — также родъ мистической поэмы, на санскритскомъ языкѣ и переведенной съ нѣмецкаго. Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же — угрюмъ, молчаливъ и подъ-часъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, изящному, имѣли одинаковую силу въ умѣ, одинаковую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею, у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ „Дружескому Обществу" [2]). Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками: въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго передъ моимъ пріѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, а другая освящалась Іисусомъ на Крестѣ, подъ покровомъ чернаго крепа".

Судя по этимъ подробностямъ, которыя сообщаетъ Дмитріевъ, Карамзинъ вѣроятно вовлеченъ былъ и въ масонство, но въ какой степени и какъ долго оставался въ средѣ масоновъ—это вопросы, до сихъ поръ совершенно темные. Извѣстно только то, что мистицизмъ пришелся ему не по душѣ и что проникнуться ученіемъ мистиковъ до увлеченія онъ не могъ. По всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ, Карамзинъ вскорѣ оставилъ масоновъ, и никогда впослѣдствіи не относился къ ихъ ученію сочувственно, хотя многія стороны ихъ дѣятельности и взглядовъ, духъ религіозности, человѣколюбіе, братская любовь къ ближнему и патріотическое настроеніе — все это должно было несомнѣнно нравиться Карамзину и даже нашло себѣ

[1]) Дружба эта представляетъ собою нѣчто весьма замѣчательное и въ значительной степени характеризующее нравственную личность Карамзина и его время; достаточно будетъ припомнить здѣсь, что памятникомъ этой дружбы осталась почти 40-лѣтняя переписка Карамзина съ И. И. Дмитріевымъ, составляющая вмѣстѣ съ „Записками" Дмитріева одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для біографіи Карамзина — [2]) Изображеніе этого дома, снятое нами съ натуры, помѣщено выше, на стр. 127.

замѣтили въ немъ и ближайшіе пріятели его, не принадлежавшіе къ кружку, напр. И. И. Дмитріевъ, который, встрѣтившись въ Москвѣ съ Карамзинымъ, незадолго до его отъѣзда за границу, не узналъ въ немъ прежняго беззаботнаго юношу. „Это былъ уже не тотъ юноша"—говоритъ Дмитріевъ—„который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка"... Подобный отзывъ современника, вѣроятно извлеченный изъ бесѣдъ съ Карамзинымъ, даетъ возможность до нѣкоторой степени довѣрять преданію, утверждающему, будто путешествіе Карамзина стояло въ связи съ его отношеніями къ новиковскому кружку. Довѣряя подобному преданію, еще вовсе нѣтъ надобности предполагать, чтобы путешествіе Карамзина за границу совершено было на средства масоновъ или выполнено по инструкціи, данной ему масонами. Даже и путешествуя на свои средства, но полагая цѣлью путешествія „пламенное рвеніе къ усовершенію въ себѣ человѣка", Карамзинъ уже дѣйствовалъ на основаніи тѣхъ идей, которыя внушены были ему и преимущественно развиты пребываніемъ въ кружкѣ, составлявшемъ „Дружеское Общество".

Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу и, посѣтивъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, пробылъ за границею полтора года. Результатомъ его путешествія явились „Письма Русскаго Путешественника", первое произведеніе, доставившее Карамзину громкую извѣстность. Эти „Письма" помѣщены были въ „Московскомъ Журналѣ", за изданіе котораго Карамзинъ принялся съ самаго начала 1791 года, и который издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ Эта журнальная дѣятельность была, повидимому, слѣдствіемъ его путешествія за границу. Тамъ пришлось ему увидѣть писателей и журналистовъ въ такомъ почетномъ, завидномъ положеніи среди окружающаго ихъ общества, что 24-лѣтнему юношѣ мудрено было не увлечься и, понадѣявшись на свои силы, не пожелать добиться подобнаго же положенія у себя дома. И дѣйствительно, возвратившись домой изъ-за границы, Карамзинъ рѣшается положительно отступить отъ того избитаго пути, по которому около него шло все современное русское дворянство: онъ не поступаетъ на службу, а посвящаетъ себя исключительно литературной дѣятельности и ею стремится создать себѣ положеніе въ обществѣ.

Несмотря на то, что конецъ царствованія Екатерины и кратковременное царствованіе Павла I не могли быть ни въ какомъ случаѣ названы временемъ благопріятнымъ для посвященія себя литературѣ, Карамзинъ очень скоро успѣлъ обратить на себя общее вниманіе, сдѣлаться любимцемъ читающей публики и пріобрѣсти славу перваго между русскими писателями. Двѣнадцатилѣтній періодъ времени отъ 1791—1803 гг., исключительно посвященный Карамзинымъ журналистикѣ и литературѣ, представляетъ собою самый блестящій періодъ въ его литературной дѣятельности, которая за это время была настолько разнообразна, настолько соотвѣтствовала потребностямъ и вкусу большинства читателей, что успѣхи Карамзина не могутъ удивлять насъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ издавая „Московскій Журналъ", онъ умѣлъ уже придать ему ту форму и то разнообразіе состава, какія до этого времени не встрѣчались еще ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, и были вѣроятно результатомъ близкаго знакомства Карамзина съ иностранною журналистикою. Въ „Московскомъ Журналѣ" помѣщались и переводныя и оригинальныя статьи, принадлежащія перу Карамзина и лучшихъ современныхъ писателей — Хераскова, Державина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева, Ѳ. Львова — и „другихъ молодыхъ стихотворцевъ". За отдѣломъ стиховъ и прозы въ журналѣ Карамзина слѣдовала смѣсь (анекдоты, отчеты о театральныхъ представленіяхъ и т. п.) и отдѣлъ критическій, въ которомъ мы видимъ рецензіи новыхъ книгъ русскихъ и иностранныхъ. Рядомъ съ простыми и краткими рецензіями въ „Московскомъ Журналѣ" помѣщались уже и довольно серьезные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранной и русской литературы, выказывающіе въ авторѣ дѣйствительный критическій тактъ. Но главнымъ украшеніемъ „Московскаго Журнала" явились произведенія самого Карамзина: „Письма Русскаго Путешественника" и двѣ повѣсти—„Наталья, боярская дочь" и „Бѣдная Лиза" (объ 1792 г.).

дѣйствительно сначала явились въ свѣтъ, подъ названіемъ „Мои бездѣлки“, всѣ статьи Карамзина, напечатанныя въ этомъ журналѣ, потомъ явился обѣщанный сборникъ „Аглая“ (1794), въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ. [1])

Вскорѣ послѣ того, въ августѣ 1796 года, — новое литературное предпріятіе Карамзина, новое доказательство его изящнаго вкуса и разумной издательской разборчивости: первый русскій альманахъ, подъ названіемъ „Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній“. Въ предисловіи къ „Аонидамъ“ Карамзинъ такъ объясняетъ цѣль изданія: „Почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ ежегодно издается собраніе новыхъ, мелкихъ стихотвореній, подъ именемъ Календаря Музъ (Almanach der Musen); мнѣ хотѣлось видѣть и на русскомъ нѣчто подобное, для любителей поэзіи... Надѣюсь, что публикѣ пріятно будетъ найти здѣсь вмѣстѣ почти всѣхъ нашихъ извѣстныхъ стихотворцевъ; подъ ихъ щитомъ являются на сценѣ и нѣкоторые молодые авторы, которыхъ зрѣющій талантъ достоинъ ея вниманія“. И дѣйствительно, Аониды могли дать каждому довольно полное понятіе о положеніи и средствахъ нашей современной поэзіи: тутъ встрѣчаются: — „подъ щитомъ“ Державина и Хераскова, — стихотворенія и Львова, и Капниста, и кн. Горчакова, и В. Пушкина, и Измайлова, и Кострова, и даже Магницкаго. Съ 1796 и 1799 г. вышло три книжки Аонидъ.

Несмотря на довольно разсѣянную свѣтскую жизнь, какую велъ Карамзинъ въ это время, онъ все продолжалъ неутомимо работать для русской литературы, постоянно придумывая новые способы для того, чтобы угодить на всѣ вкусы, удовлетворить всѣмъ потребностямъ читающей публики, распространял въ ней много новыхъ свѣдѣній по иностраннымъ литературамъ, тѣмъ болѣе, что о русской литературѣ въ это время приходилось оставить всякія попеченія. И вотъ, въ 1798 году, Карамзинъ задумываетъ издавать „Пантеонъ иностранной словесности“, который, по его собственному замѣчанію, „долженъ быть ничто иное, какъ собраніе всякаго рода твореній и важныхъ, и неважныхъ; слѣдственно тутъ можетъ быть и сказка, и отрывокъ, и арабскій анекдотъ: иное для слога, иное для любопытства... однимъ словомъ, родъ журнала, посвященнаго иностранной литературѣ“.

Видно однакоже, что даже и объ иностранной словесности говорить въ то время было трудно: Карамзинъ жалуется въ своихъ письмахъ на то, что его дѣятельности мѣшаетъ цензура, которая, „какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается. Я, кажется, и самъ могу знать, что позволено, и что не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное“... „Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена, которыя могли-бы украсить „Пантеонъ“ — пишетъ Карамзинъ въ другомъ письмѣ — „но цензоры говорятъ: Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно — и Цицерона также — и Саллюстія также“... „Я, какъ авторъ, могу исчезнуть за-живо!“ — восклицаетъ выведенный изъ терпѣнія Карамзинъ въ третьемъ письмѣ своемъ. „Здѣшніе цензоры, при новой эдиціи Аонидъ, поставили × на моемъ „Посланіи къ женщинамъ“. Такая же участь ожидаетъ и „Аглаю“, и „Мои бездѣлки“, и „Письма Русскаго Путешественника“... и такимъ образомъ черезъ годъ не останется въ продажѣ можетъ быть ни одного изъ моихъ сочиненій“... „Если-бы экономическія обстоятельства не заставили меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на алтарь Музъ, и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло! У насъ есть академіи, университетъ, а литература подъ лавкою!...“

Среди такого грустнаго настроенія, среди разныхъ непріятностей, къ которымъ присоединялись еще и нѣкоторыя сердечныя дѣла, сильно тревожившія и волновавшія

[1]) Въ первой части Карамзинъ помѣстилъ слѣдующія статьи свои: „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ (воспоминаніе о Петровѣ, умершемъ въ концѣ 1793 г.); „Что нужно автору?“; „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“; „Островъ Борнгольмъ“; „Письма изъ Лондона“ и нѣсколько своихъ стихотвореній. Во второй части Аглаи видимъ опять цѣлый рядъ статей Карамзина: „Сіерра-Морена“, „Аонская жизнь“, „Переписка Филалета и Мелодора“, „Дремучій лѣсъ“, „Илья Муромецъ“ — и продолженіе „Писемъ Русскаго Путешественника“.

дѣятельности, является намъ не только весьма талантливымъ, но и европейски-образованнымъ писателемъ, указавшимъ современной русской литературѣ новые пути, новыя задачи для разработки. Со времени появленія въ свѣтъ карамзинскихъ журналовъ и сборниковъ, предшествовавшій имъ журнальный типъ утратилъ всякій интересъ и значеніе. Даже противники Карамзина, вооружавшіеся противъ его направленія, негодовавшіе на его нововведенія въ языкѣ и слогѣ, въ то же время, подражали ему въ составленіи программъ своихъ повременныхъ изданій. Но эта сторона дѣятельности Карамзина менѣе всего была оцѣнена современниками. Поэтическія произведенія Карамзина, не богатыя содержаніемъ, ни кого не способныя поразить своею нѣсколько однообразною внѣшнею формою, тоже не цѣнились высоко современниками, тѣмъ болѣе, что еще были живы поэты прославленные, безусловно-знаменитые и всѣхъ приводившіе въ восторгъ произведеніями своей вдохновенной музы. Академикъ Гротъ, справедливо замѣчая, что у Карамзина былъ поэтическій талантъ, но чувствовался недостатокъ въ воображеніи и вымыслѣ, къ этому прибавляетъ, что „стихотворенія Карамзина представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко искренняго человѣка“;... „всякій разъ, когда онъ выражалъ любимыя мысли свои, стихи его принимаютъ отпечатокъ одушевленія“... „Обыкновенныя тэмы (поэзіи Карамзина)— любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ“... Но Карамзинъ, какъ искренній и теплый поэтъ, какъ талантливый журналистъ, какъ образованный и обладавшій замѣчательнымъ вкусомъ критикъ, не на столько обращалъ на себя вниманіе общества, на сколько Карамзинъ-беллетристъ, написавшій „Бѣдную Лизу“ и „Наталью, боярскую дочь“, и Карамзинъ-туристъ, издавшій въ свѣтъ „Письма Русскаго Путешественника“, надолго сдѣлавшіяся кодексомъ сентиментализма для нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній.

Сентиментализмъ не былъ въ то время новостью въ русской литературѣ. Не слѣдуетъ забывать, что сентиментализмъ — первоначально развившійся въ Англіи (въ половинѣ прошлаго вѣка) подъ вліяніемъ Ричардсона и Стерна, а вскорѣ послѣ того нашедшій себѣ талантливыхъ представителей въ лицѣ Руссо во Франціи и Гёте въ Германіи— вскорѣ проникъ и въ Россію У насъ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ, явились не только переводы произведеній Ричардсона, но даже и весьма неуклюжія подражанія имъ, и вообще сентиментализму посчастливилось въ такой степени, что къ нему стали сочувственно относиться люди самыхъ противуположныхъ воззрѣній и убѣжденій. Достаточно будетъ припомнить здѣсь, напр., то, что въ новиковскомъ кружкѣ сентиментализмъ находилъ себѣ такихъ же горячихъ поклонниковъ, какъ и въ придворно-литературной средѣ, окружавшей Екатерину.

Сущность сентиментализма заключалась въ томъ предпочтеніи, которое приверженцами сентиментальной школы отдавалось чувству передъ всѣми остальными сторонами человѣческой природы. Значеніе, придаваемое чувству, было настолько велико, что самое достоинство человѣка измѣрялось только бо̀льшею или мѣньшею степенью его чувствительности [1]). Несмотря на то, что сентиментальная школа была болѣе близка къ дѣйствительности, нежели школа ложно-классическая, несмотря на то, что она избирала характеры свои не изъ темной героической эпохи, а изъ болѣе близкой къ намъ семейной и общественной среды, представители этого новаго литературнаго направленія все же не придавали еще большаго значенія изученію и наблюденію дѣйствительности. Вслѣдствіе этого, часто сталкиваясь съ „грубою дѣйствительностью“, разрушавшею сентиментальныя теоріи, приверженцы сентиментализма любили рисовать отдаленное прошлое въ украшенномъ видѣ, и въ этомъ вымышленномъ прошломъ искать

[1]) Нельзя при этомъ упустить изъ виду, что и самое слово чувствительный, чувствительность, не отличалось отъ слова воспріимчивый, впечатлительный; воспріимчивость, впечатлительность.

Въ „Бѣдной Лизѣ“ Карамзинъ представилъ образецъ сентиментальной повѣсти, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является „прекрасная тѣломъ и душою поселянка“, „нѣжная, чувствительная Лиза“. Въ нее влюбляется Эрастъ, „довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ“. Идиллическая сельская обстановка, которою Карамзинъ окружаетъ свою поселянку Лизу, завлекаетъ Эраста къ мечтамъ, а „красота Лизы дѣлаетъ впечатлѣніе въ его сердцѣ“. Имѣя живое воображеніе, „онъ мысленно переселяется въ тѣ времена, въ которыя всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои провождали“. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, что̀ сердце его давно искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“ — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — „оставить большой свѣтъ“... И не мудрено, потому что „всѣ блестящія забавы большаго свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце Эраста“. Дружба эта между дворяниномъ Эрастомъ и поселянкой Лизой доходитъ до того, что Эрастъ даже забываетъ о сословныхъ предразсудкахъ и увѣряетъ Лизу, что онъ можетъ быть ея мужемъ, что для него „важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа, и Лиза будетъ всегда ближайшею къ его сердцу“. Несмотря на это, онъ невольно обманываетъ Лизу, воспользовавшись ея невинностью въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда „мракъ вечера питалъ желанія, и никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія“; убѣдившись въ обманѣ, Лиза нашла, что ей нельзя жить долѣе и бросилась въ прудъ, недалеко отъ тѣхъ древнихъ дубовъ, которые „за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ“.

Въ повѣсти „Наталья, боярская дочь“ Карамзинъ, подъ вліяніемъ того же сентиментальнаго настроенія, обращается къ русской старинѣ и въ самыхъ идиллическихъ картинахъ рисуетъ тѣ времена, когда „Русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т. е. говорили, какъ думали“. Въ эту идиллическую обстановку стараго боярскаго быта, имѣющую мало общаго съ историческою дѣйствительностью описываемой эпохи, Карамзинъ вставляетъ еще болѣе простую и гораздо болѣе невинную, нежели въ Бѣдной Лизѣ, исторію любви Натальи къ Алексѣю, въ котораго Наталья влюбилась въ „одну минуту, увидѣвъ его въ первый разъ и не слыхавъ отъ него ни одного слова“. Чрезвычайно характерно то обращеніе къ читателю, въ которомъ самъ авторъ считаетъ долгомъ пояснить читателю такую странную любовь своей героини къ незнакомцу.

„Милостивые государи!“ восклицаетъ Карамзинъ—„я разсказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру“.

Успѣхъ повѣстей и „Писемъ“ Карамзина, по свидѣтельству современниковъ, былъ изумительный, небывалый... Эти произведенія Карамзина не только читались всѣми, но даже заучивались наизусть; герои, выведенные въ нихъ авторомъ, становились любимыми идеалами молодежи, и самое мѣсто дѣйствія „Бѣдной Лизы“—окрестности Симонова монастыря и такъ называемый Лизинъ прудъ, въ которомъ будто-бы утопилась бѣдная Лиза—сдѣлались любимыми мѣстами сентиментальныхъ прогулокъ для нашихъ мечтательныхъ дѣдушекъ и бабушекъ. Многіе утверждаютъ, не безъ основанія, что, начиная съ появленія въ свѣтъ этихъ произведеній Карамзина, любовь къ чтенію сильно распространилась въ обществѣ, въ особенности между женщинами. Повѣсти Карамзина всѣмъ нравились, какъ первые удачные опыты легкой литературы, несмотря на то, что Карамзинъ положительно не обладалъ „даромъ художественнаго творчества, и что въ нихъ во всѣхъ вымыселъ чрезвычайно простъ, даже бѣденъ, и нѣтъ ни характеровъ, ни національнаго

вое стало, конечно, на сторону Карамзина и начало горячо отстаивать его языкъ, слогъ и литературныя воззрѣнія. Самъ Карамзинъ не вступалъ ни въ какія пренія со своими литературными противниками, и, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ относясь къ ихъ желчной критикѣ, даже не отказался воспользоваться многими ихъ замѣчаніями, за которыми признавалъ извѣстную долю справедливости.

Вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ Императора Александра начинается новый періодъ въ жизни и дѣятельности Карамзина. Наравнѣ съ другими поэтами, и Карамзинъ заплатилъ дань времени: привѣтствовалъ Александра двумя торжественными одами, изъ которыхъ одна была написана по поводу вступленія на престолъ Императора, другая — по поводу коронаціи. То, что Карамзинъ выразилъ въ этихъ двухъ одахъ, было точно такъ же тепло и ясно, хотя и гораздо проще, выражено имъ въ двухъ строкахъ его письма къ брату. Извѣщая брата о прибытіи Александра въ Москву, онъ писалъ ему отъ 20 августа 1801 года: „Государь расположенъ ко всякому добру, и мы при немъ отдохнули. Главное то, что можемъ жить спокойно". Вслѣдъ за одами явилось въ началѣ слѣдующаго года „Историческое похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II", въ которомъ авторъ, давая далеко неполную и притомъ не вполнѣ вѣрную картину екатерининскаго царствованія, останавливается только на самыхъ блестящихъ моментахъ его, особенно восхваляя либеральныя воззрѣнія „Наказа", отъ которыхъ, какъ извѣстно, сама Екатерина очень скоро отказалась и съ которыми, во многихъ случаяхъ, вовсе не согласовался ея способъ дѣйствій въ послѣдній періодъ ея царствованія. Ясно, что, восхваляя либерализмъ „Наказа", Карамзинъ этимъ самымъ хотѣлъ выразить свое сочувствіе къ тому способу правленія, котораго всѣ ожидали отъ Александра, уже въ манифестѣ своемъ заявившаго, что онъ намѣренъ править „по примѣру Бабки своей, Екатерины II". Но вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ надежды на лучшее будущее, на благодушіе и мудрость новаго Монарха, на то, что онъ не менѣе Екатерины будетъ заботиться о благѣ Россіи, о дарованіи подданнымъ правосудія и просвѣщенія, Карамзинъ, въ своемъ „Историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ", въ первый разъ обратился къ прошлому за идеалами и назиданіемъ для будущаго. Этотъ фактъ очень важенъ по отношенію къ біографіи Карамзина, потому что уже ясно указываетъ намъ на поворотъ, совершившійся въ его воззрѣніяхъ. Новое настроеніе Карамзина выразилось совершенно ясно въ томъ журналѣ, который онъ издавалъ въ 1802 году. Онъ далъ ему названіе „Вѣстника Европы", и объявилъ, что новый журналъ его „будетъ, сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя европейскія новости въ литературѣ и въ политикѣ, все, что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи, Германіи и проч..."

Въ „Вѣстникѣ Европы", сверхъ множества мелкихъ статей Карамзина, появлявшихся въ каждой книжкѣ этого журнала, выходившаго два раза въ мѣсяцъ, помѣщено было и нѣсколько замѣчательныхъ разсужденій Карамзина, напр. извѣстное разсужденіе его „О любви къ отечеству и народной гордости", „О счастливѣйшемъ времени жизни", „Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ" и т. д. Сверхъ того, тутъ же, въ теченіе двухъ лѣтъ изданія „Вѣстника Европы", напечатанъ былъ Карамзинымъ и цѣлый рядъ статей историческаго содержанія, которыя одинъ изъ его біографовъ довольно вѣрно назвалъ „пробами пера" передъ началомъ того обширнаго историческаго труда, которому посвятилъ Карамзинъ всю вторую половину своей жизни послѣ 1803 года. Въ числѣ этихъ статей нельзя не упомянуть нѣкоторыя, именно съ этой стороны заслуживающія вниманія, напр., „Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ", „О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ", „О тайной канцеляріи", „О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича". Здѣсь наконецъ напечатана была и еще одна историческая повѣсть Карамзина — „Марѳа Посадница", — которая также понравилась обществу, какъ и предшествовавшіе ей беллетристическіе опыты Николая Михайловича.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одной важной біографической подробности: Карамзинъ принялся за изданіе „Вѣстника Европы" на 36-мъ году своей жизни, и притомъ уже женатый. Онъ женился въ апрѣлѣ 1801 года

Нельзя, однакоже, не признать, что „Вѣстникъ Европы“ былъ для своего времени (1802 — 1803 гг.) явленіемъ весьма замѣчательнымъ и, во многихъ отношеніяхъ, послужилъ образцомъ для нашей позднѣйшей журналистики. Но едва ли можно согласиться съ тѣми изъ біографовъ Карамзина, которые въ „Вѣстникѣ Европы“ видятъ нѣчто болѣе зрѣлое, болѣе заслуживающее вниманія и болѣе имѣющее значенія въ историко-литературномъ отношеніи, нежели вся предшествующая журнальная и литературная дѣятельность Карамзина. Карамзинъ и до этого времени является намъ уже талантливымъ журналистомъ и литераторомъ, образованнымъ критикомъ и даже поэтомъ, имѣющимъ нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства. Нельзя отрицать того, что сентиментальное направленіе нашей литературы конца прошлаго столѣтія нашло себѣ въ Карамзинѣ весьма замѣчательнаго представителя. Но когда тотъ же Карамзинъ—подъ вліяніемъ совершившагося въ немъ поворота, или, можетъ быть, подъ вліяніемъ новой эпохи, переживаемой обществомъ—охладѣлъ къ литературѣ и поэзіи, къ искусству и къ философскимъ теоріямъ, и съ почвы общихъ вопросовъ, изъ области туманныхъ воззрѣній и ощущеній, вдругъ перешелъ на почву вопросовъ общественныхъ и политическихъ... мы не думаемъ, чтобы его литературная и журнальная дѣятельность вслѣдствіе этого могла выиграть по отношенію къ достоинству и значенію своему. И дѣйствительно: литературный отдѣлъ „Вѣстника Европы“, не смотря на участіе въ немъ Дмитріева, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго и Жуковскаго, представляетъ менѣе интереса, нежели тотъ же отдѣлъ—въ „Московскомъ Журналѣ“; переводный отдѣлъ—чрезвычайно слабъ и не отличается ни выборомъ, ни изяществомъ передачи; критики — нѣтъ... Остается затѣмъ отдѣлъ политическій, подраздѣлявшійся на общее обозрѣніе и на извѣстія и замѣчанія. Но въ этомъ отдѣлѣ, не смотря даже и на замѣтную перемѣну во многихъ воззрѣніяхъ, во многихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, Карамзинъ является намъ такимъ же утопистомъ и мечтателемъ, такимъ же горячимъ приверженцемъ сентиментализма, какимъ является онъ и во всей предшествующей своей литературной и журнальной дѣятельности. И нельзя не сознаться, что сентиментализмъ, мечтательность и наклонность къ идеализаціи—эти три коренныя свойства Карамзина, какъ писателя—оказывались гораздо болѣе умѣстными въ примѣненіи къ общимъ вопросамъ искусства и литературы, нежели къ вопросамъ общественнымъ и политическимъ, для которыхъ быстрое и практическое разрѣшеніе начинало становиться насущною потребностью. А между тѣмъ все, что говоритъ по отношенію къ этимъ вопросамъ Карамзинъ, принадлежитъ положительно къ области сентиментальныхъ мечтаній и нейдетъ далѣе общихъ разсужденій о морали и добродѣтели. Такъ, напримѣръ, разсуждая о крестьянскомъ вопросѣ, Карамзинъ представляетъ слѣдующимъ образомъ современное ему положеніе крестьянъ и ихъ отношеній къ господамъ. „Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная“... „Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: — вотъ его право!“... „Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе: отъ чего же? отъ старанія помѣщиковъ; плоды ихъ экономіи, ихъ смотрѣнія, надѣляютъ изобиліемъ рынки столицъ“. Вслѣдъ за тѣмъ, разсуждая о томъ, что хлѣбопашество и общее благосостояніе крестьянъ значительно ухудшились-бы, если-бы крестьяне были выпущены на волю съ землею и посажены на оброкъ, „по совѣту иностранныхъ филантроповъ“, Карамзинъ къ этому разсужденію прибавляетъ, что эта система „мудрыхъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ головъ“ была-бы хороша, если-бы мы, „принявъ ее, могли заснуть съ Эпименидомъ по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣкъ; но всякій изъ насъ хочетъ жить хорошо, спокойно и счастливо нынѣ, завтра и такъ далѣе. Время подвинетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ, и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю-ли я человѣчество и народъ Русскій; имѣю-ли предраз-

трудныхъ сельскихъ работъ, и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананасъ для десерта. „Но богатствомъ должно пользоваться?“ Безъ сомнѣнія. Во-первыхъ, заплатите долги свои; во-вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, *если можно*, въ лучшее состояніе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте *что-нибудь* долговременное и полезное; учредите школу, госпиталь; будьте отцами бѣдныхъ, и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: „Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!“

Подъ конецъ втораго года журнальная дѣятельность стала однакоже тяготить Карамзина, который даже и задолго до этого времени, еще въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, уже начиналъ выказывать нѣкоторую наклонность къ переходу отъ литературныхъ занятій къ чисто-научнымъ.

Уже въ 1793 г., заканчивая изданіе „Московскаго Журнала“, Карамзинъ высказывалъ о своихъ будущихъ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ слѣдующее:

...„Буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ-бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей“ Въ записной книжкѣ Карамзина, въ іюнѣ 1797 года, также есть замѣтка, прямо указывающая на его намѣреніе посвятить себя занятіямъ историческимъ. Эти занятія исторіею всеобщею, это чтеніе Гиббона и Робертсона, и въ особенности знакомство съ древними авторами, мало-помалу навели его на мысль сосредоточить все вниманіе свое на занятіяхъ исторіею отечественною. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Дмитріеву, въ маѣ 1800 года, Карамзинъ уже пишетъ ему: „я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ“. Въ „Вѣстникѣ Европы“ уже ясно высказалось желаніе Карамзина перейти на поприще дѣятельности ученой: литературѣ дано было въ журналѣ положеніе второстепенное, а политикѣ и наукѣ отведено главное мѣсто. Мы уже видѣли тамъ „пробы пера“ будущаго историка. Въ іюнѣ 1803 г. Карамзинъ, въ письмѣ къ брату, уже прямо говоритъ о своемъ намѣреніи писать Русскую Исторію: „Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось-бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій—за Русскую Исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше“.

Горячее жланіе поскорѣе посвятить себя выполненію своей громадной задачи заставило Карамзина иначе смотрѣть на это дѣло и не дозволило ему дожидаться того, чтобы доходъ съ журнала, хотя и весьма значительный по тому времени (6,000 р. сер.), доставилъ ему возможность „жить безъ нужды и приняться за трудъ важнѣйшій“. Карамзинъ рѣшился оставить дѣятельность журнальную и просить у правительства помощи въ томъ обширномъ трудѣ, которому онъ съ такимъ самоотверженіемъ готовъ былъ посвятить все остальное время своей жизни. 28 сентября 1803 г., послѣ бесѣды съ другомъ своимъ, И. И. Дмитріевымъ, поддержавшимъ Карамзина въ его намѣреніи, Карамзинъ наконецъ рѣшился написать письмо къ товарищу министра народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьеву, воспитателю Императора Александра, извѣстному покровителю просвѣщенія, постоянно изъявлявшему расположеніе къ его литературной дѣятельности. Письмо написано твердо и съ глубокимъ сознаніемъ своего достоинства. Карамзинъ заявляетъ о томъ, что „онъ можетъ и хочетъ писать исторію“... „не варварскую и не постыдную для царствованія Александра“, и въ видѣ помощи отъ правительства проситъ только того, чтобы, при назначеніи его исторіографомъ, онъ былъ обезпеченъ хотя профессорскимъ жалованьемъ. „Смѣю думать“, пишетъ Карамзинъ—„что я трудомъ своимъ заслужилъ-бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ деритскіе кураторы, но вмѣстѣ съ

рическія свѣдѣнія, доступныя прежде только для немногихъ. Учености у него не было въ виду. Онъ надѣялся управиться при одномъ здравомъ смыслѣ, живости воображенія, при талантѣ краснорѣчія". Но добросовѣстное отношеніе къ дѣлу изслѣдованія — когда Карамзинъ лицомъ къ лицу сошелся съ задачей своей въ самомъ ея исполненіи,— измѣнило совершенно направленіе его труда, вынудивъ его самого „сдѣлаться строгимъ критикомъ, многостороннимъ ученымъ". Незамѣтно для него самого страшно разростался его трудъ, и въ сентябрѣ 1809 г., послѣ 6 лѣтъ неутомимой работы, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Въ нынѣшній годъ почти совсѣмъ не подвинулся впередъ; описалъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго".

Нельзя однакоже упустить изъ виду того, что между тѣмъ, какъ неутомимый труженикъ болѣе и болѣе углублялся въ изученіе отдаленнаго прошлаго Россіи, въ мракъ давно-минувшихъ вѣковъ, онъ все болѣе и болѣе начиналъ удаляться отъ современности, происходившей предъ глазами его. Эпоха реформъ, переживаемая Россіею, была дѣйствительно не совсѣмъ легкою для общества и для народа, а внѣшней политикой нашей, послѣ сближенія Александра съ Наполеономъ, многіе русскіе патріоты имѣли дѣйствительно право быть недовольными... Карамзинъ, подъ вліяніемъ давно уже начавшагося въ немъ нравственнаго поворота, давно уже недовольный настоящимъ, и притомъ, по свойственной ему сентиментальности, склонный идеализировать прошлое, рѣшился въ этомъ прошломъ искать идеаловъ для настоящаго и будущаго Россіи... Одинъ изъ біографовъ Карамзина ставитъ ему это въ особенную заслугу и даже рѣшается провести такую странную параллель между Карамзинымъ и Сперанскимъ:

„Сперанскій увидѣлъ французское законодательство, какъ Петръ I Европу, очаровался, началъ преобразовывать. Карамзинъ, пройдя (при изученіи исторіи) тысячу лѣтъ безпримѣрнаго въ европейскихъ лѣтописяхъ русскаго терпѣнія, и не находя по опыту ничего лучше, полезнѣе этого терпѣнія, не видя въ современномъ положеніи русскаго общества другихъ обезпеченій успѣха, боялся ступить шагу не по столбовой дорогѣ; а Сперанскій готовъ былъ по проселкамъ мчаться хоть на тройкѣ съ колокольчикомъ" [1]).

Но вопреки этому странному сравненію и похваламъ, которыя почтенный біографъ расточаетъ Карамзину за его идеализацію русской старины и за его консерватизмъ, мы замѣтимъ однакоже, что и этотъ консерватизмъ, и эта идеализація прошлаго были также не болѣе, какъ однимъ изъ послѣднихъ увлеченій Карамзина. Для насъ совершенно ясною, почти очевидною, кажется связь и этого послѣдняго увлеченія съ его давнею наклонностью къ сентиментализму, который непріязненно относился къ грубой дѣйствительности (потому что о нее разбивались его мечтанія) и съ любовью, съ пристрастіемъ обращался къ отдаленному прошлому, которое такъ легко поддавалось всякой идеализаціи и всякимъ теоріямъ, въ связи съ отвлеченною моралью, добродѣтелью и общимъ благомъ. И вотъ, подъ вліяніемъ этого-то послѣдняго увлеченія, Карамзинъ, при изученіи Русской исторіи, пораженный апатическою неподвижностью древней Руси въ теченіе многихъ вѣковъ, принялъ эту неподвижность за основной законъ, руководящій судьбами русскаго народа... На основаніи такого взгляда, Карамзинъ создалъ себѣ какую-то странную теорію историческаго терпѣнія и постепенности, сталъ еще въ „Вѣстникѣ Европы" доказывать, что законодатель очень дурно дѣлаетъ, если „облетаетъ время", и наконецъ до такой степени поддался своему взгляду, что даже и реформу Петра, нѣкогда приводившую его въ восторгъ, отвергнулъ какъ ненужную и вредную, какъ разрушившую правильное и мирное теченіе Русской исторіи. И дѣйствительно, вооружаясь противъ реформъ Александра, нельзя было оправдывать реформу Петра; открывъ новый законъ исторической постепенности и терпѣнія, приходилось поневолѣ отрицать все, хотя сколько-нибудь похожее на реформу, какъ-бы оно въ сущности ни было полезно для русской жизни. Результатомъ новой теоріи Карамзина была извѣстная его

[1]) П-годинъ. См. выше II, 83.

миновалъ и смѣнился другимъ, въ теченіе котораго въ значительной степени начинали сбываться идеалы, выставленные Карамзинымъ въ его „Запискѣ", и на которые онъ указывалъ Александру, какъ на достойныя цѣли его стремленій въ будущемъ. Но въ теоріи эти идеалы, вѣроятно, были гораздо привлекательнѣе, нежели на практикѣ, потому что самъ Карамзинъ, собираясь въ Петербургъ (въ январѣ 1816), сталъ высказывать нѣкоторыя опасенія насчетъ того, что онъ **можетъ** въ Петербургъ *съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ*?... „Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ **вельможа**: графъ Аракчеевъ. Богъ съ ними и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія".

2-го февраля 1816 г. Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою восемь томовъ своей Исторіи, къ которой передъ отъѣздомъ изъ Москвы написалъ предисловіе и посвятительное письмо. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ начался для Карамзина тяжелый рядъ разочарованій; памятникомъ ихъ остался для потомства цѣлый рядъ писемъ, которыя слишкомъ ясно указываютъ намъ, какія горькія минуты онъ переживалъ въ то время въ Петербургѣ.

Обласканный обѣими Императрицами, Великими Князьями и Великими Княгинями, которымъ давно уже былъ знакомъ не только самъ Карамзинъ, но и супруга его, встрѣчаемый во всѣхъ обществахъ съ понятнымъ восторгомъ, исторіографъ не удостоивался вниманія только самого Императора. Императоръ нѣсколько разъ приказывалъ ему передать, что онъ вскорѣ позоветъ его къ себѣ, но свиданіе это откладывалось и отсрочивалось подъ разными предлогами до тѣхъ поръ, пока Карамзинъ не догадался о настоящемъ препятствіи къ свиданію его съ Александромъ. Препятствіе это заключалось въ томъ, что Карамзинъ, принятый во всѣхъ лучшихъ обществахъ, во всѣхъ кружкахъ, не былъ съ визитомъ у всесильнаго графа Аракчеева. Напрасно съ разныхъ сторонъ и его пріятели, и кліенты графа Аракчеева давали ему понять, что безъ визита къ графу дѣло не обойдется. Карамзинъ совершенно вѣрно замѣчалъ на это, что онъ съ графомъ не знакомъ и къ незнакомымъ людямъ съ визитомъ не ѣздитъ. Въ письмѣ къ женѣ своей онъ прямо говоритъ, намекая на этотъ вопросъ: „не хочу презирать себя...", „не сдѣлаю ничего непристойнаго...". И видно, что ему очень тяжело было снести свое фальшивое положеніе, потому что въ одномъ изъ писемъ къ женѣ (отъ 11 февр.) онъ говоритъ: „отъ Государя ни слова... что будетъ далѣе, не знаю; но знаю, что 10 марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно похвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей". Но послѣ этого письма прошло еще двѣ недѣли — Государь не принималъ Карамзина. Между тѣмъ отношенія Аракчеева къ Карамзину становились баснею всего города и доходили даже до странныхъ недоразумѣній какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго письма Карамзина къ женѣ:

„...Скажу тебѣ нѣсколько словъ о *вельможѣ* (т. е. о гр. Аракчеевѣ): вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ адъютанта, что графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь и отвѣчаю, что не я, а братъ мой Ѳедоръ, старинный сослуживецъ графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ счастія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что графъ ждетъ брата. Братъ является, и графъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: „радуюсь случаю познакомиться съ такимъ *ученымъ* человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего брата". Ѳедоръ Михайловичъ отвѣчаетъ: „Ваше Сіятельство! я не исторіографъ, а самый вашъ старинный знакомецъ!" Слѣдуютъ объятія, ласки. Открылось, что графъ ждалъ исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли я, имѣя *извѣстный* тебѣ *характеръ*, ѣхать къ незнакомому мнѣ *фавориту*? Это было-бы нахально и глупо съ моей стороны".

Время между тѣмъ все шло да шло; и послѣ этого эпизода вскорѣ минуло почти двѣ недѣли — а положеніе Карамзина не измѣнялось. Напрасно бодрился онъ, напрасно старался, въ письмахъ къ женѣ, выказать себя равнодушнымъ и спокойнымъ, даже хвалился мужествомъ, говоря женѣ своей: „видишь, что мужъ твой Гуронъ; — не поѣхалъ къ графу Аракчееву... не воспользовался его благорасположеніемъ..." До

уже поздно". Не думай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ..." На другой же день послѣ этого визита Карамзинъ получилъ приглашеніе явиться къ Государю, былъ тотчасъ принятъ, обласканъ, осыпанъ милостями, и въ отчетѣ о свиданіи съ Александромъ Карамзинъ опять возвращается къ прежнему, увѣренному и твердому тону своему, говоритъ даже такъ: „Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, даже какъ нельзя лучше — на печатанье 60 тысячъ, и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ-Селѣ; право быть искреннимъ" и т. д. На другой же день послѣ этого Карамзинъ былъ съ визитомъ у Аракчеева. „Вчера я отвезъ карточку къ графу Аракчееву" — пишетъ онъ женѣ — „онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ". Нѣсколько дней спустя, Карамзинъ даже писалъ женѣ: „ты уже знаешь, другъ безцѣнный, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ". Вполнѣ достовѣрный разсказъ одного современника [1]) поясняетъ намъ смыслъ этихъ послѣднихъ словъ письма: „Государь, наградивъ Карамзина, замѣтилъ ему съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту не за Исторію, а за Записку. Аракчееву, какъ врагу Сперанскаго" — прибавляетъ современникъ — „не трудно было примирить Александра съ Карамзинымъ, который въ „Запискѣ" своей осуждалъ (дѣятельность) Сперанскаго" [2]).

Вскорѣ послѣ того, Карамзинъ съ семействомъ своимъ переселился изъ Москвы въ Царское-Село, потомъ въ Петербургъ. Около двухъ лѣтъ продолжалось печатаніе перваго изданія его „Исторіи". Наконецъ, января 28-го, 1818 года, Карамзинъ поднесъ Александру полный экземпляръ своей „Исторіи Государства Россійскаго". Черезъ 25 дней послѣ того, всѣ 3,000 экземпляровъ перваго изданія были уже распроданы, и явилась потребность во второмъ изданіи. Всѣ, самыя смѣлыя надежды Карамзина сбылись вполнѣ, и будущность его семьи была обезпечена. Его „Исторія", замѣчательный и можетъ быть даже единственный въ своемъ родѣ памятникъ самоотверженной преданности наукѣ и неутомимаго, непрестаннаго труда надъ критическою разработкою сыраго матерьяла, была, съ этой стороны, оцѣнена по достоинству всѣми партіями и всѣми слоями современнаго общества, хотя очень многіе съ недовольствомъ и крайнимъ сомнѣніемъ относились къ основной мысли „Исторіи" Карамзина, и изъ многихъ устъ, достойныхъ полнаго уваженія, слышались справедливые укоры исторіографу за предвзятость его исторической теоріи.

Остальные восемь лѣтъ жизни Карамзина протекли мирно и безпечно. Находясь въ постоянныхъ и притомъ самыхъ близкихъ, дружескихъ сношеніяхъ съ Императоромъ Александромъ и обѣими Императрицами, онъ почти каждый день, во время многихъ лѣтнихъ пребываній своихъ въ Царскомъ-Селѣ, видался съ Императоромъ и нерѣдко пользовался его благодушіемъ для того, чтобы оказывать добро ближнимъ. Вся жизнь Карамзина за эти послѣдніе восемь лѣтъ сосредоточивалась въ его трудѣ, который онъ не оставлялъ до послѣдней минуты и въ тихихъ радостяхъ семейной жизни. Жизни общественной и государственной онъ въ это время уже не замѣчалъ, или по крайней мѣрѣ старался не замѣтить: ему хотѣлось жить въ мирѣ со всѣми и съ самимъ собою.

Вопреки обыкновенной человѣческой слабости, онъ уже рано сталъ говорить о приближеніи старости и смерти; но онъ говорилъ о нихъ безъ страха и горечи, видѣлъ въ нихъ, какъ и во всемъ, одну свѣтлую, примирительную сторону. „Чтобы чувствовать всю сладость жизни",—писалъ онъ къ Дмитріеву за нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною — „надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству". [3]) Дѣй-

[1]) Графа Блудова. — [2]) Гротъ, см выше, стр. 41. — [3]) Акад. Гротъ, Юбилейная рѣчь въ память Карамзина (заключеніе)

XII.

И. И. Дмитріевъ; его литературная дѣятельность, взглядъ на поэзію и важное значеніе въ средѣ современниковъ.— В. А. Озеровъ; его трагедіи и несчастія.— Литературная дѣятельность его, какъ переходъ къ романтическому направленію.

Ближайшими послѣдователями Карамзина, какъ представителя сентиментальнаго направленія въ нашей литературѣ и какъ писателя, положившаго основаніе новому литературному языку и слогу, явились — Дмитріевъ и Озеровъ. То, что сдѣлано было Карамзинымъ по отношенію къ прозѣ изящной и ученой, было, при помощи этихъ двоихъ ближайшихъ современниковъ и послѣдователей Карамзина, поддержано и окончательно утверждено въ области поэтическаго творчества. Дмитріевъ, внося сентиментализмъ, какъ господствующее направленіе, въ нашъ эпосъ и лирику, въ то же время совершенствовалъ, подъ вліяніемъ Карамзина, и общій складъ русскаго стиха, и самый составъ нашего легкаго, поэтическаго языка. Озеровъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ и направленіемъ, способствовалъ окончательному изгнанію съ нашей сцены ложно-классическихъ идеаловъ и драматическихъ произведеній, построенныхъ по правиламъ теоріи. И тотъ, и другой пользовались въ свое время громкою славою и большимъ значеніемъ, благодаря тому, что уже умѣли облекать въ сущности небогатое и неглубокое содержаніе своихъ произведеній въ изящную и красивую внѣшнюю форму, предъ которой преклонялись современники, какъ предъ явленіемъ новымъ и невиданнымъ досель въ нашей литературѣ. Можно почти сказать, что Карамзинъ, Дмитріевъ и Озеровъ первые способствовали у насъ въ обществѣ развитію любви къ чтенію; благодаря ихъ дѣятельности, внѣшность литературныхъ произведеній сдѣлалась настолько привлекательною и доступною, что литературные интересы стали близки и дороги всѣмъ, и имѣть съ любовью къ чтенію, пристрастіе къ литературѣ въ концѣ прошлаго вѣка проникло въ такіе слои общества, которые до того времени не находили въ ней удовольствія, не чувствовали въ ней необходимости.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ (род. 1760, ум. въ 1837 г.) оставилъ намъ по себѣ довольно подробныя и во многихъ отношеніяхъ любопытныя біографическія записки, подъ названіемъ „Взглядъ на мою жизнь“. Особенно любопытна въ нихъ первая часть, въ которой сообщилъ онъ краткія свѣдѣнія о своемъ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, о своемъ воспитаніи, литературной дѣятельности и обширныхъ литературныхъ связяхъ. Записки эти писаны имъ на 66 году его жизни, въ то время, когда онъ давно уже оставилъ и литературное, и служебное свое поприще: „ноги отказываютъ служить мнѣ“—такъ пишетъ онъ въ предисловіи къ „Запискамъ“—„глаза мои тоже. старыя связи перевелись; новыя заводить трудно и не прочно: пришлось искать занятія въ самомъ себѣ и доживать воспоминаніемъ“. И воспоминанія поэта оказываются очень важнымъ историко-литературнымъ матерьяломъ, потому что не только знакомятъ насъ очень близко съ современнымъ ему взглядомъ на литературу, но еще и переносятъ насъ всецѣло въ среду понятій и воззрѣній, общихъ всей нашей сентиментальной школѣ писателей. Замѣтимъ, кстати, что литературная дѣятельность Дмитріева не имѣетъ положительно никакой связи съ его блестящей служебной карьерой, о которой, вслѣдствіе этого, намъ едва прійдется упомянуть, и то мимоходомъ; онъ самъ, въ своихъ „Запискахъ“, тщательно отдѣлялъ эти двѣ стороны жизни, которыя у него, какъ у человѣка вполнѣ обезпеченнаго, независимаго и одареннаго спокойнымъ характеромъ, дѣйствительно не находились ни въ какой взаимной связи. Къ тому же и по самой сущ-

охотно желалъ имъ слѣдовать". Первымъ знакомствомъ съ русскою поэзіей Дмитріевъ былъ обязанъ своей матери, которая уже въ дѣтствѣ любила ему декламировать отрывки изъ произведеній Сумарокова и Ломоносова. Но къ чтенію русскихъ книгъ Дмитріевъ пристрастился, впрочемъ, только уже въ то время, когда отецъ его, въ самомъ разгарѣ Пугачевщины, вмѣстѣ со множествомъ другихъ дворянъ, бѣжалъ изъ Симбирска въ Москву. Руководителемъ Дмитріева въ выборѣ русскихъ книгъ былъ крѣпостной служитель одного богатаго заводчика, по имени Дороѳей Серебряковъ, „обучавшійся на иждивеніи господина своего, въ Славяно-греко-латинской академіи, латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству. Извѣстный лирикъ В. П. Петровъ былъ учителемъ Дороѳея въ краснорѣчіи и поэзіи". Дороѳей часто принашивалъ молодымъ Дмитріевымъ „на листочкахъ оды и другіе случайные стихи своего учителя", и досадовалъ на Ивана Ивановича, находившаго языкъ Петрова тяжелымъ и неблагозвучнымъ. Въ это время Дмитріевъ познакомился и съ московскимъ театромъ, и съ твореніями Хераскова, В. Майкова, М. Н. Муравьева, бывшаго тогда еще гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-мусомъ, но уже выдавшаго Собраніе басенъ, Похвальное слово Ломоносову и стихотворный переводъ Петроніевой поэмы: Гражданская брань... „Между тѣмъ", прибавляетъ Дмитріевъ, „слушалъ я иногда привозимые къ отцу моему стихи Сумарокова. Это были уже послѣднія искры угасающаго таланта: но тѣмъ съ большимъ участіемъ передавали ихъ изъ рукъ въ руки"...

Воспитаніе и образованіе обоихъ братьевъ Дмитріевыхъ закончилось въ полковой школѣ л.-гв. Семеновскаго полка, куда они были записаны еще въ 1772 году и „уволены въ отпускъ до совершеннаго возраста". Въ школу эту попалъ Дмитріевъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на службу въ 1774 году, слѣдовательно будучи 14 лѣтъ отъ роду. Курсъ ученья былъ немногосложенъ: обучали только математикѣ, рисованью и на русскомъ языкѣ священной исторіи и всеобщей географіи. Но и этотъ скудный курсъ не долго пришлось слушать Дмитріеву; по случаю разныхъ торжествъ, гвардія была на время двинута въ Москву, а въ 1775 году братья Дмитріевы, по ходатайству своего дяди, сенатора Н. А. Бекетова, произведены „черезъ чинъ прямо въ фурьеры", и отпущены въ годовой отпускъ къ родителямъ.

Страсть къ поэтическимъ упражненіямъ проявилась въ молодомъ Дмитріевѣ не ранѣе 1777 года. „Не видѣвъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія", пишетъ Иванъ Ивановичъ—„не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами—это были стихи мои" Первымъ печатнымъ опытомъ Дмитріева была стихотворная надпись къ портрету Кантемира, помѣщенная имъ въ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ" Новикова [1]). Вскорѣ послѣ того, ознакомившись ближе съ правилами поэзіи по изъясненіямъ одного сослуживца, купивъ по его совѣту и реторику Ломоносова, принявъ за образцы Сумарокова и Хераскова, И. И. Дмитріевъ успѣлъ настолько усвоить себѣ технику стиха, что сталъ довольно много писать и переводить стихами, тщательно скрывая свои литературныя занятія не только отъ знакомыхъ, но даже и отъ брата. „Писать и видѣть (стихи свои) въ печати—было для меня единственнымъ возмездіемъ; и я былъ тѣмъ доволенъ, даже и счастливъ!" Но собственно говоря, разумно относиться къ своему стихотворству Дмитріевъ сталъ только послѣ того, какъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ сошелся съ Карамзинымъ, который былъ на пять лѣтъ его моложе, и съ другимъ сослуживцемъ, Козлятевымъ, который былъ значительно старше его и лѣтами, и службой. Но въ эту пору юности Дмитріева вліяніе, оказываемое на него Козлятевымъ, было гораздо сильнѣе карамзинскаго. Козлятевъ ознакомилъ Дмитріева съ классическими произведеніями древнихъ (во французскихъ переводахъ) и съ сочиненіями важнѣйшихъ представителей современной французской литературы; онъ же посвятилъ его и въ теорію словесности, указавъ ему на Квинтиліана, Батте и Мармонтеля. „Слыша его строгія или безпристрастныя сужденія о стихахъ даже и первенствующихъ нашихъ

[1]) Вѣдомости эти издавались въ 1777 году въ Петербургѣ, съ января по іюнь мѣсяцъ.

ленъ, то читывалъ ихъ сестрамъ"... „Затѣмъ наступаетъ новое удовольствіе: переписывать стихи мои на-бѣло для отсылки къ Карамзину. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ него отзыва! Съ какою радостію получалъ его! Съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ стихи мои уже въ печати! Каждое письмо моего добраго друга было поощреніемъ для дальнѣйшихъ стихотворныхъ занятій. Здѣсь-то (въ Сызрани), въ роскошную пору весны, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера мелькнули передъ мной безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ" [1]). Почти также проводилъ поэтъ свой день и во время поѣздки своей по Волгѣ, когда въ томъ же году отправился въ Царицынъ навѣстить своего дядю. „Не могу я теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней, которые провелъ я въ плывучемъ домѣ,—особенно же каждое утро! Время было прекрасное: начало лѣта Въ каютѣ моей помѣщались только столикъ, одинъ стулъ, кровать, а надъ нею полка съ моими книгами. По восходѣ солнца выходилъ я изъ тѣсной моей спальной на палубу съ Аріостомъ въ рукахъ (съ французскимъ переводомъ „Неистоваго Роланда"); за мною выносили столъ и ставили на немъ серебряный приборъ для кофія—я самъ варилъ его. Судно наше тянулось плавно и неслось быстро на парусахъ въ полной безопасности отъ мелей и бури... Съ наступленіемъ вечера, я спускался въ каюту, и ожидалъ вдохновенія музы. Въ этомъ-то уголкѣ написаны: ода „Къ Волгѣ" и сказка „Искатель Фортуны".

Какъ немного было нужно для того, чтобы вдохновить музу сентиментальнаго поэта—можно видѣть изъ его же словъ: такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ своихъ „Записокъ" онъ разсказываетъ слѣдующее:

„Никогда не забуду меланхолическаго, но какъ-то пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большаго селенія и нагоняю толпу поселянъ обоего пола, возвращающихся съ полевой работы. Чрезъ всю деревню я велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобъ не разлучиться съ ними. Долго слѣдовали они за мною и оглушали меня своими пѣснями, потомъ разсыпались въ разныя стороны; между тѣмъ я продолжаю путь мой, и веселыя пѣсни еще отзываются въ ушахъ моихъ. Достигаю до конца селенія, и вижу поселянина, въ глубокой старости, сидящаго на завалинкѣ послѣдней хижины и держащаго на колѣнахъ своихъ младенца. Вѣроятно это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его. Путешествіе, младенецъ въ противуположности съ старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца—все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ и конецъ ея".

Въ этомъ отрывкѣ особенно ясно представляется намъ весь процессъ „стихотворныхъ занятій Дмитріева": мы почти видимъ, какъ онъ, отдѣляя поэзію отъ жизни на основаніи взглядовъ сентиментальной школы, видитъ себя вынужденнымъ запасаться впечатлѣніями, видоизмѣнять, преувеличивать значеніе происходящихъ около него явленій, искать около себя элементовъ, достойныхъ поэзіи. На этомъ основаніи Дмитріевъ и указываетъ, напримѣръ, на путешествіе, какъ на нѣчто весьма полезное поэту. „Одна недѣля пути"—говоритъ онъ—„можетъ обогащать его запасомъ идей и картинъ по крайней мѣрѣ на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхожденія солнца, вечернихъ сценъ, озлащаемыхъ послѣдними его лучами; безмолвной величественной ночи, усѣянной звѣздами, или освѣщаемой полною и кроткою луною: онъ вдыхаетъ въ себя большое благоговѣніе къ Непостижимому Будучи одинокъ, никѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго, и физическаго міра, онъ входитъ самъ въ себя, съ большею живостью принимаетъ всякое впечатлѣніе Самое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его воображенія". Результатомъ „піитическаго года" были тѣ стихотворенія, которыя болѣе всего способствовали прославленію Дмитріева въ современномъ ему обществѣ: Гласъ Патріота

[1]) Извѣстное стихотвореніе Дмитріева „Ермакъ" состоитъ изъ разговора двухъ шамановъ сибирскихъ; одинъ изъ нихъ разсказываетъ о томъ, какъ Ермакъ завоевалъ Сибирь.

многія басни его до сихъ поръ не утратили еще своего литературнаго достоинства.

Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, нельзя не согласиться съ Дмитріевымъ, когда онъ говоритъ, что „онъ долженъ быть признателенъ къ счастливой звѣздѣ своей“ и замѣчаетъ, что едва-ли кто изъ его современниковъ проходилъ авторское поприще свое „съ меньшею заботою и съ большей удачею“. Дѣйствительно, имя его, благодаря тѣсной связи съ Карамзинымъ, а черезъ него и съ двумя важнѣйшими современными журналами (Московскимъ Журналомъ и Вѣст. Европы), пріобрѣло громкую извѣстность со времени появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ удачныхъ стихотворныхъ опытовъ его, и стало почти неразлучно съ именемъ Карамзина. Всѣ говорили: Карамзинъ и Дмитріевъ—какъ бы равняя ихъ въ авторской славѣ и въ заслугахъ по отношенію къ отечественной литературѣ. Мало того, реформы, произведенныя Карамзинымъ въ нашемъ литературномъ языкѣ и слогѣ, возбудили противъ него многихъ, многихъ отъ него оттолкнули и даже побудили противоположную ему партію старыхъ литераторовъ сплотиться въ ученое общество, положившее себѣ цѣлью—противодѣйствовать во что-бы-то ни стало карамзинскимъ нововведеніямъ въ литературномъ языкѣ. Во главѣ общества явились Державинъ, А. С. Шишковъ — и Дмитріевъ, тотъ самый Дмитріевъ, который положительно принадлежалъ, и по языку, и по духу своихъ произведеній, къ наиболѣе виднымъ представителямъ карамзинской школы. Всѣ члены „Бесѣды“, какъ бы не замѣчая этого, относились къ Дмитріеву съ величайшимъ уваженіемъ, указывали на него, какъ на преемника державинской славы и какъ на опору славенщизны. А. С. Шишковъ, сдѣлавшись предсѣдателемъ Россійской Академіи, даже способствовалъ тому, чтобы Дмитріевъ получилъ отъ Академіи большую золотую медаль съ лестною надписью: „Россійскому языку пользу принесшему“—хотя, собственно говоря, эту медаль, по справедливости, слѣдовало-бы поднести не Дмитріеву, а Карамзину. Когда Дмитріевъ выдалъ въ свѣтъ „И мои бездѣлки“, и потомъ надолго замолкъ, занимаясь исключительно службою, этого небольшаго сборника стихотвореній было совершенно достаточно для того, чтобы положить основу его славѣ, какъ поэта и литератора, а полное отсутствіе всякаго опредѣленнаго направленія и дружескія отношенія, поддерживаемыя съ двумя противуположными литературными лагерями, много способствовали его успѣхамъ на службѣ и въ жизни. Нѣкоторые изъ этихъ успѣховъ превышали даже всякое вѣроятіе. Такъ напр., уже будучи (съ 1806) сенаторомъ, Дмитріевъ неожиданно получилъ въ 1807 году отъ графа Завадовскаго (министра народнаго просвѣщенія) предложеніе занять мѣсто попечителя при Московскомъ университетѣ, которое до него было занято однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени—М. Н. Муравьевымъ. Дмитріевъ благоразумно отказался, и чрезъ три года послѣ того сдѣланъ былъ министромъ юстиціи (1810—1814). Годъ назначенія его министромъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности. Спокойно и счастливо достигнувъ верха почестей гражданскихъ и громкой, авторитетной извѣстности въ литературѣ, Дмитріевъ, покинувъ службу, также спокойно и счастливо доживалъ свой долгій вѣкъ въ Москвѣ, всѣми уважаемый и прославляемый, наперерывъ избираемый въ почетные и дѣйствительные члены всевозможныхъ русскихъ ученыхъ и „другихъ благонамѣренныхъ обществъ въ Имперіи“ [1]). Ему пришлось быть свидѣтелемъ наступленія и полной широкой дѣятельности новаго пушкинскаго поколѣнія молодыхъ русскихъ писателей; онъ даже и умеръ въ одинъ годъ съ Пушкинымъ.

Рядомъ съ Дмитріевымъ, въ числѣ первыхъ послѣдователей сентиментальной школы, заслуживающихъ вполнѣ вниманія литературной критики, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, поставить нашего извѣстнаго драматурга, Владислава Александровича Озерова (род. 1769 г., ум. 1816 г.). Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о жизни этого замѣчательнаго писателя весьма скудныя свѣдѣнія, и его біографія, любопытная во многихъ отношеніяхъ, извѣстна намъ гораздо менѣе, нежели біографія Хемницера,

[1]) „Взглядъ на мою жизнь“, стр. 93.

далъ первое по значенію мѣсто въ развитіи своихъ драматическихъ характеровъ. Впечатлѣніе, произведенное Эдипомъ на публику, было до такой степени сильно, успѣхъ автора въ литературныхъ кружкахъ былъ такъ великъ, что у молодаго поэта, осыпаннаго похвалами, голова закружилась отъ счастія. Державинъ (которому трагедія была посвящена) и В. В. Капнистъ привѣтствовали Озерова посланіями, въ которыхъ одинаково убѣждаютъ его идти „славною стезею" и презирать „зоиловъ злоязычныхъ".

Въ слѣдующемъ же году явилась новая трагедія Озерова — „Фингалъ", содержаніе которой заимствовано было изъ сборника Оссіановыхъ пѣсенъ, въ передѣлкѣ Макъ-Ферсона, надѣлавшей столько шума въ Европѣ. Мрачный оссіановскій колоритъ сѣверной природы и быта тогда входилъ въ моду въ нашей поэзіи; Озеровъ придалъ этотъ оттѣнокъ своей трагедіи, и тѣмъ способствовалъ успѣху „Фингала" на сценѣ. Содержаніе Фингала, эффектное, разнообразное, богатое дѣйствіемъ и рѣзкими противуположностями въ драматическихъ характерахъ, особенно пришлось по душѣ современнымъ представителямъ тогда только еще зарождавшейся у насъ романтической школы. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нашихъ романтиковъ о „Фингалѣ" Озерова:

„Въ трагедіи Фингалъ одно только трагическое лицо: Старнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія — нѣжная любовь къ сыну, сѣтованіе о немъ — соединились въ одномъ желаніи мести. Фингалъ, побѣдитель и убійца Тоскара, влюбленъ въ его сестру Мойну, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери, не раздѣляющей его ненависти къ побѣдителю сына, и, вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву мести своей, на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ одна трагическая сторона поэмы Озерова! Онъ съ искусствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ души преступныя надежды, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Мойны, благородство и довѣрчивость Фингала — и сочетать въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостью добродѣтельной молодости. Трагедія Фингалъ — торжество сѣверной поэзіи и торжество русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостію и звучностію. Рѣчи Мойны — утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованіе мрачнаго Старна — унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею... Въ „Фингалѣ" ничто не забыто, ни трагикомъ, ни поэтомъ: тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань" [1]).

По своему историко-литературному значенію, эта трагедія Озерова представляетъ для насъ гораздо болѣе важное явленіе, нежели всѣ остальныя произведенія его; но современники думали иначе: Озеровъ достигъ верха своей славы трагедіею Дмитрій Донской, — наименѣе замѣчательнымъ изъ своихъ произведеній, но за то косвенно связаннымъ съ современной дѣйствительностью. Дмитрій Донской явился на сценѣ въ 1807 году, въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ, когда русскій патріотизмъ былъ сильно настроенъ противъ Франціи, и вслѣдствіе этого настроенія развилась цѣлая патріотическая литература. По заключенію современнаго критика, „Озеровъ, въ трагедіи Дмитрій Донской, напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи... и возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, благотворителей современникамъ, служащихъ образцомъ для потомства". Въ Дмитріѣ всѣ видѣли Александра, въ Мамаѣ — Наполеона, и всей душой желая побѣды нашему оружію, не замѣчали и не хотѣли замѣчать всѣхъ недостатковъ и несообразностей трагедіи, въ которой историческая основа была сильно изуродована стремленіемъ автора дать первое мѣсто въ трагедіи чувству. Вслѣдствіе

[1]) Кн. Вяземскій. „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова". Спб. 1817, стр. XXXI—II.

„Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей"—пишетъ Озеровъ, „то обязаны они симъ удовольствіемъ Еврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ: доказательства, что языкъ природнаго чувства есть языкъ всѣхъ народовъ. Стонъ и моленія Гекубы извлекали слезы изъ глазъ Аѳинянъ и всѣхъ Грековъ, и они же черезъ двѣ тысячи и болѣе лѣтъ поразили зрителей въ Петербургѣ, гдѣ съ небольшимъ за сто лѣтъ молчаливо протекали межъ болотъ Невскія струи, изображая въ водахъ своихъ печальныя ели, вѣковыя сосны и тощіе берега. О, безсмертный Еврипидъ!... Но болѣе еще безсмертенъ Петръ Великій, истинный отецъ отечества, который просвѣщеніемъ своихъ подданныхъ открылъ имъ новый источникъ наслажденій: наслажденій сердца и ума". И въ томъ же письмѣ, немного далѣе, Озеровъ напоминаетъ Оленину объ условіи, подъ которымъ „Поликсена" была имъ отдана въ распоряженіе дирекціи театра; „послѣднюю несправедливость терплю отъ Александра Львовича (Нарышкина) [1]); не онъ-ли обѣщалъ вамъ въ письмѣ, что онъ дастъ предписаніе кому слѣдуетъ для доставленія къ вамъ требуемыхъ сочинителемъ трехъ тысячъ рублей послѣ втораго ея представленія? Два раза „Поликсена" играна, почему-же теперь отлагаетъ А. Л. платежъ до 3-го представленія? Убѣдительнѣйше васъ прошу требовать мою трагедію отъ дирекціи обратно, не допуская, чтобы она въ третій разъ была играна, или бы представлена была у Двора. Для моей славы довольно и двухъ представленій; для имени А. Л. довольно и сей его неправды противъ меня".

Трагедія не появлялась болѣе на сценѣ, по желанію автора, но и деньги за представленія ея на петербургской сценѣ также ему уплочены не были, подъ предлогомъ того, будто-бы трагедія его „на сценѣ успѣха не имѣла". Однакоже подробныя разслѣдованія послѣдняго времени доказали, что сѣтованія Озерова противъ А. Л. Нарышкина были не совсѣмъ справедливы. Директоръ театра исполнилъ по отношенію къ автору то, что предписывала ему служебная обязанность; онъ ходатайствовалъ о выплатѣ требуемой авторомъ суммы, присовокупляя отъ себя только то, что „въ два представленія сей трагедіи дирекція собрала 1,846 р. 25 к., изъ чего и заключая, что сія трагедія не можетъ быть выгодна для оной, остановилась ее представлять. Но дабы у автора, сдѣлавшаго уже себѣ имя прежними твореніями, не отнять охоты къ сочиненію впредь, не смотря на малый успѣхъ его послѣдней трагедіи, дирекція, не имѣя суммъ на заплату за оную, испрашиваетъ на сіе Высочайшаго соизволенія". Но Высочайшаго соизволенія на это не воспослѣдовало, и въ отвѣтѣ Императора Александра, вообще столь благодушнаго и милостиваго, замѣтно явное недовольство поэтомъ, возбужденное какими-то доселѣ еще неразъясненными обстоятельствами. „Въ условіи дирекціи" — такъ значится въ отношеніи князя А. Н. Голицына къ А. Л. Нарышкину по поводу доклада о „Поликсенѣ"—„сдѣланномъ съ г. Озеровымъ, именно сказано было: „ежели трагедія будетъ имѣть успѣхъ и принесетъ ей выгоды", тогда она должна ему заплатить 3,000 р.; но какъ усматривается что та трагедія не можетъ быть для дирекціи выгодна, то въ такомъ случаѣ и платить за нее ничего не слѣдуетъ".

Вѣроятно эта неудача побудила Озерова еще болѣе замкнуться въ своемъ уединеніи, еще болѣе постараться забыть о своей литературной дѣятельности и всѣхъ огорченіяхъ, принесенныхъ ему литературною извѣстностью. Именно этими чувствами дышетъ его письмо къ книгопродавцу Заикину, писанное около этого времени (10 дек. 1808 г.), въ отвѣтъ на предложеніе издать вторымъ изданіемъ сочиненія Озерова, быстро раскупленныя публикою.

„Благодарю васъ — пишетъ Заикину Озеровъ — за предложеніе о второмъ изданіи моей трагедіи „Дмитрій Донской", которое вызываетесь вы принять на себя... Признаюсь вамъ, что и на первое изданіе нѣкоторыхъ моихъ трагедій я согласился по однимъ убѣжденіямъ моихъ пріятелей, никогда не бывъ любопытенъ видѣть въ печати то, что я писалъ единственно по склонности моей къ театральнымъ зрѣлищамъ, и безъ всякаго исканія званія автора и стихотворца. И такъ, не желая печатать во второй разъ „Дмитрія Донскаго", тоже издать

[1]) Директоръ театровъ.

смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ никакого съ ними сходства. Лучшія изъ первыхъ и послѣднихъ слѣплены съ одного образца и могутъ почесться мертвыми подражаніями французской классической трагедіи, въ которыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, проповѣданныя драматическими піитиками. Трагедіи Озерова занимаютъ между ними среду, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ отступленія отъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онѣ уже нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ называемому романтическому, который принятъ Нѣмцами отъ Испанцевъ и Англичанъ". Признавая эту оцѣнку Озерова вполнѣ справедливой, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что и біографія Озерова, и литературная дѣятельность его до сихъ поръ остаются такою темной, неразобранной страницей въ исторіи нашей литературы и общества.

Подпись Дмитріева.

превосходными переводами сблизилъ русскую литературу съ цѣлою массою новыхъ литературныхъ образцовъ, расширилъ область нашей литературной критики, и тѣмъ самымъ окончательно отнялъ всякое значеніе и всякую силу вліянія у псевдо-классической теоріи и представляемыхъ ею образцовъ литературнаго творчества

Василій Андреевичъ Жуковскій родился 1783 г. (ум. 1852 г.) въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, принадлежавшемъ богатому помѣщику, Аѳанасію Ивановичу Бунину, одному изъ тѣхъ ста-

Жуковскій

рыхъ русскихъ баръ, которыхъ типъ давно уже исчезъ изъ русской дѣйствительности и не возродится болѣе. Матерью Жуковскаго была плѣнная турчанка, Сальха, впослѣдствіи окрещенная и принявшая православіе Проживавшій въ Мишенскомъ пріятель Бунина, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, нѣкто Андрей Григорьевичъ Жуковскій, вызвался усыновить ребенка и сталъ просить Марью Григорьевну Бунину о томъ, чтобы она позволила дочери своей Варварѣ Аѳанасьевнѣ крестить новорожденнаго, которому и дано было при крещеніи имя Василія Андреевича и фамилія Жуковскаго. Марья Григорьевна Бунина, въ воспоминаніе о своемъ сынѣ, умершемъ въ молодыхъ лѣтахъ, приняла маленькаго крестника дочери въ свою семью и воспитала его, какъ роднаго. Въ 1791 году старикъ Бунинъ скончался, передъ смертью поручивъ 8-милѣтняго Жуковскаго и мать его Елисавету Дементьевну (такъ названа была Сальха при крещеніи) попеченіямъ своей достойной супруги; сверхъ того, въ завѣщаніи своемъ, Бунинъ просилъ каждую изъ четырехъ дочерей своихъ отдѣлить Василію Андреевичу отъ ихъ приданаго по 2500 р., а г-жѣ Буниной наказывалъ, чтобы она дала Василію Андреевичу воспитаніе, приличное дворянину. Воля покойнаго была свято выполнена женой и дочерьми его, и маленькій Жуковскій зажилъ въ семьѣ Буниныхъ припѣваючи. Крестная мать его, Варвара Аѳанасьевна, вышедшая замужъ за Юшкова, болѣе всѣхъ обращала вниманія на воспитаніе Василія Андреевича, который, проводя лѣто въ Мишенскомъ, зиму обыкновенно жилъ въ семьѣ Юшковыхъ, въ Тулѣ, и вмѣстѣ съ дочерьми ея обучался французскому и нѣмецкому языку. Уже и гораздо ранѣе этого времени, еще при жизни Бунина, выписанъ былъ изъ Москвы гувернеръ для 6-ти-лѣтняго Василія Андреевича, какой-то Якимъ Ивановъ; но крутыя мѣры, которыя вздумалъ онъ примѣнять къ своему воспитаннику, никому не понравились—и гувернеръ былъ отправленъ обратно въ Москву. Послѣ того Жуковскій отданъ былъ въ Тулѣ въ прославленный нѣмецкій пансіонъ Христіана Филипповича Роде, сначала полу-пансіонеромъ, потомъ на полный пансіонъ. Но изнѣженный домашнимъ воспитаніемъ и бытомъ, въ которомъ онъ постоянно находился и росъ между дѣвочками, маленькій Жуковскій не могъ привыкнуть къ школьному быту; ученье ему положительно не шло въ голову. Еще плоше пошло у него ученье, когда послѣ смерти Бунина, проводя зиму въ семьѣ своей крестной матери Юшковой, въ Тулѣ, Жуковскій былъ отданъ въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ былъ докторъ философіи Ѳеофилактъ Гавриловичъ Петровскій, помѣщавшій даже подъ псевдонимомъ „философъ горы Алаунской“ кое-какія историко-философическія статейки въ современ-

Университетскій Благородный пансіонъ. Директоромъ пансіона былъ тогда уже извѣстный намъ И. П. Тургеневъ, а товарищами, замѣнившими Жуковскому кружокъ дѣвочекъ, среди которыхъ онъ до того времени рось, явились братья Тургеневы, Блудовъ, Дашковъ, князь П. Вяземскій, Уваровъ и т. д. Въ этой новой средѣ способности юноши стали быстро развиваться и принимать опредѣленное направленіе. Подтвержденіемъ тому явился цѣлый рядъ статеекъ и стихотворныхъ опытовъ, напечатанныхъ Жуковскимъ въ современныхъ журналахъ. Въ самый годъ поступленія своего въ Благородный пансіонъ, Жуковскій напечаталъ уже „Мысли при гробницѣ“ (на смерть своей крестной матери Юшковой)—въ „Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени“. Подъ этой прозаической статьей обозначено было очень подробно, что она сочинена „воспитанникомъ благороднаго пансіона, Василіемъ Жуковскимъ“. Затѣмъ явилось тамъ же стихотвореніе: „Майское утро“ и еще „Къ юности“, „Миръ и война“, „Жизнь и ключъ“ и нѣсколько другихъ опытовъ, помѣщенныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1800 г. и въ „Утренней Зарѣ“, и между ними еще разъ „Мысли при гробницѣ“. Замѣчательно, что въ этихъ первыхъ стихотворныхъ опытахъ Жуковскаго кладбище, могилы, смерть—занимаютъ весьма видное мѣсто.

Мало-по-малу, привыкая къ литературной работѣ, Жуковскій сталъ переводить для книгопродавцевъ ради заработка, и половину платы за свои труды получалъ отъ нихъ разными книгами. Нельзя не отмѣтить здѣсь того любопытнаго факта, что современные книгопродавцы охотнѣе принимали переводы, нежели оригинальныя статьи, и щедрѣе расплачивались за нихъ. Жуковскій легко и быстро перевелъ нѣсколько рыцарскихъ романовъ, весь „Театръ“ Коцебу, романъ Коцебу „Младшія дѣти моей прихоти“, которому, неизвѣстно почему, далъ другое заглавіе (Мальчикъ у ручья) [1]). Окончивъ курсъ ученія въ Благородномъ пансіонѣ, Жуковскій поступилъ было на службу въ Главную Соляную Контору, но прослужилъ всего годъ, а въ апрѣлѣ 1802 г., захвативъ съ собою весь запасъ книгъ, пріобрѣтенныхъ въ Москвѣ переводами, переселился на житье въ Мишенское.

Здѣсь купленная въ Москвѣ библіотека должна была оказать ему важныя услуги. Въ числѣ книгъ Жуковскаго видимъ и большую Дидеротову энциклопедію, и французскія, и англійскія, и нѣмецкія историческія сочиненія, и классиковъ въ переводѣ на иностранные языки, и полныя собранія сочиненій Шиллера, Гердера, Лессинга. Обезпеченный, полный силъ и надежды на будущее, окруженный родными и близкими ему людьми, Жуковскій имѣлъ возможность посвятить здѣсь все свое время поэзіи, ни мало не безпокоясь о жизни. Снова окруженный нестрой и весслой толпой своихъ молодыхъ, прекрасныхъ и прекрасно образованныхъ племянницъ [2]) и ихъ подругъ, проводя весну и лѣто въ живописной поэтической мѣстности, покрытой холмами и роскошными лугами, поросшей дубовыми рощами и орошаемой журчащими ручьями, Жуковскій, въ эту цвѣтущую пору своей юности, выступилъ на свою настоящую дорогу. Здѣсь-то, въ Мишенскомъ, перевелъ онъ элегію Грэя: „Сельское кладбище“, которую любилъ называть своимъ первымъ печатнымъ стихотвореніемъ, вѣроятно въ смыслѣ перваго, достойнаго печати. Онъ отправилъ эту элегію Карамзину для помѣщенія въ новомъ журналѣ его „Вѣстникъ Европы“—и къ величайшему его удовольствію она была не только напечатана Карамзинымъ, но еще и удостоилась отъ него самаго лестнаго отзыва. Новѣйшій біографъ Жуковскаго справедливо обращаетъ вниманіе на то глубоко-элегическое настроеніе, которымъ проникнуты всѣ первыя стихотворныя произведенія молодого поэта, и на то, что

[1]) Книгопродавецъ заплатилъ ему за переводъ четырехъ томовъ 75 р. сер.

[2]) Племянницы эти были двѣ дочери Варвары Аѳанасьевны Юшковой: Анна Петровна (въ замужествѣ Зонтагъ) и Авдотья Петровна (въ замужествѣ сперва за Елагинымъ потомъ за Кирѣевскимъ) и двѣ дочери Екатерины Аѳанасьевны (Протасовой — Марья Андреевна и Александра Андреевна). Такъ какъ дочери Бунина были гораздо старше Василія Андреевича, то ихъ дочери, а его племянницы, и стали его сверстницами и почти ровесницами.

который онъ издавалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, при помощи Качеповскаго По обычаю всѣхъ журналистовъ того времени, отъ котораго не отступалъ даже и самъ Карамзинъ, Жуковскій наполнялъ почти всѣ отдѣлы журнала произведеніями своего пера: онъ писалъ стихи и повѣсти, разсужденія о словесности и общихъ нравственныхъ вопросахъ, критическія статьи... Качеповскій работалъ только надъ политическимъ отдѣломъ. Внимательно всматриваясь въ литературную и журнальную дѣятельность Жуковскаго въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ (отъ 1808 по 1810 г.), мы приходимъ къ тому убѣжденію, что и здѣсь онъ не отступилъ ни на шагъ отъ программы, и до него уже начертанной для журналиста Карамзинымъ; что сверхъ того и какъ поэтъ, и какъ писатель онъ не пошелъ далѣе Карамзина по отношенію къ внутреннему содержанію своей лирики и повѣстей, къ выбору и постановкѣ вопросовъ въ своихъ прозаическихъ статьяхъ. Только критическія статьи Жуковскаго нельзя не поставить выше карамзинскихъ; въ двухъ критическихъ статьяхъ своихъ: — „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ и „О баснѣ и басняхъ Крылова“ Жуковскій примѣнилъ къ критикѣ сравнительно-теоретическій методъ, котораго держался и въ остальныхъ, менѣе крупныхъ разборахъ своихъ, всюду переходя отъ общихъ литературныхъ вопросовъ къ частнымъ, всюду стараясь поставить отдѣльное произведеніе на историческую почву, общую цѣлому роду подобныхъ же произведеній [1]). Въ числѣ переводныхъ стихотвореній изъ Шиллера и Гёте и нѣсколькихъ посланій къ друзьямъ находимъ и одну передѣлку нѣмецкаго сюжета на русскіе нравы: — „Людмиллу“ — балладу Бюргера. „Людмила“ чрезвычайно понравилась всѣмъ замѣчательною красотою и легкостью своего стиха и новостью того фантастическаго міра, въ который впервые удавалось заглянуть русскимъ читателямъ. Рядомъ съ „Людмиллой“ видимъ и весьма неудачное подражаніе сентиментальной карамзинской повѣсти, подъ заглавіемъ „Марьина Роща, старинное преданіе“, въ которой чувствительность двухъ главныхъ героевъ — Маріи и пѣвца Услада — доведены до крайней степени приторности и неестественности... Но за-то языкъ стиховъ и прозы, разнообразіе размѣровъ и легкость поэтическаго выраженія во всѣхъ произведеніяхъ Жуковскаго, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, слишкомъ ясно указываютъ намъ на то, что Карамзинъ нашелъ себѣ въ Жуковскомъ не только ревностнаго, но и талантливаго послѣдователя.

Въ 1810 г. Жуковскій снова возвратился въ деревню, и тамъ занялся пополненіемъ пробѣловъ своего образованія, при помощи чтенія и занятій науками преимущественно историческими. Кажется, что и эти занятія исторіей, въ которыхъ онъ видѣлъ только приготовительную работу для задуманной имъ поэмы „Владиміръ“, стояли въ нѣкоторой зависимости отъ сношеній съ Карамзинымъ и его кружкомъ. Мысль объ этой поэмѣ, которая никогда и впослѣдствіи не была написана Жуковскимъ, повидимому, занимала его довольно долго, потому что еще и въ 1816 г. онъ собирался одно время съѣздить въ Кіевъ и Крымъ для ближайшаго ознакомленія съ самымъ мѣстомъ дѣйствія, избраннымъ для поэмы. Но вѣроятно поэма осталась ненаписанною потому, что Жуковскій сначала находилъ обработку сюжета, избраннаго имъ для поэмы, труднымъ и требующимъ большаго изученія, а потомъ долженъ былъ, наконецъ, отказаться отъ него совсѣмъ, убѣдившись, съ одной стороны, что у него не хватаетъ той исторической и національной основы, безъ которой немыслима была подобная поэма, а съ другой стороны, сознавъ свой поэтическій даръ вообще недостаточнымъ для выполненія обширныхъ и притомъ самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній.

Если принимать въ соображеніе только показанія самого Жуковскаго, то оказывается, что кромѣ переводовъ изъ Шиллера,

[1]) Любопытное дополненіе къ журнальной программѣ „Вѣстника Европы“, подъ редакціею Жуковскаго, представляетъ собою отдѣлъ, посвященный исторіи искусства. Жуковскій прилагалъ къ журналу своему изображенія знаменитѣйшихъ произведеній живописи и скульптуры; такъ, напримѣръ, въ приложеніи къ „Вѣстнику Европы“ за это время явилась цѣлая коллекція Гогартовскихъ картинъ съ истолкованіями.

его элегическому, печальному настроенію, его сѣтованіямъ на судьбу, на одиночество и т. п. Все это, конечно, должно было служить тэмою цѣлому ряду грустныхъ романсовъ и элегій, въ которыхъ горькая доля поэта должна была занимать первое мѣсто. Но всѣмъ этимъ поэтическимъ изліяніямъ помѣшалъ незамѣтно наступившій 1812 г. Мы говоримъ — незамѣтно, потому что даже и 3-го августа 1812 года, въ Муратовѣ и Черни, друзья-сосѣди продолжали еще жить все тою-же неизмѣнной художественно-поэтической жизнью, ни мало не заботясь о политическихъ событіяхъ. 3-го августа всѣ сосѣди собрались въ Черни, праздновать день рожденія Плещеева... На домашней сценѣ давали оперу его сочиненія... и въ тотъ же вечеръ Жуковскій пѣлъ свой новый романсъ, положенный на музыку Плещеевымъ. Романсъ былъ „Плѣнецъ“, который въ изданіи сочиненій Жуковскаго является подъ 1813 г. Намеки романса не понравились Протасовой, которая видѣла въ нихъ нарушеніе обѣщанія, даннаго Жуковскимъ, и на другой же день вынудила его уѣхать изъ Муратова въ Москву и поступить въ ряды московскаго ополченія...

Во время пребыванія въ ополченіи Жуковскому не случилось участвовать ни въ одномъ сраженіи; но за то въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный общимъ ожиданіемъ побѣды надъ страшнымъ врагомъ, Жуковскій написалъ своего знаменитаго „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. Въ этомъ громкомъ и торжественномъ стихотвореніи (состоящемъ изъ 672 стиховъ), посвященномъ воспоминаніямъ о русской славѣ, о падшихъ братьяхъ, поэтъ въ то же время взывалъ къ отмщенію за разрушенную и выжженную Москву. Такъ вѣрно было угадано поэтомъ общее настроеніе той минуты, что „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ гораздо болѣе прославилъ Жуковскаго, нежели вся предшествовавшая его поэтическая, литературная и журнальная дѣятельность. Стихотвореніе, въ тысячахъ списковъ, разошлось быстро по войску, а потомъ по всей Россіи. Сама Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала имѣть списокъ этого произведенія и изъявила желаніе познакомиться съ поэтомъ... Жуковскому, впрочемъ, не пришлось долго оставаться при арміи. Въ ноябрѣ, вскорѣ послѣ битвы при Красномъ, онъ заболѣлъ тифомъ и только благодаря своему крѣпкому сложенію счастливо перенесъ тяжкую болѣзнь. Въ началѣ января 1813 г. онъ уже снова вернулся въ Муратово, въ недавно покинутый имъ кругъ родни и друзей.

Но здѣсь пробылъ онъ не долго. Ободряемый друзьями своими, онъ рѣшился еще разъ попытать счастья, и въ то время, когда одинъ изъ его пріятелей, А. Ѳ. Воейковъ, сталъ свататься за младшую дочь Протасовой (Александру Андреевну), Жуковскій еще разъ рѣшился просить руки старшей—Маріи Андреевны Протасовой, которая уже изъявила ему согласіе выдти за него замужъ Получивъ вторично отказъ отъ Екатерины Афанасьевны, Жуковскій въ отчаяніи рѣшился удалиться въ Долбино, имѣнье Кирѣевскихъ (Калужской губерніи, въ 7-ми верстахъ отъ Муратова), гдѣ и нашелъ самый радушный, самый родственный пріютъ для своей скорбной Музы.

Но Жуковскому не пришлось здѣсь долго пробыть, не пришлось слишкомъ долго оплакивать свою неудачу въ любви: судьба, благосклонная къ нему отъ рожденія, готовила ему такой путь, о которомъ онъ едва-ли могъ мечтать. Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе 1813—1814 г.г. Россія жила особою жизнью, и на глазахъ современниковъ совершались событія громадныя, способныя до крайней степени возвысить народную гордость; немудрено, что тѣ же событія способны были и поэта-Жуковскаго заставить разстаться съ его скорбными пѣснями и сокрушеніями, съ его балладами и фантастической романтикой... И его лира отозвалась на общій гулъ похвалъ, изумленія и восторговъ, который неумолкая сопровождалъ Александра I и его побѣдоносное шествіе къ Парижу. Въ самомъ концѣ 1814 года, Жуковскій, послѣ взятія Парижа, написалъ свое громадное и восторженное „Посланіе [1]) Императору Александру I-му“ (около 500 стиховъ), а въ декабрѣ того же

[1]) Когда летящіе отвсюду слышны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ? и т. д.

трицѣ, что я въ Петербургѣ, и получилъ приказъ представить меня въ слѣдующее воскресенье (была пятница). Мундира у меня не было; кое-какъ накопилъ отъ добрыхъ пріятелей мундирную пару, и мы съ Уваровымъ отправились въ воскресенье, во второмъ часу, во дворецъ. Дожидались довольно долго, потому что были послѣ обѣдни парадныя аудіенціи, а меня велѣно было представить ей въ кабинетѣ. Изъ большой залы, въ которой мы стояли, двери прямо въ этотъ кабинетъ. Вдругъ онѣ отворились — и вслѣдъ за этимъ насъ приглашаютъ... Проходимъ маленькую горницу. Уваровъ шелъ впереди, — входимъ въ другую; передъ дверьми ширмы. Вдругъ изъ-за ширмъ говоритъ Уварову женскій голосъ: „Bonjour, Monsieur Ouvaroff“... Это какая нибудь придворная дама, думалъ я; иду,— предо мною Императрица. За нею, гораздо поодаль, у дверей, великіе князья. Разумѣется, началось привѣтствіемъ. Я хотѣлъ было сказать: не умѣю изъяснить Вашему Величеству своей благодарности за ваши милости; но исполнилъ это на дѣлѣ, а не на словахъ, потому что не успѣлъ ничего сказать, а отдѣлался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить, потому что Государыня говорила по-русски, не очень внятно и скоро, и я не все понималъ. Уваровъ это замѣтилъ и сказалъ два слова по-французски; это заставило ее отвѣчать по-французски же, и разговоръ пошелъ очень живо — о войнѣ, о ея безпокойствахъ прошедшихъ и о прошедшихъ великихъ радостяхъ. Въ этомъ разговорѣ было для меня много трогательнаго: мать говорила о сынѣ, и съ чувствомъ; нѣсколько разъ навертывались у ней на глазахъ слезы. Разговоръ продолжался около часу. Наконецъ мы откланялись. „Мы еще съ вами увидимся“, сказала она мнѣ очень ласково“...

Послѣ этого представленія путь ко Двору былъ, конечно, открытъ для Жуковскаго; но его еще привлекали прежнія связи, въ мечтахъ ему все еще представлялась возможность достигнуть своей главной цѣли— семейнаго счастія. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ и прожилъ тамъ довольно долго, среди друзей и близкихъ ему людей. Однакоже, друзья подумали за Жуковскаго и устроили все сверхъ всякаго ожиданія. Осенью того же года Жуковскій былъ вызванъ въ Петербургъ и оставленъ при Дворѣ въ званіи лектора при вдовствующей Императрицѣ, которая, въ Павловскѣ, любила видѣть около себя кружокъ ученыхъ и литераторовъ: тутъ нерѣдко по вечерамъ собирались во дворцѣ или Розовомъ павильонѣ: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичъ, Шторхъ, Клингеръ, Аделунгъ, Виламовъ — и Жуковскому было дано почетное мѣсто между этими приближенными къ Императрицѣ лицами.

До поздней осени пробылъ Жуковскій въ Петербургѣ и въ Павловскѣ; но потомъ опять-таки ускользнулъ въ Дерптъ, куда его попрежнему влекло неудержимо. И еще два года прошло въ такой странной, двойственной жизни, въ борьбѣ съ самимъ собою, въ нерѣшительности относительно выбора пути, въ ожиданіяхъ, которымъ, какъ онъ самъ зналъ, не суждено было сбыться. Въ теченіе этого времени Жуковскій находился на верху своей славы, въ полномъ блескѣ ея... Всѣ смотрѣли на него, какъ на великаго поэта, много обѣщающаго въ будущемъ, и одинъ изъ откровенныхъ друзей его даже настолько заблуждался относительно размѣровъ творческой силы Жуковскаго, что почиталъ его пѣсни и баллады, его переводные романсы и пышныя посланія не болѣе, какъ приготовительною работою, пробами пера, очевидными признаками будущаго, могучаго развитія таланта. Батюшковъ писалъ около этого времени Жуковскому: „Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму?... Чудакъ! ты имѣешь все, чтобы сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь баллады! Оставь бездѣлки намъ; займись чѣмъ нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе; оно чистосердечно. Пускай другіе кадятъ тебя; я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоимъ геніемъ и, признаюсь, сожалѣю о томъ, что ты не избралъ медленнаго, постояннаго и вѣрнаго пути къ славѣ. Къ славѣ? Она не пустое слово. Она вѣрнѣе многихъ благъ бреннаго человѣчества...“ (14 ноября 1814 г.). Въ довершеніе всего, Жуковскій, самъ того не желая, увидѣлъ себя во главѣ молодой партіи „карамзинистовъ“. Вслѣдствіе этого невольнаго положе-

микѣ съ „шишковистами“ и осмѣянію ихъ учено-литературной дѣятельности. Арзамасъ сложился въ такую эпоху (1815 г.), когда еще періодъ нашихъ увлеченій славою и значеніемъ Россіи въ Европѣ не успѣлъ пройти; а потому и не удивительно, что молодежи жилось весело, и что наиболѣе талантливая, наиболѣе образованная часть ея искала возможности затрачивать избытокъ силъ своихъ въ шуткѣ и сатирѣ, направленной противъ отсталой литературной партіи, входившей въ составъ Бесѣды и Россійской Академіи, съ тѣхъ поръ, какъ президентомъ ея былъ сдѣланъ А. С. Шишковъ. Шутка, пародія, сатира и каррикатура, послужившія главнымъ побужденіемъ къ основанію Арзамаса, не переставали вліять на его устройство и дѣятельность въ теченіе всего существованія Арзамаса (1815—1818 г.), т. е. до того времени, когда и самый Арзамасъ раздѣлился на партіи...

Арзамасъ былъ устроенъ въ противоположность Бесѣдѣ, а потому въ немъ не было ни подраздѣленій, ни разрядовъ, ни чиноначалія, ни президентовъ: всѣ члены Арзамаса одинаково имѣли право на общій титулъ ихъ превосходительствъ геніевъ Арзамаса. Но многіе обычаи Арзамаса были заимствованы изъ быта другихъ ученыхъ обществъ, а нѣкоторые шутливые символическіе обряды, которыми сопровождалось принятіе въ члены Арзамаса, даже напоминали собою символику масонскихъ ложъ. Вотъ какъ, напримѣръ, былъ принятъ въ члены Арзамаса дядя А. С. Пушкина, Василій Львовичъ Пушкинъ: „Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ“ — разсказываетъ современникъ — „положили его на диванъ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ... и, лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи... Потомъ съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу, и привели въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ. Кабинетъ, въ которомъ было засѣданіе и гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою, съ оранжевою, огненною занавѣскою. Здѣсь развязали ему глаза — и ему представилось огромное, безобразное чучело, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означаетъ дурной вкусъ; подали ему лукъ и стрѣлы, и велѣли поразить чудовище... Потомъ ввели Пушкина за занавѣску, и дали ему въ руки эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковскій“. Послѣ того Пушкину, какъ всѣмъ арзамасцамъ, дано было арзамасское прозвище: Вотъ. Также точно и другимъ членамъ кружка давались, при вступленіи въ Арзамасъ, подобныя же прозвища, заимствованныя преимущественно изъ балладъ Жуковскаго; такъ Блудовъ получилъ названіе — Кассандры, Дашковъ - Чу!, Вяземскій — Асмодея, А. И. Тургеневъ — Эоловой арфы, Н. И. Тургеневъ — Варвика, Уваровъ — Старушки, А. С. Пушкинъ — Сверчка, Батюшковъ — Ахилла; самъ Жуковскій былъ извѣстенъ подъ названіемъ Свѣтланы. Эти арзамасскія прозвища служили для арзамасцевъ не только въ ихъ частныхъ, дружескихъ сношеніяхъ, но и псевдонимами въ литературѣ.

Привѣтственная рѣчь, которою встрѣченъ былъ В. Л. Пушкинъ, принадлежала тоже къ числу арзамасскихъ обычаевъ, указанныхъ уставомъ Арзамаса. Въ томъ же уставѣ, написанномъ Жуковскимъ и Блудовымъ, установляется, чтобы новопоступающій арзамасецъ, „по примѣру вступающихъ членовъ во всѣхъ другихъ обществахъ“, непремѣнно говорилъ похвальную рѣчь своему покойному предшественнику; но „такъ какъ геніи Арзамаса считались безсмертными“, то и рѣшено было, чтобы вступающій говорилъ похвальную рѣчь одному изъ членовъ Бесѣды. Это называлось „брать на прокатъ покойниковъ между халдеями Бесѣды и Академіи, дабы воздавать имъ, по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства“. Протоколы засѣданій Арзамаса велись въ стихахъ, гекзаметрами, Жуковскимъ и сохранились намъ, какъ любопытный памятникъ эпохи... „Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти“ — замѣчаетъ современникъ — „но все люди извѣстные, нѣкоторые въ большихъ чинахъ и въ важныхъ должностяхъ. Никто не почиталъ предосудительнымъ въ то время шутить и быть веселымъ...“ Но почтенный защитникъ Арзамаса

и долженъ служить по совѣсти!" Хотя въ ту минуту, когда были писаны эти строки, Жуковскій не состоялъ еще ни на какой дѣйствительной службѣ, однакоже онъ чувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе служить и службою доказать свою благодарность, конечно, предвидя, что случай къ тому долженъ будетъ вскорѣ представиться. Недаромъ говорилъ онъ, уѣзжая изъ Дерпта въ началѣ 1817 года въ Петербургъ: „романъ моей жизни оконченъ — теперь начинается исторія!"

И дѣйствительно, слѣдующее 25-ти-лѣтіе жизни Жуковскаго — его придворная служба [1]) (1817—1841 г.) — болѣе принадлежитъ исторіи, нежели литературѣ, для которой въ теченіе этого времени было имъ сдѣлано очень немногое, и притомъ только подражательное или переводное: друзья и почитатели его должны были наконецъ убѣдиться въ томъ, что поэтическое творчество Жуковскаго никогда не приведетъ его ни къ чему самостоятельному и не дастъ ему возможности ничего создать, кромѣ очень хорошихъ переводовъ и болѣе или менѣе хорошихъ переработокъ съ готоваго поэтическаго матерьяла, представляемаго иностранными литературами. Чрезвычайно любопытенъ въ этомъ отношеніи отзывъ о Жуковскомъ И. И. Дмитріева, который уже въ самомъ началѣ его придворной карьеры писалъ А. И. Тургеневу:

... „Ревность друзей (Жуковскаго) почти достигла своей цѣли: кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды, и между тѣмъ будемъ пока питаться Овсянымъ киселемъ [2]); для меня и онъ по вкусу, но я лакомъ, и люблю разнообразіе".

Въ этомъ намекѣ Дмитріева на то, что поэтическая дѣятельность Жуковскаго начинаетъ становиться чрезвычайно однообразною, заключается много правды. Около того же времени и Батюшковъ писалъ о Жуковскомъ Тургеневу: „Утѣшьте злодѣя: скажите ему, что баллада изъ Шиллера прелестна, лучшій изъ его переводовъ, по моему мнѣнію; что переводъ изъ Іоганны мнѣ нравится, какъ переводъ мастерской, живо напоминающій подлинникъ; но размѣръ стиховъ странный, дикій, вялый — ссылаюсь на маленькаго Пушкина, которому Аполлонъ далъ чуткое ухо. Но Горная пѣсня и весь IV № [3]) мнѣ не нравится. Онъ напалъ на дурное, жеманное и скучное". (1818 г.). Увлекаясь дерптскою жизнью, привязываясь болѣе и болѣе къ тѣснымъ рамкамъ быта маленькаго нѣмецкаго городка, Жуковскій болѣе и болѣе привязывался и къ тѣмъ узенькимъ, ограниченнымъ, ничтожнымъ идеаламъ, которыми способна была задаваться поэзія, развивающаяся въ центрахъ, подобныхъ Дерпту. Это побуждало его переводить много такого, что положительно не заслуживало перевода, а съ другой стороны способствовало мало-по-малу отдаленію его отъ русской, національной почвы, безъ которой романтизмъ терялъ всякій смыслъ и значеніе. Впрочемъ, главнымъ недостаткомъ поэзіи Жуковскаго вообще, даже и въ наиболѣе блестящій періодъ ея, является именно полнѣйшее отсутствіе всякаго національнаго колорита, всякой тѣсной связи съ народною почвой, которой мало сочувствовалъ Жуковскій и которую онъ едва-ли понималъ; по крайней мѣрѣ все то, что онъ заимствовалъ изъ русскихъ преданій и русской народной поэзіи, подражая Пушкину, принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ поэтическихъ опытовъ его [4]).

[1]) Въ 1817 году Жуковскій былъ избранъ въ преподаватели русскаго языка Великой Княгинѣ (впослѣдствіи Императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ. По вступленіи на престолъ Императора Николая, Жуковскій былъ назначенъ въ наставники къ Вел. Князю Наслѣднику (въ Бозѣ почившему Государю Императору) Александру Николаевичу. Поэзія уступила мѣсто педагогическимъ трудамъ, такъ что въ поэтической дѣятельности его видимъ 7-ми-лѣтній перерывъ (1823—29 г.). — [2]) Въ послѣднее время своего пребыванія въ Дерптѣ Жуковскій особенно пристрастился къ Гебелю, и перевелъ очень много его стихотвореній. — [3]) Здѣсь упоминается о тѣхъ переводахъ съ нѣмецкаго, которые Жуковскій для ученицы своей, Великой Княгини Александры Ѳеодоровны, издавалъ при Дворѣ тетрадками подъ заглавіемъ: für Wenige (для немногихъ). Тетрадки эти выходили подъ номерами. — [4]) Мы разумѣемъ его сказки: о Царѣ Берендѣ и Спящей Царевнѣ, написанныя въ 1831 году, и въ особенности написанную имъ подъ конецъ жизни сказку „Объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ".

зіазму и чуть было не вынудили ее принять католичество. Нравственное и духовное настроеніе Жуковскаго въ это время также было очень близко къ мистицизму и часто проявлялось въ видѣ чрезвычайно странныхъ поэтическихъ фантазій, въ видѣ сокрушеній о своей чрезмѣрной грѣховности, о суетѣ и ничтожествѣ всего мірскаго и т. п. Болѣзненно-религіозная настроенность Жуковскаго совершенно ясно выражается въ томъ сочувствіи, которое, въ теченіе этого послѣдняго періода жизни, онъ выказывалъ къ мистическимъ увлеченіямъ Гоголя. Однакоже, въ немногія спокойныя минуты послѣднихъ 10 лѣтъ жизни, Жуковскій все же успѣлъ довести до конца два большіе труда: въ 1847 году напечатанъ былъ его замѣчательный переводъ Одиссеи; въ 1849 – переводъ персидской поэмы „Рустемъ и Зорабъ“. Въ томъ же году отпразднованъ былъ и 50-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго, который предполагалось и даже слѣдовало бы праздновать уже въ 1847 году.

7-го апрѣля 1852 г. Жуковскій умеръ на 70-мъ году въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его перевезено было въ Петербургъ и похоронено въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ могилою Карамзина. 29-го января 1883 года совершено было по всей Россіи торжество столѣтней годовщины со дня рожденія поэта.

Прямою противуположностью Жуковскому, какъ поэту, представляется Батюшковъ, первый постигнувшій истинное значеніе поэтическаго настроенія древне-классическихъ поэтовъ и съумѣвшій усвоить себѣ не только ихъ взглядъ на жизнь и наслажденіе, но даже ихъ пластическій, образный и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ изящный способъ выраженія. Гоголь (т. III, стр. 448) очень мѣтко указалъ на существеннѣйшія свойства поэзіи Батюшкова, сравнивая ее именно съ поэзіей Жуковскаго. „Въ то время“, — говоритъ онъ—„когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности, и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное, во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную негу наслажденія“.

Несмотря на это различіе въ направленіи поэзіи, Батюшковъ все же принадлежитъ и по языку, и по взгляду на литературу, и по литературнымъ связямъ своимъ, точно также, какъ и Жуковскій, къ кружку карамзинскому. Проза Батюшкова, точно также, какъ и раннія прозаическія произведенія Жуковскаго, могутъ быть названы не больше, какъ подражаніемъ прозѣ Карамзина. Но стихъ Батюшкова и самое содержаніе его поэзіи представляютъ собою нѣчто вполнѣ самостоятельное, независимое отъ всякихъ предшествовавшихъ вліяній. По красотѣ стиха и по художественному достоинству своей поэзіи, Батюшковъ не имѣетъ предшественниковъ въ нашей литературѣ, и даже талантливѣйшіе представители карамзинской школы — Дмитріевъ и Жуковскій—не могутъ состязаться съ нимъ въ этомъ отношеніи; единственнымъ соперникомъ Батюшкова является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ юноша-поэтъ Пушкинъ, который такъ любилъ поэзію Батюшкова и такъ охотно признавалъ себя его ученикомъ. Мы уже видѣли выше, какъ Жуковскій, своею усиленною переводною и подражательною поэтическою дѣятельностью, способствовалъ мало-по-малу занесенію къ намъ романтическихъ идеаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно обработывалъ нашъ поэтическій языкъ, примѣняя его къ выраженію тончайшихъ отвлеченностей своей туманной музы; Батюшковъ, обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, умѣя можетъ быть даже лучше Жуковскаго справляться съ русскимъ стихомъ, долженъ былъ однакоже, сообразно своему поэтическому настроенію, и при самой выработкѣ поэтическаго выраженія, стремиться къ задачамъ, которыя были совершенно противуположны задачамъ поэзіи Жуковскаго. И дѣйствительно, ему первому, изъ русскихъ поэтовъ, удалось достигнуть того соединенія красоты и силы въ поэтической формѣ, которое и должно было послужить образцомъ для совершеннѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ — Пушкина.

Батюшкова долженъ былъ оказывать самъ М. Н. Муравьевъ, какъ моралистъ и образованный писатель, а также и кружокъ литераторовъ и художниковъ, который постоянно собирался въ его домѣ; здѣсь встрѣчался Батюшковъ съ И. И. Мартыновымъ, нашимъ талантливымъ и неутомимымъ переводчикомъ древнихъ классиковъ; здѣсь же познакомился онъ и съ А. Н. Олениннымъ, а черезъ него и съ большею частью современныхъ петербургскихъ литераторовъ—Озеровымъ, Капнистомъ, Крыловымъ, Шаховскимъ и друг.

Въ 1806 г. Батюшковъ, окончивъ ученье, былъ зачисленъ на службу въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, а вскорѣ послѣ того опредѣленъ письмоводителемъ къ своему же дядѣ, М. Н. Муравьеву, какъ товарищу-министра. Само собою разумѣется, что эта служба была только чисто-номинальною, и 19-ти-лѣтній Батюшковъ, по замѣчанію его біографа, „все время свое исключительно посвящалъ занятіямъ литературнымъ". Уже въ 1805 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" — журналѣ Мартынова — и въ „Новостяхъ Литературы", которыя издавалъ Побѣдоносцевъ, встрѣчаются мелкія стихотворенія Батюшкова. Но въ 1806 году объявлена была война Франціи, и русская молодежь, увлекаемая особеннымъ патріотическимъ жаромъ и озлобленіемъ противъ французовъ, массой бросилась въ ряды войска... Въ ноябрѣ 1806 года изданъ былъ извѣстный манифестъ о милиціи, которой у насъ еще никогда прежде не бывало, и въ которомъ всѣ слышали энергическій призывъ къ поголовному вооруженію на общаго врага. Батюшковъ записался въ стрѣлковый батальонъ С.-Петербургскаго ополченія и въ началѣ 1807 года уже находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Юношу-поэта ожидало тамъ, въ его стремленіяхъ къ военной славѣ, жестокое разочарованіе: въ битвѣ подъ Гейльсбергомъ [1]),—гдѣ „главнѣйшая причина русской неудачи заключалась въ безпорядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по снабженію войскъ" [2]),—пуля пробила ногу Батюшкову, и эта рана едва не стоила ему жизни, потому что и онъ также находился въ числѣ того множества русскихъ раненыхъ, которыми „былъ покрытъ берегъ Нѣмана", и которые „валялись безъ призора, на сыромъ пескѣ и подъ дождемъ" [3]). Даже и тогда, когда помощь уже была подана ему, положеніе поэта было ужасно: онъ „лежалъ на соломѣ, въ тѣсной лачугѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, въ жестокихъ мученіяхъ" — такъ сообщаетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ... Нескоро оправившись отъ раны, Батюшковъ однакоже не охладѣлъ къ военной славѣ, и еще разъ рѣшился попытать счастья: въ 1808—1809 г. мы видимъ его опять на войнѣ, въ Финляндіи, гдѣ онъ между прочимъ участвовалъ въ опасномъ походѣ на Аландскіе острова, по льдамъ Ботническаго залива. Любопытною чертою для характеристики нашего тогдашняго военнаго типа можетъ служить то, что въ глубинѣ Финляндскихъ дебрей, среди тревожной бивачной жизни, Батюшковъ занимался изученіемъ Тасса и Петрарки, сочиненія которыхъ, по его настоятельной просьбѣ, были ему высланы Олениннымъ.

Тотчасъ по окончаніи войны, Батюшковъ покинулъ военную службу и поселился въ Москвѣ, куда въ то время пріѣхала и овдовѣвшая Е. Ѳ. Муравьева. Здѣсь сошелся онъ съ важнѣйшими представителями Московскаго литературнаго кружка — съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, и съ окружавшею ихъ молодежью: Жуковскимъ, Д. В. Дашковымъ, П. А. Вяземскимъ – будущими знаменитостями. Батюшковъ, всѣми ласкаемый и превозносимый за свое поэтическое дарованіе, дѣлается однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ Вѣстника Европы, въ которомъ (въ теченіе 1809–1810 г.г.) напечаталъ сначала свою пьесу: Воспоминанія, а потомъ цѣлый рядъ прекрасныхъ (хотя и вольныхъ) переводовъ изъ Парни, Тибулла и Петрарки, сразу доставившихъ Батюшкову, рядомъ съ Жуковскимъ, весьма видное мѣсто въ средѣ молодыхъ литераторовъ. Приверженцы Карамзина приняли его съ распростертыми объятіями и вскорѣ завлекли въ ту нескончаемую полемику, которая позднѣе такъ рѣзко раздѣлила всѣхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей на два противоположные

[1]) Въ сѣверо-восточной Пруссіи. Битва эта происходила 29-го мая 1807 г. — [2]) См. Русс. Арх. 1867 г., стр. 1356.—[3]) Тамъ же.

довольно долго. Дошедшія до насъ письма его изъ Парижа указываютъ на то, что и Батюшковъ, наравнѣ со множествомъ современниковъ своихъ, рѣшительно потерялъ голову въ чаду упоенія той славой, которая такъ изобильно увѣнчала лаврами наше оружіе, и тою рыцарскою, безкорыстною борьбою за свободу Европы, которую мы такъ твердо вынесли. Видно, что Батюшковъ и въ это время все еще продолжалъ жить однимъ только настоящимъ, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ, да къ тому же и очень легко приходилъ въ восторгъ:

...„Я часто съ удовольствіемъ смотрю“— пишетъ онъ изъ Парижа Дашкову — „какъ наши казаки безпечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкій мостъ, любуясь его удивительнымъ построеніемъ; съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу русскихъ гренадеръ передъ Траяновой колоной или у рѣшетки Тюльери, передъ Arc de Triomphe, гдѣ изображены и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридландъ, и Іена... Французы дорого заплатили за свою славу, любезный другъ!“

Такимъ же патріотическимъ увлеченіемъ отзывается вообще все то, что Батюшковъ пишетъ изъ Парижа о пребываніи въ немъ, причемъ называетъ себя „маленькимъ Тибулломъ, или, проще, капитаномъ русской императорской службы, что въ нынѣшнее время важнѣе, нежели бывшій кавалеръ или всадникъ римскій (ибо, по словамъ Соломона, „живой воробей лучше мертваго льва“)...“

Изъ Парижа Батюшковъ отправился въ Англію и оттуда, моремъ, въ Стокгольмъ, гдѣ тогда совѣтникомъ посольства находился близкій пріятель Батюшкова, Д. Н. Блудовъ, также собиравшійся ѣхать въ Россію. Здѣсь написана была элегія „На развалинахъ замка въ Швеціи“ и прекрасный отрывокъ Воспоминанія (Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ...). Оба эти стихотворенія остаются настолько же памятникомъ пребыванія Батюшкова въ Швеціи, насколько два другія его стихотворенія—„Плѣнный“ и Переходъ черезъ Рейнъ — памятникомъ участія въ кампаніи 1813—1814 г.г. Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня 1814 г., Батюшковъ возвратился въ Петербургъ, пробывъ почти два года за границей,—и странное чувство овладѣло имъ:

Средь ужасовъ земли и ужаса морей,
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводный Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой,
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ;
Проснулся онъ: и что-жъ? отчизны не позналъ [1]).

Тяжело было Батюшкову увидѣть себя, послѣ долгаго пребыванія на Западѣ Европы, среди русской дѣйствительности; тяжело было вновь привыкать къ русскимъ порядкамъ и обычному теченію русской жизни... въ которой мощно властвовалъ тогда Аракчеевъ...

Батюшковъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, уже почувствовалъ на себѣ, что „и мы дорого заплатили за свою славу“, утративъ прежнее, наивное отношеніе къ своей дѣйствительности и возвратившись на родину съ идеями и воззрѣніями Запада. Тягостное душевное состояніе Батюшкова превосходно выражается въ томъ письмѣ, которое онъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ за границы писалъ къ Жуковскому, въ Бѣлевъ (въ ноябрѣ 1814 года):

...„Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда, у Дѣвичьяго монастыря, ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ-ли ты тогда (въ 1809 г.) счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ кружился въ вихрѣ военномъ, и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ свои крылья“... Затѣмъ, описавъ свои странствованія, поэтъ прибавляетъ: „Вотъ моя Одиссея! Поистинѣ Одиссея! Мы подобны теперь

[1]) См. Смирдинское изданіе стихотвореній Батюшкова, II, стр. 66 „Судьба Одиссея“.

Москву, то въ Вологодское имѣнье, то на Югъ, въ Одессу, и опять на Сѣверъ... Наконецъ, въ ноябрѣ 1818 г. Батюшковъ получаетъ то мѣсто, котораго такъ долго добивался, и отправляется въ Италію, въ самомъ мрачномъ настроеніи:

„Я знаю Италію, не побывавъ въ ней“ — пишетъ онъ А. И. Тургеневу, незадолго до отъѣзда. „Тамъ не найду я счастья: его нигдѣ нѣтъ: увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ... Но первое условіе жить, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батареѣ прекрасно; но, въ 30 лѣтъ, умереть въ постелѣ—ужасно“... Поэтъ, конечно, не предвидѣлъ еще тогда, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ нѣчто гораздо болѣе ужасное. 1820 годъ былъ послѣднимъ въ его авторской дѣятельности. Возвратившись въ Россію въ 1822 году, онъ уже былъ подверженъ умственному разстройству [1]), и вскорѣ окончательно помѣшался... Отвезенный родными въ Вологду, несчастный Батюшковъ прожилъ здѣсь еще тридцать три года въ совершенно безсознательномъ состояніи и умеръ въ 1855 году. Недавно (1887 г.), полное собраніе сочиненій К. Н. Батюшкова издано его роднымъ братомъ Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ вмѣстѣ съ полнымъ собраніемъ его писемъ и обстоятельною біографіею, составленною Л. Н. Майковымъ. 22 ноября 1887 г. Академія Наукъ, въ торжественномъ засѣданіи, чествовала столѣтній юбилей рожденія Батюшкова.

[1]) Помѣшательство это, помимо всѣхъ особыхъ поводовъ и причинъ, было наслѣдственною родовою болѣзнью для К. Н. Батюшкова: его мать и любимая сестра также умерли въ помѣшательствѣ.

Петровичу Львову (дядѣ уже извѣстнаго намъ Н. А. Львова), служившему въ то время въ Твери совѣтникомъ, а потомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты. Благодаря ему Иванъ Андреевичъ рано ознакомился съ французскимъ языкомъ. Но едва-ли не болѣе всего обязанъ былъ Иванъ Андреевичъ тому сундуку съ книгами, который остался ему чуть-ли не единственнымъ наслѣдіемъ отъ покойнаго отца; быстро исчерпалъ онъ содержаніе этого сундука, и, пристрастившись къ чтенію, при своихъ рѣдкихъ способностяхъ, памяти и воображеніи, онъ очень скоро почувствовалъ въ себѣ охоту къ воспроизведенію того, что было вычитано имъ изъ книгъ. Уже въ 1783 году, лѣтъ 15-ти отъ роду, онъ представилъ первые, довольно изрядные опыты своего будущаго таланта. Но крайняя бѣдность, еще прежде того, когда ему только-что минуло 14-ть лѣтъ, заставила его поступить на службу; и пришлось ему сначала служить простымъ писцомъ въ калязинскомъ уѣздномъ судѣ, а оттуда вскорѣ перейти въ тверской магистратъ, въ которомъ служилъ до самой смерти его отецъ. Немного спустя, въ 1783 г., крайняя бѣдность и надежда на полученіе пенсіи побудили Марью Алексѣевну къ переселенію изъ Твери въ Петербургъ. Здѣсь Крыловъ тоже долженъ былъ поступить на службу, и сначала видимъ мы его въ казенной палатѣ, получающаго по 2 руб. ассигнаціей въ мѣсяцъ; потомъ онъ перемѣщается на службу въ Кабинетъ Ея Величества, гдѣ и остается довольно долго. Онъ оставляетъ службу вскорѣ послѣ кончины своей матери (1788 г.), и, полный юношеской энергіи, полный надеждъ на свои силы и успѣхи, исключительно предается дѣятельности литературной.

Мы упоминали выше, что уже отъ 1783 года сохранился намъ первый литературный опытъ Крылова — нѣчто въ родѣ бывшихъ тогда въ модѣ комическихъ оперъ — Кофейница. Въ этой комической оперѣ, написанной 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, на нашъ взглядъ гораздо болѣе самостоятельности и таланта, нежели въ ближайшихъ послѣдующихъ, чисто-подражательныхъ, драматическихъ произведеніяхъ Крылова. Сюжетъ основывается на томъ, что плутоватый прикащикъ, при помощи Кофейницы (т. е. гадальщицы по кофейной гущѣ), старается обмануть свою госпожу-помѣщицу и отбить невѣсту у одного изъ ея крестьянъ, котораго онъ съ этою цѣлью и обвиняетъ въ воровствѣ; но случай изобличаетъ обманщика, и все кончается къ лучшему. Во всемъ произведеніи есть извѣстная цѣлость, связь между явленіями довольно естественна, а характеръ барыни-помѣщицы (Новомодовой) и плута-прикащика, задуманные и выполненные довольно ловко, свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ талантѣ юноши-автора. По сохранившемуся преданію, это первое произведеніе юноши-Крылова чуть было не попало въ печать, такъ-какъ онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Твери, продалъ свою Кофейницу книгопродавцу Брейткопфу, который предложилъ за нее Крылову 60 руб. ассигнаціями; но Крыловъ, терпѣвшій во всемъ крайнюю нужду, предпочелъ взять у книгопродавца на ту же сумму французскихъ книгъ, и получилъ въ числѣ ихъ сочиненія Расина, Мольера и Буало. За то, лѣтъ пять спустя, въ печать попалъ другой, гораздо менѣе „Кофейницы“ самостоятельный и весьма неудачный опытъ Ивана Андреевича: трагедія „Филомела“, одна изъ двухъ [1]), открывшихъ ему доступъ въ литературный кружокъ Княжнина [2]) и другихъ драматическихъ писателей и актеровъ. Молодой Крыловъ, въ кружкѣ Княжнина, сблизился съ издателемъ журнала „Утренніе Часы“ (изд. 1788 г.), капитаномъ Рахманиновымъ, и сталъ въ немъ участвовать, какъ сотрудникъ. Изъ роли сотрудника талантливый юноша очень быстро перешелъ къ роли редактора и въ 1789 г. сталъ издавать свой собственный журналъ—„Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмука съ водяными, воздушными и подземными духами“. Крыловъ, и послѣ прекращенія „Почты Духовъ“, не думалъ еще покинуть журналистики. Въ 1792 г. онъ сталъ издавать журналъ Зритель, который просущество-

[1]) Другою трагедіею была „Клеопатра“. [2]) Княжнинъ (1742—1791 г.), драматическій писатель, авторъ „Дидоны“ и „Росслава“.

ному. Съ этой послѣдней точки зрѣнія и Крыловъ, и весь кружокъ, въ средѣ котораго онъ началъ свою журнальную дѣятельность, отнесся крайне враждебно къ европеизму Карамзина, къ его попыткамъ преобразованія русскаго литературнаго языка и той критической строгости, съ которою Карамзинъ въ своемъ Московскомъ Журналѣ встрѣчалъ всѣ новыя явленія въ русской литературѣ. Крыловъ въ С.-Петербургскомъ Меркуріи напечаталъ даже „похвальную рѣчь Ермолафиду, говоренную въ собраніи молодыхъ писателей“, — въ которой, выставляя Ермолафида [1]) въ образцы молодымъ авторамъ, подвергаетъ самому грубому осмѣянію всю литературную дѣятельность Карамзина, его слогъ и воззрѣнія.

На сколько несамостоятельною (хоть и остроумною, и весьма талантливою) является журнальная сатира молодаго Крылова, на столько же подражательными оказываются его лирическія стихотворенія, помѣщавшіяся въ С.-Петербургскомъ Меркуріи, и его комедіи („Бѣшеная семья“, „Проказники“ и „Сочинитель въ прихожей“), написанныя имъ въ теченіе 1793 и 1794 гг. Нѣкоторыя изъ стихотвореній, впрочемъ, важны для біографа потому, что свидѣтельствуютъ о довольно мрачномъ и тяжеломъ нравственномъ настроеніи Крылова за это время: въ нихъ встрѣчаемъ мы жалобы на судьбу, на неудачи, а также и недовольство собою. Самъ Крыловъ, вспоминая уже въ старости объ этомъ періодѣ жизни своей, намекалъ и на журнальныя неудачи свои, и на какія-то „проказы молодости“. Вообще говоря, біографія Крылова, довольно скудная фактами, до сихъ поръ еще представляетъ намъ въ этомъ періодѣ, начиная отъ 1794 года и до конца 1805 г., нѣсколько такихъ темныхъ мѣстъ, которыя и до настоящей минуты остаются для насъ ничѣмъ неосвѣщенными. Знаемъ только, что типографія Крылова съ товарищи была закрыта въ декабрѣ 1796 г., когда, по указу Императора Павла, упразднены были всѣ типографіи, за исключеніемъ состоящихъ въ вѣдѣніи присутственныхъ мѣстъ. Затѣмъ, съ 1797 г. Крыловъ почему-то вдругъ покидаетъ Петербургъ и является въ провинціи, въ семействѣ князя С. Ѳ. Голицына, котораго Императоръ Павелъ выслалъ изъ столицы въ его помѣстья. Въ этихъ-то помѣстьяхъ — Зубриловкѣ (въ нынѣшней Саратовской губ.) и Казацкомъ (Кіевской губ.) — Крыловъ прожилъ около четырехъ лѣтъ, въ довольно неопредѣленной роли домашняго учителя и друга дома, прилагавшаго заботы и къ обученію молодыхъ князей русскому языку, и къ увеселенію всей княжеской семьи... Тутъ устроивалъ онъ небольшіе домашніе концерты и спектакли; тутъ-же, въ Казацкомъ, написалъ онъ свою извѣстную шуто-трагедію „Трумфъ“, въ которой принималъ на себя исполненіе главной роли. Тутъ-же, въ числѣ его учениковъ явился и весьма извѣстный по своимъ воспоминаніямъ Ф. Ф. Вигель, который, хотя и оставилъ въ нихъ весьма неблагопріятную характеристику Крылова, однакожъ о его педагогической дѣятельности отзывается съ большой похвалой. „Не смотря на свою лѣность“ — такъ пишетъ Вигель — „онъ отъ скуки предложилъ кн. Голицыну преподавать русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его, а слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толково, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ недовольствовался однимъ русскимъ языкомъ, онъ къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько нибудь ума, то много въ то время около него понабрался“.

По восшествіи на престолъ Императора Александра, опала была снята съ князя Голицына и онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Крыловъ, по желанію князя, опредѣленъ къ нему въ секретари и въ концѣ того же года награжденъ чиномъ губернскаго секре-

[1]) Ермолафидъ — т. е. несущій Ермолафію или чепуху, галиматью. Подъ именемъ Ермолафида Крыловъ, очевидно, разумѣетъ Карамзина.

30,000 р.), онъ пустился странствовать по Россіи и велъ полукочевую жизнь, безпрестанно переѣзжая, подъ вліяніемъ несчастной страсти къ азартной игрѣ, изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку... Но положительныхъ извѣстій объ этомъ періодѣ жизни Ивана Андреевича до сихъ поръ нѣтъ никакихъ.

Только уже въ концѣ 1806 года Иванъ Андреевичъ вновь выступаетъ [1]) на литературное поприще: онъ является къ И. И. Дмитріеву и приноситъ ему три первыя басни свои, отчасти переведенныя, отчасти передѣланныя изъ Лафонтена. Басни эти были: Дубъ и Трость, Разборчивая невѣста, Старикъ и трое молодыхъ. Дмитріевъ, въ то время уже почти исключительно посвятившій себя этому роду поэзіи, уже прославившійся своими переводами французскихъ басенъ, не могъ не оцѣнить по достоинству этихъ первыхъ произведеній Крылова, въ которыхъ наконецъ явилось у поэта сознаніе истиннаго его назначенія; и Дмитріевъ оцѣнилъ эти басни съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ... При очень лестномъ письмѣ его, басни Крылова были пересланы князю Шаликову и напечатаны въ его журналѣ Московскій Зритель. Съ этой минуты Крыловъ начинаетъ предпочитать басню всѣмъ другимъ родамъ литературы, и слава Крылова, какъ баснописца, стала быстро возрастать, хотя матерьяльное и общественное положеніе его оставалось еще въ теченіе нѣкотораго времени довольно неопредѣленнымъ... Въ слѣдующемъ, 1807 году, Крыловъ опять начинаетъ увлекаться театромъ, и, слѣдуя общему патріотическому настроенію современной литературы, въ которой громко высказывалась ненависть къ французамъ и вообще къ иноземцамъ, сочиняетъ двѣ комедіи: Модная лавка и Урокъ дочкамъ, а потомъ волшебную оперу Илья-богатырь.

Только уже въ 1808 году Крыловъ окончательно перестаетъ работать для сцены и уже до конца жизни не пишетъ ничего, кромѣ басенъ. Въ этомъ году является вдругъ 17 новыхъ басенъ Крылова въ Драматическомъ Вѣстникѣ—новомъ журналѣ нашего плодовитаго драматурга кн. Шаховскаго. Въ томъ же году поступаетъ онъ снова на службу, сначала при Монетномъ департаментѣ, а потомъ (въ началѣ 1812 г.) переходитъ въ Публичную библіотеку.

И успѣхи, и слава Крылова съ этой минуты начинаютъ возрастать такъ быстро, что за ними ужъ трудно и услѣдить, не обращая біографію знаменитаго баснописца въ простой формулярный списокъ... Достаточно будетъ замѣтить здѣсь, что съ самаго основанія „Бесѣды любителей русскаго слова“, Крыловъ, какъ завѣдомый противникъ карамзинскихъ нововведеній въ русскомъ литературномъ языкѣ и слогѣ, былъ, конечно, занесенъ въ число первыхъ членовъ „Бесѣды“, а въ декабрѣ 1811 года секретарь Россійской Академіи, препровождая къ Крылову дипломъ на званіе дѣйствительнаго ея члена, уже писалъ къ нему, что „сочиненія его служатъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской“... Вскорѣ послѣ того, политическія басни Крылова, вызванныя событіями 1811 и 1812 г., придаютъ такую популярность и значеніе его литературной дѣятельности, что съ февраля 1812 года, по Высочайшему указу, Крылову начинаютъ производить изъ Кабинета пенсіонъ по 1,500 р. въ годъ, и онъ вступаетъ въ плеяду придворныхъ поэтовъ и литераторовъ, которую такъ любила видѣть около себя и осыпать своими милостями Императрица Марія Ѳеодоровна.

Вообще говоря, съ того времени, когда Крыловъ поступилъ на службу въ Императорскую библіотеку подъ ближайшее начальство своего покровителя и друга А. Н. Оленина, у котораго онъ былъ принятъ въ домѣ какъ родной—жизнь Крылова принимаетъ такое ровное теченіе, что представляется біографу лишенною даже и съ фактической стороны какого бы то ни было разнообразія. Всѣ свидѣтельства современниковъ сводятся къ тому, что съ 1812 и по 1841 г. Иванъ Андреевичъ служилъ, зани-

[1]) Разсказываютъ, что первая попытка переводить Лафонтеновы басни сдѣлана была Крыловымъ еще въ 1781 г., и многіе знатоки тогда уже ободряли юношу къ посвященію своей дѣятельности этому поэтическому роду... Но его увлекалъ театръ, и онъ обратился къ произведеніямъ драматическимъ.

фактическая сторона его біографіи по отношенію ко второй, наиболѣе важной половинѣ его жизни. Всѣ свидѣтельства современниковъ одинаково рисуютъ намъ Крылова въ этотъ періодъ его жизни человѣкомъ лѣнивымъ и неповоротливымъ, неприхотливымъ по отношенію къ жизни, неряшливымъ и даже неопрятнымъ въ одеждѣ и домашнемъ своемъ быту; всѣ одинаково представляютъ Крылова человѣкомъ, который любилъ только хорошо поѣсть и проводилъ все свободное отъ службы время на диванѣ, преимущественно „халатнымъ образомъ“, какъ выражается Гоголь. Но что-же привлекало къ Крылову всѣхъ современниковъ? что способствовало его прославленію и поставило его въ высокое положеніе, о которомъ онъ самъ менѣе всего заботился?...

Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ его значенія, единственнымъ отвѣтомъ на вышеприведенный нами вопросъ, можетъ быть только одно: въ Крыловѣ всѣ поклонники и даже враги его сознавали и чувствовали такую могучую силу, какой не было ни въ одномъ изъ его предшественниковъ на литературномъ поприщѣ. Этою силою звучало каждое слово его коротенькихъ, тщательно отдѣланныхъ басенъ, каждый образъ, выводимый въ нихъ поэтомъ-художникомъ, каждый звукъ его вполнѣ русской, словно выкованной рѣчи, — и эта сила была ничто иное, какъ народность, въ смыслѣ тѣснѣйшей, прирожденной связи съ русской народной почвой, съ русской дѣйствительностью, съ понятіями, воззрѣніями и даже убѣжденіями массы русскаго народа. Чѣмъ больше мы вглядываемся въ басни Крылова, тѣмъ болѣе мы начинаемъ убѣждаться въ ихъ несомнѣнномъ, почти родственномъ сходствѣ съ тѣми произведеніями народной мудрости, которыя выражаются у народа въ видѣ поговорокъ, присловій, пословицъ, былей. Указывая на эту сторону крыловской басни, мы не можемъ не привести здѣсь того замѣчательнаго отзыва о ней, который былъ помѣщенъ академикомъ Гротомъ въ его очеркѣ „Литературная жизнь Крылова“. Онъ указываетъ тамъ, что „между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, б а с н я всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ“... „Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности, и по духу, и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей, и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота изъясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямаго и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко-сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое содержаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она — дѣло, полное жизни и значенія“ [1]).

Нѣсколько далѣе, стараясь охарактеризовать литературную дѣятельность Крылова сравненіемъ съ дѣятельностью другаго замѣчательнаго писателя нашего, Ломоносова, академикъ Гротъ высказываетъ слѣдующее:

„Проведя свое дѣтство на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ“.

И дѣйствительно, въ произведеніяхъ Крылова не знаешь, чему болѣе удивляться:

[1]) Я. К. Грота: „Литературная жизнь Крылова“, стр. 17—18.

русскомъ лицѣ — а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ или не хочетъ — пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ... Хозяинъ наконецъ попросилъ его пожаловать къ ужину. „Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Иванъ Андреевичъ“,— замѣтилъ онъ хлопотливо и какъ бы исполняя неизбѣжный долгъ. Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо. „Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?“ — казалось, внутренно промолвилъ онъ—грузно всталъ и, грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто ломъ“.

Мы должны признаться, что этотъ шой отрывокъ кажется намъ болѣе ственнымъ и важнымъ для біографі лова, нежели многія и многія стр посвященныя его характеристикѣ...

Крыловъ умеръ 9 ноября 1844 год довательно почти шесть лѣтъ спустя того, какъ отпразднованъ былъ пяти тилѣтній юбилей его литературной д ности (2 февраля 1838 г.); онъ похо въ Александро-Невской лаврѣ, ряд другомъ своимъ, Гнѣдичемъ.

ковъ и самою жизнью своею въ молодые годы:—гордый, независимый, полный самобытныхъ причудъ и притомъ гонимый, онъ, казалось, вполнѣ олицетворялъ собою типъ романтическаго поэта въ истинномъ смыслѣ этого слова; современники видѣли въ немъ русскаго Байрона, и самъ Пушкинъ въ первые годы своей дѣятельности не прочь былъ побайронничать на русскій ладъ. Подъ вліяніемъ произведеній Пушкина, Баратынскаго, Грибоѣдова и прочихъ послѣдователей романтической поэзіи, съ другой стороны подъ вліяніемъ общаго либеральнаго движенія въ царствованіе Александра, романтизмъ не замедлилъ повліять и на внѣшнюю обстановку жизни. Въ то время, какъ въ литературѣ онъ выражался оппозиціей противъ подавляющихъ творчество правилъ ложно-классической піитики, противъ владычества литературныхъ авторитетовъ; въ жизни — романтизмъ возсталъ противъ стѣсняющихъ чувство и волю условныхъ свѣтскихъ обычаевъ и приличій, противъ практическаго матеріализма и угодничества. Типы Онѣгина и Чацкаго, гордые, независимые, никому не кланяющіеся, ничего не ищущіе и идущіе своей дорогой, не смотря на толки и сплетни толпы, сдѣлались любимыми идеалами молодежи въ двадцатые годы.

Чрезвычайно любопытнымъ оказывается еще и то явленіе, что въ эпоху сильнѣйшаго разгара борьбы между классиками и романтиками, сущность романтизма оказывалась для всѣхъ не вполнѣ ясною. Романтики ограничивались только тѣмъ, что потѣшались надъ классиками и шли своей дорогой, выдавая произведеніе за произведеніемъ. Классики, съ своей стороны, имѣли весьма ограниченное понятіе о романтизмѣ. Они объясняли романтизмъ писаніемъ стихотвореній безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками, основанныхъ на истинномъ вкусѣ и предписанныхъ „безсмертнымъ“ Буало для французовъ, а Гораціемъ для всѣхъ образованныхъ народовъ. Въ такихъ стихотвореніяхъ они видѣли верхъ безобразія, нарушеніе всякихъ эстетическихъ законовъ, окончательное паденіе поэзіи. Во время либеральнаго движенія, въ царствованіе Александра I, нападки классиковъ ограничивались чисто-литературнымъ споромъ. Но когда въ концѣ царствованія Александра началась реакція, романтиковъ стали считать не только нарушителями піи тики Буало, но и опасными вольнодумцами разрушителями, готовыми ниспровергнут всѣ общественныя и семейныя основы Соотвѣтственно такому взгляду на романтиковъ, распространенному въ высшихъ слояхъ общества, въ училищахъ считалось предосудительнымъ читать дѣтямъ произведенія Пушкина, Баратынскаго, Дельвига и проч., какъ безнравственныя и лишенныя эстетическаго значенія. Только уже гораздо позже, въ началѣ 30-хъ годовъ, сущности романтизма была выяснена журнальною критикою, и всѣ мало-по малу примирились съ романтиками, во главѣ которыхъ сталъ Пушкинъ со своею дивною поэзіею.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ род. 26 мая 1799 г. (ум. 29 янв. 1837 г.). День рожденія поэта подтверждается его собственнымъ свидѣтельствомъ, къ которому онъ прибавляетъ, что „родился въ Вознесенье“, и даже подтверждалъ этотъ фактъ тѣмъ, что „праздникъ Вознесенія“ всегда имѣлъ большое значеніе въ его біографіи. Однакоже въ метрической книгѣ московской Богоявленской церкви, что на Елоховѣ, за 1799 г., находимъ слѣдующую запись:

„Мая 27-го, во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильевича Шварцова (Шварца?), у жильца его маэора (sic) Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ и крещенъ 8 іюня. Воспріемниками были графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ; кума мать означеннаго Сергія Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина“.

Родъ Пушкиныхъ былъ старинный и происходилъ по прямой линіи отъ боярина Григорія Григорьевича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а потомъ въ Польшѣ, съ титуломъ намѣстника нижегородскаго (ум. 1656 г.). Мать Александра Сергѣевича, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибалъ, также принадлежала къ замѣчательному роду: она была внукой того Абрама Петровича Ганнибала, знаменитаго крестника и любимца Петра, который, благодаря Пушкину, сталъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ „Арапа Петра Великаго“.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, познакомился съ Надеждой Осиповной въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ Измайловскомъ полку. Женившись въ Петербургѣ,

зованіемъ; но это были люди, исключительно созданные для веселой, шумной, пустой и праздной свѣтской суеты, люди, не знавшіе въ жизни никакихъ серьезныхъ интересовъ и цѣлей, чуждые всякихъ заботъ, трудовъ и обязанностей. Обладая порядочнымъ состояніемъ и неистощимымъ запасомъ веселости, оба брата одинаково посвящали свое время удовольствіямъ общества и наслажденіямъ городской жизни и питали врожденное отвращеніе ко всему, что могло нарушить ихъ спокойствіе... На этомъ основаніи Сергѣй Львовичъ предоставилъ все управленіе дѣлами, все хозяйство и воспитаніе дѣтей женѣ своей, а самъ вполнѣ предался утонченной и веселой свѣтской жизни среди того обширнаго кружка родни и знакомыхъ, въ которомъ онъ являлся душою всѣхъ собраній, домашнихъ спектаклей и всякаго рода семейныхъ и родственныхъ празднествъ, которыми такъ богата была жизнь нашего барства того времени... Можно безъ преувеличенья сказать, что все время Сергѣя Львовича проходило въ обществѣ и въ эгоистическихъ заботахъ объ успокоеніи и увеселеніи своей особы, а весь умъ и способности его затрачивались на тѣ остроты, каламбуры и легкіе французскіе стишки, которыми онъ приводилъ въ восторгъ все лучшее московское общество...

Надежда Осиповна, прекрасная собою, умная и энергичная женщина, любила удовольствія и разсѣянную жизнь не менѣе всего кружка, среди котораго ей приходилось жить; однакоже гораздо болѣе Сергѣя Львовича прилагала заботы къ воспитанію дѣтей своихъ, и вмѣстѣ съ матерью своей, Марьей Алексѣевной Ганнибалъ, способна была до нѣкоторой степени оказать на нихъ благотворное вліяніе. Но онѣ не могли избавить дѣтей Сергѣя Львовича отъ системы воспитанія, которая тогда была общепринятою во всѣхъ дворянскихъ семействахъ: и Пушкину, выучившемуся грамотѣ у своей бабушки, Марьи Алексѣевны, пришлось заниматься русскимъ языкомъ у какого-то г. Шиллера, а потомъ попасть въ руки разныхъ французовъ, которые на время заставили его забыть о томъ, что онъ русскій. По счастью, до 7-ми-лѣтняго возраста, Александръ Сергѣевичъ не принадлежалъ къ числу дѣтей воспріимчивыхъ, горячихъ и бойкихъ. Напротивъ, онъ даже приводилъ мать въ отчаянье своею флегматическою неповоротливостью. Случалось, что Надежда Осиповна насильно заставляла его играть и бѣгать съ дѣтьми, и мальчикъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ, залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу: въ этомъ убѣжищѣ ужъ никто не смѣлъ его безпокоить... Отъ бабушки М. А. Ганнибалъ Пушкинъ слышалъ и первые разсказы о старинѣ и семейныя преданія о предкахъ поэта, любимцахъ Петра Великаго: о его Арабѣ (Абрамѣ) и о Ржевскомъ, въ домѣ котораго часто бывалъ Петръ въ гостяхъ.

Однакоже французы-гувернеры взяли свое: мальчикъ по десятому году развернулся и хотя не выказывалъ ни малѣйшей охоты къ ученью, но за то набросился на чтеніе съ какою-то болѣзненною страстностью. Не смотря на то, что ни отецъ, ни окружавшіе его нимало не препятствовали ему въ удовлетвореніи этой страсти къ чтенію, онъ проводилъ за книгами и дни, и ночи, тайкомъ забирался въ библіотеку или въ кабинетъ отца своего, и безъ разбора читалъ все, что попадалось ему подъ руку... Немалое вліяніе на развитіе воспріимчиваго ребенка должна была оказать и та свѣтская, блестящая обстановка, къ которой П. О. Пушкина старалась пріучать сына съ дѣтства, вывозя его на вечера и домашніе спектакли въ гостиныя Трубецкихъ, Бутурлиныхъ, Сушковыхъ и другихъ представителей современной московской знати. Здѣсь и у себя дома Пушкинъ впервые увидѣлъ и прославленныхъ поэтовъ, и писателей своего времени: Карамзина, Дмитріева и Батюшкова, съ которыми Сергѣй Львовичъ Пушкинъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Быстро и несоразмѣрно развиваясь подъ всѣми этими впечатлѣніями, десятилѣтній Пушкинъ уже сочинялъ цѣлыя пьесы для домашней сцены, писалъ подражанія Генріадѣ Вольтера, составлялъ нелишенные остроумія каламбуры и шарады. Результатомъ французскаго воспитанія было то, что первыми стихами Пушкина были стихи французскіе, въ писаніи которыхъ онъ упражнялся не только дома, но даже и послѣ вступленія своего въ Лицей.

Въ Лицей опредѣленъ былъ Пушкинъ по настоянію уже извѣстнаго намъ А. И. Тургенева, который отклонилъ родителей Александра Сергѣевича отъ намѣренія помѣ-

перелетѣла за стѣны Лицея. Карамзинъ и Жуковскій одинаково угадали Пушкина еще на лицейской скамьѣ и поощряли развитіе его поэтическаго дарованія: Жуковскій даже отдавалъ на судъ юноши свои стихотворенія, болѣе довѣряя замѣчательно-развитому въ немъ поэтическому чутью, нежели своему собственному вкусу, и обыкновенно считалъ дурнымъ, старался исправить тотъ стихъ, который Пушкинъ, при своей необыкновенной памяти, не могъ сразу усвоить и запомнить.

Но родные поэта не такъ скоро поддались обаянію его таланта и долго не рѣшались вѣрить тому, чтобы изъ Александра Сергѣевича могъ выйти человѣкъ замѣчательный, тѣмъ болѣе, что по наукамъ его успѣхи оказывались довольно слабыми и одинъ изъ профессоровъ аттестовалъ его даже такъ: „весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне неприлеженъ". Только уже послѣ того, какъ стихи молодого Пушкина не только обратили на него вниманіе Державина, Дмитріева и Карамзина, но и возбудили удивленіе Жуковскаго—родные наконецъ рѣшились признать поэтическую дѣятельность Пушкина не простою потерею времени. Даже дядя его Василій Львовичъ (самъ стихотворецъ, хотя и весьма плохой), прочитавъ его посланіе къ Лицинію, порадовался тому, что „Александровы стихи не пахнутъ латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго"... Чрезвычайно любопытно то, что самъ Пушкинъ считалъ себя въ это время ученикомъ Жуковскаго, которому однакоже менѣе всего подражалъ, такъ какъ ему гораздо болѣе была близка, и по духу, и по формѣ, поэзія Батюшкова, далекая отъ туманной мечтательности, тѣсно связанная съ дѣйствительностью и богатая грандіозными образами... Только уже гораздо позднѣе Пушкинъ призналъ тѣсное родство своихъ лицейскихъ стихотворныхъ опытовъ съ поэзіею Батюшкова и о нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ говорилъ: „люблю ихъ, они отзываются стихами Батюшкова" [1]).

Но ему не долго пришлось быть ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова; едва успѣлъ онъ переступить порогъ Лицея, какъ уже вмѣстѣ съ тѣмъ и выступилъ на тотъ новый путь, по которому вслѣдъ за нимъ пошли многіе, но до него никто не рѣшался идти... Въ іюнѣ 1817 г. Пушкинъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ и вышелъ изъ него 19-мъ ученикомъ. Радушно принятый въ лучшемъ литературномъ кругу, ласкаемый Карамзинымъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, А. И. Тургеневымъ, Олениннымъ, Раевскимъ, Пушкинъ сошелся въ ихъ домахъ съ княземъ П. А. Вяземскимъ и Ѳ. Н. Глинкой и явился однимъ изъ самыхъ младшихъ, но за то и самыхъ дѣятельныхъ членовъ Арзамаса; въ 1818 году, на собраніяхъ Арзамаса и на вечерахъ у Жуковскаго, онъ уже читаетъ первыя пѣсни Руслана и Людмилы, въ которыхъ и Жуковскій и Батюшковъ, и всѣ сколько-нибудь безпристрастные судьи не могли не видѣть явленія новаго и небывалаго у насъ въ литературѣ...

Ново было то, что романтизмъ Пушкина, на сколько онъ успѣлъ и съумѣлъ выказать его въ Русланѣ и Людмилѣ, не имѣлъ ничего общаго съ подражательнымъ и переводнымъ романтизмомъ Жуковскаго; по справедливому замѣчанію Пыпина, „романтическіе порывы его фантазіи обращались къ русской народной жизни, и русская поэзія впервые усвоивала здѣсь истинно-народные мотивы". Нельзя не добавить здѣсь, сверхъ того, что эти народные мотивы явились у Пушкина не въ узкой рамкѣ поэмы, написанной по всѣмъ правиламъ теоріи, а въ формѣ широкаго, свободнаго, поэтическаго разсказа, который способенъ былъ привести въ ужасъ сторонниковъ старой реторической школы неправильностью и непослѣдовательностью своего теченія, частыми уклоненіями отъ главной нити разсказа и, въ особенности, сатирическими выходками противъ современности вообще и современной литературы въ особенности. Чрезвычайно любопытно однакоже, что старую нашу литературную школу болѣе всего непріятно поразила въ поэмѣ Пушкина именно ея неразрывная связь съ почвою народности и преданій нашихъ. Первое столкновеніе съ народною почвою въ поэмѣ Пушкина ужасно озадачило нашихъ критиковъ: „Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ"... „возникающій посреди океана Россійской словесности"—воскли-

[1]) Такъ говорилъ онъ о своемъ стихотвореніи „Муза" (Въ младенчествѣ она меня любила).

Южнаго Края; видъ на проѣздъ, выданный Пушкину, вмѣстѣ съ прогонами изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ — помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года. 6-го мая, въ самое Вознесенье, Дельвигъ и Яковлевъ проводили лицейскаго товарища до Царскаго-Села, и здѣсь простились съ нимъ. Къ вечеру — Пушкинъ уже былъ на пути въ Екатеринославль.

Едва ли можно вполнѣ согласиться съ біографомъ Пушкина, который говоритъ, что „въ промежутокъ времени съ 1820 по 1826 годъ, проведенный поэтомъ сперва въ Кишиневѣ, потомъ въ Одессѣ и наконецъ въ Псковской своей деревнѣ, онъ понялъ, какъ важность своего призванія, такъ и размѣры собственнаго таланта". Сколько намъ кажется, въ его пребываніи на Югѣ была другая сторона, которая, дѣйствительно, оказала нѣкоторое полезное вліяніе на развитіе его таланта: самая исключительность его положенія, какъ поэта-изгнанника, много способствовала его прославленію и сдѣлала имя Пушкина священнымъ среди всей современной молодежи, а его поэзію облекла особеннымъ обаяніемъ, которое придавало вѣсъ и значеніе каждому слову Пушкина. И это особое отношеніе къ современникамъ, при замѣчательномъ умѣ и геніальной скромности Пушкина, дѣйствительно много способствовало въ немъ развитію его душевныхъ силъ и поддержкѣ той особенной энергіи, которая всегда ослабѣвала въ Пушкинѣ, когда жизнь его принимала мирное и обыкновенное теченіе, среди простой, будничной обстановки, окружающей каждаго простого смертнаго.

Исключительность положенія Пушкина на Югѣ Россіи въ значительной степени способствовала тому, что онъ въ теченіе всего пребыванія своего на Югѣ (1820—1824) поддался вліянію Байрона, въ то время увлекавшаго за собою поэтовъ всей Европы. Вліяніе Байрона, отразившееся въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ", „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" и отчасти въ „Цыганахъ" Пушкина, объясняется до нѣкоторой степени тѣмъ положеніемъ изгнанника, которое переживалъ въ это время нашъ поэтъ, и которое его сильно тяготило. Увлеченіе Байрономъ, въ значительной степени, способствовало тому, чтобы и всѣ герои первыхъ поэмъ Пушкина явились совершенно отвлеченными, чисто-байроновскими, не связанными тѣсно ни съ какой національной или исторической почвой. Даже и „Евгеній Онѣгинъ", начатый Пушкинымъ на Югѣ, въ первыхъ главахъ своихъ еще носитъ на себѣ отпечатокъ того байроновскаго типа, который одно время такъ нравился Пушкину и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не удавался ему, какъ поэту, обладавшему преимущественно способностью къ художественному, осязательному воспроизведенію дѣйствительной жизни. Эта временная зависимость отъ Байрона кончается съ 1824 года и не оставляетъ почти никакого слѣда на послѣдующей поэтической дѣятельности Пушкина, который, переселившись на Сѣверъ, и снова увидѣвъ себя на родинѣ, между своими, наконецъ выступилъ на свою настоящую дорогу, съ которой не сходилъ уже до конца жизни...

Во время своего пребыванія на Югѣ Россіи, Пушкинъ велъ жизнь кочевую, странническую. Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Екатеринославль, онъ заболѣлъ жестокой лихорадкой, и долго-бы пришлось ему съ нею бороться, если-бы счастливая случайность встрѣчи съ семействомъ генерала Раевскаго не доставила ему возможности побывать на кавказскихъ водахъ. Генералъ Раевскій принялъ юношу-поэта на свое попеченіе, а его сыновья и дочери, вмѣстѣ съ нимъ отправлявшіеся на Кавказъ, окружили Пушкина такими дружескими, родственными заботами, что время, проведенное имъ въ этой семьѣ, осталось для него навсегда однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и дорогихъ воспоминаній юности. Пушкинъ отправился на Кавказъ черезъ землю Войска Донскаго, а вернулся съ Кавказа черезъ Тамань и Керчь, причемъ объѣхалъ и часть Крыма, въ особенности южный берегъ его. Суровыя красоты кавказской природы навѣяли на Пушкина мысль о поэмѣ, связанной съ Кавказомъ и горцами, а классическія воспоминанія, неразрывно связанныя съ южнымъ берегомъ Крыма, породили цѣлый рядъ прелестныхъ антологическихъ стихотвореній (Нереида, Дорида, Доридѣ), въ которыхъ Пушкинъ хотя нѣсколько и подражалъ подобнымъ же произведеніямъ А. Шенье, но во многихъ мѣстахъ превосходилъ французскаго поэта смѣлостью и граціею своихъ образовъ. Конецъ 1820 года и начало 1821—Пушкинъ провелъ

И дѣйствительно, слѣдя внимательно, въ хронологическомъ порядкѣ, за всѣмъ, что написалъ Пушкинъ въ Бессарабіи, мы не можемъ не замѣтить быстраго возрастанія его таланта, который начиналъ проявляться все сильнѣе, ярче и разнообразнѣе. Тамъ были написаны тѣ высокохудожественныя лирическія произведенія, въ которыхъ Пушкинъ является намъ уже мастеромъ и поэтомъ, достигшимъ полной зрѣлости: къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ, конечно, его: „Муза“ (Въ младенчествѣ она меня любила), „Къ Овидію“ и „Наполеонъ“, писанныя въ теченіе 1821 года, и „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ (1822 г.), не имѣющая по характеру своему ничего общаго съ предъидущимъ періодомъ поэтической дѣятельности Пушкина. Здѣсь же, въ Бессарабіи, были набросаны первыя строфы Евгенія Онѣгина, котораго особенно ревностно сталъ писать Пушкинъ послѣ переселенія своего въ Одессу, куда онъ, въ іюлѣ 1823 года, переведенъ былъ на службу къ новому начальнику, графу М. С. Воронцову, которому генералъ И. Н. Инзовъ сдалъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора. Пушкинъ былъ зачисленъ въ канцелярію генералъ-губернатора; но и переѣхавъ уже въ Одессу, еще разъ съѣздилъ онъ въ Кишиневъ повидаться съ тамошними своими пріятелями и проститься съ кишиневскими воспоминаніями... „Скоро оставляю благословенную Бессарабію“ – пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу; — „есть страны благословеннѣе. Праздный міръ не самое лучшее состояніе жизни... самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души“...

„Я оставилъ Молдавію и явился въ Европу“ — пишетъ Пушкинъ лѣтомъ 1823 г. къ брату своему. „Рестораціи и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу“. При этомъ поэтъ замѣчаетъ, что, послѣ Кишинева, все еще не можетъ привыкнуть „къ европейскому образу жизни“. И дѣйствительно, характеръ жизни въ тогдашней Одессѣ, ничуть не похожей на нынѣшнюю, долженъ былъ сильно поражать своимъ европеизмомъ послѣ того полу-восточнаго быта, къ которому поэтъ привыкъ въ Бессарабіи... Вѣроятно, этотъ европейскій образъ жизни и обходился поэту гораздо дороже, потому что съ перваго же шага въ Одессу начинаются въ письмахъ Пушкина къ брату жалобы на недостатокъ въ деньгахъ, и притомъ чрезвычайно своеобразныя: „Изъясни отцу, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ“ [1]), — такъ пишетъ Пушкинъ: — „ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти, хотя и знаю законъ Божій и четыре первыя правила - послужу и не по волѣ своей — и въ отставку идти невозможно. Все — и всѣ меня обманываютъ; — на кого же, кажется, и надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ...“ „Крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хотя письма его очень любезны“

Главнымъ поэтическимъ трудомъ Пушкина въ Одессѣ былъ „Евгеній Онѣгинъ“. Первая глава его, начатая еще весною въ Бессарабіи, была здѣсь окончена въ октябрѣ. Пріятели заставали его часто или въ задумчивости, или помирающаго со смѣха надъ строфами „Евгенія Онѣгина“. Такъ написаны были три главы этого романа. Извѣщая Дельвига о „Евгеніи Онѣгинѣ“, Пушкинъ замѣчаетъ: „Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь донельзя“. Но ему, по счастью, не пришлось продолжать этой новой поэмы въ Одессѣ... 8-го іюля 1824 года Пушкинъ былъ уволенъ отъ службы, а 11-го іюля мѣстомъ жительства ему было назначено, въ Псковской губерніи, сельцо Михайловское, имѣніе его матери. Причиною увольненія было то, что Пушкинъ, искренно любившій и уважавшій своего прежняго начальника, И. Н. Инзова, никакъ не могъ привыкнуть къ своему новому начальству, не ладилъ съ порядками канцелярской службы при графѣ Воронцовѣ, и сразу не понравился новому начальнику своимъ образомъ жизни, рѣзкими выходками и слишкомъ свободнымъ отноше-

[1]) Первыя произведенія Пушкина оплачивались дѣйствительно очень дурно: за Кавказскаго Плѣнника получилъ онъ всего 500 рублей и одинъ печатный экземпляръ поэмы!

гѣй Львовичъ махнулъ на „чудовище“ рукою, отказался отъ всякихъ сношеній съ нимъ и уѣхалъ (въ октябрѣ 1824 г.) изъ Михайловскаго, а надзоръ за поэтомъ снова перешелъ къ опочецкому предводителю, да сверхъ того, для религіознаго его руководствованья назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря, простой, добродушный монахъ, который отъ времени до времени и навѣщалъ поэта.

Однакоже, вскорѣ послѣ того, знакомство съ милымъ семействомъ П. А. Осиповой, которое жило въ селѣ Тригорскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго, и посѣщенія друзей, навѣстившихъ изгнанника-поэта въ его уединеніи—благопріятно подѣйствовали на поэта и примирили его съ тягостною дѣйствительностью.

Прежде всѣхъ посѣтилъ его одинъ изъ лицейскихъ товарищей его, кн. А. М. Горчаковъ (впослѣдствіи канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ), затѣмъ пріѣхалъ (лѣтомъ 1825 г.) бар. Дельвигъ, съ которымъ поэтъ въ теченіе всей жизни былъ связанъ тѣснѣйшими узами дружбы; осенью того же года заѣхалъ къ нему другой товарищъ по Лицею, Пущинъ, который и оставилъ слѣдующее любопытное описаніе помѣщенія Пушкина въ его Михайловскомъ домикѣ:

...„Я нашелъ его въ единственной жилой комнатѣ стараго деревяннаго дома; одна комната съ ширмой служила Пушкину спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ; всѣ другія оставались запертыми и нетопленными. Только на другой половинѣ, черезъ сѣнной корридоръ, раздѣлявшій домъ, я видѣлъ еще жилую, просторную комнату, царство няни поэта, которая тутъ учила и муштровала толпу швей и ткачихъ, засаженныхъ за эти работы старыми господами“.

Наконецъ, все лѣто 1826 г. Пушкинъ провелъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Языковымъ, гостившимъ въ сельцѣ Тригорскомъ.

Языковъ, въ двухъ своихъ произведеніяхъ, вспоминаетъ подробно о Тригорскомъ, въ которомъ онъ провелъ цѣлое лѣто съ Пушкинымъ, и бойко очерчивая личность Пушкина, живо передавая намъ впечатлѣніе своихъ тогдашнихъ отношеній къ поэту, отчасти знакомитъ насъ даже съ содержаніемъ тѣхъ бесѣдъ, которыя такъ тѣсно сблизили поэтовъ

И часто вижу я во снѣ:
И три горы, и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы,
Пріютъ прохлады, въ лѣтній зной
Наяды пологъ продувной;
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ-за которыхъ въ далекѣ,
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ
Вольтеръ и Гёте, и Расинъ—
Являлся Пушкинъ знаменитый,
И ту площадку, гдѣ въ тѣни
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила,
Оселокъ сердца и души,
И все божественное лѣто,
Которое изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность, перейдетъ:
Зане Языковымъ воспѣто!... [1])

Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края,
Гдѣ и когда мы – ты да я—
Два сына Руси православной,
Постановили своеправно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго! Забуду-ль,
Какъ волновался во мнѣ
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ племенная удаль,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахаромъ, съ виномъ
Переработанный огнемъ,
Лился въ бокалы-исполины.
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ—
Творимъ обѣты нашей Геѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь—
И я на вѣчѣ, я на вечѣ!
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,

[1]) Съ разрядкою напечатаны названія тѣхъ мѣстностей Тригорскаго, которыя особенно любилъ Пушкинъ.

начались въ сознаніи и убѣжденіяхъ Пушкина тѣ колебанія, которыя, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, черезъ три или четыре года потомъ, привели Пушкина сначала къ совершенному разладу съ самимъ собою, а потомъ и къ горькому разочарованію въ своихъ силахъ и значеніи...

Не менѣе важенъ для біографа и тотъ фактъ, что наступившій, съ 1826 года, почти двухъ-лѣтній періодъ ослабленія творческой силы Пушкина ознаменовался для него поворотомъ къ прозѣ: лѣтомъ и осенью 1827 года, живучи въ деревнѣ, Пушкинъ написалъ бо́льшую часть первой своей исторической повѣсти (Арапъ Петра Великаго).

Однакоже поэтическую, широкую и бурную натуру Пушкина, еще не легко было тогда уложить въ тѣ узкія рамки, которыя становились обязательными для бо́льшей части окружавшихъ его современниковъ.

Онъ понималъ, что жизнь его не могла сложиться также просто и спокойно, какъ складывалась она у простыхъ смертныхъ; и, въ то же время, тяготился свѣею непослѣдовательностью, своими странными порывами и непростительными увлеченіями, которыя истощали большую часть его матерьяльныхъ средствъ.

Тревожное состояніе духа, овладѣвшее Пушкинымъ въ это время и оставившее глубокіе слѣды въ его лирикѣ, особенно конца 1828 года, выражалось еще и тѣмъ, что онъ какъ будто нигдѣ мѣста себѣ найти не могъ; странныя мысли приходили ему въ голову... При началѣ турецкой войны, онъ вдругъ заявляетъ желаніе участвовать въ открывшейся кампаніи—и, разумѣется, получаетъ отказъ. Послѣ этого страннаго заявленія Пушкинъ по обыкновенію уѣзжаетъ на лѣто въ Михайловское, и здѣсь проводитъ нѣсколько очень скорбныхъ мѣсяцевъ... Къ этому времени относится между прочимъ его превосходная лирическая пьеса: „Воспоминаніе“, которая заканчивается въ его тетрадяхъ слѣдующими непапечатанными при жизни поэта знаменательными стихами:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ странахъ
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела, во дни былые.
И оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба! [1])

Эта пьеса, написанная въ маѣ 1826 г., важна для біографіи, какъ выраженіе первой мысли поэта о смерти, впослѣдствіи нерѣдко появляющейся въ стихотвореніяхъ Пушкина. Но въ это время смерть была еще далека и жизненныхъ силъ въ поэтѣ было такъ много, что онъ способенъ былъ забыть скорбное бездѣйствіе и сокрушенія свои въ пылу порыва нахлынувшей на него лихорадочной поэтической дѣятельности. Противъ всѣхъ своихъ обычаевъ, въ началѣ осени 1828 г., онъ вдругъ покидаетъ деревню, является въ Петербургъ, принимается здѣсь писать новую поэму свою, „Полтаву“, и въ теченіе одного октября мѣсяца онъ оканчиваетъ ее, не выѣзжая изъ города. Сильное поэтическое вдохновеніе, овладѣвшее имъ въ это время, не покидаетъ его въ теченіе всей осени 1828 г., и до нѣкоторой степени дѣйствуетъ благотворно на его примиреніе съ самимъ собою. Тотчасъ по окончаніи „Полтавы“, Пушкинъ уѣзжаетъ въ деревню [2]) и здѣсь продолжаетъ Евгенія Онѣгина, пишетъ нѣсколько легкихъ лирическихъ пьесъ и забрасываетъ Дельвига шутливыми письмами, въ которыхъ мило смѣется надъ своею литературною знаменитостью.

„Здѣсь мнѣ очень весело“—пишетъ Пушкинъ Дельвигу—„не знаю, долго-ли останусь въ здѣшнемъ краю... Сосѣди глядятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито

[1]) Строки эти очевидно потому не были напечатаны поэтомъ, что заключаютъ въ себѣ слишкомъ ясные біографическіе намеки; а Пушкинъ никогда не любилъ и не допускалъ подобныхъ намековъ въ свою поэтическую дѣятельность. — [2]) Въ деревню Малиники, Тверской губ., принадлежавшую также владѣлицамъ Тригорскаго, сосѣдкамъ Пушкина по Михайловскому.

праву черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ, и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужички со мною согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта"...

Но прорваться въ Москву Пушкину не удалось, и онъ снова долженъ былъ вернуться въ Болдино, гдѣ оставался еще почти три мѣсяца, и въ этомъ вынужденномъ уединеніи, среди тревожныхъ ожиданій заразы и еще болѣе тревожныхъ порывовъ къ достиженію близкаго счастія, Пушкинъ выказалъ еще разъ такую громадную творческую силу, что самъ удивлялся своей производительности. Вотъ что писалъ онъ около этого времени къ друзьямъ своимъ:

„Посылаю тебѣ, баронъ" — такъ писалъ онъ къ Дельвигу изъ Болдина — „вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго надежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, „Литературной Газетѣ" [1]), пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получалъ журналовъ, отсталъ отъ вѣка, и не знаю, въ чемъ дѣло"... „Живу въ деревнѣ, какъ въ острогѣ, окруженный карантинами. Жду погоды, чтобы жениться и добраться до Петербурга: но объ этомъ не смѣю еще подумать".

..„Скажу тебѣ за тайну", — пишетъ нѣсколько позже Пушкинъ, къ другому своему другу — „что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (т. е. въ Москву): двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ; нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все написалъ я прозою (весьма секретное!) — пять повѣстей (повѣсти Бѣлкина) [2])".

Вскорѣ послѣ этого усиленнаго прилива творческой силы Пушкина, которымъ ознаменовалось пребываніе его въ Болдинѣ, поэтъ былъ въ Москвѣ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой (18-го февраля 1834 г., въ церкви Вознесенья, что на Никитской) и до весны оставался въ Москвѣ съ молодою женой. Лѣто 1831 года Пушкинъ провелъ въ Царскомъ-Селѣ, въ близкихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, съ которымъ вступилъ даже въ нѣкотораго рода поэтическое состязаніе, конечно, весьма невыгодное для Жуковскаго. И Жуковскій, и Пушкинъ въ это время обратились къ поэтической обработкѣ русскихъ сказочныхъ сюжетовъ, а потомъ вмѣстѣ издали книжку патріотическихъ стихотвореній, подъ названіемъ: „На взятіе Варшавы". Тутъ напечатано было стихотвореніе Жуковскаго „Русская Слава" и два стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина".

Вскорѣ послѣ того, вѣроятно не безъ участія со стороны Жуковскаго, Пушкинъ былъ снова зачисленъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ особенною Высочайшею милостью — жалованьемъ по 5,000 р. въ годъ. „Эта милость" — замѣчаетъ біографъ Пушкина — „была предтечей многочисленныхъ щедротъ и благодѣяній, излившихся потомъ какъ на самого поэта, такъ и на все семейство его" [3]).

Зимою 1832—1833 года Пушкинъ, въ послѣдніе шесть-семь лѣтъ охотно посвящавшій свое время изученію отечественной исторіи, воспользовался даннымъ ему отъ правительства разрѣшеніемъ, и ревностно принялся за работу въ архивахъ, сначала, кажется, безъ всякой опредѣленной цѣли, а потомъ преимущественно сосредоточивая свое вниманіе на изученіи Петровскаго времени. Случайно заинтересованный попав-

[1]) Дельвигъ началъ съ 1830 г. издавать „Литературную Газету". — [2]) Въ этомъ замѣчательномъ перечнѣ своихъ болдинскихъ произведеній Пушкинъ позабылъ или намѣренно опустилъ „Лѣтопись села Горохина".— [3]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 316 и 318.

Всадникъ. Вѣроятно здѣсь же были написаны имъ и нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній, которыми 1833 годъ болѣе богатъ, нежели всѣ остальные годы жизни поэта.

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ свою „Исторію Пугачевскаго бунта“ на разсмотрѣніе начальства и за этотъ трудъ одновременно получилъ двѣ награды: 31-го декабря 1833 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Императорскаго Величества и на печатаніе книги дано ему заимообразно 20000 руб. ассигн.

Повидимому, Пушкинъ находился на верху своей славы, а притомъ и матерьяльная обстановка его быта начинала нѣсколько улучшаться. Литература въ эту пору уже доставляла ему такія средства, какихъ до него не получалъ ни одинъ изъ нашихъ писателей... Но Пушкинъ не могъ быть доволенъ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ и даже своею литературною дѣятельностью. Онъ особенно тяготился тѣмъ множествомъ связей и отношеній, тѣмъ бытомъ, который онъ принужденъ былъ поддерживать въ угоду своей красавицѣ-женѣ; тяготился потому, что этотъ дорого-стоющій бытъ вовлекалъ ея мужа въ неоплатные долги и давалъ поводъ къ справедливому порицанію его легкомыслія и безхарактерности даже въ тѣсномъ кругу друзей, которые умѣли его понимать и знали ему цѣну. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, недовольство собою и жизнью становится опять замѣтно въ Пушкинѣ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, проведенныхъ имъ въ хлопотахъ и тревогахъ по устройству дѣлъ, и выказывается въ какомъ-то смутномъ, но часто и неотвязчиво возвращавшемся предчувствіи близкаго разсчета съ жизнью [1]).

Особенно мрачнымъ и тяжкимъ разочарованіемъ, даже утомленіемъ жизнью звучатъ тѣ строки, которыя, осенью 1836 года, писалъ онъ въ Тригорское... Это было послѣднее письмо его къ г-жѣ Осиповой. Послѣ извѣстій о болѣзни матери, о жалкомъ положеніи отца и о тѣхъ великосвѣтскихъ сплетняхъ, которыя не давали покоя его женѣ, Пушкинъ прибавляетъ въ концѣ этого замѣчательнаго письма:

...„Я ошеломленъ и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ: жизнь, какая она ни па есть „пріятная привычка“, а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ — это гадкая лужа грязи. Мнѣ мило только Тригорское“. А между тѣмъ сила привычки къ свѣту, съ которымъ связывало Пушкина прирожденное ему пристрастіе къ аристократизму, къ родовитости, къ громкимъ именамъ и пустому блеску великосвѣтской жизни—была настолько сильна, что онъ даже не пытался вырваться изъ „гадкой лужи“ и шелъ быстрыми шагами къ роковому концу...

Въ послѣдній годъ своей жизни Пушкинъ приступилъ къ изданію журнала, въ которомъ главное мѣсто должно было принадлежать критикѣ: въ мартѣ 1836 г. одобренъ былъ цензурою первый нумеръ пушкинскаго Современника. Нельзя не замѣтить, что однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ изданію Современника послужила та особенная брюзгливость, съ которою Пушкинъ давно уже, еще съ конца 20-хъ годовъ, сталъ относиться къ нашей журнальной критикѣ. Взгляды его въ этомъ отношеніи оказывались чрезвычайно отсталыми: „онъ сохранялъ, долѣе многихъ своихъ товарищей, основныя убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ: къ новому назначенію журнала, — при которомъ уже мало придавалось значенія мнѣнію кружка, а мнѣніе личное играло очень важную роль — Пушкинъ не могъ привыкнуть во всю свою жизнь. Съ первыхъ же признаковъ появленія этого новаго значенія журнала въ нашей журналистикѣ, Пушкинъ началъ свою систему расчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ дѣльнаго и существеннаго его противниками, и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго, избран-

[1]) Въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ пріѣздовъ въ Михайловское, Пушкинъ написалъ элегію: Опять на родинѣ, въ которой, такъ подробно описывая дорогое и милое ему сельцо, какъ будто прощается съ нимъ и со всѣмъ, что съ нимъ пережито. Въ то же время сдѣлалъ онъ вкладъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ (въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго), и откупилъ себѣ мѣсто подъ могилу, рядомъ съ могилою матери.

повелъ плечомъ — вообще онъ казался не въ духѣ, — и отошелъ въ сторону. Нѣсколько дней спустя, я видѣлъ его лежащимъ въ гробу — и невольно повторялъ про-себя:

Недвижимъ онъ лежалъ... И страненъ
Былъ томный миръ его чела .."

Въ 1880 г., въ Москвѣ, на родинѣ поэта, былъ воздвигнутъ Пушкину прекрасный памятникъ (на бульварѣ, противъ Страстнаго монастыря), открытіе котораго (9 іюня) сопровождалось цѣлымъ рядомъ литературныхъ празднествъ и торжествъ въ различныхъ ученыхъ обществахъ и ученыхъ учрежденіяхъ Москвы, при общемъ съѣздѣ лучшихъ русскихъ литераторовъ, поэтовъ и ученыхъ.

Вслѣдъ затѣмъ, памятники Пушкину были воздвигнуты въ Петербургѣ, Одессѣ и другихъ городахъ Россіи

Въ 1887 г. сочиненія Пушкина сдѣлались общимъ достояніемъ (такъ какъ право литературной собственности наслѣдниковъ окончилось по истеченіи 50 лѣтъ со дня кончины поэта), и явилось разомъ множество изданій Пушкина — одно хуже другого.. Великій поэтъ еще ждетъ изданія, которое бы могло быть достойно его славы

не замѣтить здѣсь же, кстати, говоря о происхожденіи Дельвига, что онъ имѣлъ нѣкоторую слабость гордиться своею родовитостью. Вѣроятно это и послужило для Пушкина поводомъ къ превосходному стихотворенію Черепъ (1827 г.), въ которомъ онъ такъ живо рисуетъ образъ одного изъ бароновъ-предковъ Дельвига:

Прими сей черепъ, Дельвигъ, онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.
Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ...
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый;
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился-бъ рыцарской душой,
Когда-бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ, и съ лирой золотой.

Дельвигъ сошелся съ Пушкинымъ въ самой ранней юности, при вступленіи въ Лицей. Въ одинъ день держали они экзаменъ и оба выдержали его одинаково, въ числѣ плохихъ. Сближенію Пушкина съ Дельвигомъ—по справедливому замѣчанію его біографа—много способствовало то обстоятельство, что въ числѣ 30 воспитанниковъ, принятыхъ въ Лицей, только они оба были пріѣзжіе, и оба изъ Москвы. Какъ началась ихъ дружба на лицейской скамьѣ, такъ и не прерывалась до гробовой доски. Единственныя, дошедшія до насъ свѣдѣнія о дѣтствѣ и ранней юности Дельвига сохранены намъ Пушкинымъ, который разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ слѣдующее:

...„Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 г., выдавая себя за

Дельвигъ.

очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора, А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддерживать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ,

въ квартиру его французами во время достопамятнаго 1812 года, не смотря на Высочайшее позволеніе считать ихъ своими, были имъ возвращены прежнимъ владѣльцамъ. Слишкомъ полтораста тысячъ рублей за нѣсколько дней до вторженія французовъ въ Москву, присланные неизвѣстно кѣмъ и безъ росписки отданные теткѣ моей, по причинѣ опасной болѣзни его, по выздоровленіи представлены имъ начальству...“

послужилъ переходомъ къ болѣе серьезнымъ и болѣе обширнымъ журнальнымъ предпріятіямъ, вызвавъ къ дѣятельности много новыхъ силъ.

Этотъ періодъ альманаховъ начался съ того, что въ 1822 году явилась въ Петербургѣ „Полярная Звѣзда, карманная книжка для любительницъ и любителей русской словесности", изд. Бестужевымъ и Рылѣевымъ, при участіи всѣхъ лучшихъ литературныхъ силъ того времени. Однимъ изъ многихъ сотрудниковъ „Полярной Звѣзды" былъ, конечно, и Дельвигъ. Необыкновенный успѣхъ „Полярной Звѣзды", которой распродано было 1500 экз. въ теченіе трехъ недѣль, вызвалъ очень многихъ къ подражанію. Въ 1823 г. явились въ Москвѣ „Новыя Аониды" Ранча; въ 1824, тамъ же, „Мнемозина" князя Одоевскаго; а въ Петербургѣ, рядомъ съ продолжавшею издаваться „Полярною Звѣздою", вышелъ „Майскій Листокъ, весенній подарокъ для любительницъ и любителей отечественной поэзіи", изданный Бестужевымъ-Рюминымъ. Съ 1825 года количество альманаховъ и сборниковъ возрастаетъ уже до такой степени, что за ними даже трудно услѣдить, и подробное перечисленіе ихъ мы считаемъ излишнимъ. Упоминаемъ здѣсь только объ одномъ изъ этихъ сборниковъ — о „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" Дельвига. Поводъ къ изданію Сѣверныхъ Цвѣтовъ былъ слѣдующій. Первая книжка Полярной Звѣзды была издана извѣстнымъ и весьма почтеннымъ книгопродавцемъ И. В. Слѣнинымъ, который въ средѣ современныхъ литераторовъ пользовался, за свое безкорыстіе, такимъ же почетомъ и уваженіемъ, какимъ впослѣдствіи пользовался только одинъ Смирдинъ. Когда, на слѣдующій годъ, составители „Полярной Звѣзды" нашли болѣе выгоднымъ принять на себя и всѣ издержки по изданію альманаха, Слѣнинъ, зная связи Дельвига въ литературномъ кругу, предложилъ ему составить альманахъ въ родѣ Полярной Звѣзды и вызвался быть его издателемъ.

Первая книжка „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" явилась въ началѣ января 1824 года. Почти всѣ литературныя знаменитости и извѣстности того времени приняли участіе въ альманахѣ Дельвига: Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ и Баратынскій явились здѣсь рядомъ съ Воейковымъ, Востоковымъ, кн. Вяземскимъ, Ѳ. Глинкой, Гнѣдичемъ, Измайловымъ, Ободовскимъ, Плетневымъ и многими другими, менѣе замѣтными писателями. „Сѣверные Цвѣты" издавались въ теченіе семи лѣтъ (съ 1824 по 1832 г.), съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что Дельвигъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ и тактомъ, умѣлъ поддерживать литературныя связи и, мало-по-малу, сгруппировалъ около себя очень дружный литературный кружокъ [1]), къ которому, кромѣ вышепомянутыхъ лицъ, примкнули позже и Веневитиновъ, и Подолинскій, и Гоголь. Обиліе матерьяла, скоплявшагося въ рукахъ Дельвига, давало ему возможность не только принимать участіе въ чужихъ альманахахъ (напр. въ альман. „Царское Село" бар. Розена и въ „Денницѣ" Максимовича), но даже издавать матерьялъ, остававшійся отъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", въ видѣ новыхъ сборниковъ. Такъ въ 1820 г., изъ того излишка матерьяла, который остался въ рукахъ Дельвига отъ V кн. Сѣверныхъ Цвѣтовъ, онъ издалъ новый альманахъ „Подснѣжникъ". Въ томъ же 1829 году, который біографъ Дельвига не даромъ называетъ дѣятельнѣйшимъ годомъ его жизни, Дельвигъ издалъ первое полное собраніе своихъ стихотвореній.

Въ 1829 г. Дельвигъ, ободряемый Пушкинымъ и Вяземскимъ, обѣщавшими ему свою поддержку, задумалъ приняться за изданіе Литературной Газеты, существенною цѣлью которой было „сообщеніе читателямъ справедливыхъ и безпристрастныхъ сужденій о словесности Русской". Изъ біографіи Пушкина мы уже знаемъ, въ какой степени эта программа Литературной Газеты сходилась по мысли съ его любимою, задушевною мечтою о возвращеніи „литературной критики въ руки небольшого избраннаго кружка". Но этой мечтѣ не пришлось осуществиться на

[1]) Когда осенью 1825 года Дельвигъ женился на Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой, у него стали собираться всѣ петербургскіе литераторы и образовались чрезвычайно любопытные литературные вечера.

симпатія, которую они взаимно почувствовали другъ къ другу съ перваго свиданія, вскорѣ перешла въ самую тѣсную дружбу. Баратынскій особенно цѣнилъ въ сношеніяхъ своихъ съ Дельвигомъ то, что тотъ первый открылъ его поэтическое дарованіе, заставилъ его забыть „о суровой судьбѣ“ и „ввелъ его въ семейство добрыхъ музъ“. Дѣйствительно, Дельвигъ, безъ вѣдома самого Баратынскаго, напечаталъ его первые стихотворные опыты (въ 1819 г. въ журналахъ Благонамѣренный и Сынъ Отечества) и тѣмъ самымъ побудилъ его къ дальнѣйшимъ занятіямъ поэзіею.

Этотъ поэтическій даръ, развивавшійся, какъ и вся современная европейская поэзія, на основахъ байронизма, и отчасти подъ вліяніемъ той фантастической романтики, какую внесъ къ намъ Жуковскій, выразился вполнѣ въ первыхъ, наиболѣе крупныхъ произведеніяхъ Баратынскаго, и вся позднѣйшая лирика его была только повтореніемъ и развитіемъ тѣхъ-же мотивовъ, которые встрѣчались въ его произведеніяхъ между 1821—1830 гг. Баратынскій остановился въ своемъ поэтическомъ развитіи на той степени байронизма, нѣсколько мечтательнаго, разочарованнаго, скучающаго общественной жизнью и ея стѣснительными условіями, который нашелъ себѣ выраженіе въ первыхъ эпическихъ опытахъ Пушкина (Кавказскомъ Плѣнникѣ, Цыганахъ, Бахчисарайскомъ Фонтанѣ и первыхъ главахъ Онѣгина)... Герои эпическихъ произведеній Баратынскаго чрезвычайно напоминаютъ героевъ Байрона и героевъ Пушкина, въ первой, кишиневско-одесской порѣ его развитія. Туманному и нѣсколько-грустному настроенію души поэта много способствовали, конечно, обстоятельства его молодости, упомянутыя выше, и слѣдствіемъ которыхъ была вся дальнѣйшая его военная карьера. Въ письмахъ въ другу своему, Н. В. Путятѣ, Баратынскій прекрасно выясняетъ именно эту связь обстоятельствъ жизни съ его поэтическимъ настроеніемъ, а отчасти даже и общее настроеніе всей современной молодежи,—настроеніе, изъ котораго и выработывался русскій байронизмъ, доведенный впослѣдствіи Лермонтовымъ до поразительныхъ красотъ и поразительныхъ крайностей; такъ напр. весною 1825 г. Баратынскій пишетъ Путятѣ:

...„На Руси много смѣшного, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость—усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служитъ пищею генію; но вотъ бѣда, я не геній“.

Произведенный въ 1820 году въ унтеръ-офицеры, Баратынскій переведенъ былъ изъ Егерскаго полка въ Нейшлотскій, расположенный въ Финляндіи, и тамъ, въ тяжелой строевой службѣ, въ захолустьи Кюменьскихъ и Роченсальмскихъ укрѣпленій, провелъ все время до весны 1825 года, когда наконецъ былъ произведенъ въ офицеры, и, выйдя въ отставку, могъ переселиться на житье въ Москву.

Суровыя, непривѣтныя красоты финляндской природы, уже воспѣтыя Дмитріевымъ и Батюшковымъ, вдохновили и Баратынскаго: онъ не только посвятилъ имъ свое прекрасное стихотвореніе „Финляндія“, не только избралъ ихъ мѣстомъ дѣйствія и обстановкой поэмы Эда (1825—26 гг.), въ которой героинею явилась финляндка Эда, но и всегда сохранялъ о Финляндіи самое теплое, самое сочувственное воспоминаніе. Даже и покинувши службу въ Финляндіи и переселившись въ Москву, и очутившись снова среди родни, друзей и лучшихъ представителей современной литературы и журналистики, Баратынскій жалѣетъ о своемъ финляндскомъ уединеніи и скучаетъ по Финляндіи.

Черезъ годъ послѣ переселенія въ Москву, Баратынскій женился на Настасьѣ Львовнѣ Энгельгардтъ, дѣвушкѣ прекрасно образованной и одаренной тонкимъ критическимъ умомъ. Совершенно счастливый своею семейной жизнью, найдя въ женѣ и друга, и правдиваго, безпристрастнаго судью, „ободряющаго сочувствіемъ къ вдохновенію“, Баратынскій попробовалъ было служить въ Межевой канцеляріи, но вскорѣ оставилъ службу и совершенно предался своей семейной и домашней жизни, въ которой находилъ себѣ полное удовлетвореніе. Около этого времени писалъ онъ своему старому другу, Путятѣ:

...„Я живу потихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человѣку; но очень радъ, что промѣнялъ безпокойные сны страстей на

судьбѣ бѣднаго странника, нашедшаго себѣ успокоеніе въ снѣгахъ его родины, онъ восклицалъ между прочимъ:

Миръ сердцу твоему далъ пасмурный навѣсъ
Мятелью полгода скрываемыхъ небесъ,
Отчизна тощихъ мховъ, степей и древъ иглистыхъ!
О спи! безгрёзно спи въ предѣлахъ нашихъ льдистыхъ.
Лелѣй, по-своему, твой подземельный сонъ
Нашъ бурнодышущій, полночный Аквилонъ,
Не хуже вѣющій забвеньемъ и покоемъ,
Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ.

Создавая эти гармоническія строки, поэтъ и не думалъ о томъ, что его постигнетъ противуположная судьба, и что ему прійдется найти себѣ мѣсто успокоенія подъ „небомъ Италіи, небомъ Торквата“, которое такъ манило его съ дальняго сѣвера своими поэтическими красотами.

Николай Михайловичъ Языковъ род. въ Симбирской губ., 4 марта 1803 г.; отецъ Языкова, Михаилъ Петровичъ, зажиточный помѣщикъ и гвардіи прапорщикъ въ отставкѣ, умеръ въ 1819 г. Мать поэта, Екатерина Александровна, урожденная Ермолова, ум. въ 1831 году. О дѣтствѣ его и домашнемъ воспитаніи не сохранилось положительно никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только то, что по 11-му году онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и отданъ въ Институтъ горныхъ инженеровъ, въ которомъ уже воспитались до этого времени его старшіе братья, Александръ Михайловичъ и Петръ Михайловичъ, извѣстный минералогъ. Въ институтѣ пробылъ юный Языковъ ровно шесть лѣтъ, но наука не давалась ему и охота къ ней не проявлялась нимало... Только къ изученію словесности и къ чтенію авторовъ выказалъ юноша нѣкоторую склонность, и то благодаря усердному руководствованію и стараніямъ Алексѣя Дмитріевича Маркова, занимавшаго мѣсто учителя словесности при институтѣ. О немъ всегда вспоминалъ Языковъ съ большою признательностію, и отзывался объ этомъ наставникѣ своемъ, какъ о человѣкѣ „съ блистательнымъ умомъ, самобытнымъ просвѣщеніемъ и поэтическимъ огнемъ“. Дѣйствительно, А. Д. Марковъ первый угадалъ въ Языковѣ его будущее призваніе, заставлялъ его читать и изучать Ломоносова и Державина, поощрялъ его къ занятіямъ литературою, выправлялъ и хвалилъ его первые опыты. Въ 1820 году Языковъ кончилъ курсъ въ Горномъ институтѣ и послѣ весьма непродолжительнаго пребыванія въ Инженерномъ училищѣ — въ которое онъ попалъ такими же неисповѣдимыми судьбами, какъ и въ Горный институтъ – молодой Языковъ бросилъ школу и вступилъ въ жизнь. Предавшись съ большимъ увлеченіемъ своей поэтической дѣятельности, которая въ то обильное поэтами время столь многихъ увлекала и обольщала возможностью быстрой извѣстности, Языковъ сталъ съ 1822 г. помѣщать довольно много первыхъ своихъ стихотворныхъ опытовъ въ „Новостяхъ Литературы“ и въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“; очень быстро успѣлъ онъ обратить на себя вниманіе бойкостью и смѣлою новизною своего поэтическаго языка и замѣчательно-легкимъ складомъ своего стиха, въ которомъ ярко и легко передавалъ нехитрыя впечатлѣнія своей юности— воспѣванія Харитъ, вина и дружбы. Онъ сталъ вскорѣ извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ петербургскихъ; но юношу-поэта это не удовлетворяло: ему хотѣлось серьезно поучиться, и лучшимъ путемъ къ наукѣ казался ему университетъ. Вѣроятно по совѣту уже извѣстнаго намъ А. Ѳ. Воейкова (родственника Жуковскаго), молодой Языковъ, несмотря на свои чисто-русскія наклонности, рѣшился избрать именно Дерптскій университетъ, и, запасшись рекомендательными письмами Воейкова, онъ вскорѣ уѣхалъ въ Дерптъ, а съ начала 1822 учебнаго года и сталъ посѣщать лекціи Дерптскаго университета

Едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію то, что пребываніе въ Дерптѣ повліяло очень дурно на молодого русскаго поэта. Его очень широкая натура нашла себѣ слишкомъ большой просторъ въ этомъ необширномъ городкѣ, въ которомъ студентство играло важнѣйшую роль и не стѣснялось въ проявленіяхъ своего молодого буйства и разгула никакими условіями, приличіями и требованіями общественнаго мнѣнія. Тотъ разгулъ и просторъ, тѣ шумныя и необузданныя пиршества, тѣ проказы товарищеской студентческой среды, которыя составляли тогда и теперь еще составляютъ почти необходимую ступень развитія для

Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Нашъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ—красою древнихъ лѣтъ—
Ты избирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ старинаго стола!
Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ;
Мы вѣрили тебѣ—и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный—
И легкіе часы летѣли беззаботно!"

И гораздо позднѣе, въ 1831 году, Языковъ посвятилъ еще одно прекрасное стихотвореніе воспоминаніямъ Тригорскаго и Михайловскаго, по поводу полученнаго имъ извѣстія о смерти Арины Родіоновны... Видно, что съ этими милыми, лучшими воспоминаніями юности глубоко и тѣсно сроднилось его поэтическое вдохновеніе!

Почти тотчасъ по выѣздѣ изъ Дерпта, начался для Языкова второй и горестный періодъ его жизни, который мы выше назвали періодомъ преждевременной старости... Повидимому, цвѣтущій здоровьемъ и силами, 26-ти-лѣтнимъ юношей вернулся онъ на житье въ Москву. Обладая независимымъ состояніемъ, онъ могъ свободно распоряжаться собою и судьбой своей... Можно было ожидать для Языкова блестящей будущности и громкой славы... Но вышло иначе... Какъ человѣкъ состоятельный, Языковъ могъ уклониться отъ общей въ то время, почти для всѣхъ обязательной, служебной карьеры: едва заглянувъ на службу въ тотъ же Межевой Департаментъ, въ которомъ одно время служилъ и Баратынскій, Языковъ уже тяготился службою, и вышелъ въ отставку, собираясь уѣхать въ деревню, и тамъ окончательно „посвятить себя Музамъ, и работать для славы". Но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться: вскорѣ послѣ поселенія въ деревнѣ, Языковъ сталъ хворать и вынужденъ былъ лѣчиться. Всѣ досуги его поглощались вынужденными заботами о здоровьѣ, и поэзіи приходилось посвящать себя только урывками. Въ концѣ 1835 и въ 1836 году, во время довольно продолжительныхъ перерывовъ болѣзни, Языковъ оживалъ и строилъ обширные планы, чувствуя въ себѣ избытокъ творческихъ силъ: „принимаюсь за большіе труды"—писалъ онъ другу своему Вульфу въ 1836 г.;—„полно мнѣ мелочничать"... И дѣйствительно, около этого времени было написано имъ одно изъ лучшихъ и наибольшихъ произведеній его—драматическая сказка „Жаръ-Птица". Но перерывы болѣзни длились не долго.

Какъ ни старался поэтъ пользоваться каждой свѣтлой минутой своей жизни, усердно работая для современныхъ альманаховъ (Сѣверные Цвѣты, Денница Максимовича), а потомъ участвуя въ Московскомъ Наблюдателѣ и Москвитянинѣ,—жестокій, неизлѣчимый недугъ, мало-по-малу, одолѣвалъ его и, наконецъ, сломилъ его силу... Въ 1837 году болѣзнь усилилась до такой степени, что Языковъ долженъ былъ поѣхать на воды и лѣчиться за границей цѣлыхъ пять лѣтъ. Памятью этихъ скитаній за границей остался цѣлый рядъ превосходныхъ картинъ природы въ стихотвореніяхъ: „Маякъ", „Гастуна", „Морское купанье", „Корабль", „Море", и въ цѣломъ рядѣ элегій, написанныхъ въ Швейцаріи и Италіи. Къ концу пребыванія за границей, надежда на выздоровленіе—увы!—должна была наконецъ покинуть Языкова, и онъ выразилъ овладѣвшее имъ чувство сомнѣнія въ слѣдующемъ прекрасномъ элегическомъ отрывкѣ:

„Богъ вѣсть, не втунѣ-ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ" (1841 года).

И онъ вернулся (осенью 1843 г.) на родину, поселился въ Москвѣ, и здѣсь, непокидаемый своимъ тяжелымъ недугомъ, прожилъ еще три года. Онъ не могъ уже часто и подолгу предаваться своимъ любимымъ занятіямъ, и писалъ немного; но поэтическое настроеніе его, подъ вліяніемъ тяжкихъ страданій, уже не возвращалось болѣе къ прежнимъ, легкимъ и веселымъ темамъ, не удовлетворялось болѣе и элегіями—оно преимущественно сосредоточивалось на религіозныхъ созерцаніяхъ, и лучшими изъ

XVII.

А. С. Грибоѣдовъ.—Гусарство и первые литературные опыты.—Служба въ миссіи и „Горе отъ ума“ —Неудачи и разочарованія.—Примиреніе съ жизнью и успѣхи по службѣ.—Трагическая смерть.

Рядомъ съ Пушкинымъ, въ толпѣ окружающихъ его современниковъ-поэтовъ, видимъ мы и Грибоѣдова, который былъ всего четырьми годами старше Пушкина. Но всѣ поэты пушкинскаго періода, не исключая даже и самого Лермонтова, повторяли и развивали на множество ладовъ тэмы пушкинской поэзіи, подражали ему и въ самыхъ пріемахъ изложенія; одинъ только Грибоѣдовъ является совершенно самостоятельнымъ, независимымъ отъ Пушкина и вообще относится къ пушкинскому періоду нашей литературы точно также, какъ Крыловъ къ карамзинскому—только по времени своей литературной дѣятельности,—никакъ не по содержанію ея.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ (род. 4 янв. 1795, ум. 1829 г.) принадлежитъ къ числу немногихъ нашихъ поэтовъ, получившихъ правильное и хорошее образованіе. Онъ имѣлъ возможность воспользоваться въ домѣ родителей превосходнымъ воспитаніемъ. Грибоѣдова основательно обучали не одному французскому языку, но и латинскому и нѣмецкому, и даже музыкѣ учили серьезно, знакомя его не только съ практическою, но и съ теоретическою стороною этого искусства. Съ 1810 г. Грибоѣдовъ поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ и при выпускѣ получилъ степень кандидата правъ. Но 1812 годъ и ему, какъ большей части тогдашняго русскаго юношества, становится поперекъ дороги: 17-ти-лѣтній Грибоѣдовъ бросаетъ все, поступаетъ корнетомъ въ Солтыковскій гусарскій полкъ, и въ 1813 г. является уже въ Брестъ-Литовскѣ, въ Иркутскомъ гусарскомъ полку... Объ этомъ пребываніи своемъ въ гусарахъ Грибоѣдовъ не могъ вспомнить безъ особеннаго негодованія, и утверждалъ, что „пробывъ всего четыре мѣсяца въ этой дружинѣ, цѣлыхъ четыре года потомъ не могъ попасть на путь истинный“. Кажется, что только дружбѣ съ Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ обязанъ былъ Грибоѣдовъ избавленіемъ отъ гусарства и переселеніемъ въ Петербургъ (1815 г.), гдѣ онъ, по выходѣ въ отставку (1816 г.), опредѣлился въ 1817 году на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Тамъ вѣроятно и познакомился онъ съ Пушкинымъ, хотя никогда не могъ съ нимъ сблизиться, потому что принадлежалъ, съ самаго начала своей литературной дѣятельности, къ такому кружку литераторовъ (князь Шаховской, Катенинъ, Жандръ, Корсаковъ, Хмѣльницкій), который ничего не имѣлъ общаго съ Арзамасомъ и его членами, а къ Карамзину и Жуковскому относился даже непріязненно. Нельзя однакоже не замѣтить, что начало авторской дѣятельности Грибоѣдова не обѣщало ничего замѣчательнаго въ будущемъ: на поприще литературы выступилъ Грибоѣдовъ, помѣстивъ въ „Вѣстникѣ Европы“ описаніе какого-то полкового праздника, и потомъ, попавъ въ кружокъ актеровъ и вышепоименованныхъ нами драматическихъ писателей, Грибоѣдовъ сталъ писать комедійки, то одинъ, то въ компаніи съ Жандромъ и Хмѣльницкимъ. Такъ въ 1816 году играна была на петербургской сценѣ первая комедія Грибоѣдова — „Молодые супруги“; затѣмъ въ слѣдующемъ году комедія „Притворная невѣрность“, переведенная Грибоѣдовымъ и Жандромъ, и комедія Шаховского: „Своя семья“, въ которой перу Грибоѣдова также принадлежало нѣсколько сценъ. Но все это не представляло никакого серьезнаго интереса и болѣе служило забавой для Грибоѣдова, нежели выраженіемъ той дѣйствительной силы духа, которая въ немъ крылась и обнаружилась не скоро... Свѣтская, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гусарства, разсѣянная, а подъ-

читавъ Горе отъ ума, отнесся къ нему очень строго, и, при всѣхъ достоинствахъ, находилъ въ комедіи Грибоѣдова много крупныхъ недостатковъ. Такая строгость служитъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу комедіи Грибоѣдова, тѣмъ болѣе, что вообще Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, очень снисходителенъ ко всякимъ талантамъ, а друзей своихъ превозносилъ похвалами даже и гораздо болѣе, нежели они того заслуживали.

Неудача, испытанная Грибоѣдовымъ по отношенію къ его комедіи, еще болѣе должна была въ немъ усилить недовольство настоящимъ, съ которымъ и прежде, лѣтъ за семь до этого времени, онъ никогда не чувствовалъ никакого расположенія примириться. Желчный, саркастическій тонъ его писемъ, который становится особенно ѣдкимъ за это время, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что ему жилось очень не весело, тѣмъ болѣе, что онъ уже неспособенъ былъ къ прежнему беззаботному и вѣтренному разгулу, и смотрѣлъ на жизнь серьезно, видѣлъ цѣль предъ собою — и не видѣлъ никакой возможности достиженія ея въ будущемъ. Горько жалуется онъ на полную неопредѣленность положенія своего, на свою одинокость „среди глупцовъ“, которыхъ онъ видитъ около себя „уже слишкомъ много“...

Ничего не добившись, еще болѣе разочарованный въ людяхъ, нежели прежде, Грибоѣдовъ спѣшилъ оставить столицу, среди шума которой чувствовалъ себя неспособнымъ къ литературной дѣятельности, собирался отправиться за границу, но путешествіе это почему-то ему не удалось; тогда онъ съ удовольствіемъ сталъ помышлять о возвращеніи въ Грузію. Онъ отправился туда черезъ южную Россію и Крымъ, который ему уже давно хотѣлось видѣть... Но и здѣсь разочарованіе, недовольство собой и людьми не оставляли его ни на минуту. „Ну, вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ“ — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ;—„а результатъ — нуль. Ничего не написалъ. — Не знаю, не слишкомъ-ли я отъ себя требую? Умѣю-ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать — за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!!“

...„Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда (въ Симферополь), никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось не болѣе сутокъ; потому-ли, что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили: ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга. — Мало этого; наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба—слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу злодѣйство! да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно!... И то неправда: иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизустьмои рѣчи, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить: такимъ образомъ, я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности“.

Въ началѣ 1826 г., вскорѣ послѣ того, какъ на Кавказъ дошли первыя извѣстія о событіяхъ 14-го декабря, къ Ермолову былъ присланъ фельдъегерь съ приказаніемъ немедленно арестовать Грибоѣдова и выслать его въ Петербургъ, захвативъ всѣ его бумаги. Оказалось, что Грибоѣдовъ, нѣкогда знакомый и близкій ко многимъ изъ числа декабристовъ, былъ тоже заподозрѣнъ и привлеченъ къ обширному, тогда только-что начавшемуся слѣдствію. Твердо увѣренный въ своей полной невинности, Грибоѣдовъ велъ себя на допросѣ весьма спокойно и ни на минуту не прерывалъ подъ арестомъ своихъ занятій поэзіей. Въ іюнѣ 1826 года онъ былъ наконецъ оправданъ, освобожденъ изъ-подъ ареста и даже получилъ слѣдующій чинъ. Послѣ различныхъ колебаній и сомнѣній, Грибоѣдовъ, противъ воли своей, долженъ былъ снова возвратиться въ Грузію, гдѣ продолжалъ службу при Ермоловѣ, а потомъ при своемъ родственникѣ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Отъ конца 1826 года осталось намъ очень замѣчательное письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву, ясно обрисовывающее, что въ немъ совершался какой-то тяжелый нравственный

даже читалъ друзьямъ своимъ. Но „наперекоръ судьбы“ своей Грибоѣдову не пришлось идти. Осыпанный наградами, онъ, сверхъ всякаго ожиданія, былъ назначенъ въ апрѣлѣ того же года полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, на пути въ Персію, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Чевчевадзе, которую за нѣсколько времени передъ тѣмъ успѣлъ узнать и полюбить. Вскорѣ послѣ свадьбы, осенью 1828 г., Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ молодою женою и огромною блестящею свитою, окружавшею его, какъ полномочнаго министра, направился въ Тавризъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ онъ такъ описываетъ въ нѣсколькихъ словахъ это свое путешествіе:

...„Путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами, на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи—конница во весь опоръ несется, пылитъ, смѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось“.

Въ томъ же самомъ письмѣ заключается вкратцѣ и программа дѣйствій, которой Грибоѣдовъ думаетъ придерживаться въ Персіи, на своемъ новомъ и важномъ постѣ:

...„Друзей (въ политическихъ сношеніяхъ съ Персіей) не имѣю никого, и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи... и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur... Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достояніе и даже доходы..“

Эта программа дѣйствій, приводимая въ исполненіе настойчиво и усердно, но не осторожно, — и погубила Грибоѣдова. Когда онъ, оставивъ молодую жену въ Тавризѣ, отправился въ Тегеранъ, его способъ дѣйствій и пренебреженіе къ нѣкоторымъ установившимся на востокѣ обычаямъ послужили поводомъ къ тому, чтобы возбудить противъ него персидское духовенство и невѣжественную массу тегеранскаго населенія. Вспыхнулъ мятежъ: домъ русскаго посольства былъ окруженъ, взятъ съ боя приступомъ, послѣ отчаянной обороны, въ которой мужественно дѣйствовалъ самъ Грибоѣдовъ и вся его свита, — и всѣ русскіе растерзаны разсвирѣпѣвшею толпою, которая пробралась внутрь зданія черезъ проломъ въ крышѣ... Грибоѣдовъ погибъ смертью героя (30-го января 1829 г.)!

Другому великому русскому поэту, ѣхавшему на Кавказъ, чтобы развѣять снѣдавшую его грусть-тоску и забыться среди новыхъ для него военныхъ впечатлѣній, пришлось встрѣтить на пути своемъ смертные останки Грибоѣдова, и онъ посвятилъ ему въ своихъ „Запискахъ“ нѣсколько искреннихъ, теплыхъ, задушевныхъ строкъ; выписываемъ эти строки изъ „Записокъ“ Пушкина:

„...На высокомъ берегу рѣки увидѣлъ (я) противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. „Откуда вы?“ спросилъ я ихъ.—„Изъ Тегерана.“—„Что вы возете?“—„Грибоѣда.“—Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ страшныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens'-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux [1]). Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись: онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвою невѣжества и вѣроломства.“

Тѣло Грибоѣдова, по его желанію, выраженному имъ при жизни, погребено было въ монастырѣ св. Давида, построенномъ на живописной и крутой скалѣ, на западъ отъ Тифлиса. Мѣстоположеніе этого монастыря всегда нравилось покойному поэту. Супруга воздвигла на могилѣ его великолѣпный памятникъ.

[1]) Вы не знаете этихъ людей; вы увидите, что прійдется пустить въ дѣло ножи.

ея рожденіемъ [1]); у нихъ былъ девяти-лѣтній сынишка, Николай, нѣженькій, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами: онъ теперь извѣстенъ всей Россіи".

А. Е. Полевой принадлежалъ къ числу купцовъ, выдѣлявшихся по своему образованію изъ обычнаго купеческаго круга. Это былъ начетчикъ, умный, любознательный, любившій чтеніе и читавшій все, что попадалось подъ руку — Исторію Карамзина и Исторію Боссюэта, Дѣянія Петра Великаго Голикова (дальняго родственника его), и Путешествія капитана Кука. Какъ многіе, подобнаго рода начетчики, онъ соединялъ въ себѣ бездну противорѣчій; отъ обычной купеческой рутины не рѣдко переходилъ къ рискованной дѣятельности прожектера, и бросался на такія предпріятія, которыя поглощали все его достояніе. Проживаясь на такого рода предпріятіяхъ, онъ снова входилъ въ обычную купеческую норму и снова начиналъ сколачивать понемногу копейку посредствомъ сибирской торговли при С.-Американской компаніи или устройства виннаго завода въ Москвѣ. Таковъ же онъ былъ и въ своемъ семействѣ: то нѣжный мужъ и отецъ по европейскимъ понятіямъ, то вдругъ неукротимый и необузданный въ гнѣвѣ.—Эта двойственность отразилась и въ воспитаніи сына. Онъ самъ вызвалъ въ сынѣ страсть къ книгамъ, поощрялъ эту страсть, гордился успѣхами сына въ наукахъ и впослѣдствіи на литературномъ поприщѣ; когда же находила на него мрачная минута, онъ, увлекаясь идеаломъ дѣлового, практическаго купца, вдругъ принимался рвать и бросать въ огонь книги и тетрадки сына и требовать, чтобъ тотъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ купеческихъ дѣлъ. Въ результатѣ воспитанія въ домѣ отца по свидѣтельству самого Н. А. Полевого получилось слѣдующее: „Если надобно выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей „Вѣстника Европы" до хронологическихъ чиселъ и Библіи, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы; но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить".

Такое безсистемное и безпорядочное чтеніе, въ перемежку съ торговыми занятіями, составляло все образованіе Н. А. Полевого до 18-ти-лѣтняго возраста (1814 г.). — Съ этихъ лѣтъ занятія юноши стали дѣлаться болѣе систематическими. „Съ 1814 г.",—говоритъ Н. А. Полевой въ своей автобіографіи—„началъ я потихоньку учиться, и прежде всего русской грамматикѣ, по грамматикѣ Соколова, которая какъ-то попалась мнѣ въ руки. Тогда-же увидѣлъ я необходимость знать иностранные языки... Пьяный цырюльникъ наполеоновской арміи, итальянецъ, который остался доживать жизнь свою въ одной изъ курскихъ цырюлень, показалъ мнѣ произношеніе французскихъ буквъ; старикъ, музыкальный учитель, богемецъ, который училъ на фортепіано дочерей моего хозяина [2]), и любилъ послѣ уроковъ посидѣть у меня въ конторской компаткѣ и покурить табаку, научилъ меня нѣмецкой азбукѣ"...

... „Вскорѣ увидѣлъ я всю недостаточность, всю нелѣпость образованія своего до того времени. Мнѣ надобно было пересоздать всѣ мои идеи, весь запасъ читаннаго мною съ самаго дѣтства. Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія. Настойчивое размышленіе показало мнѣ недостатокъ системы и образа обыкновеннаго ученія. Я рѣшился самъ для себя написать русскую грамматику и русскую исторію. Грамматика Академіи и Исторія Государства Россійскаго не удовлетворяли меня, когда я сравнивалъ первую съ ясною, точною грамматикою латинскою, а вторую: съ Тацитомъ по слогу, съ лѣтописями по изложенію фактовъ. Изученіе латинскаго и греческаго языка, переводы съ нѣмецкаго, французскаго, переработка русской грамматики, критическій разборъ русской исторіи—вотъ что составляло теперь мои занятія. Я отказался отъ легкаго чтенія, и не писалъ уже ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя самыя тяжелыя работы: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ; выписалъ всѣ глаголы изъ Геймова словаря, переспрягалъ каждый отдѣльно, и

[1]) Она была изъ рода Голиковыхъ.—[2]) Николай Алексѣевичъ служилъ тогда уже въ конторѣ у одного изъ богатыхъ курскихъ купцовъ, такъ какъ дѣла его отца въ это время были сильно разстроены

домъ къ знакомству съ болѣе глубокими и смѣлыми системами германской философіи.

Между тѣмъ литературная извѣстность Н. А. Полевого быстро возрастала. Участіе его въ „Сѣверномъ Архивѣ“ (журналѣ, который издавалъ съ 1822 г. Ѳ. В. Булгаринъ) обратило на него вниманіе всѣхъ петербургскихъ литераторовъ, и въ немъ начали заискивать, какъ въ полезномъ сотрудникѣ. Но Н. А. Полевого не удовлетворяла одна сотрудническая дѣятельность. Онъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ широкой и смѣлой предпріимчивости и вознамѣрился начать прямо съ того, на что рѣшаются обыкновенно писатели, утвердившіеся уже на литературномъ поприщѣ — съ самостоятельнаго изданія журнала... Давно уже Н. А. Полевой лелѣялъ эту мысль; еще съ самаго начала двадцатыхъ годовъ, когда онъ вращался въ кружкѣ сотрудниковъ и приверженцевъ „Вѣстника Европы“, и тогда онъ составлялъ уже планъ журнала. Было и еще нѣсколько попытокъ начать изданіе журнала въ сообществѣ съ разными лицами; но онѣ оканчивались ничѣмъ. Послѣ многихъ плановъ, думъ и раздумываній, въ половинѣ 1824 года, Н. А. Полевой рѣшился испросить позволеніе издавать журналъ отъ своего имени. Онъ составилъ программу, по которой въ будущій журналъ его могло входить все—кромѣ политики. Программу свою отправилъ онъ при письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, адмиралу Шишкову, который зналъ его лично и относился благосклонно къ его литературнымъ занятіямъ. Никакого покровительства, никакихъ заступничествъ въ Петербургѣ у Н. А. Полевого не было. Не надѣясь на разрѣшеніе, онъ не особенно хлопоталъ о подборѣ сотрудниковъ и заготовкѣ матерьяла для предстоящаго изданія. Онъ былъ увлеченъ въ это время болѣе мыслями о женитьбѣ, чѣмъ объ изданіи журнала (онъ женился въ октябрѣ 1824 г. на дѣвицѣ Н. Ф. Терренбергъ),— какъ вдругъ, почти одновременно съ этимъ важнымъ шагомъ въ жизни, Николаю Алексѣевичу пришлось сдѣлать и другой, не менѣе важный: въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ было получено на его имя разрѣшеніе издавать журналъ по представленной имъ программѣ.

Извѣстіе о предстоящемъ появленіи новаго журнала быстро распространилось по Москвѣ, перелетѣло въ Петербургъ и было встрѣчено разнообразными толками. Большинство литературныхъ кружковъ отнеслось къ новому предпріятію неблагосклонно. Петербургскимъ журналистамъ было непріятно потерять въ Полевомъ полезнаго сотрудника; классики предвидѣли въ журналѣ Полевого новаго непріятеля, при чемъ они не могли опомниться отъ негодованія при мысли, что какой-то молодой купчикъ, самоучка, ничѣмъ не заявившій себя въ литературѣ, дерзнетъ вдругъ выступить съ изданіемъ журнала и критиковать въ немъ заслуженные литературные авторитеты. Между тѣмъ, въ это время, живой интересъ къ литературѣ и вообще къ умственной жизни былъ возбужденъ уже въ значительной массѣ общества. Для этой массы нисколько не интересна была мелочная полемика и литературныя сплетни; она жаждала новыхъ знаній, идей, понятій, изъясненія всевозможныхъ вопросовъ нравственныхъ и эстетическихъ. И великимъ преимуществомъ Н. А. Полевого было именно то, что онъ самъ принадлежалъ къ той массѣ общества, которая выступала на поприще умственнаго движенія въ Россіи; онъ былъ передовой человѣкъ этой массы, ея представитель; онъ живо и непосредственно интересовался всѣмъ, что ее интересовало; онъ близко принималъ къ сердцу ея умственныя потребности; на самомъ себѣ испыталъ онъ, какъ трудно даются знанія и развитіе въ странѣ, въ которой книгъ на отечественномъ языкѣ еще такъ мало, а иностранныя и рѣдки, и по большей части недоступны. На этомъ основаніи, въ виду именно возвышенія умственнаго уровня массы, онъ на первомъ планѣ поставилъ въ своемъ журналѣ энциклопедичность и безпристрастную, строгую эстетическую, критику. „Для изображенія совершеннаго журнала“, говоритъ онъ въ первой книжкѣ „Московскаго Телеграфа“ — „вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва-ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы“.

Выставя такую программу, Н. А. Полевой вполнѣ исполнилъ ее; даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ короткое время онъ съумѣлъ обставить журналъ талантливыми и знающими сотрудниками. Самое

отзываются въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновлялся противоположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были какъ будто желанія забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполненныя мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга. Кантемиръ и Хемницеръ, одинъ, какъ вельможа, смѣло шутя, другой, робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, — не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе русскіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ, какъ поэзія разродилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно, невольно выливавшимся изъ души, при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжниныхъ, которые не писали-бы, если-бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но разсмотрите всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ: Козлова, Баратынскаго, Языкова, Богдановича, Озерова, кн. Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ, одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи. Не таковы Державинъ и Пушкинъ, у которыхъ поэзія — необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ...“

Вотъ идеи, на которыхъ была основана критика Н. А. Полевого. Изъ критическихъ статей его, кромѣ статьи о Державинѣ, изъ которой мы представили вышеприведенное извлеченіе, замѣчательны слѣдующія: „Жуковскій и его сочиненія“, „Борисъ Годуновъ, сочиненіе Александра Пушкина“, „Ломоносовъ“, „Кантемиръ“, „Хемницеръ“, „Торкватo Тассо Кукольника“ и пр. Каждаго изъ этихъ поэтовъ Полевой разбиралъ постоянно съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія искренности и непосредственности поэтическаго вдохновенія, независимости отношенія къ жизни и народности. Многіе изъ его критическихъ мнѣній и характеристикъ такъ глубоко врѣзались въ умахъ просвѣщенныхъ современниковъ его, что долгое время господствовали въ литературѣ. Можно положительно сказать, что послѣдующая критика 40-хъ годовъ, какъ ни далеко ушла отъ критики Полевого, все же развитіемъ своимъ всецѣло обязана ей. Критика Полевого — это фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи зиждется критика Бѣлинскаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что „Телеграфъ“, вскорѣ послѣ своего появленія, сдѣлался страшенъ для всѣхъ литературныхъ посредственностей, державшихся, при полномъ отсутствіи критики, на одномъ ряду съ первостепенными писателями и пользовавшихся незаслуженною репутаціею. Это навлекло Полевому бездну враговъ; со всѣхъ сторонъ посыпалась на „Телеграфъ“ ожесточенная журнальная брань, насмѣшки, эпиграммы. Малѣйшая ошибка, ничтожный промахъ,—которые при другихъ обстоятельствахъ не были-бы замѣчены, ставились Полевому въ страшную вину и раздувались въ гору. Его обвиняли то въ недоученности, въ верхоглядствѣ, то въ отсутствіи хорошаго тона и вкуса! Но не такъ встрѣтила публика появленіе новаго журнала. Полныя свѣжихъ новостей и живого обсужденія всевозможныхъ современныхъ вопросовъ, снабженныя серьезною эстетическою критикою, книги журнала читались на-расхватъ. Полевой началъ печатать свой журналъ въ числѣ 700 экземпляровъ. Но уже со второй книжки все разошлось и третья книжка вышла въ числѣ 1,200 экземпляровъ, а впослѣдствіи подписка дошла и до 2,000 — успѣхъ небывалый до того времени въ журналистикѣ. „Телеграфъ“ сдѣлался вскорѣ любимымъ журналомъ всего образованнаго общества; каждая книжка его ожидалась съ нетерпѣніемъ, и впродолженіи 10 лѣтъ своего существованія это былъ передовой органъ, воспитавшій цѣлое поколѣніе.

Изданіемъ „Телеграфа“ не ограничивалась дѣятельность Н. А. Полевого. Въ то же время сталъ онъ издавать романы и повѣсти. Таковы были: „Клятва при гробѣ Господнѣ“, „Аббадона“, „Мечты и Жизнь“. Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ и романахъ онъ подражалъ Шиллеру, Гофману или Вальтеръ-Скотту. Это не были произведенія сильнаго поэтическаго таланта и въ настоящее время онѣ почти забыты, но, во всякомъ случаѣ, это были разсказы умнаго и образованнаго человѣка, проводившаго въ нихъ тѣ же передовыя романтическія тенденціи, которыя развивалъ онъ и въ своихъ критическихъ статьяхъ. Въ свое время этими произведеніями зачитывались, и Бѣлинскій въ молодые

началѣ сороковыхъ годовъ: „Мой другъ, поздравь меня“, — пишетъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ (18 мая 1840 г.)—„я уже болѣе не Донъ-Кихотъ Ламанхскій“... „Послѣ 15 лѣтъ журнальнаго поприща, я уже не журналистъ болѣе; съ 9-й книжки („Р. Вѣстника“) начнется редакція Никитенки, и избави меня Богъ приняться когда нибудь снова за журналы! Я обязался теперь только ставить статьи въ книжки. Такое распоряженіе съ журналомъ было необходимо для всѣхъ другихъ дѣлъ моихъ.—Второе распоряженіе: я уже болѣе не драматическій писатель, ибо также далъ себѣ слово (кромѣ обѣщанныхъ мною въ семъ году бенефисныхъ бездѣлокъ) ничего и никогда не писать болѣе для сцены—трудъ непріятный, неблагодарный и безплодный!“ Несмотря на этотъ зарокъ, Полевой, въ послѣдній годъ своей жизни, трудясь непрестанно надъ обработкой популярной „Исторіи Наполеона“ для русскихъ читателей, въ то же время рѣшился приняться еще разъ за дѣятельность журнальную. Онъ сталъ издавать „Литературную Газету“—работалъ и трудился надъ нею день и ночь, и окончательно надломилъ свою энергію и силы. Газета не пошла, и Полевому грозило страшное раззореніе, отъ котораго однакоже смерть успѣла его избавить... Въ концѣ января 1846 г. онъ заболѣлъ нервною горячкою, а 22 февраля скончался, на 49-мъ году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ; недалеко отъ его могилы погребены были впослѣдствіи Бѣлинскій, Добролюбовъ, Костомаровъ. Самые мостки, пролегающіе мимо этого длиннаго ряда скромныхъ могилъ, получили названіе „Литераторскихъ“.

англійскаго языка прежде преобладавшимъ въ воспитаніи нашей аристократіи языку и обычаямъ французскимъ. Не смотря на этотъ поворотъ, и Лермонтовъ, подобно многимъ другимъ русскимъ поэтамъ, первые стихи свои писалъ по-французски и съ нѣкоторою досадою имѣлъ полное право замѣтить однажды: „какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская! Я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности".

Учили Лермонтова въ дѣтствѣ многому, и между прочимъ всѣмъ новѣйшимъ языкамъ; кажется, принимались даже учить и

Лермонтовъ.

древнимъ... Изъ впечатлѣній ранняго дѣтства нельзя не указать на то, что десятилѣтній Лермонтовъ успѣлъ побывать на Кавказѣ съ бабушкой, ѣздившей на воды, и даже не на шутку влюбился въ какую-то бѣлокурую и голубоглазую дѣвочку лѣтъ девяти. Нельзя не согласиться съ тѣми, которые указываютъ на эти первыя впечатлѣнія чуткаго, воспріимчиваго ребенка, какъ на важныя, оказавшія существенное вліяніе на развитіе его поэтическаго дарованія.

Около 1826 года Лермонтовъ привезенъ былъ въ Москву и помѣщенъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Сверхъ того, онъ бралъ частные уроки у Мерзлякова, перваго между современными знатоками словесности. Въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ пробылъ Лермонтовъ лѣтъ пять и потомъ готовился поступить въ университетъ. Можно было ожидать, что и ему, какъ Пушкину, удастся миновать военной карьеры, потому что бабушка, любившая его до безумія, на вопросъ о томъ, какую карьеру изберетъ она для своего внука, всегда говаривала: — „А какую онъ хочетъ; лишь бы не былъ военнымъ".

Въ прелестныхъ „Запискахъ" Е. А. Хвостовой (урожденной Сушковой) сохранились намъ драгоцѣнныя подробности о Лермонтовѣ, только-что вступавшемъ въ юношескій возрастъ; изъ воспоминаній, представляемыхъ намъ этими „Записками", мы видимъ, что Лермонтовъ и тогда уже обладалъ сильнымъ поэтическимъ дарованіемъ, а въ его впечатлительной и страстной натурѣ уже и тогда начинали выказываться тѣ черты, которыя потомъ составляли наиболѣе видную сторону его характера.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ, заимствуемъ изъ „Записокъ" Е. А. Хвостовой слѣдующій отрывокъ, въ которомъ она описываетъ свое странствованіе на богомолье въ Троице-Сергіевскую лавру въ сопровожденіи Лермонтова, которому тогда было лѣтъ 16—17.

...„Мы пришли въ лавру изнуренные и голодные"—разсказываетъ Е. А Хвостова. „На паперти встрѣтили мы слѣпого нищаго Онъ дряхлою, дрожащею рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку; всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звякъ монетъ, бѣднякъ крестился, сталъ насъ благодарить, приговаривая: „пошли вамъ Богъ счастія, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надо мною, положили полную чашечку камышковъ. Богъ съ ними!"

„Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобы пообѣдать и отдохнуть. Всѣ мы суетились около стола въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда; одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги, и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ,

серьезная дѣятельность не была доступна для молодого человѣка въ возрастѣ Лермонтова? Конечно, оставалось только одно: —поступить въ военную службу! И вотъ, въ мартѣ 1832 года, Лермонтовъ поступаетъ въ Петербургскую школу подпрапорщиковъ, и остается тамъ два года (1832—1834). Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, онъ, конечно, не оставляетъ своихъ стиховъ, и отъ мелкихъ лирическихъ произведеній переходитъ къ первымъ самостоятельнымъ эпическимъ опытамъ, въ родѣ: „Уланша“, „Монго“, „Петергофскій праздникъ“. Здѣсь же явились и первые опыты восточныхъ повѣстей, и первые опыты подражаній Байрону, въ созданіи мрачныхъ, неразгаданныхъ характеровъ. Къ пребыванію въ школѣ относятся поэмы: Измаилъ-бей (1834) и Хаджи-абрекъ (1833), которая безъ вѣдома Лермонтова передана была однимъ изъ его товарищей извѣстному книгопродавцу-издателю Смирдину и напечатана въ 1835 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Что касается до самого Лермонтова, то онъ, повидимому, въ это время нимало не гонялся за авторскою славою и не спѣшилъ печатать своихъ произведеній, къ которымъ относился чрезвычайно строго: многія изъ его поэмъ и стихотвореній, написанныхъ на школьной скамейкѣ (между 1831—1834 г.), явились въ свѣтъ не ранѣе, какъ черезъ пять или шесть лѣтъ послѣ того, когда авторомъ дана была имъ окончательная отдѣлка. Довольно любопытна для насъ та характеристика личности Лермонтова въ этотъ періодъ его жизни, которую онъ самъ оставилъ намъ въ одномъ изъ своихъ шутливыхъ стихотворныхъ разсказовъ (Монго) Вотъ какъ онъ описываетъ тамъ себя подъ именемъ Маёшки:

Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый, вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ—на пирахъ:
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей, и для враговъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Лермонтовъ оставилъ юнкерскую школу, онъ написалъ драму „Маскарадъ“ (1834) и поэму „Боярин Орша“ (1835). Но собственно литературная извѣстность его началась не ранѣе, какъ съ 1837 года, когда, вскорѣ послѣ смерти Пушкина, написана была имъ превосходная пьеса „На смерть поэта“ („Погибъ поэтъ, невольникъ чести“), въ которой онъ выразилъ свое полное сочувствіе поэту, такъ преждевременно похищенному смертью, и, въ то же время, излилъ всю желчь свою противъ того кружка, который такъ мало способенъ былъ оцѣнить Пушкина... Стихотвореніе надѣлало шуму и черезъ товарищей Лермонтова быстро разошлось по Петербургу во множествѣ списковъ. Вскорѣ послѣ того, наслышавшись различныхъ, противорѣчивыхъ толковъ о дуэли и смерти Пушкина, Лермонтовъ прибавилъ къ своему стихотворенію еще 16 самыхъ рѣзкихъ, окончательныхъ стиховъ („а вы, надменные потомки“). Вскорѣ послѣ того (27 февр. 1837 года) Лермонтовъ переведенъ былъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ Грузіи, и отправился на Кавказъ.

Однакоже, просьбы и хлопоты его бабушки, Арсеньевой, привели къ тому, что уже въ октябрѣ того же года онъ былъ возвращенъ съ Кавказа и переведенъ въ гвардію (въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ). Въ это время и литературная критика наша уже успѣла оцѣнить его: онъ написалъ свою превосходную „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова“, въ которой всѣ привѣтствовали совершенно новое въ нашей литературѣ явленіе, поражавшее смѣлымъ сочетаніемъ высоко-художественныхъ картинъ, полныхъ силы и достоинства, съ внѣшностью безъискусственныхъ произведеній народной поэзіи.

Эта небольшая пьеса должна была тѣмъ

васъ извѣстить; однакоже ничего подобнаго не случилось, и я рѣшаюсь писать вамъ, что умираю здѣсь съ тоски. Первые дни по пріѣздѣ сюда (съ Кавказа) все приходилось рыскать: представлялся разнымъ лицамъ, дѣлалъ церемонные визиты всякіе, потомъ каждый день сталъ ѣздить въ театръ... Хорошъ театръ, да только ужъ понадоѣлъ таки мнѣ. Да къ тому же еще и добрые-то родственники мнѣ покою не даютъ! Не хотятъ, чтобы я выходилъ въ отставку... Однимъ словомъ, я порядочно упалъ духомъ и даже очень-бы хотѣлъ поскорѣе покинуть Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ или къ чорту; тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ хоть какой нибудь поводъ къ жалобамъ, а вѣдь это все-таки утѣшеніе, не хуже другого... (15-го февр. 1838).“

Въ теченіе 1838 и 1839 гг. Лермонтовъ оставался въ Петербургѣ и писалъ сначала очень немного. Зато въ 1839 г. написалъ поэму „Мцыри“ и началъ цѣлый рядъ превосходныхъ разсказовъ въ прозѣ, которые потомъ вышли подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Герой нашего времени“.

Домикъ Лермонтова, въ Пятигорскѣ.

Произведеніе это, въ значительной степени уже утратившее для настоящаго времени свой живой интересъ, останется однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ того времени, которому всецѣло принадлежалъ самъ Лермонтовъ. Въ лицѣ Печорина онъ старался представить „портретъ, составленный изъ пороковъ всего современнаго ему поколѣнія“; изображая его, онъ „рисовалъ современнаго человѣка, какимъ онъ его понималъ и къ его, и къ нашему общему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ“. Лермонтовъ сознается, что, создавши характеръ Печорина, онъ старался указать на „болѣзнь“, постигшую все современное русское общество... Но все это высказывалъ Лермонтовъ уже въ предисловіи ко второму изданію „Героя“, послѣ того, какъ въ обществѣ стали сильно поговаривать, будто авторъ въ этой повѣсти изобразилъ себя самого и описалъ свои собственныя похожденія. Біографъ Лермонтова совершенно

Все это признаемъ мы теперь каррикатурнымъ, и печоринство представляется намъ давно отжившимъ свой вѣкъ; но все это было дѣйствительною, не вымышленною принадлежностью русской общественной жизни и русскаго общественнаго типа лѣтъ сорокъ тому назадъ, особенно въ средѣ лучшихъ людей нашего высшаго круга, которые способны были болѣе другихъ чувствовать всю ложь окружавшей ихъ жизни, и въ то же самое время не чувствовали въ себѣ силъ просто и естественно отстраниться отъ этой лжи, перейти на другую дорогу. Къ числу такихъ-то людей принадлежалъ и Лермонтовъ, такой же „невольникъ чести“, какъ и Пушкинъ; такимъ является намъ Лермонтовъ и въ той прекрасной характеристикѣ, которую оставилъ намъ нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ [1]), познакомившійся съ Лермонтовымъ въ Москвѣ подъ конецъ его жизни (1840—41 гг.):

„Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодого поколѣнія въ Россіи“ — замѣчаетъ Боденштедтъ; „но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ высказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться“. Не надо понимать это въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ... Характеръ его былъ самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ. Онъ не могъ противустоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя... Вотъ почему и пряталъ онъ свои страданія подъ личиною веселости, а самыя ѣдкія остроты его отзываются горечью слезъ“.

Такимъ же точно рисуютъ намъ Лермонтова и другіе его современники, заслуживающіе полнаго довѣрія и отвергающ негодованіемъ всѣ враждебные, не пріятные отзывы о личности и хара Лермонтова: они основывались на о наблюденіи той свѣтской маски, ко Лермонтовъ считалъ долгомъ надѣва редъ людьми, мало его знавшими! Въ этихъ современниковъ подаетъ свой въ пользу Лермонтова и Бѣлинскій, прекрасно опредѣлившій значеніе Л това, какъ поэта, и на себѣ испытавш обаяніе его личности, когда она пос на была въ условія простыхъ, искре отношеній къ искусству [2]).

Страшнымъ, роковымъ образомъ с надъ Лермонтовымъ тотъ жребій, ко онъ какъ бы предназначилъ себѣ въ стномъ своемъ юношескомъ стихотв (Нѣтъ, я не Байронъ, я др еще невѣдомый избранникъ немъ онъ говорилъ, между прочимъ, нивая себя съ Байрономъ:

„Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ“...

И дѣйствительно „Герой нашего мени“ еще не совсѣмъ былъ оконче ужъ надъ головою автора его успѣ браться новыя грозныя тучи. Въ фе 1840 года Лермонтовъ дрался на дуэ сыномъ барона де-Баранта (извѣ французскаго историка и посланник нашемъ Дворѣ) и за эту дуэль былъ же чиномъ переведенъ въ Тенгинск хотный полкъ. Въ третій разъ въ пришлось ему ѣхать на Кавказъ. На туда было написано извѣстное стихо ніе его: Тучки небесныя, вѣ странники! Вскорѣ послѣ того в въ свѣтъ Герой нашего време первое полное собраніе его стихотв которыя до тѣхъ поръ помѣщались исключительно въ Отечествен Запискахъ

Ровно черезъ годъ, весною 1841 г. монтову разрѣшено было на короткое пріѣхать въ Петербургъ—и тутъ въ п ній разъ пришлось ему увидѣть „

[1]) Боденштедтъ подарилъ нѣмецкую литературу превосходнымъ переводомъ Лермонтова. — извѣстный разсказъ Бѣлинскаго о бесѣдѣ съ Лермонтовымъ, котораго онъ посѣтилъ подъ н (въ Воспоминаніяхъ Панаева. „Современникъ“ 1861 г. II, 656—63).

Тамъ скромная гробница поэта возвышается подъ кровомъ простой часовни, рядомъ съ могилою его бабушки, которая такъ нѣжно любила его и, къ величайшему горю своему, должна была его пережить.

Послѣдній годъ поэтической дѣятельности Лермонтова былъ особенно богатъ лирическими произведеніями, полными силъ и совершенства, явно свидѣтельствующаго о наступающей зрѣлости еще молодаго и не вполнѣ развившагося, но громаднаго таланта. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ Бѣлинскимъ, который замѣчаетъ, что Лермонтовъ умеръ въ то время, когда въ его душевномъ настроеніи очевидно совершался важный переворотъ. „Лермонтовъ немного написалъ"—говоритъ Бѣлинскій—„безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни—отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни"...

Справедливость этого вывода становится особенно очевидна всякому, прослѣдившему въ хронологической послѣдовательности все написанное Лермонтовымъ, особенно, если при этомъ не забывается тотъ въ высшей степени знаменательный фактъ, что поэтъ, создавшій такъ много прекраснаго, умеръ на двадцать-седьмомъ году жизни!

нихъ являются мѣстами болѣе или менѣе удачныя попытки изображать сцены изъ русской жизни исторической и современной, съ претензіею на комизмъ, сатиру и юморъ. И вотъ, при этихъ-то обстоятельствахъ на литературное поприще выступаетъ Гоголь, ставшій во главѣ новаго литературнаго движенія и создавшій школу, господствующую въ литературѣ и понынѣ.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился въ 1809 году, 19-го марта, въ Полтавской губерніи, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ Отецъ его, Василій Афанасьевичъ Гоголь, былъ сынъ полкового писаря (одна изъ почетныхъ должностей) при Запорожскомъ казацкомъ войскѣ. Только два поколѣнія отдѣляли Гоголя отъ эпохи казацкихъ войнъ, и дѣдъ его, полковой писарь, сообщалъ своей семьѣ много разсказовъ изъ этого времени. Вообще Гоголя окружала въ дѣтствѣ жизнь, едва вступившая изъ своего средневѣкового, воинственнаго, полудикаго броженія въ русло общихъ порядковъ русской гражданственности, исполненная свѣжихъ преданій старины, легендъ и воинственныхъ пѣсенъ; жизнь, въ которой непосредственная, младенчески-религіозная набожность сплеталась неразрывными узами съ роемъ народныхъ суевѣрій. Дѣдъ Гоголя былъ въ этомъ отношеніи живымъ представителемъ только-что минувшаго прошлаго, и не даромъ Гоголь не разъ поминаетъ о немъ въ Вечерахъ на Хуторѣ. Можно навѣрное сказать, что этому дѣду Гоголь былъ обязанъ половиною своихъ малороссійскихъ разсказовъ. „Дѣдъ мой, говоритъ онъ въ повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь – цѣлый день не подвинулся-бы съ мѣста и все-бы слушалъ... Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды Запорожцевъ и Ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго, не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ бывало такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается Богъ знаетъ какимъ чудовищемъ"...

Въ то время, когда дѣдъ былъ для маленькаго Гоголя представителемъ отжившей старины, отецъ его, Василій Афанасьевичъ, являлся представителемъ современности. Онъ былъ человѣкъ начитанный и бывалый, любилъ литературу, выписывалъ журналы, обладалъ въ то же время даромъ разсказывать и приправлять свои разсказы малороссійскимъ юморомъ. Усадьба его, Васильевка, была центромъ общественности околодка. Среди всевозможныхъ празднествъ, въ этой усадьбѣ отецъ Гоголя не рѣдко устраивалъ и домашніе спектакли. На этихъ спектакляхъ разыгрывались только-что появившіяся малороссійскія комедіи Котляревскаго—Наталка-Полтавка, Москаль Чаривникъ. Отецъ Гоголя написалъ и самъ въ подражаніе Котляревскому нѣсколько комедій, которыя тоже разыгрывались въ Васильевкѣ.

Грамотѣ выучился Гоголь дома отъ наемнаго семинариста. Потомъ его отдали съ младшимъ братомъ Иваномъ для приготовленія къ поступленію въ Полтавскую гимназію одному изъ учителей этой гимназіи. Но когда дѣтей взяли домой на каникулы и братъ Гоголя умеръ, Гоголя не отсылали уже болѣе въ Полтаву и онъ оставался нѣкоторое время дома. Между тѣмъ, тогдашній черниговскій губернаторъ, прокуроръ Бажановъ, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, и совѣтовалъ ему помѣстить сына въ находящійся при этой гимназіи пансіонъ, что и было исполнено въ маѣ мѣсяцѣ 1821 года. Гоголь вступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ, а черезъ годъ зачисленъ казеннокоштнымъ. Нельзя сказать, чтобы Гоголь былъ многимъ обязанъ этой гимназіи высшихъ наукъ и вынесъ оттуда какія-либо основательныя познанія не только въ высшихъ, но и въ самыхъ элементарныхъ наукахъ. Онъ мало занимался уроками; обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики; но и къ изученію языковъ не питалъ особенной склонности; по окончаніи курса онъ не могъ еще читать французской книги безъ словаря. Къ нѣмецкому же и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи питалъ какое-то странное отвращеніе. Онъ, шутя, говаривалъ, будто „не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ

(въ подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ современныхъ альманахахъ), разныя его стихотворенія, трагедія Разбойники (пятистопными ямбами), баллада „Двѣ Рыбки“, въ которой Гоголь трогательно изобразилъ судьбу свою и своего брата, сатира на жителей города Нѣжина подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ“, въ которой онъ изобразилъ типическія лица разныхъ сословій.

Воротясь однажды послѣ каникулъ въ гимназію, Гоголь привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ его отца и сосѣда Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ костюмовъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Потомъ ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя единственный театръ, видѣнный Гоголемъ, — театръ его отца. Начальство гимназіи, желая пріохотить воспитанниковъ къ французскому языку, ввело французскія пьесы. Вообще репертуаръ гимназическаго театра состоялъ изъ пьесъ Мольера, Флоріана, Коцебу, Фонъ-Визина, Княжнина и малороссійскихъ комедій. Театръ этотъ вскорѣ пріобрѣлъ популярность въ городѣ, и городскіе жители стали съѣзжаться на представленія гимназистовъ. Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ; многіе нѣжинцы еще помнятъ Гоголя въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году по 2-му разряду съ правомъ 14-го класса. Читая переписку Гоголя съ родными и друзьями за это время, можно составить себѣ довольно ясное и опредѣленное представленіе о нравственномъ и умственномъ развитіи Гоголя. Съ одной стороны это былъ юноша, исполненный непосредственнаго, дѣтскаго религіознаго благочестія, которое такъ и сквозитъ во многихъ письмахъ его.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ пламенный энтузіастъ, которому будущее представлялось въ радужныхъ и величественныхъ чертахъ. Онъ воображалъ себя великимъ дѣятелемъ на пользу отечества, ему грезился постоянно какой-то важный трудъ, которымъ онъ долженъ осчастливить всю Россію. „Испытую“, говоритъ онъ, „силы для поднятія труда важнаго, благороднаго, на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага себѣ подобныхъ и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія“... Въ чемъ долженъ былъ заключаться этотъ будущій важный трудъ на пользу и благоденствіе гражданъ, объ этомъ Гоголь имѣлъ еще смутныя понятія, и мечты его болѣе всего стремились на государственную службу.

Въ то же время не мало было въ немъ и задатковъ романтизма. Такъ онъ воображалъ себя непонятымъ геніемъ. „Право“, говоритъ онъ въ письмѣ къ матери отъ 1828 года, „почитаюсь загадкою для всѣхъ: никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несносимымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите-ли, что я внутренно самъ смѣюся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) меня называютъ смиреннякомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый; въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч.; въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности; у иныхъ уменъ, у другихъ глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго поприща вы узнаете мой характеръ“... Какъ всѣ неопытные геніи романтизма, онъ уже въ 18 лѣтъ воображалъ себя претерпѣвшимъ отъ людей бездну всякихъ непріятностей. „Но врядъли кто вынесъ“, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, „столько неблагодарностей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже хвалилъ виновниковъ моего горя“. Претерпѣвши все это отъ пошлой толпы, Гоголь, конечно, и презиралъ эту толпу, какъ всѣ романтики.

„Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей“, пишетъ онъ къ товарищу, „всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между

„Вездѣ совершенно“, пишетъ онъ матери, „я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощію своихъ покровителей, не могъ достигнуть“. Къ этому всему приключилась еще юному энтузіасту фантастическая влюбчивость въ какую-то столь высокопоставленную особу, что Гоголь въ письмѣ къ матери не рѣшается даже назвать ее по имени.

Къ подобной фантастической влюбчивости присоединилась еще тоска по родинѣ, разочарованія въ нѣжинскихъ мечтахъ и неудача въ попыткахъ пристроиться какъ нибудь въ Петербургѣ, и все это произвело такое сильное нравственное потрясеніе въ Гоголѣ, что, не помня себя, онъ почувствовалъ необузданное стремленіе ѣхать куда глаза глядятъ и рѣшился на отчаянный поступокъ, который онъ и самъ называетъ безразсуднымъ: онъ удержалъ у себя деньги, присланныя матерью для уплаты въ опекунскій совѣтъ долга по заложенному имѣнью, предоставивши матери, въ вознагражденіе за эти деньги, пользоваться, какъ ей угодно, его частью отцовскаго наслѣдства – и поѣхалъ за границу... При этомъ курьезнѣе всего было то, что путешествіе это ограничилось городомъ Любекомъ. Онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ моремъ, осмотрѣлъ его достопримѣчательности, прожилъ тамъ не болѣе мѣсяца, взялъ нѣсколько ваннъ въ Травемюнде и возвратился снова въ Петербургъ въ сентябрѣ 1829 г. Эта оригинальная поѣздка, прямое слѣдствіе юношескаго лирическаго порыва, во всякомъ случаѣ, принесла Гоголю ту пользу, что установила равновѣсіе его нравственныхъ силъ, отрезвила его и освѣжила.

Въ апрѣлѣ 1830 г. Гоголь нашелъ наконецъ мѣсто въ Министерствѣ Удѣловъ; это была самая низшая должность канцелярскаго служителя, на которой всѣ занятія заключались въ перепискѣ бумагъ. Онъ не пробылъ и года на этомъ мѣстѣ и вышелъ въ отставку, вынеся изъ своей службы только умѣнье сшивать бумагу, да нѣсколько чиновничьихъ типовъ, которые онъ воспроизвелъ впослѣдствіи въ своихъ произведеніяхъ.

Между прочимъ Гоголь обращался и въ театральную дирекцію съ намѣреніемъ поступить въ актеры. Онъ долженъ былъ подвергнуться домашнему испытанію и его забраковали безъ малѣйшаго одобренія. Стуча такимъ образомъ, что называется, во всѣ двери, Гоголь не пренебрегъ и литературой. Такъ онъ написалъ стихотвореніе „Италія“ и отправилъ его incognito къ издателю „Сына Отечества“, гдѣ оно было напечатано въ № 12 за 1829 г. Вслѣдъ затѣмъ, онъ издалъ свою идиллію Гансъ Кюхель-Гартенъ, которую, какъ мы видѣли, написалъ еще въ гимназіи. Гоголь и въ этомъ изданіи не выставилъ своего имени, а избралъ псевдонимъ Алова. Н. А. Полевой прихлопнулъ эту идиллію рецензіею, исполненною безпощадныхъ насмѣшекъ. Эта рецензія такъ сильно подѣйствовала на Гоголя, что онъ немедля бросился со своимъ слугою Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ экземпляры изданія, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ и сжегъ ихъ всѣ до единаго.

Предавши сожженію „Ганса Кюхель-Гартена“, Гоголь окончательно раздѣлался съ своимъ романтизмомъ лицейскаго періода. Знакомясь болѣе и ближе съ современною литературою, онъ вскорѣ замѣтилъ, что въ ней вѣетъ совершенно инымъ духомъ; въ это самое время начали входить въ моду романы и повѣсти, особенно же историческіе. Вотъ почему, вскорѣ уже по пріѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь, въ письмахъ своихъ въ Малороссію, умоляетъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ присылать ему всевозможныя историческія свѣдѣнія о Малороссіи, описанія нравовъ, обычаевъ, костюмовъ, игръ, пѣсенъ, легендъ и проч. „Это мнѣ очень, очень нужно“, пишетъ онъ притомъ „Принося чувствительнѣйшую благодарность“, пишетъ онъ къ матери (24 іюля 1829 г.)–„за ваши драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно“.

Такимъ образомъ, уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ началъ Гоголь обработывать свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Въ февралѣ 1830 г. въ № 148 „Отече-

пени матерьяльное положеніе Гоголя; онъ не только пересталъ нуждаться самъ, но могъ помочь даже семейству, т. е. матери и сестрамъ. Лѣто 1832 года онъ провелъ на родинѣ, отдыхая отъ всѣхъ трудовъ и невзгодъ петербургской жизни. Можно было думать, что Гоголь окончательно сталъ на свою почву и направленіе его жизни должно было опредѣлиться успѣхомъ „Вечеровъ“. Но, при крайне честолюбивомъ и увлекающемся характерѣ, Гоголь послѣ малѣйшаго успѣха переходилъ тотчасъ же къ грандіознымъ замысламъ, передъ которыми ему казалось ничтожнымъ все то, что онъ сдѣлалъ прежде; а между тѣмъ эти замыслы сбивали его постоянно съ прямой дороги и приводили къ заблужденіямъ, сначала только смѣшнымъ, а впослѣдствіи и печальнымъ. Такъ случилось и въ эту пору его жизни, послѣ успѣха „Вечеровъ“. Уже въ 1833 г. онъ отзывается въ письмѣ къ Погодину съ презрѣніемъ о своихъ разсказахъ. „Да обрекутся они неизвѣстности“, говоритъ онъ, „покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается...“

Чтобы не терять времени въ ожиданіи великихъ художественныхъ созданій, Гоголь принялся за великіе историческіе труды. Онъ задумалъ писать исторію Малороссіи и къ этому еще исторію среднихъ вѣковъ. Оба сочиненія онъ предполагалъ исполнить въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ М. А. Максимовичу въ 1833 году онъ говоритъ: „Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9“.

Хотя занятія исторіею Малороссіи и не увѣнчались многотомнымъ сочиненіемъ, но они все-таки привели Гоголя къ хорошему результату: изъ нихъ вышла знаменитая малороссійская эпопея Гоголя — „Тарасъ Бульба“. Что же касается до занятій исторіею среднихъ вѣковъ, то они тѣсно соединяются съ неудачнымъ профессорствомъ Гоголя. Профессорство это весьма рельефно выставляетъ, какъ вѣкъ Гоголя, такъ и самого автора „Мертвыхъ душъ“.

Еще до опредѣленія адъюнктомъ въ Петербургскій университетъ, Гоголь хлопоталъ объ опредѣленіи своемъ въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ; но туда онъ мѣтилъ не иначе, какъ въ ординарные профессоры. Зимою 1834 года въ министерствѣ приготовляли уставъ и штаты для университета Св. Владиміра и заботились о пріисканіи наставниковъ. Для всѣхъ каѳедръ были уже въ виду достойные кандидаты; только для русской исторіи не было человѣка. Начальство вспомнило о Гоголѣ и предложило лицу уполномоченному познакомиться съ нимъ и пригласить его на каѳедру адъюнктомъ. Гоголю было тогда не болѣе 25 лѣтъ. Пришедши къ лицу, пригласившему его, онъ съ первыхъ словъ очаровалъ его своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и прошеніе. Черезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни прошенія не принесъ. Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ, не безъ нѣкотораго замѣшательства, вынулъ изъ бокового кармана и подалъ свой аттестатъ объ окончаніи курса въ гимназіи высшихъ наукъ, съ правомъ на чинъ 14-го класса, и прошеніе объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ. „Знаете-ли что?“ отвѣчали ему: „васъ нельзя вдругъ опредѣлить ординарнымъ при этомъ аттестатѣ. Согласитесь сперва въ адъюнкты“. Гоголь долго упрямился, не соглашался... Дошло до министра, который съ своей стороны приказалъ объявить молодому писателю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. Но Гоголь не согласился.

Послѣ того вскорѣ ему представился случай занять каѳедру средней исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. На этотъ разъ Гоголь ограничился болѣе скромными притязаніями и, не требуя непремѣнно ординатуры, согласился поступить въ университетъ въ званіи адъюнкта. Но не долго пришлось профессорствовать Гоголю. Не смотря на приготовленія къ многотомной исторіи среднихъ вѣковъ, знаній Гоголя хватило только на одну лекцію. Онъ прочелъ эту лекцію съ блистательнымъ краснорѣчіемъ (лекція эта была потомъ напечатана въ „Арабескахъ“ подъ заглавіемъ: О среднихъ вѣкахъ). Студенты были очарованы чтеніемъ Гоголя. „Мы съ нетерпѣ-

нику, передавалъ Пушкинъ сюжеты, которыми онъ думалъ воспользоваться самъ.

Изъ „Авторской же исповѣди“ мы видимъ, что у Гоголя, со временемъ оставленія службы (въ 1835 г.), совпадаетъ начало перехода отъ безсознательнаго творчества, инстинктивно внушаемаго природой — къ творчеству сознательному, на которое Гоголь начинаетъ смотрѣть ужъ не какъ на забаву въ часы досуга, а какъ на свой нравственный долгъ, какъ на государственную службу, какъ онъ выражается. Такой сознательный взглядъ на свое творчество и заставилъ Гоголя выйти въ отставку, бросить всѣ постороннія занятія и посвятить всѣ силы искусству.

„Я разстался съ университетомъ“, пишетъ онъ Погодину въ концѣ 1835 г.;—„черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго великія мысли волновали меня... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышелъ на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!“

Въ то время, какъ Гоголь писалъ это письмо, онъ уже ставилъ на петербургскій театръ своего „Ревизора“. Живое, энергическое участіе принималъ онъ въ постановкѣ пьесы, ходилъ на каждую репетицію и ни одного жеста и слова актеровъ не пропускалъ безъ своихъ совѣтовъ и указаній.. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1836 года. „Ревизоръ“ явился на сценѣ и Гоголь впервые испыталъ грустное положеніе комическаго писателя, серьезно относящагося къ своему дѣлу, среди массы невѣжественнаго и пошлаго общества. Прежде онъ только смѣшилъ и всѣ были довольны; теперь-же онъ вздумалъ осмѣять—встрѣтилъ противъ себя всеобщее ожесточеніе... „Всѣ противъ меня“, пишетъ онъ въ письмѣ къ М. С. Щепкину (1836 г. апрѣля 29) — „чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піэсу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибъ не высокое заступничество Государя, піэса моя не былабы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ!... Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что-же было-бы, если-бы я взялъ что нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью“. Подъ гнетомъ этого всеобщаго ожесточенія, которое Гоголь весьма живо изобразилъ въ своей комедіи „Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи“. и притомъ недовольный въ то-же время игрою актеровъ, особенно исполняемой Дюромъ главной ролью (Хлестакова), Гоголь рѣшительно упалъ духомъ. „Я усталъ душою и тѣломъ“, пишетъ Гоголь неизвѣстно къ кому въ письмѣ, прилагаемомъ обыкновенно при „Ревизорѣ“ въ собраніяхъ его сочиненій: „клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя піэса!“

Подъ такими впечатлѣніями у Гоголя явилось желаніе убѣжать, какъ онъ выражается. Богъ знаетъ куда, и онъ предпринялъ путешествіе за границу. „Ѣду за границу“, пишетъ онъ М. П. Погодину 10 мая 1836 г., „тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ; но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъже соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ

своей и оставались-бы вѣкъ незнакомыми. Вотъ что заставило меня предпочесть пребываніе внѣ Россіи, даже и въ отношеніи къ тому, чтобы побольше слышать о Россіи."

Между тѣмъ въ 1837 году Гоголь принялся за „Мертвыя души". Исторія этого послѣдняго и важнѣйшаго творенія Гоголя совпадаетъ съ исторіей того нравственнаго перелома, который обратилъ Гоголя изъ комическаго писателя въ мистика и религіознаго фантазера. Онъ началъ писать „Мертвыя души" все еще подъ напоромъ непосредственнаго творчества; хотя онъ серьезно уже смотрѣлъ на свой смѣхъ и сознавалъ въ немъ свой нравственный долгъ, государственную службу, но онъ все еще не шелъ далѣе этого смѣха. „Я началъ было писать", говоритъ Гоголь о „Мертвыхъ душахъ" въ „Авторской исповѣди", „не опредѣливши себѣ обстоятельно плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ, просто, что смѣлый проэктъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными. Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ, къ чему это? что долженъ сказать собою такой-то характеръ? что должно выразить собою такое-то явленіе? Спрашивается: что нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли передо мною; не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильственно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально".

Эти сомнѣнія и были началомъ послѣдняго перелома въ жизни Гоголя—перелома, выразившагося постоянною внутреннею борьбою и мрачнымъ мистическимъ настроеніемъ, которое располагало его даже къ нѣкоторому увлеченію католицизмомъ, какъ это можно видѣть изъ письма его къ матери, отъ 22 дек. 1837 г.:—„на счетъ моихъ чувствъ и мыслей объ этомъ, вы правы, что спорили съ другими, что я не перемѣню обрядовъ своей религіи. Это совершенно справедливо; потому что, какъ религія наша, такъ и католическая совершенно одно и то-же, и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣнять одну на другую. Та и другая истинна; та и другая признаетъ одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную Премудрость, посѣтившую нѣкогда нашу землю, претерпѣвшую послѣднее униженіе на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее къ небу. И такъ, на счетъ моихъ религіозныхъ чувствъ вы никогда не должны сомнѣваться".

Къ этому нравственному настроенію присоединились странныя и весьма неопредѣленныя болѣзни Гоголя, которыя особенно усилились съ начала 40-хъ годовъ, проявляясь въ различныхъ мучительныхъ припадкахъ. Читая описаніе этихъ припадковъ въ письмахъ Гоголя, можно полагать, что главнымъ образомъ у Гоголя было сильное разстройство нервовъ. Оно произошло, по всей вѣроятности, вслѣдствіе причинъ моральныхъ: аскетизмъ и мистическая экзальтація ведутъ постепенно за собою разстройство нервной системы.

Печальны были послѣдніе десять лѣтъ жизни Гоголя. Это была какая-то медленная агонія, обратившая здороваго и сильнаго человѣка въ блѣдную, изможженную тѣнь. Люди, знавшіе Гоголя прежде, не узнавали его. Прежняя необузданная шутливость Гоголя, наклонность къ комическимъ разсказамъ, подъ-часъ даже и къ рѣзвымъ, эксцентрическимъ проблескамъ — все это исчезло впослѣдствіи, и Гоголь обратился въ вѣчно-мрачнаго, угрюмаго, сосредоточеннаго, подъ-часъ и капризнаго изувѣра, тяжелаго и себѣ, и другимъ. Непомѣрное самолюбіе Гоголя сказалось и въ этомъ послѣднемъ, мистическомъ періодѣ его жизни. Громадный успѣхъ „Ревизора" и первой части „Мертвыхъ душъ", изданной въ 1842 году, до того возбудилъ Гоголя, что онъ вообразилъ себя уже не геніемъ, а какимъ-то новымъ пророкомъ, которому было предназначено свыше быть провозвѣстникомъ небесной воли. Эта мысль привела Гоголя въ экстазъ и заставила съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣ свои прежнія произведенія. „Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей", говоритъ онъ въ письмѣ къ

XXI.

В. Г. Бѣлинскій. — Дѣтство и отрочество его; учителя и ученье. — Характеръ и направленіе умственной дѣятельности Бѣлинскаго. — Увлеченіе философскими теоріями и театромъ. — Три періода литературной дѣятельности. — Бѣлинскій, какъ истолкователь Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Въ біографіи Н. А. Полевого мы уже имѣли случай замѣтить, что въ половинѣ 20-хъ годовъ, въ Москвѣ, образовались философскіе кружки, увлекавшіеся философскими ученіями Шеллинга. Вліяніе этихъ кружковъ въ концѣ 20-хъ годовъ сдѣлалось ощутительно во всемъ направленіи умственнаго движенія современнаго общества. Философія Шеллинга учила, что каждый историческій народъ долженъ выражать въ своемъ историческомъ развитіи ту или другую идею; что только тотъ народъ и можетъ быть названъ историческимъ, который самобытенъ въ этомъ отношеніи, и что значеніе народа въ ходѣ общечеловѣческой цивилизаціи опредѣляется этою самобытностью. Подобныя положенія шеллингова ученія навели всѣхъ мыслящихъ людей на вопросы о значеніи русскаго народа въ средѣ другихъ европейскихъ народовъ, о его самобытности и объ усвоеніи западной цивилизаціи, подъ сильнымъ вліяніемъ которой находилось наше общество со временъ Петра. Всѣ эти вопросы, съ особенною силою поднявшіеся въ нашей литературѣ въ концѣ 20-хъ и въ 30-е годы, повели къ окончательному распаденію мыслящаго общества на двѣ большія партіи — славянофиловъ и западниковъ.

Съ другой стороны, философія Шеллинга выработала новые взгляды, относительно теоріи искусства и значенія литературы въ жизни народа. Послѣдовательнымъ выводомъ изъ ученія о народной самобытности очевидно представлялось то положеніе, что если цивилизація каждаго народа должна быть самобытна, то тѣмъ болѣе самобытна должна быть и литература его; она должна выражать всецѣло духъ народа, ту идею, которую онъ носитъ въ себѣ и вырабатываетъ. Эти положенія натолкнули въ свою очередь шеллингистовъ на вопросы о значеніи и характерѣ русской литературы, о необходимости поставить ее на вполнѣ народную самостоятельную почву. Шеллингисты усматривали, что русская литература, начиная съ возникновенія ея, съ Ломоносова и до Пушкина, была литературою подражательною, и нисколько не выражала собою духа русскаго народа; вслѣдствіе этого естественно, что въ кружкахъ шеллингистовъ развилась наклонность къ отрицанію самаго существованія русской литературы.

Философія Шеллинга имѣла два различныхъ проводника въ общество: съ одной стороны — журналистику, съ другой — университеты (преимущественно Московскій). Въ Московскомъ университетѣ первыми проповѣдниками шеллингова ученія были профессора М. Г. Павловъ и Н. И. Надеждинъ, С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ. Кромѣ Павлова, читавшаго курсъ физики и сельскаго хозяйства, всѣ остальные, упомянутые нами профессора принадлежали къ филологическому факультету. Естественно, что студенты этого факультета всего болѣе подчинялись вліянію шеллинговой философіи.

Подъ этимъ вліяніемъ воспитался и знаменитый русскій критикъ, стоявшій во главѣ умственнаго движенія въ 40-е годы, Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій былъ сынъ чембарскаго уѣзднаго лѣкаря. Родился онъ въ 1811 году и дѣтство провелъ въ глуши уѣзднаго городишка. Немного фактовъ имѣемъ мы о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, но и эти факты самаго невеселаго свойства. Бѣлинскій самъ говорилъ впослѣдствіи, что изъ своей семьи онъ не вынесъ ни одного отраднаго воспоминанія.

Въ началѣ 20-хъ годовъ Бѣлинскій посту-

съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ".

Между прочимъ, по словамъ П—ва, „Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы („Вѣстникъ Европы", „Телеграфъ", „Московскій Вѣстникъ" и проч.) и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина".

Какъ всѣ впечатлительные и даровитые юноши, Бѣлинскій не замедлилъ, подъ обаяніемъ чтенія литературныхъ произведеній, перейти къ попыткамъ писать самому стихами и прозой. Будучи 15-ти лѣтъ, во 2-мъ классѣ гимназіи, онъ началъ писать стихи и повѣсти. Но уже въ 1830 году онъ смотрѣлъ на эти попытки критически, убѣдясь, что не рожденъ быть поэтомъ.

„Бывши во второмъ классѣ гимназіи", говоритъ онъ въ письмѣ къ своему бывшему наставнику, „я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена измѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣритъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя; душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя; хочу ихъ выразить стихами, и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выразить свои чувства и мысли легкими гармоническими стихами. Рѣома мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу... Есть довольно много начатаго и ничего оконченнаго и сработаннаго, даже такого, что-бы могло помѣститься не только въ „Альманахѣ", гдѣ собирается все отличное, но даже въ „Дѣтскомъ Журналѣ". Въ первый еще разъ я съ горестью проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозою".

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, кончилъ ли курсъ Бѣлинскій съ аттестатомъ, или вышелъ изъ гимназіи до окончанія курса. Въ 1829 году онъ пріѣхалъ въ Москву, поступилъ при посредствѣ какихъ-то вліятельныхъ знакомыхъ въ Московскій университетъ; но и въ университетѣ, какъ и въ гимназіи, онъ не особенно заботился о своихъ формальныхъ отношеніяхъ къ факультету, объ окончаніи курса и полученіи аттестата. По крайней мѣрѣ въ 1832 году онъ оставилъ университетъ, выйдя изъ 2-го курса съ аттестаціею „способностей слабыхъ и нерадивъ".

Но, между тѣмъ, университетъ не остался безъ вліянія, и весьма сильнаго, на развитіе даровитаго юноши. Мы говорили выше, что Московскій университетъ, и въ особенности филологическій факультетъ этого университета, были средоточіемъ пропаганды шеллингова ученія. Подъ этимъ вліяніемъ въ началѣ 30-хъ годовъ образовался изъ студентовъ филологическаго факультета особенный кружокъ, какіе часто образуются въ университетахъ изъ товарищей-однокурсниковъ или же земляковъ. Это были молодые люди весьма талантливые, занимающіеся; большая часть изъ нихъ пріѣхала изъ провинцій, съ единственною цѣлію образованія. Изъ наиболѣе выдающихся членовъ кружка были К. Аксаковъ, М. Катковъ, Ключниковъ, Красовъ и др: всѣ они впослѣдствіи пріобрѣли почетную извѣстность въ литературѣ. Къ этому кружку примкнулъ и Бѣлинскій. Во главѣ же этого кружка явился Н. В. Станкевичъ. Онъ былъ сынъ богатаго воронежскаго помѣщика. Болѣзненный, тихій по характеру, но этъ и мечтатель, онъ могъ казаться своимъ друзьямъ поистинѣ существомъ не отъ міра сего, воздушнымъ, безтѣлеснымъ геніемъ, полнымъ тонкаго изящества и нѣжнаго чувства. Онъ оказывалъ неотразимое вліяніе на всю московскую передовую молодежь не столько силою воли или діалектики, сколько именно своимъ природнымъ чутьемъ всего изящнаго и гуманнаго, чутьемъ, еще болѣе развитымъ философіею. Подъ его вліяніемъ, члены кружка развивались, читая „Телеграфъ" Полевого, „Телескопъ" Надеждина, слушали лекціи Надеждина, Павлова и прочихъ профессоровъ факультета, и уже въ университетѣ успѣли проникнуться духомъ философіи Шеллинга. По вечерамъ друзья собирались у Станке-

не убиваютъ ни деньги, ни отличія, ни несправедливости, которые до послѣдняго вздоха остаются вѣрными своему священному призванію". Вмѣстѣ съ тѣмъ, и взглядъ Бѣлинскаго относительно вреднаго вліянія на творчество ложно-классической школы въ свою очередь, согласовался съ тѣмъ, что писалъ въ это время Полевой объ этомъ-же предметѣ. „Вдохновенію", говоритъ Бѣлинскій, „и не нужна наука; оно ученѣе науки, оно никогда не ошибается".

Но, и находясь подъ вліяніемъ Н. А. Полевого, Бѣлинскій уже въ первый періодъ значительно опередилъ своего учителя и во многихъ отношеніяхъ отличается отъ него въ своихъ эстетическихъ взглядахъ. Тѣ же самые взгляды, которые Полевой развивалъ на основаніи своихъ романтическихъ идеаловъ, Бѣлинскій основываетъ на принципахъ шеллинговой философіи.

Но въ чемъ молодой и начинающій Бѣлинскій опередилъ не только Н. А. Полевого, а и всѣхъ своихъ старшихъ современниковъ 30-хъ годовъ, — это въ своей критической оцѣнкѣ Гоголя, помѣщенной имъ въ „Телескопѣ" 1835 года, въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя" („Арабески" и „Миргородъ"). Гоголь въ это время былъ самъ писателемъ только-что начавшимъ свою дѣятельность. Талантъ Гоголя былъ замѣченъ съ первымъ появленіемъ его на поприщѣ литературы; произведенія его читались съ удовольствіемъ, но, между тѣмъ, критика не успѣла еще уяснить его значеніе и оцѣнить по достоинству его талантъ. Петербургскіе журналисты — Сенковскій, Булгаринъ, Гречъ и др., при полномъ отсутствіи всякой руководящей идеи въ своихъ критическихъ статьяхъ, смотрѣли на Гоголя весьма поверхностно и легкомысленно, видя въ немъ не болѣе, какъ русскаго Поль-де-Кока, и, хваля его остроуміе, замѣчали въ то-же время въ немъ отсутствіе чувства изящнаго и пристрастіе къ сальностямъ всякаго рода. Полевой съ своей стороны мало цѣнилъ Гоголя, реальная поэзія котораго нисколько не подходила къ его романтическимъ идеаламъ. Первымъ цѣнителемъ таланта Гоголя явился Бѣлинскій: онъ возвѣстилъ русской публикѣ, что произведенія Гоголя, — не одни только курьезные разсказы балагура, а драгоцѣнные перлы художественнаго творчества въ истинномъ значеніи этого слова; что никого изъ современныхъ русскихъ писателей нельзя назвать поэтомъ съ большею увѣренностью и нимало не задумываясь, какъ Гоголя; что, кромѣ идеальной поэзіи, можетъ быть еще поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности, истинная и настоящая поэзія нашего времени, и Гоголь есть именно поэтъ жизни дѣйствительной... Высказывая такія идеи, Бѣлинскій опережалъ даже и себя, свои собственныя эстетическія понятія этого періода своей жизни.

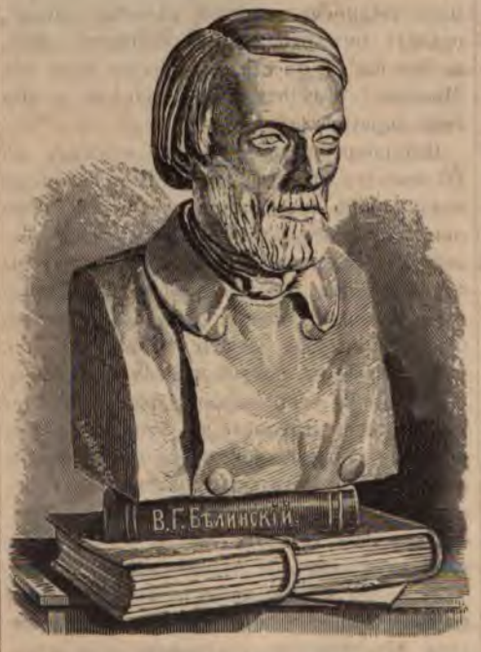
Съ прекращеніемъ „Телескопа" въ 1836 году, кончается первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго. Въ продолженіи 2-хъ лѣтъ онъ не является на литературномъ поприщѣ, и мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ и какъ жилъ впродолженіи этого времени Бѣлинскій. Намъ извѣстно только, что въ эти два года въ кружкѣ Станкевича совершился поворотъ отъ философіи Шеллинга къ философіи Гегеля.

Философія Гегеля учила, какъ извѣстно, что все существующее есть развитіе идеи, которая проходитъ три ступени: въ первой фазѣ развитія идея существуетъ — сама въ себѣ, въ безсознательномъ состояніи; потомъ она выходитъ изъ него, опредѣляется, разлагаясь на свои противорѣчія; наконецъ, въ третьей фазѣ заключается примиреніе этихъ противорѣчій въ разумѣ человѣка. Изъ этой системы вытекаютъ два положенія: 1) все, что дѣйствительно — то и разумно, такъ какъ оно есть проявленіе разумной идеи, и 2) высшая цѣль мыслящаго человѣка — объективно-безстрастно созерцать всѣ явленія жизни и всѣ ихъ противорѣчія сводить къ примиренію въ своемъ разумѣ. Такая теорія, какъ мы увидимъ сейчасъ, не замедлила отразиться въ эстетическихъ понятіяхъ Бѣлинскаго и его критикѣ.

Одновременно съ увлеченіемъ теоріею Гегеля произошла и внѣшняя перемѣна въ литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Мы уже говорили, что въ „Московскомъ Наблюдателѣ", издававшемся съ 1835 года Степановымъ, редакціею завѣдывалъ Шевыревъ. Но съ 1838 года Шевыревъ отказался отъ редакціи, и журналъ поступилъ въ завѣдываніе Бѣлинскаго и его друзей; и Бѣлинскій выступилъ въ немъ послѣ двухлѣтняго молчанія съ новымъ направленіемъ своей критики.

Бѣлинскій уже не ограничивается однимъ проведеніемъ эстетическихъ теорій, но высказываетъ множество взглядовъ психическихъ и моральныхъ; дѣлается не только критикомъ, но и публицистомъ, анализирующимъ окружающую его дѣйствительность...

Въ статьяхъ 1841 года все болѣе и болѣе выступаютъ на сцену новыя воззрѣнія, совершенно противоположныя московскимъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Русская литература 1840 г.“ онъ отдаетъ уже справедливость современнымъ французскимъ



Бюстъ Бѣлинскаго, работы Гэ.

писателямъ и признаетъ за ними большое достоинство, именно за то участіе ихъ въ общественныхъ интересахъ, за которое онъ прежде ихъ порицалъ. Въ 1848 году Бѣлинскій еще смѣлѣе становится на почву теоріи „искусства для жизни“. „Свобода творчества“ (говоритъ онъ въ разборѣ „Рѣчи о критикѣ“ Никитенко) „легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на тэмы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни“. Вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе его критическихъ статей значительно расширилось. Рядомъ съ критикомъ вы повсюду видите публициста, карающаго въ русскомъ обществѣ отсутствіе умственныхъ интересовъ, рутину, узость мѣщанскаго эгоизма, распущенность провинціальныхъ нравовъ, отсутствіе гуманности въ отношеніи къ низшимъ.

Въ то-же время не опускалъ Бѣлинскій изъ вида и развитія русской литературы. Онъ успѣлъ обратить вниманіе въ этотъ періодъ на всѣ ея явленія прошедшей и современной жизни и представить рядъ полныхъ и всесторонникъ очерковъ, характеристикъ. Такъ, въ 1841 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ былъ помѣщенъ имъ рядъ статей, обозрѣвающихъ русскую народную поэзію; эти статьи составляютъ цѣлый трактатъ въ 253 страницы, помѣщенный въ 5-мъ томѣ собранія его сочиненій. Весь 1844 г. былъ Бѣлинскимъ посвященъ статьямъ по поводу сочиненій А. Пушкина; эти статьи составляютъ цѣлый томъ (8-й) въ собраніи его сочиненій и представляютъ полную критическую исторію русской литературы, начиная съ Ломоносова и кончая Пушкинымъ.

Въ этотъ періодъ окончательно утвердилось значеніе Бѣлинскаго въ литературѣ и обществѣ. Всѣ передовыя, юныя литературныя силы сгруппировались вокругъ него. Можно положительно сказать, что всѣ писатели послѣдующей эпохи 50-хъ годовъ, гг. Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Н. Некрасовъ, А. Майковъ, Ѳ. Достоевскій и проч., были воспитаны критикою Бѣлинскаго, ею возбуждены къ творческой дѣятельности и ей во многомъ обязаны своею извѣстностью.

Въ 1846 г. кончилось сотрудничество Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Разстроенное прежними невзгодами и усидчивою, срочною журнальною работою, здоровье его требовало отдыха и тщательнаго лѣченія. Онъ провелъ лѣто и осень на югѣ Россіи. По возвращеніи же въ Петербургъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ былъ приглашенъ постояннымъ сотрудникомъ въ новый журналъ, — „Современникъ“, изданіе котораго

XXII.

С. Т. Аксаковъ.—Два періода въ его дѣятельности литературной: подражательный и самобытный.—Мастерскія описанія природы.—Положительный взглядъ на наше прошлое.

Вся литературная жизнь Аксакова распадается на двѣ, рѣзко-противуположныя половины; въ первой половинѣ онъ является приверженцемъ псевдо-классицизма, восторженнымъ поклонникомъ и защитникомъ литературныхъ началъ, отжившихъ свой вѣкъ уже до Пушкина; во второмъ, послѣ долгаго, многолѣтняго перерыва, выступаетъ со своими описаніями природы и воспоминаніями объ отдаленномъ прошломъ, и очень быстро пріобрѣтаетъ вполнѣ заслуженную извѣстность писателя талантливаго и самобытнаго. Но этотъ второй періодъ литературной дѣятельности С. Т. Аксакова наступаетъ для него въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, въ послѣдніе 10 или 12 лѣтъ его жизни: вотъ почему, волей-неволей, намъ приходится отнести біографію старца-Аксакова къ біографіямъ писателей, которые гораздо позже его выступили на литературное поприще, но почти одновременно съ нимъ пріобрѣли извѣстность и обратили на себя общее вниманіе.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ родился въ Уфѣ, 20-го сентября 1791 г. Родъ Аксаковыхъ принадлежитъ къ числу весьма древнихъ, и ведетъ свое начало отъ какого-то Шимона Африкановича, при великомъ князѣ Ярославѣ выѣхавшаго (1027 г.) съ 3000 подвластныхъ ему людей изъ варяжской земли; отъ правнуковъ его пошли Воронцовы, Вельяминовы и Аксаковы. Въ домашнемъ быту наибольшая доля нравственнаго вліянія оказана была на его воспитаніе и развитіе матерью, женщиною рѣдкаго ума, прекрасно образованной и воспитанной, и слѣпо, страстно, самоотверженно-преданной дѣтямъ, въ числѣ которыхъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, какъ старшій и какъ любимый сынъ, былъ постояннымъ предметомъ нѣжныхъ заботъ и вниманія. Отецъ его, добрый и простой степнякъ-помѣщикъ, съумѣлъ развить въ немъ только любовь къ природѣ и къ охотѣ во всѣхъ ея многоразличныхъ видахъ, пополнявшихъ обширные, нескончаемые досуги нашего стариннаго барства.

На восьмомъ году С. Т. Аксаковъ былъ отданъ въ гимназію въ Казани. Но и въ гимназіи онъ не былъ предоставленъ на волю судьбы, какъ это случалось прежде и теперь случается съ большинствомъ мальчиковъ, попавшихъ въ среднее учебное заведеніе. Заботливая мать и тутъ ни на минуту не забывала о немъ, и неусыпно продолжала наблюдать за сыномъ изъ своего деревенскаго уединенія; маленькій Аксаковъ былъ постоянно поручаемъ ею на воспитаніе лучшимъ изъ числа преподавателей и надзирателей Казанской гимназіи. Сверхъ того, по обычаю „добраго стараго времени“, при молодомъ баринѣ находился безотлучно вѣрный и глубоко-преданный семейству дядька, Евсенчъ — одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые давно уже перешли въ область исторіи. Судя по тому, что разсказываетъ о себѣ самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, переходъ отъ домашняго воспитанія къ быту учебнаго заведенія и въ особенности — разлука съ матерью, были для него до такой степени трудны, что здоровье его, вообще слабое, какъ у всѣхъ нервныхъ дѣтей, нѣсколько разъ не выдерживало столкновенія съ житейскимъ опытомъ и подвергалось большимъ опасностямъ. Прежде, чѣмъ Аксаковъ окончательно успѣлъ свыкнуться съ суровыми гимназическими порядками того времени, матери пришлось даже, по совѣту докторовъ, взять его на цѣлый годъ изъ гимназіи, для отдыха и подкрѣпленія силъ дома.

Въ концѣ гимназическаго курса (въ

ностью моей натуры. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ".

Изъ Казани Аксаковъ отправился въ Петербургъ, гдѣ въ 1808 г. и поступилъ на службу переводчикомъ въ коммиссію составленія законовъ. Чрезвычайно любопытнымъ фактомъ въ литературномъ развитіи Аксакова является несомнѣнно то, что онъ,—еще будучи гимназистомъ и студентомъ, еще помѣщая свои первые опыты въ „Аркадскихъ пастушкахъ", и въ нихъ, конечно, подражая Карамзину, — въ то же время „не любилъ Карамзина, смѣялся надъ его слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій". Книга Шишкова („Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ") окончательно утвердила его въ отрицательномъ взглядѣ на Карамзина и уже сдѣлала его „шишковистомъ". Знакомство съ племянникомъ Шишкова, сослуживцемъ по коммиссіи, и потомъ съ самимъ Шишковымъ, еще болѣе увлекло его въ этомъ, совершенно ложномъ, литературномъ направленіи, и сдѣлало его „славянофиломъ". Слово это, по замѣчанію С. Т. Аксакова, существовало уже и тогда, но выражало не совсѣмъ то, что оно выражаетъ позднѣе

Не смотря на всю фальшь „шишковизма", которому С. Т. Аксаковъ напрасно придаетъ названіе „славянофильства", юный Аксаковъ и этой теоріи предался съ такой же страстностью, съ какою поочередно, до этого времени, предавался уже словесности, театру и охотѣ. И это направленіе, въ которомъ славянофильство и пристрастіе къ старинѣ высказывалось, между прочимъ, рьяною приверженностью къ отжившимъ литературнымъ пріемамъ и теоріямъ псевдоклассицизма — это направленіе много повредило развитію литературнаго таланта въ Аксаковѣ. Замѣшавшись въ среду безталанной и мелкой литературной братіи, составлявшей „Бесѣду любителей русскаго слова", гдѣ, подъ предсѣдательствомъ Шишкова и Державина, скопились всѣ бездарности,—начиная отъ Хвостова и оканчивая Шаховскимъ и А. А. Писаревымъ, — Аксаковъ поддался направленію „Бесѣды" до того, что и самъ сталъ вскорѣ подражать ея членамъ въ своихъ литературныхъ опытахъ. Самъ Аксаковъ говоритъ, что въ собраніяхъ „Бесѣды" ничего такого не происходило, „что бы и тогдашнимъ его понятіямъ удовлетворяло; что бы кто ни прочелъ — всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты; критическія замѣчанія были еще пошлѣе" — и все это не мѣшало ему увлекаться Шишковымъ и его партіей и совершенно искренно ставить представителей Бесѣды выше Карамзина, Озерова и Батюшкова

Въ 1811 г. Аксаковъ покинулъ Петербургъ и поселился надолго въ своемъ оренбургскомъ помѣстьи. Въ столицахъ бывалъ онъ только изрѣдка и на короткое время — Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ (въ 1815 г.) — онъ познакомился съ Державинымъ и оставилъ намъ превосходное описаніе этого краткаго знакомства въ своихъ „Запискахъ" — Вскорѣ послѣ того онъ женился и почти безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ до 1826 г., когда, перебравшись на житье въ Москву, онъ получилъ тамъ, по знакомству съ Шишковымъ, мѣсто цензора. И въ это время онъ все еще продолжалъ быть дѣятелемъ прежняго литературнаго закала, все еще держался прежнихъ литературныхъ преданій: и все, что онъ писалъ и печаталъ [1]), носило на себѣ ту же печать у богато шишковизма отъ котораго онъ никакъ не могъ отрѣшиться. Даже на его связяхъ и привязанностяхъ оставался все прежній оттѣнокъ пристрастія къ бездарностямъ, представлявшимъ себя опорою русскихъ началъ въ литературѣ: Загоскинъ, Кокошкинъ и Писаревъ — являются закадычными друзьями С. Т. Аксакова, въ которомъ никому изъ его современниковъ и въ голову не приходило предъугадать будущаго замѣчательнаго писателя-художника.

Но время шло своимъ чередомъ; литература русская крѣпла и развивалась; замолкли старые споры, появилась цѣлая школа новыхъ талантливыхъ поэтовъ и писателей, съ Пушкинымъ во главѣ; поднялись новые вопросы, требовавшіе разрѣшенія; само славянофильство, развиваясь въ поколѣніи 30-хъ

[1]) Мы разумѣемъ его „Филоктетъ" (М. 1815) и его весьма плохой переводъ сатиры Буало М. (1826), давно забытый всѣми.

гимъ разсказать перечувствованное: вотъ его единственная задача!"

При этомъ Хомяковъ обращаетъ вниманіе и еще на одну сторону всѣхъ сочиненій Аксакова, писанныхъ въ этотъ послѣдній, замѣчательный періодъ его жизни: „онъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не отрицательной точки зрѣнія".

Дѣйствительно, такое явленіе между нашими писателями 40-хъ и 50-хъ годовъ представлялось-бы нѣсколько страннымъ и одинокимъ, если бы авторъ не писалъ своихъ воспоминаній уже въ старости, когда все описываемое имъ оказывалось отдаленнымъ отъ него на полъ-вѣка.

Въ теченіи двѣнадцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни Сергѣй Тимоѳеевичъ, словно почувствовалъ въ себѣ новый приливъ творческой силы, трудился неутомимо, и не только видалъ въ свѣтъ вышеисчисленныя нами сочиненія, но еще успѣвалъ помѣщать многое въ журналахъ, преимущественно въ Москвитянинѣ; незадолго до смерти онъ читалъ друзьямъ своимъ отрывки изъ повѣсти Наташа, и даже на смертномъ одрѣ передалъ послѣднюю статью свою, О ловлѣ бабочекъ, въ сборникъ Братчина (1859, Спб.).

Сергѣй Тимоѳеевичъ скончался 30 апрѣля 1859 года въ Москвѣ, и погребенъ въ Симоновѣ монастырѣ. Изъ сыновей Сергѣя Тимоѳеевича, двое — Иванъ Сергѣевичъ и Константинъ Сергѣевичъ — прославились впослѣдствіи, какъ писатели. И. С. Аксаковъ, недавно умершій, былъ и поэтомъ, и ученымъ, и публицистомъ. Особенно громкую извѣстность пріобрѣлъ онъ какъ издатель газетъ Москва и День, въ которыхъ постоянно ратовалъ за тѣсное единеніе Россіи съ славянскими народностями. К. С. Аксаковъ былъ исключительно ученымъ, филологомъ и историкомъ, и несмотря на раннюю кончину, оставилъ нѣсколько прекрасныхъ изслѣдованій по русскому языку и русской исторіи.

къ чтенію, и весьма естественно полюбилъ въ этомъ чтеніи именно то, что болѣе всего было доступно его пониманію—лубочныя сказки о Бовѣ, о Еруслапѣ Лазаревичѣ, а потомъ и „Тысяча и одна ночь“, которыя отыскались въ книжномъ запасѣ одного изъ его сверстниковъ. Изъ того же запаса онъ успѣлъ ознакомиться, нѣсколько позже, и съ романическими произведеніями Дюкредю-Мениля и Августа Лафонтена и даже съ тяжеловѣсными произведеніями Хераскова. Кольцову было лѣтъ 16, когда ему попались въ руки сочиненія Дмитріева, которыя и подѣйствовали на него на столько сильно, что онъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе подражать имъ, и самъ захотѣлъ складывать пѣсни: — онъ еще не понималъ тогда различія между стихами и народной пѣсней, и даже не читалъ стихи, а пѣлъ ихъ. Первымъ руководителемъ Кольцова въ дѣлѣ стихотворства былъ воронежскій книгопродавецъ Дмитрій Антоновичъ Кашкинъ, который раньше всѣхъ замѣтилъ въ юношѣ Кольцовѣ поэтическія наклонности; стараясь даже до нѣкоторой степени направить его въ этомъ дѣлѣ, указать ему настоящій путь, онъ подарилъ ему „Русскую Просодію“, изданную для воспитанниковъ Университетскаго благороднаго пансіона; онъ же давалъ ему и книги изъ своей лавки, указывая на основаніи личнаго знакомства съ литературой то, что могло заинтересовать молодого человѣка, что было доступно его пониманію. Такъ черезъ Кашкина Кольцовъ ознакомился съ сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига и другихъ современныхъ поэтовъ. Но гораздо сильнѣе было вліяніе, оказанное на юношу Кольцова другомъ его, Серебрянскимъ, воспитанникомъ воронежской семинаріи. Еще недавно отыскано было нѣсколько тетрадей, исписанныхъ первыми опытами Кольцова, въ перемежку съ цѣлымъ рядомъ стихотвореній Серебрянскаго, положительно указывающихъ на то, что другъ Кольцова, воспользовавшійся благами правильнаго, хотя и не обширнаго образованія, далеко превосходилъ Алексѣя Васильевича въ стихотворствѣ: стихъ его, по времени, оказывается довольно хорошимъ, а метръ даже и весьма разнообразнымъ. Бѣлинскій имѣлъ полное право сказать, что „дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ“. Но не одно только чтеніе и дружба съ Серебрянскимъ способствовали развитію въ Кольцовѣ страсти къ стихотворству:—этому много способствовало, по замѣчанію новѣйшаго біографа, и самое время, самые тѣ двадцатые годы, въ теченіе которыхъ страсть къ стихотворству, овладѣвшая съ конца прошлаго вѣка всѣмъ нашимъ грамотнымъ людомъ, перешла и въ провинцію. Какъ бы смѣшна ни казалась намъ эта общая страсть къ стихамъ,—эта стихоманія, но мы не станемъ смѣяться надъ тѣмъ уваженіемъ къ поэзіи, къ образованію, которыя тѣсно были связаны съ стихоманіей; не станемъ отрицать и того, что связанное съ нею же уваженіе къ чувству, къ женщинѣ, къ мягкимъ, вполнѣ человѣческимъ отношеніямъ—все это должно было приносить извѣстную долю пользы.

Долго не удавалось Кольцову поладить со стихомъ; долго не могъ онъ, не смотря даже и на помощь друзей своихъ, добиться возможности облекать свою мысль хотя-бы и въ сносную стихотворную форму. Онъ чувствовалъ въ себѣ и дѣйствительный поэтическій жаръ, и глубоко сочувствовалъ окружавшей его роскошной, степной природѣ, съ которою онъ былъ знакомъ съ дѣтства,—а стихъ не давался ему, и, даже еще въ 1829 году, однимъ изъ лучшихъ въ числѣ его произведеній явилось, напримѣръ, слѣдующее, въ которомъ онъ такъ выражаетъ свои сѣтованья на судьбу:

Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности:
Жилъ въ степи съ коровами,
Грустъ въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ,
Дикаремъ-степнякою;
Домой въ городъ ѣзживалъ
За дѣлами крайними,
Чаще-жъ за отцовскими
Мудрыми совѣтами;
И въ такихъ занятіяхъ
Двадцать лѣтъ ударило.
Но клянусь вамъ совѣстью,
Я еще не зналъ любви.
Въ городахъ всѣ дѣвушки

шаго его міра. И въ этотъ-то важный періодъ его поэтическаго развитія судьба свела его съ человѣкомъ, который послужилъ для него живымъ звѣномъ, связавшимъ его съ современною нашею литературною жизнью. Это былъ Н. В. Станкевичъ, о которомъ мы уже упоминали въ біографіи Бѣлинскаго. Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ, пріѣзжалъ во время каникулъ въ деревню отца, а оттуда заглядывалъ иногда въ Воронежъ. Слухъ о талантѣ Кольцова дошелъ до Станкевича, который познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его стихотворные опыты и одобрилъ многое. Года два спустя, Станкевичъ встрѣтился съ Кольцовымъ въ Москвѣ, куда тотъ отправился (въ 1831-мъ году) по дѣламъ и порученію отца своего. Затѣмъ, въ 1833 г., вышла въ свѣтъ маленькая книжка стихотвореній Кольцова, изданная по предложенію Станкевича и на его счетъ. Хотя въ этой книжкѣ и заключалось всего 18 пьесъ, избранныхъ Станкевичемъ изъ всего, написаннаго Кольцовымъ до 1835 года, однакоже и по этому немногому уже можно было судить о томъ, что Кольцовъ обладаетъ вполнѣ самороднымъ и дѣйствительно - замѣчательнымъ поэтическимъ даромъ.

1835 годъ Бѣлинскій называетъ эпохою въ жизни Кольцова потому, что онъ въ этомъ году успѣлъ побывать въ обѣихъ нашихъ столицахъ, прожить тамъ довольно долго, увидать полную, лучшую жизнь и перезнакомиться съ различными литературными кружками, съ множествомъ новыхъ лицъ, начиная отъ Пушкина, Жуковскаго и князя Вяземскаго до журналистовъ и литераторовъ средней руки. Новѣйшій біографъ Кольцова прибавляетъ къ этому совершенно справедливо, что періодъ времени между 1836 — 1838 гг. былъ вдвойнѣ замѣчателенъ въ жизни Алексѣя Васильевича: „съ одной стороны литературная извѣстность, доставившая ему и славу, и почитателей въ родномъ городѣ; съ другой, къ концу періода, начало крутаго перелома въ его жизни, слѣдствіемъ котораго было отчужденіе отъ окружавшаго его общества“.

Въ началѣ онъ только чувствовалъ въ себѣ какую-то перемѣну, въ которой не могъ дать себѣ полнаго и яснаго отчета; ему казалось, что у него силъ какъ будто прибыло; онъ чувствовалъ себя выше всѣхъ окружавшихъ его, и, взглянувъ на иную жизнь, задавшись иными цѣлями, воображалъ себѣ, что и этихъ цѣлей ему будетъ очень легко достигнуть, и даже окружающихъ не трудно будетъ передѣлать на свой, новый ладъ. Мы видимъ изъ писемъ его, что, напримѣръ, въ 1836 г., вскорѣ послѣ возвращенія изъ Петербурга и Москвы, Кольцовъ, заправляющій въ отсутствіи отца всѣми дѣлами, проводитъ время среди самыхъ разнообразныхъ занятій — и не тяготится ими: „Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; дома я одинъ; дѣла много. Покупаю свиней, становлю на зимній заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова, осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу с зари до полночи“.

„На душѣ тепло, покойно“,—пишетъ онъ около того же времени къ другому пріятелю. „Хорошее лѣто, славная погода, свѣтлое небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно,— и я жизнію живу и тону всею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта“... „Степь опять очаровала меня; я чортъ знаетъ до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ. Пора любви—она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить—и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива!“...

Къ сожалѣнію, однакоже, это легкое, примиряющее расположеніе, эта терпимость къ людямъ не долго удержались въ убѣжденіяхъ Кольцова. Увлеченный идеями кружка своихъ московскихъ друзей, съ которыми мы отчасти уже знакомы изъ біографіи Бѣлинскаго, Кольцовъ попытался примѣнить ихъ и на практикѣ, и этимъ самымъ внесъ величайшій разладъ въ свои отношенія къ окружающимъ и въ свою семью... Видя крайній неуспѣхъ своей проповѣди и въ то-же время не переставая увлекаться идеями кружка московскихъ друзей, онъ сталъ мало-по-малу ожесточаться противъ всей

было имъ написано до 1830 года, очень несовершенно, слабо и несамостоятельно. Лучшимъ періодомъ его литературной дѣятельности было время отъ 1834—по 1842 г.; въ этомъ періодѣ онъ самъ указывалъ на 1838 годъ, какъ на одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и притомъ на такой, въ теченіе котораго были имъ написаны лучшія произведенія его. Все, что есть лучшаго у Кольцова, принадлежитъ къ совершенно особому роду, который только при немъ и явился у насъ въ литературѣ, только при немъ получилъ и значеніе:—это пѣсня, народная пѣсня, со всею своею сжатостью, со всею силою и выразительностью богатаго языка, и притомъ облеченная въ высоко-художественную форму. Обаяніе народности, производимое пѣсней Кольцова, такъ велико, что ее почти невозможно читать—ее хочется пѣть. Обаяніе это на столько сильно, что даже странный размѣръ пѣсенъ Кольцова, вовсе несвойственный произведеніямъ народной поэзіи, не нарушаетъ общей гармоніи производимаго ими впечатлѣнія. И что всего важнѣе, такія пьесы, какъ „Лѣсъ“, Пѣсни Лихача Кудрявича, Измѣна суженой, Косарь, Раздумье селянина, Пѣсня пахаря, Хуторокъ и т. п.—не только принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній русской лирики вообще: онѣ сверхъ того являются еще произведеніями, важными въ отношеніи историческомъ, какъ попытки связать въ одно органическое цѣлое нашу искусственную литературу и неистощимо-богатую безъискусственную поэзію народа. Съ этой стороны, прекрасныя пѣсни Кольцова особенно много говорятъ сердцу каждаго русскаго человѣка.

Преданія о поэтѣ Кольцовѣ еще были живы въ Воронежѣ, когда въ этомъ благодатномъ уголкѣ Россіи уже народился новый и не менѣе Кольцова талантливый поэтъ—Никитинъ.

Иванъ Савичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21-го сентября 1824 г. Отецъ его происходилъ изъ духовнаго званія и прозывался Кириловымъ: фамилію Никитина принялъ онъ уже по выходѣ изъ духовнаго званія, записавшись въ воронежскіе мѣщане. У него былъ свой домъ, въ самой живописной части города, на высокихъ холмахъ праваго берега р. Воронежа; была и весьма выгодная свѣчная торговля не только въ самомъ Воронежѣ, но и по мѣстнымъ ярмаркамъ; былъ даже свой собственный, небольшой свѣчной заводъ. Это былъ человѣкъ замѣчательно-умный, получившій нѣкоторое образованіе, начитанный; всѣ относились къ нему съ почтеніемъ, какъ къ толковому, бойкому, изворотливому человѣку, который умѣлъ и торговать, и угостить, и принять. Уважали его также и за непомѣрную, богатырскую силу, „которою онъ наводилъ ужасъ на кулачныхъ бояхъ“, тогда еще процвѣтавшихъ въ Воронежѣ. Мать Ивана Савича происходила изъ воронежскихъ мѣщанокъ и была существо доброе, тихое, безотвѣтное...

Первымъ учителемъ Никитина былъ сапожникъ, научившій его грамотѣ; первыми книгами, которыя завлекли его къ чтенію, были сентиментальныя повѣсти Коцебу и таинственные, страшные романы Радклифъ. Въ 1832 г., когда мальчику было 8 лѣтъ, отецъ отдалъ его въ духовное училище, гдѣ мальчикъ шелъ очень хорошо. Отецъ радовался его успѣхамъ, хотя и былъ къ нему постоянно очень строгъ. Въ 1841 г., по окончаніи курса въ духовномъ училищѣ, Иванъ Савичъ поступилъ въ воронежскую духовную семинарію. И здѣсь онъ занимался успѣшно, болѣе всего, конечно, по словесности; здѣсь же представилъ онъ своему преподавателю словесности первые свои стихотворные опыты, которые тотъ вполнѣ одобрилъ. Въ особенности много занимался молодой Никитинъ чтеніемъ русскихъ поэтовъ, зналъ ихъ почти наизусть, и зачитывался статьями Бѣлинскаго, который оставилъ глубокій слѣдъ въ душѣ Никитина. Въ 1843 г. Никитинъ окончилъ философскій курсъ; отецъ задумывалъ было отправить его въ университетъ, думая этимъ удовлетворить любимой мечтѣ сына. Но судьба судила иначе...

Около этого времени дѣла отца Никитина пришли въ разстройство; торговля упала; старикъ-отецъ сталъ запивать... И молодой Никитинъ, вмѣсто университета, очутился прикащикомъ въ свѣчной лавкѣ отца, среди той практической торговой дѣятельности мелкаго торгаша, которая была ему не по душѣ и представлялась „грязною и нич-

А между тѣмъ, у него уже была готова большая поэма изъ народнаго быта, которую онъ назвалъ „Кулакъ“ — и рѣшился напечатать отдѣльно (въ началѣ 1858 г.). Эта поэма и цѣлый рядъ стихотвореній Никитина, въ то же время печатавшійся въ журналахъ, заставили всѣхъ измѣнить взглядъ на Никитина, какъ поэта. Не только журнальная критика, но даже и сама Академія Наукъ, въ лицѣ академика Я. К. Грота, встрѣтила поэму Никитина чрезвычайно благосклонно. Разборъ поэмы, написанный Я. К. Гротомъ и весьма лестный для автора, былъ прочитанъ имъ въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія Академіи и потомъ напечатанъ въ „Извѣстіяхъ“ Академіи Наукъ.

Поэма Никитина въ этомъ разборѣ была названа „замѣчательнымъ явленіемъ русской поэзіи“. Свѣжестью и силою вѣяло отъ нея; глубокимъ знаніемъ народной жизни отзывалось каждое ея слово, каждая строка. Поэма раскупилась такъ быстро, что къ концу года не осталось въ продажѣ ни одного экземпляра, и петербургскіе книгопродавцы стали ухаживать за Никитинымъ, предлагая имъ продать поэму или продать право на второе изданіе. Но у Никитина не то было въ головѣ...

Друзья подали Никитину мысль объ основаніи въ Воронежѣ книжнаго магазина съ отдѣленіемъ для продажи бумаги и канцелярскихъ принадлежностей. Такое предпріятіе могло бы наконецъ развязать руки Никитину и избавить его отъ „дворничества“, которое страшно его тяготило и разстроивало его здоровье. Но нужны были деньги... Пріятели помогли и въ этомъ случаѣ, и добыли денегъ отъ В. А. Кокорева, который весьма охотно и деликатно пришелъ на помощь поэту и далъ ему возможность, хотя въ послѣдніе годы жизни, пожить сколько нибудь лучше и спокойнѣе... Книжный магазинъ пошелъ отлично; еще лучше пошла при немъ бумажная торговля (1859 г.). Никитинъ былъ совершенно доволенъ своей судьбой и счастливъ своимъ положеніемъ. Въ столѣ его уже лежали почти готовыя произведенія: „Городской голова“ и „Дневникъ Семинариста“—полныя жизни и автобіографическихъ, глубоко-прочувствованныхъ страницъ... Но силы поэта уже были надломлены; начиналась чахотка, которую еще болѣе ускоряли и развивали страшныя семейныя сцены съ буйнымъ и пьянымъ отцомъ. Никитинъ дожилъ однакоже до второго изданія своихъ стихотвореній, въ которое не включилъ поэму „Кулакъ“. Съ неумолимою строгостью выпустилъ онъ изъ него и все, что было имъ написано до 1856 г., и теперь казалось ему слабымъ. Дожилъ онъ и до радостнаго событія 19-го февраля 1861 года — но встрѣтилъ его уже на смертномъ одрѣ, въ состояніи безнадежномъ. Осенью того-же года онъ составилъ духовное завѣщаніе, по которому передалъ весь свой небольшой достатокъ, полученный путемъ литературы и книжной торговли, нѣсколькимъ семействамъ изъ бѣднѣйшей своей родни. Онъ скончался 16-го окт. 1861 г. и былъ торжественно похороненъ на Новомъ Митрофановскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Кольцова. Весь городъ провожалъ его до могилы.

Біографъ и другъ Никитина, М. Ѳ. де-Пуле, совершенно справедливо замѣчаетъ, что между Кольцовымъ и Никитинымъ „кромѣ происхожденія, нѣтъ ничего общаго. Никитинъ былъ вполнѣ литераторъ, тогда какъ Кольцовъ, несмотря на большую даровитость, несмотря на крупное литературное значеніе, литераторомъ никогда не былъ“. Критика встрѣтила первое изданіе стихотвореній Никитина довольно холодно потому именно, что ожидала найти въ немъ „новаго Кольцова, воронежскаго мѣщанина и поэта“. Но эти странныя притязанія были совсѣмъ забыты впослѣдствіи, когда „въ послѣдніе четыре года своей жизни, рядомъ произведеній, даровитость которыхъ не подверталась уже ничьему сомнѣнію, Никитинъ снова возбудилъ къ себѣ горячія симпатіи и сошелъ въ могилу, сопровождаемый искреннимъ сожалѣніемъ современной литературы“.

пінтики, риторики и краснорѣчія. Въ томъ же году, 16-го ноября, Василій Дроздовъ, согласно прошенію его, постриженъ въ монашество, съ именемъ Филарета, и посвященъ въ іеродіаконы. Въ своемъ прошеніи, поданномъ, по поводу постриженія, митрополиту Платону, учитель Дроздовъ писалъ: „Обучаясь и потомъ обучая подъ архипастырскимъ Вашего Высопреосвященства покровительствомъ, я научился находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи. Сіе расположило меня къ званію монашескому. Я тщательно испыталъ себя въ семъ расположеніи въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ должности учительской“...

И, вскорѣ послѣ того, онъ писалъ къ отцу своему (за двѣ недѣли до постриженія): „Батюшка! Василья скоро не будетъ; но Вы не лишитесь сына:—сына, который понимаетъ, что Вамъ обязанъ болѣе, нежели жизнью, чувствуетъ важность воспитанія, и знаетъ цѣну Вашего сердца“.

Въ 1809 году, въ числѣ другихъ отличнѣйшихъ семинарскихъ преподавателей, Филаретъ Дроздовъ былъ выписанъ во вновь преобразованную С.-Петербургскую духовную академію. „Вскорѣ послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, ректоръ (лаврской семинаріи) Евграфъ повезъ меня къ Ѳеофилакту [1])“,—такъ разсказываетъ Филаретъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Ѳеофилактъ спросилъ меня: „чему я учился?“ Я отвѣчалъ: философіи. Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ экзаменъ; спросилъ: что есть истина? Я, знакомый только со старыми Вольфіанскими и Лейбницевыми понятіями философскими, отвѣчалъ: „истина логическая есть то-то, истина метафизическая—то-то. Ѳеофилактъ не удовольствовался, спросилъ: что есть истина вообще?—Я затруднялся, не зналъ, что отвѣчать. Спасибо ректору: онъ вывелъ изъ замѣшательства шуткою. „На этотъ вопросъ“, сказалъ онъ Ѳеофилакту, „не далъ отвѣта и Христосъ Спаситель“. Вопросы Ѳеофилакта перешли къ языкамъ. Узнавъ о знакомствѣ моемъ съ языками древними—еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, онъ рекомендовалъ непремѣнно учиться и какому-нибудь изъ новыхъ, а въ особенности французскому, увѣряя, что на немъ пишутъ, или на него переводятъ все примѣчательное въ наукѣ. Это заставило меня обратиться къ изученію французскаго языка. Можетъ быть, впрочемъ, было бы лучше, если бы я зналъ нѣмецкій языкъ“...

Въ 1812 г. Филаретъ, обратившій на себя вниманіе начальства своими чрезвычайными способностями и даромъ слова, какъ духовный проповѣдникъ, былъ опредѣленъ ректоромъ С.-Петербургской академіи, затѣмъ вскорѣ возведенъ въ санъ епископа ревельскаго (1817) и архіепископа тверскаго и кашинскаго (1819); въ 1820 именованъ архіепископомъ ярославскимъ и ростовскимъ, и наконецъ, 3-го іюля 1820 г.,—архіепископомъ московскимъ и коломенскимъ и архимандритомъ Св. Троицкой Сергіевой лавры.

Въ теченіе этого періода (1812—1820), Филаретъ неусыпно и непрестанно трудился на трудномъ поприщѣ духовнаго просвѣщенія, то какъ преподаватель, то какъ составитель учебниковъ, необходимыхъ для академическаго курса, то какъ ревизоръ и обозрѣватель (въ качествѣ члена коммиссіи духовныхъ училищъ) учебно-образовательныхъ заведеній по духовному вѣдомству въ губерніяхъ Петербургскаго и Московскаго учебныхъ округовъ. За это время онъ успѣлъ издать въ свѣтъ свои богословскія сочиненія: „Начертаніе церковно-библейской исторіи“, „Записки на книгу Бытія“ — первый въ Россіи опытъ ученаго изъясненія Св. Писанія, и наконецъ „Пространный катихизисъ“, принятый въ руководство во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ онъ успѣвалъ и говорить свои прекрасныя проповѣди, къ которымъ готовился при помощи глубокаго и многосторонняго изученія св. отцевъ Церкви; успѣвалъ и совершенствоваться, и расширять свой обширный кругъ знаній и переводить любимаго изъ духовныхъ писателей, Григорія Богослова.

Обширная и неутомимая дѣятельность Филарета обратила на него вниманіе и самого императора Александра Благословеннаго, который удостоилъ знаменитаго пастыря Церкви высокаго довѣрія: поручилъ ему на храненіе актъ, назначавшій преем-

[1]) Ѳеофилактъ Русановъ, въ санѣ архіепископа, принялъ должность профессора словесности въ преобразованной академіи, и пользовался въ ней большою силою, по своимъ связямъ со Сперанскимъ.

юбилей пастырской дѣятельности митрополита Филарета — и это празднество было празднествомъ всей Русской Церкви. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, котораго митрополитъ Филаретъ былъ удостоенъ въ этотъ знаменательный день, заслуги его получили достойную и правильную оцѣнку. Послѣ упоминанія объ „епархіальномъ служеніи“ митрополита, въ рескриптѣ сказано, между прочимъ:

„Многочисленныя пастырскія познанія ваши заключаютъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, и служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній православнаго русскаго юношества; въ то же время они перелагаются на чужеземные языки для научнаго и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ и въ нихъ пріемлются съ уваженіемъ. Глубокая опытность ваша въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія содѣлала необходимымъ и драгоцѣннымъ ваше слово, совѣтъ и постоянное, въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ участіе ваше въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству. Ваша пастырская попечительность о высшихъ интересахъ православнаго міра простирается далеко за предѣлы отечества и въ особенности на Востокѣ, пріобрѣтая Вашему имени почетную извѣстность“.

Филаретъ скончался 19-го ноября 1868 г. Одинъ изъ умнѣйшихъ и талантливѣйшихъ современныхъ публицистовъ, извѣщая глубоко потрясенную Москву объ этомъ событіи, прекрасно передалъ общее впечатлѣніе, произведенное этою кончиною:

„Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ собственную силу,— сила, созданная не извнѣ, порожденная мощію личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась Церковь и утѣшался народъ! Отжита навѣкъ та величавая, долгая современность, что обошла собою пространство полвѣка, что передала длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, не избыть и во-вѣки“...

Всѣ творенія митрополита Филарета, много разъ переизданныя при жизни его, еще разъ, въ значительно-пополненномъ видѣ, были изданы послѣ его кончины, и, въ числѣ ихъ, „Слова и рѣчи“ Филарета занимаютъ первое мѣсто, на ряду съ самыми выдающимися памятниками нашего духовнаго краснорѣчія. „Глубокая сосредоточенность мысли, строжайшая послѣдовательность въ развитіи тэмы, сила выраженія — вотъ что составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго слова этого архипастыря. Никто изъ нашихъ проповѣдниковъ не обладаетъ такимъ великимъ искусствомъ проникнуть въ самую глубину содержанія текста, избраннаго для проповѣди, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, раскрыть весь его смыслъ. Сжатость и совершенная чистота, сила и точность, строжайшая правильность, простота, нисходящая до языка простой бесѣды, и, вмѣстѣ, необыкновенное изящество — вотъ отличительныя свойства его образцоваго слова. Какъ по внутреннему содержанію, такъ и по языку, и по формѣ, и по тщательной отдѣлкѣ, рѣчи его представляютъ верхъ совершенства ораторскаго искусства. Отъ нихъ вѣетъ твореніями древнихъ великихъ учителей Церкви,— тѣми твореніями, которыя онъ такъ любилъ изучать“.

Другой замѣчательный и высоко-талантливый проповѣдникъ нынѣшняго столѣтія, архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій, родился въ городѣ Сѣвскѣ, Орловской губ., въ 1800 году. Отецъ его, Алексѣй Борисовъ, былъ священникомъ въ Сѣвскѣ, и самъ Иннокентій, при рожденіи, былъ названъ Иваномъ. О его дѣтствѣ и раннемъ періодѣ юности почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что изъ родительскаго дома онъ, сначала, поступилъ въ Воронежское духовное уѣздное училище, а потомъ снова вернулся на родину, въ г. Сѣвскъ, гдѣ въ то время находилась Орловская духовная семинарія. Учился онъ хорошо и легко, потому что уже и на ученической скамьѣ выказывалъ замѣчательныя способности и бойкость ума; но рѣзвый, живой, увлекающійся характеръ юноши много мѣшалъ его занятіямъ. Въ 1819 г. Иванъ Борисовъ окончилъ курсъ въ семинаріи и вскорѣ послѣ того, по требованію

Въ 1830 г. Иннокентій перемѣщенъ былъ въ Кіевскую духовную академію ректоромъ и ординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ, и тѣ десять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ этомъ званіи, считаютъ недаромъ лучшими годами въ жизни этого ученаго учрежденія, воспитавшаго Иннокентія. Онъ съумѣлъ собственнымъ участіемъ, собственнымъ примѣромъ и собственнымъ геніемъ не только расширить и оживить преподаваніе наукъ въ академіи, но и вызвать самихъ студентовъ къ самодѣятельности, и заставить ихъ много работать для самообразованія. „Желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, онъ совѣтовалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, а заниматься чтеніемъ и по другимъ наукамъ, напр. астрономіи, естественной исторіи“...

„Я удивляюсь“ — сказалъ онъ однажды студентамъ — „какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ“.

При такой обширной, непрестанной, кипучей дѣятельности, Иннокентій съ изумительною энергіею и настойчивостью продолжалъ вырабатывать въ себѣ тотъ дивный ораторскій даръ, которымъ онъ надѣленъ былъ свыше. Онъ не пропускалъ ни одного высокоторжественнаго и праздничнаго дня безъ проповѣди и проповѣдывалъ непрерывно, то въ Кіево-Печерской лаврѣ, то въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, то въ Кіево-братскомъ монастырѣ. Проповѣди его привлекали толпы народа и отличались своею необыкновенною доступностью для всѣхъ классовъ. Говорилъ онъ ихъ превосходно, всегда безъ тетради, съ жаромъ и увлеченіемъ, — но, тѣмъ не менѣе, эти проповѣди свои Иннокентій писалъ, вырабатывалъ до удивительнаго, до возможнаго литературнаго совершенства, и печаталъ, не опасаясь за ихъ успѣхъ. Въ печати, одинъ за другимъ, являлись сборники его проповѣдей — „Собраніе словъ и бесѣдъ“ (два тома), „Страстная седмица“, „Свѣтлая седмица“, „Первая седмица великаго поста“ — и всѣ читали ихъ съ жадностью, съ восторгомъ, и имя Иннокентія, какъ проповѣдника необычайно-вдохновеннаго, стало извѣстно всей Россіи.

Въ 1836 году Иннокентій былъ уже викаріемъ Кіевской епархіи и епископомъ Чигиринскимъ; а въ 1840 году сначала переведенъ епископомъ въ Вологодскую епархію, а потомъ (въ томъ же году) въ Харьковскую, гдѣ оставался около семи лѣтъ. Литературныя занятія Иннокентія въ это время, не смотря на обширную дѣятельность по епархіи, продолжались съ прежнею энергіею и чрезвычайною плодовитостью. Въ это время имъ были изданы въ отдѣльныхъ книгахъ: „О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ“ — бесѣды на св. Четыредесятницу; „Молитва св. Ефрема Сирина“ — бесѣды на св. Четыредесятницу; „Великій постъ или новыя бесѣды на св. Четыредесятницу“; „Паденіе Адамово“ — бесѣды на великій постъ; „Слова и рѣчи къ пастве Харьковской“; „Три слова о землѣ“. Въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ Иннокентій старался объяснить такую плодовитость и даже нѣкоторую поспѣшность въ печатаніи своихъ произведеній. „Жатва многа, необозрима“; — пишетъ онъ въ 1847 году — „а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе-то самое и меня, при всѣхъ недосугахъ, заставляетъ печатать именно, что Богъ послалъ, не заботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слова въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно изъ писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю, какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость — отказывать имъ въ пищѣ или заставлять долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ или съ извѣстными фигурами?...“

Около этого времени, кромѣ своихъ проповѣдей, Иннокентій обратилъ свой талантъ писательскій на новый родъ литературной дѣятельности: онъ началъ заниматься составленіемъ и изданіемъ акаѳистовъ — „Страстямъ Господнимъ“, „Покрову Пресвятой Богородицы“, „Живоносному Гробу“ и другихъ. По его собственному сознанію, текстъ и содержаніе этихъ акаѳистовъ онъ заимствовалъ изъ извѣстнаго западно-русскаго „Почаевскаго акаѳистника“, то сокращая, то очищая, то усиливая помѣщенные въ немъ акаѳисты. Многіе изъ этихъ акаѳистовъ положены были на музыку извѣстнымъ рус-

вѣди... „Внѣшніе враги не много значатъ для него, если внутри нѣтъ мятежа... И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество... Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ — христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самимъ собою дѣлаетъ насъ искренними христіанами... Безъ сего нѣтъ, и не можетъ быть спасенія". Едва возвратившись въ Одессу изъ своего объѣзда, Иннокентій занемогъ и не вставалъ болѣе: 26 мая 1857 г., въ день Сошествія Св. Духа—любимый его праздникъ—Иннокентія не стало.

Значеніе Иннокентія въ исторіи нашего духовнаго краснорѣчія всего лучше опредѣляется сравненіемъ его проповѣднической дѣятельности съ проповѣдническою дѣятельностью митрополита Филарета. О проповѣдникѣ говорятъ обыкновенно, что онъ можетъ двояко дѣйствовать на своихъ слушателей — путемъ разума и путемъ чувства. Эти два противуположные пути нашли себѣ превосходныхъ вѣроучителей въ митрополитѣ Филаретѣ и въ Иннокентіи: — насколько первый дѣйствовалъ преимущественно на разумъ путемъ неотразимаго убѣжденія, на столькоже второй — дѣйствовалъ преимущественно на сердце, увлекая его неудержимымъ порывомъ. Филаретъ обладалъ несравненно бо́льшимъ запасомъ научныхъ и философскихъ знаній, и по самой природѣ своей былъ болѣе способенъ въ нихъ углубляться и проникаться ими; Иннокентій былъ великій художникъ и поэтъ, и по счастливому выраженію одного изъ его современниковъ—„не наука, а искусство, высокое искусство человѣческаго слова: вотъ въ чемъ состоитъ его истинное призваніе!" Разница характеровъ и направленій таланта обоихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ—Филарета и Иннокентія—выражалась отчасти и въ ихъ собственныхъ литературныхъ пристрастіяхъ: насколько Филаретъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ Григорію Богослову, настолько-же Иннокентій—всѣмъ сердцемъ преданъ Іоанну Златоустому.

Въ заключеніе сказаннаго нами объ Иннокентіи приведемъ прекрасный и вполнѣ безпристрастный отзывъ о немъ покойнаго митрополита Московскаго Макарія (Булгакова)—одного изъ друзей знаменитаго исповѣдника:

...„Преосвященный Иннокентій былъ великій проповѣдникъ, не всегда себѣ равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производившій магическое вліяніе на слушателей, — великій не настолько въ печатныхъ своихъ проповѣдяхъ, ...сколько тогда, когда онъ произносилъ ихъ. Это былъ геніальный ораторъ, именно на каѳедрѣ церковной... Какъ писатель русскій, преосвященный Иннокентій, по справедливости, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы; а какъ проповѣдникъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ".

дровичъ нашелъ и разрозненную небольшую библіотеку, въ которой его жажда къ чтенію получила полное удовлетвореніе: тутъ попались ему въ руки путешествія Кука и Крашенинникова, Мунго-Парка и Палласа, историческія сочиненія Карамзина и Голикова, Роллена и Милота, произведенія Нахимова и Расина, Фонъ-Визина и Тасса, а рядомъ съ ними дѣтскіе нравоучительные разсказы Беркэна, „Телемакъ“ Фенелона, и потомъ, тутъ-же, мрачные романы: „Радклифъ“, „Саксонскій разбойникъ“ и даже одинъ томикъ „Ключа къ таинствамъ природы“ Эккартсгаузена! И вся эта невообразимая смѣсь была не только прилежно прочитана, но даже почти выучена наизусть юнымъ Гончаровымъ. Это повальное чтеніе безъ всякаго руководства и контроля, безъ всякаго порядка и послѣдовательности, не могло однакоже не подѣйствовать на усиленное развитіе фантазіи, и безъ того уже слишкомъ живой отъ природы, и когда 12-ти-лѣтній Гончаровъ былъ изъ Симбирска отвезенъ въ Москву и опредѣленъ тамъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, страсть къ чтенію, развиваясь болѣе и болѣе, много способствовала быстрому ознакомленію юноши съ нѣмецкимъ и англійскимъ языками и усовершенствованію въ знаніи французскаго языка, извѣстнаго ему уже съ дѣтства.

Въ 1831 году Гончаровъ поступилъ въ Московскій университетъ, по филологическому факультету. Здѣсь онъ еще засталъ Лермонтова, и потомъ Станкевича и его кружокъ, съ которымъ, впрочемъ, Гончаровъ, сидя въ другомъ концѣ обширной аудиторіи, не былъ знакомъ вовсе.

Тогдашній университетъ, такъ много разъ уже описанный многими изъ современниковъ, произвелъ на талантливаго и хорошо подготовленнаго юношу самое благопріятное впечатлѣніе. Новые и тогда еще молодые профессоры—Шевыревъ, Надеждинъ и Давыдовъ—оказали на него, какъ и на всю массу тогдашней студенческой молодежи, сильное вліяніе. Давыдовъ читалъ свои лекціи по исторіи русской литературы, Надеждинъ—теорію изящныхъ искусствъ и археологію, а Шевыревъ — исторію древнихъ и западныхъ литературъ; кромѣ того, недовольствуясь программой, одинъ изъ этихъ молодыхъ и рьяныхъ ученыхъ читалъ студентамъ общій очеркъ исторіи философіи [1]), а другой — очеркъ философіи въ искусствѣ [2]). Всѣ эти лекціи, вообще благотворно дѣйствовавшія на слушателей, должны были въ высшей степени привлечь и вниманіе молодого Гончарова по новости идей и самаго языка. Въ ту пору еще впервые слышалась съ каѳедры рѣчь живая и смѣлая, еще впервые искусство и наука сближались съ жизнью, рутина и схоластика изгонялись изъ университетской аудиторіи, и умы слушателей освѣжались внесеніемъ здравыхъ критическихъ взглядовъ на литературу и науку, а подъ вліяніемъ развивающагося вкуса къ изученію философіи, жизнь представлялась рядомъ стремленій къ достиженію идеаловъ добра, правды, красоты, совершенствованія и прогресса. Все это совпадало съ возникавшею тогда и въ литературѣ жизнью, внесенною, послѣ долгаго застоя, Пушкинымъ и его плеядою, и критическимъ переворотомъ, который произведенъ былъ въ журналистикѣ тѣмъ же Надеждинымъ, Полевымъ и другими, окончательно уничтожившими старую риторическую школу.

Окончивъ полный курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій, воспитавшихъ и Лермонтова, и Бѣлинскаго, и Станкевича, и К. Аксакова и многихъ другихъ почтенныхъ русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей, Иванъ Александровичъ сначала отправился на родину, гдѣ и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ—въ Петербургъ. Тутъ онъ опредѣлился на службу, переводчикомъ, въ Министерство Финансовъ, и служебная формалистика стала такъ много отнимать у него времени, что только досуги могъ онъ посвящать своимъ любимымъ занятіямъ русской и иностранною литературами. Но—„гдѣ не бываетъ наслажденій?“ справедливо восклицаетъ Гоголь. „Живутъ они въ Петербургѣ не смотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ суровый 30-ти-градусный морозъ, взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары... но привѣтливо, сквозь летающій перекрестно хлопья снѣга, свѣтитъ вверхъ

[1]) Давыдовъ.—[2]) Надеждинъ.

...скихъ и другой образъ, медленно и спокойно складывался планъ и другого произведенія, окончательно упрочившаго впослѣдствіи литературную извѣстность Гончарова. Мы говоримъ объ его „Обломовѣ“, котораго первые отрывки были помѣщены въ „Иллюстрированномъ Альбомѣ“, при „Современникѣ“ 1848—49 г., подъ заглавіемъ: „Сонъ Обломова“, между тѣмъ какъ все произведеніе выдано было въ свѣтъ лѣтъ десять спустя [3]).

Въ 1852 году Гончаровъ получилъ отъ Морскаго Министерства предложеніе отправиться въ кругосвѣтное плаваніе, въ качествѣ секретаря при адмиралѣ Путятинѣ, который отправлялся для заключенія торговаго трактата въ Японію. Гончаровъ согласился на это предложеніе и отправился кругомъ Свѣта на фрегатѣ Паллада, продолжая обдумывать и обработывать своего „Обломова“, и набираясь въ то же время новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Результатомъ долгаго и труднаго плаванія, закончившагося еще болѣе труднымъ путешествіемъ по горамъ и степямъ Сибири, были сначала отдѣльные отрывки изъ общаго описанія всего путешествія, которые Гончаровъ, по возвращеніи, печаталъ въ разныхъ журналахъ, а потомъ и полное, высоко-художественное описаніе всего путешествія, изданное Гончаровымъ въ двухъ большихъ томахъ (въ 1856 и 1857 гг.), подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“.

Но ни яркія впечатлѣнія путешествія, ни многосложныя служебныя занятія, которымъ авторъ долженъ былъ предаться по возвращеніи въ Петербургъ — ничто не могло отклонить Гончарова отъ окончанія его любимаго и давно-выношеннаго труда; и вотъ въ 1857 году онъ отправился на воды за границу, и здѣсь, въ Карлсбадѣ, дописалъ всего „Обломова“, котораго, собственно говоря, до той поры окончена была только первая часть. Весь романъ являлся автору

---

[1]) Онъ былъ на всѣ руки мастеръ: отличный каллиграфъ и переплетчикъ. Рисунками этотъ журналъ снабжалъ самъ Н. А. Майковъ и другіе. Этотъ любопытный журналъ сохранился и бережется въ семьѣ Майковыхъ, какъ святыня.—[2]) За сообщеніе этихъ подробностей мы приносимъ глубокую благодарность Л. Н. Майкову.—[3]) Около того же времени, т. е. въ 1848—49 гг., напечатанъ былъ въ „Современникѣ“ Гончаровымъ небольшой, но чрезвычайно живой и забавный очеркъ петербургскихъ чиновничьихъ нравовъ, подъ заглавіемъ: Иванъ Савичъ Поджабринъ, впослѣдствіи перепечатанный въ одномъ изъ томовъ сборника „Для Легкаго Чтенія“.

было не провалился туда: — отецъ едва успѣлъ вытащить его оттуда, во-время ухвативъ за ногу [1]).

По возвращеніи изъ этого путешествія за границу, семейство Тургеневыхъ надолго поселилось въ родовомъ своемъ имѣніи, Мценскаго уѣзда Орловской губ. Тутъ пятилѣтній Иванъ Сергѣевичъ былъ окруженъ учителями и воспитателями различныхъ націй: — въ числѣ его учителей и воспитателей не было только ни одного русскаго. Первое знакомство съ русскими книгами и съ русской поэзіей пришло къ нему прямо изъ народа: — крѣпостной человѣкъ матери Ивана Сергѣевича, страстный чтецъ и поклонникъ Хераскова, ознакомилъ своего барича съ Россіядой, которая и была одною изъ первыхъ русскихъ книгъ, прочтенныхъ Иваномъ Сергѣевичемъ.

Въ 1828 году родители Тургенева переселились въ Москву, и въ 1834 году Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ Московскій университетъ; но пробылъ здѣсь не долго, и на слѣдующій же годъ перешелъ въ Петербургскій, гдѣ и окончилъ курсъ по филологическому факультету, кандидатомъ.

Первые литературные опыты были однакоже сдѣланы Тургеневымъ ранѣе окончанія курса, и попали въ печать черезъ посредство Плетнева, который съумѣлъ отличить будущаго писателя въ толпѣ его товарищей. Вотъ какъ самъ Тургеневъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ Воспоминаніяхъ. „Въ началѣ 1837 г., я, будучи третьекурснымъ студентомъ С.-Петербургскаго университета... представилъ на разсмотрѣніе профессора русской словесности, П. А. Плетнева, одинъ изъ первыхъ плодовъ моей музы — какъ говорилось въ старину, — фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ, подъ заглавіемъ „Стеніо“. Въ одну изъ слѣдующихъ лекцій, П. А., не называя меня по имени, разобралъ, съ обычнымъ своимъ благодушіемъ, это совершенно нелѣпое произведеніе, въ которомъ, съ дѣтскою неумѣлостью, выражалось рабское подражаніе Байроновскому „Манфреду“. Выходя изъ зданія университета и увидѣвъ меня на улицѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и отечески пожурилъ меня, при чемъ однако замѣтилъ, что во мнѣ что-то есть! Эти два слова возбудили во мнѣ смѣлость отнести къ нему нѣсколько стихотвореній; онъ выбралъ изъ нихъ два, и, годъ спустя, напечаталъ ихъ въ „Современникѣ“, который унаслѣдовалъ отъ Пушкина. Заглавія второго не помню; но въ первомъ восцѣвался „Старый Дубъ“, и начиналось оно такъ:

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ
и т. д.“

По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, весною 1838 года, Тургеневъ отправился „доучиваться“ въ Берлинъ. „Мнѣ было всего 19 лѣтъ“, — разсказываетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — „объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно. Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія находится за границей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей С.-Петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ они сами были имъ проникнуты; его придерживалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ, посылавшій на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты. Въ Берлинѣ я пробылъ (въ два пріѣзда) около двухъ лѣтъ. Я занимался философіей, древними языками, исторіей, и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера“.

Сообщая эти подробности о своемъ пребываніи въ Берлинѣ, Тургеневъ въ то же время даетъ возможность заглянуть очень глубоко въ свое тогдашнее нравственное настроеніе, указываетъ на результаты, вынесенные имъ изъ пребыванія за границей, и на тотъ путь, которымъ сложились убѣжденія, руководившія въ теченіе всей жизни его литературною и общественною дѣятельностью.

„Стремленіе молодыхъ людей — моихъ сверстниковъ — за границу (замѣчаетъ Тургеневъ въ „Воспоминаніяхъ“) напоминало исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ. Каждый изъ насъ точно

[1]) Въ другой разъ, отправляясь за границу, уже 20-ти-лѣтнимъ юношей, Иванъ Сергѣевичъ чуть не погибъ во время пожара парохода „Николай I“, близъ Травемюнде.

„общей колеей“ была сдѣлана и Тургеневымъ, потому что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу: онъ, нимало не нуждаясь въ службѣ, Богъ вѣсть почему и для чего, около года состоялъ однакоже при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ... Но попытка эта не привела ни къ чему — и не смотря на самыя неблагопріятныя условія, въ какія была поставлена наша литература въ началѣ 40-хъ годовъ, Тургеневъ вскорѣ всею душою предается именно литературѣ... Начало его литературнаго поприща тоже неразрывно связано съ именемъ Бѣлинскаго, какъ и все то, что сколько-нибудь выходило изъ общаго литературнаго уровня, въ періодъ дѣятельности этого замѣчательнаго критика.

„Около Пасхи 1843 года“, — пишетъ Тургеневъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — „въ Петербургѣ произошло событіе, и само по себѣ крайне незначительное, и давнымъ-давно поглощенное общимъ забвеніемъ. А именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л., подъ названіемъ „Параша“. — Этотъ Т. Л. былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное поприще“... „Въ день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню я сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его, и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и, не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку „Отечественныхъ Записокъ“, прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не „могъ повѣрить“, и когда, въ Москвѣ, покойный И. В. Кирѣевскій подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель „Параши“ не я. Возвратившись въ Петербургъ я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось“...

Бѣлинскій, при свиданіяхъ съ Тургеневымъ, говорилъ съ нимъ особенно охотно потому, что тотъ недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ занимался гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы.

„Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана, и, едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду“...

...„Что касается собственно до меня, то должно сказать, что Бѣлинскій, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, весьма скоро — и совершенно справедливо — охладѣлъ къ ней: не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возъимѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ „Современника“, я оставилъ ему (уѣзжая въ концѣ 1846 г. изъ Петербурга) очеркъ, озаглавленный „Хорь и Калинычъ“. (Слова: изъ „Записокъ Охотника“ были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка [1]) побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ“.

„Записки Охотника“ и нѣкоторая часть мелкихъ повѣстей и разсказовъ Тургенева, написанныхъ между 1844—1850 гг., вскорѣ доставили ему громкую литературную извѣстность, которая однакоже не могла примирить его съ Россіею конца 40-хъ годовъ: ему жилось въ ней такъ тяжело и грустно, что въ 1848 году онъ совсѣмъ было рѣшился оставить Россію и остаться навсегда за границей. Грустное чувство, которое имъ невольно овладѣвало при мысли объ этомъ рѣшеніи, отразилось и на большей части „Записокъ Охотника“ (написанныхъ за границей, преимущественно въ Парижѣ): — особенно замѣтно это настроеніе въ описаніяхъ и картинахъ природы.

[1]) Бѣлинскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тургеневу, писалъ ему: „Хорь обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ“.

Въ 1830 г. Иннокентій перемѣщенъ былъ въ Кіевскую духовную академію ректоромъ и ординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ, и тѣ десять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ этомъ званіи, считаютъ недаромъ лучшими годами въ жизни этого ученаго учрежденія, воспитавшаго Иннокентія. Онъ съумѣлъ собственнымъ участіемъ, собственнымъ примѣромъ и собственнымъ геніемъ не только расширить и оживить преподаваніе наукъ въ академіи, но и вызвать самихъ студентовъ къ самодѣятельности, и заставить ихъ много работать для самообразованія. „Желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, онъ совѣтовалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, а заниматься чтеніемъ и по другимъ наукамъ, напр. астрономіи, естественной исторіи"...

„Я удивляюсь" — сказалъ онъ однажды студентамъ — „какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ".

При такой обширной, непрестанной, кипучей дѣятельности, Иннокентій съ изумительною энергіею и настойчивостью продолжалъ вырабатывать въ себѣ тотъ дивный ораторскій даръ, которымъ онъ надѣленъ былъ свыше. Онъ не пропускалъ ни одного высокоторжественнаго и праздничнаго дня безъ проповѣди и проповѣдывалъ непрерывно, то въ Кіево-Печерской лаврѣ, то въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, то въ Кіево-братскомъ монастырѣ. Проповѣди его привлекали толпы народа и отличались своею необыкновенною доступностью для всѣхъ классовъ. Говорилъ онъ ихъ превосходно, всегда безъ тетради, съ жаромъ и увлеченіемъ, — но, тѣмъ не менѣе, эти проповѣди свои Иннокентій писалъ, вырабатывалъ до удивительнаго, до возможнаго литературнаго совершенства, и печаталъ, не опасаясь за ихъ успѣхъ. Въ печати, одинъ за другимъ, являлись сборники его проповѣдей — „Собраніе словъ и бесѣдъ" (два тома), „Страстная седмица", „Свѣтлая седмица", „Первая седмица великаго поста" — и всѣ читали ихъ съ жадностью, съ восторгомъ, и имя Иннокентія, какъ проповѣдника необычайно-вдохновеннаго, стало извѣстно всей Россіи.

Въ 1836 году Иннокентій былъ уже викаріемъ Кіевской епархіи и епископомъ Чигиринскимъ; а въ 1840 году сначала переведенъ епископомъ въ Вологодскую епархію, а потомъ (въ томъ же году) въ Харьковскую, гдѣ оставался около семи лѣтъ. Литературныя занятія Иннокентія въ это время, не смотря на обширную дѣятельность по епархіи, продолжались съ прежнею энергіею и чрезвычайною плодовитостью. Въ это время имъ были изданы въ отдѣльныхъ книгахъ: „О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ"—бесѣды на св. Четыредесятницу; „Молитва св. Ефрема Сирина"—бесѣды на св. Четыредесятницу; „Великій постъ или новыя бесѣды на св. Четыредесятницу"; „Паденіе Адамово" — бесѣды на великій постъ; „Слова и рѣчи къ пастве Харьковской"; „Три слова о землѣ". Въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ Иннокентій старался объяснить такую плодовитость и даже нѣкоторую поспѣшность въ печатаніи своихъ произведеній. „Жатва многа, необозрима"; — пишетъ онъ въ 1847 году—„а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе-то самое и меня, при всѣхъ недосугахъ, заставляетъ печатать именно, что Богъ послалъ, не заботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слова въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно изъ писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю, какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость — отказывать имъ въ пищѣ или заставлять долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ или съ извѣстными фигурами?..."

Около этого времени, кромѣ своихъ проповѣдей, Иннокентій обратилъ свой талантъ писательскій на новый родъ литературной дѣятельности: онъ началъ заниматься составленіемъ и изданіемъ акаѳистовъ—„Страстямъ Господнимъ", „Покрову Пресвятой Богородицы", „Живоносному Гробу" и другихъ. По его собственному сознанію, текстъ и содержаніе этихъ акаѳистовъ онъ заимствовалъ изъ извѣстнаго западно-русскаго „Почаевскаго акаѳистника", то сокращая, то очищая, то усиливая помѣщенные въ немъ акаѳисты. Многіе изъ этихъ акаѳистовъ положены были на музыку извѣстнымъ рус-

вѣди... „Внѣшніе враги не много значатъ для него, если внутри нѣтъ мятежа... И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество... Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ — христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самимъ собою дѣлаетъ насъ искренними христіанами... Безъ сего нѣтъ, и не можетъ быть спасенія". Едва возвратившись въ Одессу изъ своего объѣзда, Иннокентій занемогъ и не вставалъ болѣе: 26 мая 1857 г., въ день Сошествія Св. Духа — любимый его праздникъ — Иннокентія не стало.

Значеніе Иннокентія въ исторіи нашего духовнаго краснорѣчія всего лучше опредѣляется сравненіемъ его проповѣднической дѣятельности съ проповѣдническою дѣятельностью митрополита Филарета. О проповѣдникѣ говорятъ обыкновенно, что онъ можетъ двояко дѣйствовать на своихъ слушателей — путемъ разума и путемъ чувства. Эти два противуположные пути нашли себѣ превосходныхъ вѣроучителей въ митрополитѣ Филаретѣ и въ Иннокентіи: — насколько первый дѣйствовалъ преимущественно на разумъ путемъ неотразимаго убѣжденія, на столькоже второй — дѣйствовалъ преимущественно на сердце, увлекая его неудержимымъ порывомъ. Филаретъ обладалъ несравненно бо̀льшимъ запасомъ научныхъ и философскихъ знаній, и по самой природѣ своей былъ болѣе способенъ въ нихъ углубляться и проникаться ими; Иннокентій былъ великій художникъ и поэтъ, и по счастливому выраженію одного изъ его современниковъ — „не наука, а искусство, высокое искусство человѣческаго слова: вотъ въ чемъ состоитъ его истинное призваніе!" Разница характеровъ и направленій таланта обоихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ — Филарета и Иннокентія — выражалась отчасти и въ ихъ собственныхъ литературныхъ пристрастіяхъ: насколько Филаретъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ Григорію Богослову, настолько-же Иннокентій — всѣмъ сердцемъ преданъ Іоанну Златоустому.

Въ заключеніе сказаннаго нами объ Иннокентіи приведемъ прекрасный и вполнѣ безпристрастный отзывъ о немъ покойнаго митрополита Московскаго Макарія (Булгакова) — одного изъ друзей знаменитаго исповѣдника:

...„Преосвященный Иннокентій былъ великій проповѣдникъ, не всегда себѣ равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производившій магическое вліяніе на слушателей, — великій не настолько въ печатныхъ своихъ проповѣдяхъ, ...сколько тогда, когда онъ произносилъ ихъ. Это былъ геніальный ораторъ, именно на каѳедрѣ церковной... Какъ писатель русскій, преосвященный Иннокентій, по справедливости, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы; а какъ проповѣдникъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ".

дровичъ нашелъ и разрозненную небольшую библіотеку, въ которой его жажда къ чтенію получила полное удовлетвореніе: тутъ попались ему въ руки путешествія Кука и Крашенинникова, Мунго-Парка и Палласа, историческія сочиненія Карамзина и Голикова, Роллена и Милота, произведенія Нахимова и Расина, Фонъ-Визина и Тасса, а рядомъ съ ними дѣтскіе нравоучительные разсказы Беркэна, „Телемакъ" Фенелона, и потомъ, тутъ-же, мрачные романы: „Радклифъ", „Саксонскій разбойникъ" и даже одинъ томикъ „Ключа къ таинствамъ природы" Эккартсгаузена! И вся эта невообразимая смѣсь была не только прилежно прочитана, но даже почти выучена наизусть юнымъ Гончаровымъ. Это повальное чтеніе безъ всякаго руководства и контроля, безъ всякаго порядка и послѣдовательности, не могло однакоже не подѣйствовать на усиленное развитіе фантазіи, и безъ того уже слишкомъ живой отъ природы, и когда 12-ти-лѣтній Гончаровъ былъ изъ Симбирска отвезенъ въ Москву и опредѣленъ тамъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, страсть къ чтенію, развиваясь болѣе и болѣе, много способствовала быстрому ознакомленію юноши съ нѣмецкимъ и англійскимъ языками и усовершенствованію въ знаніи французскаго языка, извѣстнаго ему уже съ дѣтства.

Въ 1831 году Гончаровъ поступилъ въ Московскій университетъ, по филологическому факультету. Здѣсь онъ еще засталъ Лермонтова, и потомъ Станкевича и его кружокъ, съ которымъ, впрочемъ, Гончаровъ, сидя въ другомъ концѣ обширной аудиторіи, не былъ знакомъ вовсе.

Тогдашній университетъ, такъ много разъ уже описанный многими изъ современниковъ, произвелъ на талантливаго и хорошо подготовленнаго юношу самое благопріятное впечатлѣніе. Новые и тогда еще молодые профессоры—Шевыревъ, Надеждинъ и Давыдовъ—оказали на него, какъ и на всю массу тогдашней студенческой молодежи, сильное вліяніе. Давыдовъ читалъ свои лекціи по исторіи русской литературы, Надеждинъ—теорію изящныхъ искусствъ и археологію, а Шевыревъ — исторію древнихъ и западныхъ литературъ; кромѣ того, недовольствуясь программой, одинъ изъ этихъ молодыхъ и рьяныхъ ученыхъ читалъ студентамъ общій очеркъ исторіи философіи [1]), а другой — очеркъ философіи въ искусствѣ [2]). Всѣ эти лекціи, вообще благотворно дѣйствовавшія на слушателей, должны были въ высшей степени привлечь и вниманіе молодого Гончарова по новости идей и самаго языка. Въ ту пору еще впервые слышалась съ каѳедры рѣчь живая и смѣлая, еще впервые искусство и наука сближались съ жизнью, рутина и схоластика изгонялись изъ университетской аудиторіи, и умы слушателей освѣжались внесеніемъ здравыхъ критическихъ взглядовъ на литературу и науку, а подъ вліяніемъ развивающагося вкуса къ изученію философіи, жизнь представлялась рядомъ стремленій къ достиженію идеаловъ добра, правды, красоты, совершенствованія и прогресса. Все это совпадало съ возникавшею тогда и въ литературѣ жизнью, внесенною, послѣ долгаго застоя, Пушкинымъ и его плеядою, и критическимъ переворотомъ, который произведенъ былъ въ журналистикѣ тѣмъ же Надеждинымъ, Полевымъ и другими, окончательно уничтожившими старую риторическую школу.

Окончивъ полный курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій, воспитавшихъ и Лермонтова, и Бѣлинскаго, и Станкевича, и К. Аксакова и многихъ другихъ почтенныхъ русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей, Иванъ Александровичъ сначала отправился на родину, гдѣ и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ—въ Петербургъ. Тутъ онъ опредѣлился на службу, переводчикомъ, въ Министерство Финансовъ, и служебная формалистика стала такъ много отнимать у него времени, что только досуги могъ онъ посвящать своимъ любимымъ занятіямъ русской и иностранною литературами. Но—„гдѣ не бываетъ наслажденій?" справедливо восклицаетъ Гоголь. „Живутъ они въ Петербургѣ не смотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ суровый 30-ти-градусный морозъ, завизгиваетъ несчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары... но привѣтливо, сквозь летающія перекрестно хлопья снѣга, свѣтитъ вверхъ

[1]) Давыдовъ.—[2]) Надеждинъ.

пріятій и затѣй, и потому, желая вѣроятно поощрить своихъ юныхъ воспитанниковъ къ занятіямъ литературою (и въ томъ, и въ другомъ замѣчалась большая наклонность къ поэзіи), онъ задумалъ издавать въ домашнемъ кружкѣ Майковыхъ небольшой журналъ, принявъ на себя и переплетаніе, и переписываніе его отдѣльныхъ нумеровъ [1]). Въ этомъ-то журнальцѣ появились, если не ошибаемся, первые литературные опыты Гончарова, въ видѣ двухъ небольшихъ, тщательно отдѣланныхъ эпизодическихъ разсказовъ юмористическаго содержанія [2]). Затѣмъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Гончаровъ, помѣщавшій отъ времени до времени свои переводныя статейки въ современныхъ журналахъ и постоянно трудившійся надъ пополненіемъ своего образованія, приступилъ наконецъ къ созданію своего перваго крупнаго произведенія—„Обыкновенной Исторіи“, этой скорбной повѣсти юношескихъ увлеченій, охлаждаемыхъ суровымъ опытомъ нашей тогдашней русской жизни, низводившей молодыхъ людей отъ мечтаній о прогрессѣ и совершенствованіи къ идеалу чиновничьяго формализма. Вторая часть „Обыкновенной Исторіи“ не была еще окончена авторомъ, когда первая, черезъ посредство одного пріятеля, попала въ руки Бѣлинскаго, и удостоилась съ его стороны самыхъ горячихъ похвалъ и одобреній. Онъ побуждалъ молодого писателя къ окончанію его произведенія и собирался помѣстить „Обыкновенную Исторію“ въ томъ журналѣ, который самъ думалъ издавать въ 1847 году, и который стали издавать Панаевъ и Некрасовъ; туда же перешли и всѣ статьи, собранныя Бѣлинскимъ для его предполагаемаго журнала; въ числѣ ихъ, редакторами „Современника“ пріобрѣтена была отъ автора и „Обыкновенная Исторія“, напечатанная въ „Современникѣ“ въ томъ же 1847 году.

Одновременно съ „Обыкновенной Исторіей“ въ головѣ ея автора смутно носился и другой образъ, медленно и спокойно складывался планъ и другого произведенія, окончательно упрочившаго впослѣдствіи литературную извѣстность Гончарова. Мы говоримъ объ его „Обломовѣ“, котораго первые отрывки были помѣщены въ „Иллюстрированномъ Альбомѣ“, при „Современникѣ“ 1848—49 г., подъ заглавіемъ: „Сонъ Обломова“, между тѣмъ какъ все произведеніе выдано было въ свѣтъ лѣтъ десять спустя [3]).

Въ 1852 году Гончаровъ получилъ отъ Морскаго Министерства предложеніе отправиться въ кругосвѣтное плаваніе, въ качествѣ секретаря при адмиралѣ Путятинѣ, который отправлялся для заключенія торговаго трактата въ Японію. Гончаровъ согласился на это предложеніе и отправился кругомъ Свѣта на фрегатѣ Паллада, продолжая обдумывать и обработывать своего „Обломова“, и набираясь въ то же время новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Результатомъ долгаго и труднаго плаванія, закончившагося еще болѣе труднымъ путешествіемъ по горамъ и степямъ Сибири, были сначала отдѣльные отрывки изъ общаго описанія всего путешествія, которые Гончаровъ, по возвращеніи, печаталъ въ разныхъ журналахъ, а потомъ и полное, высоко-художественное описаніе всего путешествія, изданное Гончаровымъ въ двухъ большихъ томахъ (въ 1856 и 1857 гг.), подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“.

Но ни яркія впечатлѣнія путешествія, ни многосложныя служебныя занятія, которымъ авторъ долженъ былъ предаться по возвращеніи въ Петербургъ — ничто не могло отклонить Гончарова отъ окончанія его любимаго и давно-выношеннаго труда; и вотъ въ 1857 году онъ отправился на воды за границу, и здѣсь, въ Карлсбадѣ, дописалъ всего „Обломова“, котораго, собственно говоря, до той поры окончена была только первая часть. Весь романъ явился автору

[1]) Онъ былъ на всѣ руки мастеръ: отличный каллиграфъ и переплетчикъ. Рисунками этотъ журналъ снабжалъ самъ Н. А. Майковъ и другіе. Этотъ любопытный журналъ сохранился и бережется въ семьѣ Майковыхъ, какъ святыня.—[2]) За сообщеніе этихъ подробностей мы приносимъ глубокую благодарность Л. Н. Майкову.—[3]) Около того же времени, т. е. въ 1848—49 гг., напечатанъ былъ въ „Современникѣ“ Гончаровымъ небольшой, но чрезвычайно живой и забавный очеркъ петербургскихъ чиновничьихъ нравовъ, подъ заглавіемъ: Иванъ Савичъ Поджабринъ, впослѣдствіи перепечатанный въ одномъ изъ томовъ сборника „Для Легкаго Чтенія“.

„общей колеей“ была сдѣлана и Тургеневымъ, потому что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу: онъ, нимало не нуждаясь въ службѣ, Богъ вѣсть почему и для чего, около года состоялъ однакоже при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ... Но попытка эта не привела ни къ чему — и не смотря на самыя неблагопріятныя условія, въ какія была поставлена наша литература въ началѣ 40-хъ годовъ, Тургеневъ вскорѣ всею душою предается именно литературѣ... Начало его литературнаго поприща тоже неразрывно связано съ именемъ Бѣлинскаго, какъ и все то, что сколько-нибудь выходило изъ общаго литературнаго уровня, въ періодъ дѣятельности этого замѣчательнаго критика.

„Около Пасхи 1843 года“, — пишетъ Тургеневъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — „въ Петербургѣ произошло событіе, и само по себѣ крайне незначительное, и давнымъ-давно поглощенное общимъ забвеніемъ. А именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л., подъ названіемъ „Параша“. — Этотъ Т. Л. былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное поприще“... „Въ день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню я сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его, и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и, не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку „Отечественныхъ Записокъ“, прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не „могъ повѣрить“, и когда, въ Москвѣ, покойный И. В. Кирѣевскій подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель „Параши“ не я. Возвратившись въ Петербургъ я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось“...

Бѣлинскій, при свиданіяхъ съ Тургеневымъ, говорилъ съ нимъ особенно охотно потому, что тотъ недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ занимался гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы.

„Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана, и, едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду“...

...„Что касается собственно до меня, то должно сказать, что Бѣлинскій, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, весьма скоро — и совершенно справедливо — охладѣлъ къ ней: не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возъимѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ „Современника“, я оставилъ ему (уѣзжая въ концѣ 1846 г. изъ Петербурга) очеркъ, озаглавленный „Хорь и Калинычъ“. (Слова: изъ „Записокъ Охотника“ были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка [1]) побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ“.

„Записки Охотника“ и нѣкоторая часть мелкихъ повѣстей и разсказовъ Тургенева, написанныхъ между 1844—1850 гг., вскорѣ доставили ему громкую литературную извѣстность, которая однакоже не могла примирить его съ Россіею конца 40-хъ годовъ: ему жилось въ ней такъ тяжело и грустно, что въ 1848 году онъ совсѣмъ было рѣшился оставить Россію и остаться навсегда за границей. Грустное чувство, которое имъ невольно овладѣвало при мысли объ этомъ рѣшеніи, отразилось и на большей части „Записокъ Охотника“ (написанныхъ за границей, преимущественно въ Парижѣ): — особенно замѣтно это настроеніе въ описаніяхъ и картинахъ природы,

[1]) Бѣлинскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тургеневу, писалъ ему: „Хорь обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ“.

„общей колеей“ была сдѣлана и Тургеневымъ, потому что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу: онъ, нимало не нуждаясь въ службѣ, Богъ вѣсть почему и для чего, около года состоялъ однакоже при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ... Но попытка эта не привела ни къ чему—и не смотря на самыя неблагопріятныя условія, въ какія была поставлена наша литература въ началѣ 40-хъ годовъ, Тургеневъ вскорѣ всею душою предается именно литературѣ... Начало его литературнаго поприща тоже неразрывно связано съ именемъ Бѣлинскаго, какъ и все то, что сколько-нибудь выходило изъ общаго литературнаго уровня, въ періодъ дѣятельности этого замѣчательнаго критика.

„Около Пасхи 1843 года“,— пишетъ Тургеневъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — „въ Петербургѣ произошло событіе, и само по себѣ крайне незначительное, и давнымъ-давно поглощенное общимъ забвеніемъ А именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л., подъ названіемъ „Параша“. — Этотъ Т. Л. былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное поприще“... „Въ день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню я сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его, и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и, не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку „Отечественныхъ Записокъ“, прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не „могъ повѣрить“, и когда, въ Москвѣ, покойный И. В. Кирѣевскій подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель „Параши“ не я. Возвратившись въ Петербургъ я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось“...

Бѣлинскій, при свиданіяхъ съ Тургеневымъ, говорилъ съ нимъ особенно охотно потому, что тотъ недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ занимался гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы.

„Бывало, какъ только я приду къ нему — онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана, и, едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду“...

...„Что касается собственно до меня, то должно сказать, что Бѣлинскій, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, весьма скоро — и совершенно справедливо — охладѣлъ къ ней: не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возъимѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ „Современника“, я оставилъ ему (уѣзжая въ концѣ 1846 г. изъ Петербурга) очеркъ, озаглавленный „Хорь и Калинычъ“. (Слова изъ „Записокъ Охотника“ были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка [1]) побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ“.

„Записки Охотника“ и нѣкоторая часть мелкихъ повѣстей и разсказовъ Тургенева, написанныхъ между 1844—1850 гг., вскорѣ доставили ему громкую литературную извѣстность, которая однакоже не могла примирить его съ Россіею конца 40-хъ годовъ: ему жилось въ ней такъ тяжело и грустно, что въ 1848 году онъ совсѣмъ было рѣшился оставить Россію и остаться навсегда за границей. Грустное чувство, которое имъ невольно овладѣвало при мысли объ этомъ рѣшеніи, отразилось и на большей части „Записокъ Охотника“ (написанныхъ за границей, преимущественно въ Парижѣ): — особенно замѣтно это настроеніе въ описаніяхъ и картинахъ природы,

[1]) Бѣлинскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Тургеневу, писалъ ему: „Хорь обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ“.

И дѣйствительно, уединеніе придало еще болѣе зрѣлости и силы таланту Тургенева; съ половины 50-хъ годовъ и до половины 60-хъ имъ были написаны лучшія его произведенія — „Рудинъ“ (1855), „Дворянское гнѣздо“ (1858) и наконецъ „Отцы и дѣти“ (1862). Мастерски набросанные и художественно воспроизведенные типы мечтателя Рудина, Лизы и Елены доставили Тургеневу такое положеніе въ средѣ нашихъ писателей, какого немногимъ до него удавалось достичь. Онъ сталъ положительно кумиромъ всей молодежи, которая жадно читала все, выходившее изъ-подъ его пера... Но у этого увлеченія, у этой громкой славы Тургенева явились свои, очень тягостныя терніи... Вотъ что, по этому поводу, разсказываетъ самъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: ...„Я бралъ ванны въ Вентнорѣ, маленькомъ городкѣ на островѣ Вайтѣ — это было въ августѣ 1860 года,—когда мнѣ пришла въ голову первая мысль „Отцовъ и дѣтей“, этой повѣсти, по милости которой прекратилось—и, кажется, навсегда — благосклонное расположеніе ко мнѣ русскаго молодого поколѣнія. Не однажды слышалъ я и читалъ въ критическихъ статьяхъ, что я, въ моихъ произведеніяхъ, „отправляюсь отъ идей“, или „провожу идею“; иные меня за это хвалили, другіе, напротивъ, порицали; съ своей стороны я долженъ сознаться, что никогда не покушался „создавать образъ“, если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лице, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Точно то же произошло и съ „Отцами и дѣтьми“; въ основаніе главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача (онъ умеръ незадолго до 1860 г.). Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось на мои глаза - то, едва пародившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе „нигилизма“. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и въ то же время не совсѣмъ ясно; я, на первыхъ порахъ, самъ не могъ хорошенько отдать себѣ въ немъ отчета и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, какъ бы желая повѣрить правдивость собственныхъ ощущеній. Меня смущалъ слѣдующій фактъ: ни въ одномъ произведеніи нашей литературы я даже намека не встрѣчалъ на то, что мнѣ чудилось повсюду; поневолѣ возникло сомнѣніе: ужь не за призракомъ ли я гонюсь“...

Но результатомъ всѣхъ этихъ исканій и сомнѣній былъ типъ Базарова, въ которомъ Тургеневъ, съ поразительною вѣрностью угадавъ „вѣянья новой эпохи“, представилъ „новаго человѣка въ самый моментъ его появленія“ — и представилъ критически... Типъ этотъ никѣмъ не былъ понятъ, и поднялъ страшную бурю противъ автора во всѣхъ, самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагеряхъ.

„Я испытывалъ тогда впечатлѣнія“,— говоритъ Тургеневъ — „хотя разнородныя, но одинаково тягостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатическихъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобызанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. Меня это конфузило... огорчало; но совѣсть не упрекала меня; я хорошо зналъ, что я честно отнесся къ выведенному мною типу“. Хотя въ своемъ отвѣтѣ на критики, по поводу „Отцовъ и дѣтей“, Тургеневъ и замѣчаетъ, что „точное и сильное воспроизведеніе истины, реальности жизни — есть высочайшее счастіе для литератора, даже если эта истина не совпадаетъ съ его собственными симпатіями“ — однакоже впечатлѣніе, произведенное на общество „Отцами и дѣтьми“, различныя, болѣе или менѣе кривыя истолкованія этой повѣсти, и все, что писалось и высказывалось въ обществѣ по поводу новаго типа (Базарова), созданнаго Тургеневымъ, подѣйствовало на него очень неблагопріятно и, какъ кажется, въ значительной степени способствовало переселенію Ивана Сергѣевича за границу. Въ 1863 году Иванъ Сергѣевичъ купилъ себѣ участокъ земли въ Баденъ-Баденѣ, построилъ на немъ домъ, и прожилъ тамъ до 1870 г.

По окончаніи прусско-французской войны, Тургеневъ покинулъ Баденъ-Баденъ, продалъ свое тамошнее владѣніе, и основался въ Парижѣ, откуда онъ, точно также, какъ и изъ Баденъ-Бадена, ежегодно пріѣзжалъ въ Россію.

Долговременное пребываніе Ивана Сергѣевича за границей и его обширныя лите-

нія, прекрасно говорившая и весьма любившая общительность. Собой она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была не хороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой, когда я былъ уже студентомъ, имѣлъ со мною такого рода бесѣду:

—„Скажи мнѣ, Алексѣй, отчего это твоя мать, чѣмъ дольше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?“

—„Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ“.

Отецъ согласился со мной.“

Родня, со стороны матери, была весьма образованная. Многіе изъ родственниковъ Евдокіи Алексѣевны пользовались высокимъ общественнымъ положеніемъ и даже значеніемъ въ царствованіе Императора Александра I. Нѣкоторые изъ нихъ были страстными масонами. Но въ близкихъ отношеніяхъ къ Писемскому былъ только одинъ изъ родственниковъ его матери, Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ, бывшій флотскій офицеръ и человѣкъ не только образованный, но вполнѣ просвѣщенный. О немъ А. Ѳ. Писемскій, до конца жизни, сохранилъ самыя теплыя воспоминанія.

Все дѣтство Писемскаго, до 10-ти-лѣтняго возраста, протекло въ г. Ветлугѣ, гдѣ отецъ его былъ городничимъ. „Учиться меня особенно не неудили, да я и самъ не очень любилъ учиться; но зато читать и читать, особенно романы, любилъ до страсти: до четырнадцати-лѣтняго возраста я уже прочелъ (въ переводѣ разумѣется) большую часть романовъ В. Скотта, Донъ-Кихота, Фоблаза, Жильблаза, Хромого Бѣса, Серапіоновыхъ братьевъ Гофмана, персидскій романъ Хаджи-Баба; дѣтскихъ же книгъ я всегда терпѣть не могъ, и, сколько припомню теперь, всегда ихъ находилъ очень глупыми“.

По четырнадцатому году Писемскій поступилъ въ Костромскую гимназію, во второй классъ. Учился онъ недурно, хотя наставники его были „всѣ плохи“ — по его признанію. Здѣсь однакоже успѣлъ Писемскій выказать свои способности сценическія и авторскія: — онъ „стяжалъ себѣ большую славу на авторскомъ поприщѣ“ и сталъ писать повѣсти, описывая въ нихъ „такія сферы, которыя совершенно были для него невѣдомы“.

Въ 1840 году Писемскій поступилъ въ Московскій университетъ, по физико-математическому факультету, и замѣчаетъ по этому поводу въ своей автобіографіи:

„Будучи большимъ фразеромъ, я въ этомъ случаѣ благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу же отрезвилъ меня и сталъ пріучать говорить только то, что самъ ясно понимаешь...“ „Но этимъ, кажется, только и кончилось благодѣтельное вліяніе университета. Научныхъ свѣдѣній... я пріобрѣлъ не много, но зато познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Ж.-Ж. Руссо, Вольтеромъ, Викторомъ Гюго и Ж. Зандомъ, и сознательно оцѣнилъ русскую литературу“. Къ концу университетскаго курса относится и одинъ изъ блестящихъ сценическихъ успѣховъ Писемскаго: онъ такъ сыгралъ роль „Подколесина“ (въ Женитьбѣ Гоголя), что многіе ставили его игру выше игры знаменитаго Щепкина. Упоминаемъ объ этомъ біографическомъ фактѣ не потому только, что самъ Писемскій придавалъ ему большое значеніе, а потому, что страсть къ сценѣ, впослѣдствіи, значительно облегчила ему постановку его собственныхъ драмъ на сценѣ и дала ему возможность написать нѣсколько прекрасныхъ драматическихъ произведеній.

Но тотчасъ послѣ этого блестящаго успѣха, по окончаніи университетскаго курса (1844 г.), жизнь заявила Писемскому свои весьма опредѣленныя и весьма прозаическія требованія. „На моемъ успѣхѣ въ роли Подколесина кончилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мнѣ предстояли горе и необходимость служить: отецъ мой уже померъ; мать, пораженная его смертью, была разбита параличемъ и лишилась языка; средства къ существованію были весьма небольшія. Все это понимая, я впалъ, по переѣздѣ въ деревню, въ меланхолію и ипохондрію, изъ коей спасла меня любовь“...

Это чувство подѣйствовало на него въ такой степени сильно, что даже побудило его написать первый его романъ, подъ заглавіемъ „Боярщина“. Но романъ былъ „прямо прихлопнутъ цензурой“, а „совѣсть его (автора) не удовлетворялась незаконными отношеніями къ любимой женщинѣ“ — а потому Писемскій рѣшился, „во-первыхъ,

Въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ 50-хъ годовъ Писемскій обратилъ на себя общее вниманіе, какъ совершенно новый литературный типъ, какъ чисто русскій самородокъ. Одинъ изъ современниковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ, совершенно вѣрно характеризуетъ впечатлѣніе, которое пріѣзжій писатель производилъ на коренныхъ петербуржцевъ:

„Трудно себѣ и представить болѣе полный и цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала, чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургъ въ образѣ молодого Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими, наблюдательными глазами и лѣнивой походкой... Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходишь, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ... Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны, въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными въ средѣ тогдашнихъ образованныхъ людей".

Эта послѣдняя черта въ особенности выдвигала Писемскаго, среди тѣхъ литературныхъ и журнальныхъ кружковъ Петербурга, которые преимущественно пробавлялись книжными теоріями и стремились къ достиженію общественныхъ идеаловъ, создаваемыхъ западно-европейскими мыслителями. Писемскій явился въ эти кружки съ готовою, вполнѣ-зрѣлою опытностью человѣка, отлично-знакомаго съ русскою жизнью провинціальныхъ центровъ и деревенскаго захолустья, съ огромнымъ запасомъ наблюденій и яркихъ образовъ. Такіе блестящіе очерки народнаго быта, какъ „Плотничья артель" (напечатанная въ „Отеч. Запискъ." 1855 г.), въ которыхъ впервые выступали настоящіе русскіе мужики, нимало-неприкрашенные авторомъ и говорившіе настоящимъ мужицкимъ языкомъ—поразили всѣхъ силою и правдивостью творчества. Въ Писемскомъ, какъ авторѣ подобныхъ очерковъ, кромѣ большого таланта, приходилось еще признавать и большое знаніе русской жизни и русскаго народнаго быта; критика открыто высказала, что до Писемскаго никто, — даже самъ Гоголь, — не заглядывалъ такъ глубоко въ сердце простого русскаго человѣка... Интересъ къ Писемскому и его произведеніямъ былъ возбужденъ чрезвычайно-сильный, и въ обществѣ, и въ литературѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его новыхъ произведеній; но 1856 и 1857 г.г. были небогаты ими: Писемскій былъ отвлеченъ командировкою въ Астрахань и на прибрежье Каспійскаго моря, которую принялъ по предложенію морского министерства. Въ концѣ 1857 г. Писемскій принялъ участіе въ редактированьи журнала „Библіотеки для Чтенія", въ которомъ потомъ и печаталъ весьма многія изъ своихъ произведеній.

Самымъ блестящимъ годомъ въ литературной дѣятельности Писемскаго слѣдуетъ считать 1858, когда почти одновременно явились два крупныхъ произведенія молодого и плодовитаго автора: первая повѣсть его „Боярщина" (въ это время разрѣшенная цензурой) и большой романъ „Тысяча душъ", который всѣми признается за лучшій изъ романовъ Писемскаго. Въ это время слава Писемскаго была окончательно упрочена, въ особенности, когда, послѣ „Тысячи душъ", онъ поставилъ на сценѣ свою превосходную драму „Горькая судьбина" — единственную, вполнѣ удачную, драму изъ простонароднаго быта изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ являлись на русской сценѣ.

Этотъ рядъ блестящихъ успѣховъ литературныхъ и сценическихъ вскружилъ голову Алексѣю Ософилактовичу. Онъ вообразилъ себѣ, что для него настало время всецѣло посвятить себя литературѣ, что публика и журналы будутъ постоянно относиться къ нему также благопріятно и горячо, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ—и поэтому въ 1859 году онъ еще разъ вышелъ въ отставку.

Ожиданія Писемскаго, однакоже, не сбылись. Съ начала 60-хъ годовъ наступилъ тотъ періодъ реформъ и броженія въ обществѣ, который совершенно видоизмѣнилъ теченіе русской жизни и отозвался въ литературѣ и журналистикѣ чрезвычайно странными, невиданными еще въ Россіи, явленіями. Мечтанія и утопическія стремленія взяли верхъ надъ дѣйствительнымъ,

Александръ Николаевичъ Островскій родился въ Москвѣ 31 марта 1823 г. Отецъ его, Николай Ѳеодоровичъ Островскій, потомственный дворянинъ, состоялъ на службѣ при гражданскомъ судѣ, а потомъ, покинувъ службу, занимался ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ. Это занятіе и доставляло ему средства, по тому времени достаточныя; жилъ онъ въ Замоскворѣчьи, въ собственномъ небольшомъ домикѣ.. Но семья возрастала быстро, и семейный бытъ Николая Ѳедоровича былъ весьма скроменъ. Только уже второю женитьбою, на баронессѣ Т., удалось Николаю Ѳеодоровичу настолько поправить свое состояніе, что онъ и многочисленную семью свою съумѣлъ поднять на ноги, и дѣтямъ своимъ могъ кое-что оставить.

Александръ Николаевичъ былъ старшимъ изъ троихъ сыновей отъ перваго брака. Воспитанія домашняго не получилъ онъ рѣшительно никакого. При дѣтяхъ Николая Ѳеодоровича, правда, числился въ воспитателяхъ какой-то семинаристъ, потомъ еще и какой-то малороссъ-учитель, по фамиліи Тарасенко, но, собственно говоря, ни тотъ, ни другой изъ этихъ педагоговъ не оказали на развитіе будущаго драматурга никакого вліянія. Матери Островскій лишился въ раннемъ дѣтствѣ; отецъ его былъ постоянно занятъ своими дѣлами, и его дѣтямъ—какъ и большинству дѣтей, въ русскихъ семействахъ средняго класса, въ то время,—приходилось выростать на просторѣ и свободѣ, безъ всякихъ стѣсненій и внѣ всякихъ системъ.

Дальнѣйшіе воспитаніе и первоначальное образованіе пришлось получить А. Н. Островскому въ первой Московской гимназіи, которая тоже, въ ту пору, немного могла ему дать свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что и онъ, подобно множеству русскихъ даровитыхъ натуръ, прилежаніемъ не отличался. Однакоже курсъ въ гимназіи онъ кончилъ, благополучно перешелъ потомъ въ университетъ и поступилъ на факультетъ юридическій. Но тутъ ему курсъ кончить не удалось: вышли у него какія-то непріятности съ профессоромъ К., и онъ покинулъ университетъ, прослушавъ въ немъ только три курса. Это было, если мы не ошибаемся, въ 1843 году Пришлось, конечно, поступить на службу, и молодой Островскій опредѣлился коллежскимъ регистраторомъ въ Московскій коммерческій судъ.

Только зная всѣ эти обстоятельства, можно отчасти понять, почему именно талантъ Островскаго проявился въ цѣломъ рядѣ произведеній, заимствованныхъ изъ купеческаго быта. Съ дѣтства живя въ Замоскворѣчьи, среди сплошного купеческаго населенія, и въ домѣ отца постоянно встрѣчая купцовъ, приходившихъ къ нему толковать о дѣлахъ своихъ, молодой Островскій, вѣроятно, уже очень рано успѣлъ близко ознакомиться съ московскимъ купеческимъ бытомъ и глубоко вникнуть въ его различныя стороны. Служба въ коммерческомъ судѣ открыла новое поле для наблюденій и дала ему возможность взглянуть на общую картину уже хорошо извѣстнаго ему быта съ иной и весьма важной точки зрѣнія. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ дѣтства и юности, проведенныхъ въ Замоскворѣчьи, и первымъ литературнымъ опытомъ Островскаго были, весьма естественно, „Сцены изъ Замоскворѣцкой жизни“ и „Очерки Замоскворѣчья“, помѣщенные въ 1847 году въ современныхъ журналахъ; подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ службы въ коммерческомъ судѣ явилась, три года спустя, первая и лучшая изъ комедій Островскаго „Свои люди — сочтемся“ мрачная эпопея одного изъ множества злостныхъ банкротствъ. Эта комедія, напечатанная въ Москвитянинѣ за 1850 г., обратила на себя всеобщее вниманіе: всѣ были поражены зрѣлостью таланта молодого автора и полнотою, цѣльностью его произведеній. На сцену комедія въ то время не попала; и несмотря на то, что, подобно всякому драматическому произведенію, и эта комедія Островскаго очень много теряла въ чтеніи — ее всѣ читали съ большимъ удовольствіемъ и сознавали, что сравнивать ее можно было только съ комедіями Гоголя. Автору въ этой комедіи впервые удалось приподнять край завѣсы, которая дотолѣ скрывала отъ всѣхъ совершенно особый, своеобразный и на-глухо замкнутый всякому наблюденію бытъ такого обширнаго и важнаго въ нашемъ обществѣ сословія, какъ купечество... Попытка вывести на сцену этотъ новый общественный элементъ и представить во всей полнотѣ его нравственнаго безобразія - была до такой степени смѣлою,

Островскій, почти вездѣ, рисуетъ очень мрачную картину семейной жизни и общественной дѣятельности того слоя купечества, въ который еще не проникли живые лучи просвѣщенія, и которому знакомы еще только очень немногія, чисто-внѣшнія проявленія цивилизаціи. Мастерски рисуетъ онъ намъ картину того поразительнаго застоя и апатіи, среди котораго выростаютъ, старѣются и коснѣютъ цѣлыя поколѣнія, не обращая вниманія на поступательное движеніе вѣка, устроивая и располагая свою жизнь по тому же плану, по которому жили отцы и дѣды, стѣсняя ее въ такія рамки, которыя уже рѣшительно не пригодны для современности, и основывая свои узкіе идеалы на обычаѣ и предразсудкѣ. При этомъ, по справедливому замѣчанію современнаго критика, „Островскій умѣетъ заглядывать въ глубь души человѣка, умѣетъ отличать натуру отъ всѣхъ извнѣ принятыхъ уродствъ и наростовъ; оттого внѣшній гнетъ, тягость всей обстановки, давящей человѣка, чувствуются въ его произведеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ разсказахъ, страшно возмутительныхъ по содержанію, но внѣшнею, оффиціальною стороною совершенно заслоняющихъ внутреннюю человѣческую сторону“ [1]).

Изъ всѣхъ натуръ, разборомъ которыхъ занимается въ своихъ комедіяхъ Островскій, ему болѣе всего ярко и живо удалось, съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, обрисовать типъ самодура, который, въ томъ или другомъ видѣ, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ во всѣхъ комедіяхъ Островскаго. Ему вполнѣ принадлежитъ честь созданія этого типа въ нашей литературѣ, въ которой, до него, никогда и никто изъ нашихъ писателей не принимался за изученіе такого рода характеровъ, между тѣмъ какъ большая часть пьесъ Островскаго основана именно на проявленіяхъ самодурства въ семейной и общественной средѣ.

Изъ всѣхъ комедій, написанныхъ Островскимъ до 1859 года, особенное вниманіе обратили на себя его пьесы: „Бѣдность не порокъ“, Не въ свои сани не садись“ и, преимущественно, „Гроза“, въ которой характеръ Катерины, глубокообдуманный и прочувствованный авторомъ, приводилъ всѣхъ въ неописанный восторгъ. „Характеръ Катерины“ — замѣчаетъ тотъ же критикъ — „какъ онъ исполненъ въ „Грозѣ“, составляетъ шагъ впередъ не только въ драматической дѣятельности Островскаго, но и во всей нашей литературѣ. Онъ соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни, онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ; около него вертѣлись наши лучшіе писатели; но они успѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности: это съумѣлъ сдѣлать Островскій“ [2]). Затѣмъ, разбирая всю обстановку, мрачную и тягостную, среди которой характеръ Катерины является дѣйствительно „лучомъ въ темномъ царствѣ“, критикъ говоритъ, что „русскій сильный характеръ“, на сколько онъ проявился въ „Грозѣ“, прежде всего „поражаетъ насъ своею противуположностью всякимъ самодурнымъ началамъ“... „Онъ сосредоточенно рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью естественной правды, исполненъ вѣры въ новые идеалы, и самоотверженъ, въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тѣхъ началахъ, которыя ему противны. Онъ руководится не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ пафосомъ, а просто натурою, всѣмъ существомъ своимъ“...

Съ начала 60-хъ годовъ Островскій значительно уклонился отъ прежняго общаго направленія своей литературной дѣятельности: онъ написалъ нѣсколько драматическихъ хроникъ, въ стихахъ; изъ нихъ несомнѣнно лучшею является первая вчислѣ ихъ — „Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ“. Но Островскій не произвелъ въ этомъ родѣ ничего замѣчательнаго, ничего такого, что бы хотьсколько-нибудь прибавило блеска къ его вполнѣ заслуженной литературной славѣ. Почти то же можно сказать и о большей части его мелкихъ и крупныхъ произведеній за послѣднія 10—12 лѣтъ. Изъ всей массы ихъ, весьма значительной, выдвигаются только сцены: „Шутники“, драма „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“ и комедія: „Не все коту масляница“.

[1]) Добролюбовъ, Сочиненія, III, 26.—[2]) Тоже, III, 537.

XXVI.

Представители новѣйшей литературной школы:—Некрасовъ, Григоровичъ, Достоевскій и Л. Толстой.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ род. 22 ноября 1821 г., въ одномъ изъ мѣстечекъ Каменецъ-Подольской губерніи: тамъ квартировалъ въ то время полкъ, въ которомъ служилъ отецъ поэта, Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ. Мать Николая Алексѣевича была родомъ полька – Александра Андреевна Закревская; Алексѣй Сергѣевичъ женился на ней, познакомившись съ семьею Закревскихъ въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій пріобрѣлъ обширныя помѣстья.

Отецъ Н. А. Некрасова дослужился до чина майора, вышелъ въ отставку и поселился на житье въ своемъ родовомъ имѣньи, деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой. Состояніе у А. С. Некрасова было порядное; но его имѣніе было запутано въ разные процессы, а семья росла съ каждымъ годомъ, и наконецъ доросла до 13 человѣкъ (дочерей и сыновей) [1]). Это вынуждало А. С. Некрасова служить по выборамъ, и одно время онъ былъ даже исправникомъ...

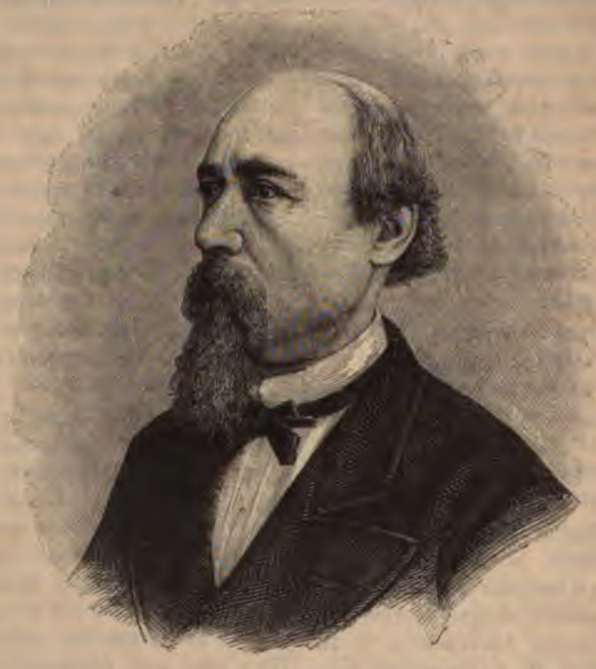
Впечатлѣнія дѣтства Николая Алексѣевича были далеко неотрадны. Въ домѣ царилъ тотъ хаосъ захолустной помѣщичьей жизни, среди котораго воспиталось и погибло не одно поколѣніе талантливыхъ русскихъ людей. Властелинъ (какъ называетъ отца въ одномъ изъ своихъ стихотвореній нашъ поэтъ) не любилъ церемониться ни съ дѣтьми, ни съ домашними, ни съ крестьянами... Жесткая рука его давала себя чувствовать, и, кажется, только ему одному во всемъ домѣ жилось хорошо, среди псарей, собакъ и шумныхъ пиршествъ съ сосѣдями. Единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ изъ всего дѣтства поэта была его мать:—ея образъ остался въ его памяти на всю жизнь, и даже на смертномъ одрѣ вдохновилъ его прекраснымъ стихотвореніемъ, посвященнымъ памяти этой женщины. Но мать была существомъ несчастнымъ, забитымъ, безгласнымъ и страждущимъ не только за себя, но и за всѣхъ окружавшихъ ее крѣпостныхъ людей, которыхъ ей рѣдко удавалось спасать отъ дикой расправы супруга. Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить, что „властелинъ“ любилъ своего сына Николая и даже баловалъ его по-своему. Въ 1832 году онъ отдалъ его въ Ярославскую гимназію (Николай Алексѣевичъ пробылъ въ ней до пятаго класса), но безпрестанно бралъ его къ себѣ зимой и лѣтомъ, на всякій праздникъ, и даже любилъ иногда брать съ собою въ разъѣзды по дѣламъ своей исправнической службы. Можно себѣ представить, чего долженъ былъ насмотрѣться и наслушаться во время подобныхъ поѣздокъ юноша-Некрасовъ!

Но какъ ни дурны были задатки домашняго воспитанія, „искра Божія“, вложенная матерью въ сердце юноши, не погасла... Все, что онъ видѣлъ и слышалъ кругомъ себя, не ожесточало его, не способствовало очерствѣнію его сердца, а напротивъ воспитывало въ немъ то чувство жалости и любви къ народу, которое потомъ такъ громко высказалось въ его послѣдующей поэтической дѣятельности... Отецъ, конечно, и не предвидѣлъ того, что развивалось въ молодомъ сердцѣ его сына, не предвидѣлъ, какія мысли зрѣли въ его молодой головѣ, когда, въ 1839 году, отправлялъ его съ рекомендательными письмами въ С.-Петербургъ, для опредѣленія кадетомъ въ тогдашній Дворянскій полкъ. Онъ думалъ, что скоро должна будетъ сбыться его любимая мечта, и онъ увидитъ своего сына Николая офицеромъ... Но вышло нѣчто совсѣмъ иное. Н. А. Некрасовъ встрѣтилъ въ столицѣ своего ярославскаго товарища Глушицкаго (уже студента университета), а черезъ него познакомился съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ. Они

[1]) Изъ нихъ теперь въ живыхъ два брата Н. А. Некрасова: — Константинъ и Ѳеодоръ Алексѣевичи и одна сестра, Анна Алексѣевна.

Бѣлинскій однакоже не ошибся. Не прошло и году, какъ уже Некрасовъ сошелся съ Панаевымъ настолько, что подбилъ его сообща пріобрѣсти у П. А. Плетнева издательское право на „Современникъ“, основанный въ 1836 году Пушкинымъ. Юноша-поэтъ, быстрыми шагами приближаясь къ громкой извѣстности и обезпеченію, могъ уже въ 1847 году предложить Бѣлинскому участіе въ своемъ журналѣ, а лѣтъ черезъ десять уже явился обладателемъ такого состоянія, которое ставило въ совершенно независимое положені литературномъ мірѣ.

Хотя замѣчательный умъ и боле поэтическій талантъ Некрасова способс вали тому, чтобы журналъ его „Совре никъ“ шелъ очень хорошо, однакоже гатить Некрасова „Современникъ“ не Не можетъ подлежать никакому сомн то, что состояніе Некрасова нажито был отъ литературы, и что въ частной ж



Некрасовъ.

его было много такихъ сторонъ, которыя вынудили нѣкоторыхъ друзей его юности порвать съ нимъ связи навсегда; но для справедливой и безпристрастной оцѣнки его частной жизни, его значенія, какъ человѣка и гражданина—еще не наступило время... Мы можемъ судить только Некрасова-поэта, и только о немъ можемъ говорить въ нашемъ очеркѣ. Не можемъ однакоже не отмѣтить того знаменательнаго факта, что между поэтическою дѣятельностью Некрасова и его дѣятельностью общест ною существовалъ постоянно какой-то ладъ; въ его поэзіи онъ выражался лымъ рядомъ пьесъ, рисующихъ намъ тяг ное внутреннее состояніе души поэта, торый никакъ не можетъ примириться самимъ собою...

Въ 1856 году появилось первое пол собраніе стихотвореній Некрасова, въ в тоненькой книжки въ десять печати листовъ. Смѣлость, съ которою поэтъ

мѣсто. Что-же до человѣка, до гражданина, то опять-таки, любовью къ народу и страданіемъ по немъ, онъ оправдалъ себя самъ, и многое искупилъ, если и дѣйствительно было что искупить"...

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ родился (19 марта 1822 г.) въ Симбирской губерніи (и уѣздѣ), въ селѣ Никольскомъ. Онъ былъ единственный сынъ отставного гусара екатерининскихъ временъ, женившагося на француженкѣ-эмигранткѣ, г-жѣ де-Вармонъ, отецъ которой погибъ на гильотинѣ. Росъ въ дѣтствѣ одиноко до 7-милѣтняго возраста, и тогда переселился съ отцомъ и съ матерью въ отцовское имѣнье, сельцо Думбино, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Между книгами матери находился портфель съ рисунками старыхъ мастеровъ, и этому портфелю Дмитрій Васильевичъ обязанъ первыми художественными впечатлѣніями, пробужденіемъ въ немъ стремленія къ рисованію; благодаря быстро и сильно развившейся въ немъ охотѣ къ этому искусству—кисти и карандаши были для него въ дѣтствѣ лучшими подарками. Выростая одинокимъ ребенкомъ въ семьѣ, Дмитрій Васильевичъ былъ избавленъ отъ всякихъ гувернёровъ и гувернантокъ: воспитаніемъ занималась мать (отецъ скончался еще въ 1825 году). Десяти лѣтъ Дмитрій Васильевичъ былъ отданъ въ Москву, въ пансіонъ или, вѣрнѣе, въ семейство иностранцевъ (итальянцевъ), которые пріемомъ воспитанниковъ въ свою семью желали обезпечить воспитаніе собственныхъ дѣтей. Семейство это было въ высшей степени артистическое, и, главнѣйшимъ образомъ, время ученія было посвящаемо рисованію и изученію иностранныхъ языковъ. Четырнадцати лѣтъ Дмитрій Васильевичъ привезенъ былъ въ Петербургъ и отданъ для приготовленія къ поступленію въ инженерное училище. Годъ спустя, поступленіе это и состоялось благополучно, и 18-ти-лѣтній Григоровичъ былъ уже кадетомъ въ Михайловскомъ инженерномъ училищѣ. Но вскорѣ стало совершенно ясно, что талантливый юноша вошелъ не въ тѣ двери... Съ перваго же шага сталъ онъ выказывать полнѣйшее отвращеніе къ математикѣ, а въ слѣдующемъ году уже не упускалъ онъ ни одной свободной минуты для продолженія своихъ занятій искусствами:—въ единственный свободный день, воскресенье, онъ уходилъ въ академію художествъ, стараясь позабыть корпусную и учебную обстановку своей недѣли, и по цѣлымъ днямъ рисовалъ тамъ, подъ руководствомъ художника Тамаринскаго. Семнадцатилѣтняго юношу Григоровича художество поглотило совершенно; онъ не только продолжалъ со страстью учиться рисовать, но заинтересовался и самою исторіею искусства: принялся съ жадностью за чтеніе біографій великихъ художниковъ. Товарищи его, подтрунивая надъ его художественными стремленіями, даже изобрѣли особый способъ, чтобы дразнить его и выводить изъ терпѣнія:—стоило только заспорить съ Григоровичемъ о томъ, что Санціо — не фамилія Рафаэля, но обозначаетъ святой, и Григоровичъ готовъ былъ драться съ тѣмъ, кто рѣшился поддерживать такую явную нелѣпицу! Наконецъ натура взяла свое:—въ 1840 г. Д. В. Григоровичъ вышелъ изъ училища и переселился на житье въ академію, гдѣ нанялъ комнатку у смотрителя. Здѣсь, продолжая заниматься художествомъ, Григоровичъ познакомился съ Брюловымъ, съ Шевченкой, а потомъ, случайно познакомившись съ пѣвцомъ Леоновымъ, вышелъ на свое настоящее поприще—литературное. Дѣло въ томъ, что Леоновъ жилъ съ издателемъ „Энциклопедическаго Лексикона", Плюшаромъ, и вотъ именно знакомство съ Плюшаромъ, по собственному выраженію Д. В. Григоровича, „рѣшило его судьбу". Плюшаръ издавалъ тогда „Сто одну повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ". Здѣсь-то и удалось будущему писателю помѣстить свои первые переводы и литературныя работы. Кромѣ того въ кружкѣ Плюшара, около котораго, какъ около человѣка капитальнаго и предпріимчиваго, вращались въ ту пору всѣ молодыя литературныя силы, Дмитрій Васильевичъ сошелся съ сыномъ Н. И. Греча (рано умершимъ талантливымъ юношею) и съ Некрасовымъ, который тогда завѣдывалъ литературнымъ отдѣломъ въ „Литературной Газетѣ" Краевскаго. Здѣсь же, въ кружкѣ сотрудниковъ „Литературной Газеты", знакомится онъ и съ чрезвычайно талантливымъ — увы! безвременно

съ Петербургомъ и уѣхалъ въ деревню. Здѣсь написалъ онъ первое литературное произведеніе — повѣсть „Деревня“, вполнѣ достойное его пера. Велерьянъ Майковъ очень остался доволенъ повѣстью Д. В. Григоровича, и пристроилъ ее въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго (декабрь, 1846 г.), такъ какъ только-что начинавшійся Современникъ не рѣшился напечатать этой новой повѣсти, въ которой молодой авторъ слишкомъ глубоко заглядывалъ въ омутъ нашего крѣпостного быта и безъ прикрасъ вскрывалъ язвы народа. Бѣлинскій, со свойственнымъ ему художественнымъ чутьемъ, далъ самый сочувственный отзывъ о „Деревнѣ“, и угадалъ въ начинающемъ авторѣ несомнѣнный талантъ. Это сильно ободрило Дмитрія Васильевича, который сталъ еще ближе присматриваться къ народу и, въ теченіи періода между 1847—1855 гг., напечаталъ, одно за другимъ, нѣсколько крупныхъ литературныхъ произведеній. Здѣсь были написаны: „Антонъ Горемыка“, Бобыль, Недолгое богатство, Четыре времени года, Проселочныя дороги, Неудавшаяся жизнь, Прохожій, Рыбаки, Пахарь Переселенцы. Плодовитый авторъ и въ послѣдующее пятилѣтіе точно также не переставалъ писать, не покладывая пера, и почти каждый годъ, въ нашихъ толстыхъ журналахъ 50-хъ годовъ, появлялось по нѣскольку очерковъ и повѣстей Д. В. Григоровича; всѣ они читались съ большимъ интересомъ и большая часть ихъ пользовалась въ средѣ нашего образованнаго общества вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Многіе изъ разсказовъ Григоровича сдѣлались даже классическимъ матерьяломъ для чтенія въ школахъ и проникли въ народъ (напр. „Прохожій“).

Не вдаваясь въ подробный разборъ литературной дѣятельности Д. В. Григоровича, мы замѣтимъ только, что его главною, выдающеюся заслугой было то, что онъ первый рѣшился выйдти на трудный путь изученія народа, первый рѣшился въ литературѣ заговорить о народѣ, о его нуждахъ, его добродѣтеляхъ и недостаткахъ, его безъисходныхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ. Его успѣхъ и примѣръ увлекли вослѣдъ за нимъ многихъ, и ближайшимъ продолжателемъ дѣла, начатаго Д. В. Григоровичемъ, явился самъ И. С. Тургеневъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ высокохудожественныхъ „Разсказовъ охотника“.

1858 годъ можно считать весьма важнымъ годомъ въ литературной дѣятельности Д. В. Григоровича. Онъ былъ вызванъ изъ своего захолустья, оторванъ отъ своего „милаго конопляника“ и приглашенъ Морскимъ Министерствомъ отправиться на годъ въ Средиземное море на кораблѣ „Ретвизанъ“. Результатомъ годового плаванія была цѣлая книга живыхъ, занимательныхъ, легко-читающихся очерковъ, знакомящихъ съ любопытнымъ путешествіемъ автора по островамъ и прибрежьямъ Средиземнаго моря.

Очерки эти выходили въ свѣтъ сначала въ „Морскомъ Сборникѣ“, а потомъ собраны были авторомъ въ одну книгу, подъ общимъ заглавіемъ „Корабль Ретвизанъ—годъ въ Европѣ и на Европейскихъ моряхъ“. Но едва-ли читателямъ этой интересной книги приходило въ голову, что она была „лебединою пѣснею“ Д. В. Григоровича. Послѣ возвращенія своего изъ заграничнаго плаванія, онъ подарилъ публику всего двумя-тремя разсказами, и круто повернулъ на другое поприще, къ которому смолоду чувствовалъ такое сильное влеченіе: — онъ окончательно посвятилъ себя художествамъ, и, въ качествѣ секретаря Общества Поощренія Художниковъ, въ значительной степени способствовалъ учрежденію и пополненію существующаго при Обществѣ музея [1]). Труды, сопряженные съ этою новою дѣятельностью, способствовали тому, что онъ уже возвращался къ литературѣ лишь изрѣдка, почти случайно.

Повѣсти и разсказы Григоровича, составившіе 8 толстыхъ томовъ, успѣли уже выдержать три изданія.

---

[1]) Въ 1863 г. Д. В. Григоровичъ избранъ былъ секретаремъ Общества Поощренія Художниковъ и съ тѣхъ поръ, въ теченіи 20 лѣтъ, съ рѣдкимъ безкорыстіемъ, неутомимо работалъ на пользу русскаго искусства, которому и успѣлъ оказать несомнѣнныя услуги.

Въ 1851 г. любимый братъ графа Л. Н. Толстого—Николай, служившій на Кавказѣ, пріѣхалъ въ отпускъ, и пробылъ нѣкоторое время въ деревнѣ. Вѣроятно онъ и возбудилъ въ своемъ юномъ братѣ желаніе видѣть новый край и новыхъ людей. Ж
пожить съ любимымъ братомъ въ
прославленной нашими поэтами,
могло надъ всякими другими сообр
ми, и графъ Левъ Николаевичъ уѣха

Графъ Л. Н. Толстой.

имѣнья на Кавказъ. Впечатлѣнія величавой природы и новизна пестрой, оригинальной, полудикой жизни до такой степени пришлись по вкусу молодому графу, что онъ, въ томъ же 1851 г., поступилъ на службу юнкеромъ въ ту же батарею, въ
рой служилъ его братъ (въ 4-ую
рею 20-й артиллерійской бригады):
рея стояла на Терекѣ, въ станицѣ
гладовской.

только свои досуги. Новыя вѣянья дали себя почувствовать въ нашемъ обществѣ, поднялись новые и мудреные вопросы, потребовались новые люди, новыя силы... Графъ Л. Н. Толстой, смолоду близко стоявшій къ народу, понялъ это и ясно опредѣлилъ себѣ свою задачу. Въ то время, когда коммиссіи, созванныя по крестьянскому дѣлу, работали надъ освобожденіемъ крестьянъ, графъ Л. Н. Толстой занялся серьезно вопросомъ о нашей, тогда еще несуществовавшей народной школѣ, и сталъ изучать ее и въ теоріи, и на практикѣ. Кажется, въ связи съ этимъ изученіемъ школьнаго вопроса стоятъ и двѣ поѣздки графа за границу, совершенныя имъ между 1855—1861 гг.?

Послѣ 19-го февраля 1861 года графъ Л. Н. Толстой, въ числѣ очень немногихъ русскихъ помѣщиковъ, рѣшился безвыѣздно поселиться въ своей Ясной Полянѣ и съ тѣхъ поръ долго жилъ въ деревнѣ. Глубоко сознавая свой долгъ по отношенію къ народу, графъ былъ (въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ) мировымъ посредникомъ, ревностно занимался народными школами и даже сталъ издавать весьма оригинальный педагогическій журналъ, подъ названіемъ „Ясная Поляна“.

Въ этомъ журналѣ онъ началъ проводить своеобразные взгляды на народное образованіе, на потребности народнаго обученія и на школьный бытъ. Рядомъ съ этими взглядами графъ впервые рѣшился высказать нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, что вообще привыкли разумѣть подъ названіями — образованности, цивилизаціи, прогресса и т. п. Вопросы поднималъ графъ Л. Н. Толстой смѣло, ставилъ рѣзко, доказывалъ иногда нѣсколько парадоксально, но доводы его бывали и сильны, и вѣски.

Одинъ изъ нашихъ журналистовъ такъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ именно въ эту пору его дѣятельности:

„Въ 1862 г. я съ нимъ познакомился въ Москвѣ. Передо мною былъ высокій, широкоплечій, съ тонкой таліей человѣкъ, лѣтъ 35, въ усахъ, безъ бороды, съ серьезнымъ, даже нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ лица, которое, впрочемъ, принимало оттѣнокъ добродушія, когда онъ смѣялся. Разговоръ зашелъ о событіяхъ, которыми такъ полна была русская жизнь того времени. Графъ Толстой тотчасъ же обнаружилъ, что онъ живетъ внѣ этой жизни, что ему чужды интересы того слоя, который считаетъ себя образованнымъ. Онъ являлся противникомъ прогресса, который, по его мнѣнію, выгоденъ только для небольшой части общества, наименѣе занятой, и составляетъ положительное зло для большинства, для народа, для котораго онъ тѣмъ невыгоднѣе, чѣмъ выгоднѣе онъ для образованнаго меньшинства“. „Присутствовавшіе горячо съ нимъ спорили; онъ самъ то увлекался, то начиналъ иронизировать; я больше слушалъ, чѣмъ говорилъ. Въ то время, когда всѣ бредили прогрессомъ, такая оригинальная смѣлость мысли меня поразила и я чувствовалъ невольную симпатію къ этому новому Руссо, который началъ противопоставлять благамъ цивилизаціи—блага природы: лѣса, дичь, рѣку, физическое развитіе, чистоту нравовъ и т. п. Казалось, что этотъ человѣкъ живетъ жизнью народа, его взглядами, что онъ преданъ народному благосостоянію всѣми силами своей души, хотя и понимаетъ его иначе, чѣмъ другіе. Доказательство — его школа, эти мальчики, о которыхъ онъ говорилъ съ явною любовью, выхваляя ихъ даровитость, понятливость, ихъ художественное чувство, ихъ нравственную цѣлостность, до которой далеко дѣтямъ другихъ сословій...“

Вскорѣ послѣ описываемыхъ журналистомъ споровъ, графъ Л. Н. Толстой женился (въ 1862 г.) на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ [1]), происходившей (по матери) изъ семьи Исленьевыхъ, которая была въ тѣсной и давнишней дружбѣ съ родителями графа Толстого. Исленьевымъ принадлежало большое село Красное, неподалеку отъ Ясной Поляны. Дѣти Исленьева были первыми друзьями и деревенскими посѣтителями семейства Толстыхъ.

Женившись, графъ Л. Н. Толстой вполнѣ посвятилъ себя семейной жизни, которая постоянно была для него идеаломъ, и еще болѣе предался сельской идилліи. Много лѣтъ сряду не появлялись нигдѣ его про-

[1]) Отецъ Софьи Андреевны,—Андрей Евстафіевичъ Берсъ, докторъ, москвичъ по рожденію и воспитанникъ Московскаго университета. Мать—Любовь Александровна, урожденная Исленьева.

Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ 1822 году, въ Москвѣ. Отецъ его былъ докторъ. Рости пришлось нашему писателю въ большомъ семействѣ. Должно предполагать, что въ семьѣ существовала такая обстановка, которая могла способствовать въ ребенкѣ развитію задатковъ его будущей дѣятельности. Не одинъ Ѳеодоръ Михайловичъ вышелъ изъ своей семьи съ писательскими наклонностями. Вмѣстѣ съ нимъ росъ и старшій братъ его, Михаилъ Михайловичъ, извѣстный впослѣдствіи литераторъ и талантливый переводчикъ Шиллера и Гёте, издатель журналовъ Время и Эпоха.

Мальчикъ росъ худымъ и блѣднымъ; натура у него была чрезвычайно нервная и впечатлительная до болѣзненности, даже съ нѣкоторою склонностью къ галлюцинаціямъ. Прелестный разсказъ объ одной изъ подобныхъ галлюцинацій самъ Ѳеодоръ Михайловичъ передаетъ въ своемъ Дневникѣ Писателя („Мужикъ Марей" 1876, стр. 41—42); и хотя онъ замѣчаетъ въ этомъ разсказѣ, что галлюцинаціи потомъ, съ дѣтствомъ, прошли, но мы полагаемъ, что болѣзненная нервность осталась навсегда одною изъ господствующихъ сторонъ его натуры, и даже выразилась впослѣдствіи, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, страшнымъ недугомъ, не покидавшимъ Ѳеодора Михайловича до конца жизни.

Въ дѣтствѣ Ѳеодора Михайловича, повидимому, не было недостатка въ такихъ впечатлѣніяхъ, которыя могли благопріятствовать его развитію, и даже развитію многостороннему. Доступны были ребенку и впечатлѣнія природы, въ которой особенно милымъ казался Ѳеодору Михайловичу нашъ сѣверный, березовый лѣсъ. Онъ самъ говоритъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ: „ничего въ жизни я такъ не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березника: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь".

Не было у ребенка недостатка и въ книгахъ. Въ 12 лѣтъ Ѳеодоръ Михайловичъ уже успѣлъ прочесть почти всего Вальтеръ-Скотта, Купера; прочелъ и нѣкоторыхъ русскихъ писателей; знаемъ навѣрно, что прочелъ „Исторію Государства Россійскаго" Карамзина. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, въ Москвѣ, Ѳ. М. Достоевскій былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и, 15-лѣтнимъ юношей, опредѣленъ въ 1837 г. въ главное Инженерное училище. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ училище и братъ его, Михаилъ Михайловичъ. Здѣсь, въ средѣ товарищей своихъ, онъ засталъ сильно-развитую любовь къ литературѣ, къ которой вообще воспитанники военно-учебныхъ заведеній николаевскаго времени питали большое пристрастіе; здѣсь-же въ стѣнахъ училища, встрѣтилъ онъ и нѣсколько такихъ людей, съ которыми его связи не порывались до конца жизни. Въ числѣ его товарищей былъ между прочимъ и другой будущій русскій литераторъ—Д. В. Григоровичъ.

Самъ Ѳеодоръ Михайловичъ съ особеннымъ чувствомъ вспоминаетъ, въ этомъ періодѣ своей жизни, о встрѣчѣ съ Иваномъ Николаевичемъ Шидловскимъ. Этому образованному и талантливому человѣку Ѳеодоръ Михайловичъ былъ въ значительной степени обязанъ своимъ литературнымъ развитіемъ. Нельзя не отмѣтить еще и того весьма существеннаго біографическаго факта, что, не смотря на возраставшую въ юношѣ-кадетѣ страсть къ литературѣ и изученію исторіи, онъ, однакоже, прекрасно учился и математическимъ наукамъ, и курсъ въ Инженерномъ училищѣ закончилъ блистательно: былъ выпущенъ третьимъ изъ 30 воспитанниковъ, достигнувшихъ старшаго класса.

Не мѣшаетъ замѣтить, что Ѳеодоръ Михайловичъ, окончивъ курсъ въ училищѣ, вступилъ въ жизнь сиротою: спустя годъ, по вступленіе въ училище, братья Достоевскіе лишились въ короткій промежутокъ времени и отца, и матери. Это сиротство еще болѣе сблизило Ѳеодора Михайловича съ его братомъ Михаиломъ Михайловичемъ, и связало ихъ узами такой дружбы, которая въ дальнѣйшемъ теченіи жизни способна была выдержать всякія испытанія.

Каждому, окончившему трудный курсъ Инженернаго училища, въ то отдаленное время, открывалась хорошая служебная карьера. Слѣдуя, машинально, общему потоку, и Ѳеодоръ Михайловичъ также поступилъ

біографическій отрывокъ [1]), въ которомъ самъ Ѳеодоръ Михайловичъ разсказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Некрасовымъ и Бѣлинскимъ.

„Я жилъ въ Петербургѣ; уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ 1845 года. Вначалѣ зимы я началъ вдругъ „Бѣдныхъ людей“ — мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ еще ничего не писавши. Кончивъ повѣсть, я не зналъ, какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но тотъ и самъ еще ничего тогда не писалъ, кромѣ одной маленькой статейки „Петербургскіе шарманщики“ въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣхать на лѣто къ себѣ въ деревню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „принесите рукопись“ (самъ онъ еще не читалъ ее: „Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу“. Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку; мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ со своимъ сочиненіемъ и поскорѣе ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой „партіи Отечественныхъ Записокъ“, какъ говорили тогда, я боялся. Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ. „И осмѣлъ же онъ моихъ Бѣдныхъ людей!“—думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ съ страстью, почти со слезами... „Неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?“ Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами и мнительность немедленно возвращалась.

Вечеромъ того-же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко, къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ душахъ“ и читали ихъ, въ который разъ — не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: „а не почитать ли намъ, господа, Гоголя?“ — садятся и читаютъ, и пожалуй, всю ночь. Тогда между молодежью весьма и весьма многіе какъ-бы чѣмъ-то были проникнуты и какъ-бы чего-то ожидали....

Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ — звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но, прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. „Читаетъ онъ про смерть студента“—передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ,—„и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: „Ахъ, чтобъ его!“ Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь“.

Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ), то въ одинъ голосъ рѣшили — идти ко мнѣ немедленно. „Что-жъ такое, что спитъ, мы разбудимъ его —это выше сна!“... „Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь; говорили и о поэзіи, и о прозѣ, и о „тогдашнемъ положеніи“, разумѣется и о Гоголѣ, цитуя изъ „Ревизора“, изъ „Мертвыхъ душъ“, но, главное, о Бѣлинскомъ“... „Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день“... „Новый Гоголь явился!“ закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ Бѣдными людьми. — „У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ“, строго замѣтилъ ему Бѣлинскій; но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его „просто въ волненіи“: „приведите, приведите его скорѣе!“

На другой день состоялось свиданіе Ѳеодора Михайловича съ Бѣлинскимъ. „Онъ

[1]) „Дневникъ Писателя“ 1877 г., стр. 21 и сл.

ванъ и посаженъ въ крѣпость, какъ замѣшанный въ тайномъ политическомъ обществѣ. Дѣло это извѣстно подъ именемъ „дѣла Петрашевскаго“. Вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ былъ арестованъ и старшій братъ его, Михаилъ Михайловичъ, тогда уже женатый человѣкъ, отецъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего семь лѣтъ. Арестъ брата въ особенности безпокоилъ Ѳеодора Михайловича. Самъ за себя, какъ человѣкъ одинокій, холостой, онъ нисколько не опасался. Онъ зналъ, что семья брата осталась безъ копѣйки, зналъ и то, что братъ не участвовалъ въ тайно организованномъ обществѣ Петрашевскаго дѣятельно, хотя и пользовался книгами изъ общей библіотеки, находившейся въ домѣ Петрашевскаго, такъ какъ былъ страстнымъ поклонникомъ Фурье. Но заботы о братѣ скоро исчезли. Спустя два мѣсяца послѣ ареста, братъ его, вмѣстѣ со многими другими, былъ освобожденъ, по волѣ самого покойнаго Императора Николая. Князь Гагаринъ, ведшій слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго, нарочно вызвалъ Ѳеодора Михайловича въ комендантскій домъ, чтобы сообщить радостное извѣстіе о свободѣ брата. Временной арестъ Михаила Михайловича остался для него безъ всякихъ послѣдствій. Великодушіе Государя Императора простерлось до того, что старшаго Достоевскаго даже не выслали, какъ подозрительнаго человѣка, изъ Петербурга.

Сидя въ крѣпости и находясь подъ слѣдствіемъ, Ѳеодоръ Михайловичъ написалъ свой прелестный разсказъ „Маленькій герой“.

Изъ слѣдствій и показаній самого Ѳ. М. Достоевскаго выяснилось, что вина его была очень незначительна, и потому, когда, несмотря на то, слѣдствіе кончилось самымъ несчастнымъ для него образомъ и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, вмѣстѣ съ другими участниками кружка, Государю угодно было смягчить приговоръ и замѣнить его другою конфирмаціею: „лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ“.

Ничего незнавшій о помилованіи, Ѳеодоръ Михайловичъ долженъ былъ пережить нѣсколько ужасныхъ часовъ, послѣ которыхъ каторга уже не могла ему показаться страшною.

Ѳеодоръ Михайловичъ, какъ человѣкъ глубоко-религіозный и высоко-нравственный, переносилъ всѣ невзгоды каторги съ замѣчательною твердостью и невозмутимымъ спокойствіемъ. Силы давала ему не только вѣра, подкрѣпляемая чтеніемъ Библіи (единственной книги, разрѣшенной ему въ каторгѣ), но и любовь къ „бѣднымъ людямъ“, которой онъ поклялся быть вѣрнымъ до конца. Вотъ почему каторга не только не ожесточила его, а напротивъ заставила еще болѣе любить „все униженное и оскорбленное, все больное и несчастное“, и даже тамъ искать лучшихъ сторонъ человѣческой души, гдѣ, повидимому, не оставалось уже и признаковъ человѣческаго образа...

Можно почти сказать, что каторга, навсегда наложивъ печать на Ѳеодора Михайловича, окончательно опредѣлила направленіе его будущей литературной дѣятельности.

„Послѣ каторги“, такъ разсказываетъ Ѳеодоръ Михайловичъ, „я прямо, по волѣ покойнаго Государя (Николая I), поступилъ въ рядовые и черезъ три года службы былъ произведенъ въ офицеры....“ „Помню, что, выйдя въ 1854 г. въ Сибири изъ острога, я началъ перечитывать всю написанную безъ меня за пять лѣтъ литературу. „Записки Охотника“, едва при мнѣ начавшіяся, и первыя повѣсти Тургенева я прочелъ тогда разомъ, залпомъ. Правда, тогда надо мною сіяло степное солнце, начиналась весна, а съ ней совсѣмъ новая жизнь. —конецъ каторги, свобода!“

Страсть къ литературѣ, сдерживаемая долгое время, проснулась съ новою энергіею и силой. Кое-какія мелочи были написаны, послѣ освобожденія, еще въ Сибири, но приняться настоящимъ образомъ за литературу Ѳеодоръ Михайловичъ могъ уже только тогда, когда ему разрѣшено было покинуть военную службу и возвратиться въ С.-Петербургъ.

Здѣсь онъ принялъ самое ревностное участіе въ журналѣ „Время“, которое издавалъ его любимый братъ Михаилъ Михайловичъ. Въ 1860 г. вышло первое изданіе „Сочиненій“ Ѳеодора Михайловича, а вскорѣ послѣ того въ журналѣ брата помѣщенъ былъ большой романъ „Униженные и оскорбленные“. Однакоже, наша журнальная критика 60-хъ годовъ, избалованная рядомъ блестя-

Гёте и вообще о дурныхъ привычкахъ", должна была открыть, о чемъ авторъ хочетъ говорить въ своемъ „Дневникѣ". Но это „предисловіе" ничего не объяснило... Своею нѣкоторою таинственностью оно, однако, завлекло: „Дневникъ" читали и перечитывали. Въ этомъ своемъ листкѣ Ѳеодоръ Михайловичъ явился уже окончательно публицистомъ; художникъ сказывался иной разъ только въ той формѣ, въ какой онъ проводилъ свои идеи. Автора всецѣло занимаютъ вопросы, волнующіе наше общество, начиная съ самыхъ мелкихъ, обыденныхъ, до великихъ, національныхъ, общечеловѣческихъ. Часто взгляды Ѳ. М. Достоевскаго не подходили вполнѣ къ господствующимъ понятіямъ, но зато никто не могъ заподозрить ихъ въ неискренности... Горячая любовь къ народу, къ Россіи, къ ея славѣ и величію — все это ясно видно на страницахъ „Дневника". Уже съ первыхъ выпусковъ его всякій почувствовалъ, что писатель не побоится упрека въ утопизмѣ и будетъ говорить прямо, на сколько возможно, о всемъ, что онъ считаетъ благороднымъ, высоко-нравственнымъ. „Я неисправимый идеалистъ,—такъ рекомендуетъ себя Ѳ. М. Достоевскій въ одномъ мѣстѣ своего „Дневника",—я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь..."

Выступивъ въ своемъ „Дневникѣ" съ простою цѣлью высказаться, писатель вдругъ увидѣлъ настоятельную необходимость явиться для многихъ совѣтникомъ, учителемъ... Симпатичность его идей, чистосердечное отношеніе къ серьезнымъ вопросамъ жизни, часто новая точка зрѣнія, даже иной разъ нѣкоторая „утопичность" — все это сильно подѣйствовало, въ особенности, на нашу молодежь. Въ обществѣ ходитъ по этому поводу множество разсказовъ, да и самъ Ѳ. М. Достоевскій упоминаетъ въ своемъ „Дневникѣ" о томъ, что къ нему прямо обращались за совѣтомъ весьма часто совершенно незнакомые ему юноши, присылая письма о такихъ вещахъ, о какихъ не пишутъ людямъ малоизвѣстнымъ. Всѣхъ, кто обращался за совѣтомъ, а иной разъ даже прямо за утѣшеніемъ разъясненіемъ, тянуло къ нему простое, открытое, искреннее направленіе „Дневника" Вообще „Дневникъ Писателя" представляется весьма крупнымъ и важнымъ по своему значенію явленіемъ нашей общественной жизни 70-хъ годовъ.

Въ концѣ 1877 года Ѳ. М. прекратилъ изданіе „Дневника", обѣщаясь возобновить его „со временемъ"; почти въ то-же время сталъ онъ печатать свой новый большой романъ „Братья Карамазовы", который всѣми, послѣ „Дневника", ожидался съ большимъ нетерпѣніемъ, и, многими своими страницами, невольно долженъ былъ привести въ изумленіе каждаго читателя. Планъ и идея новаго романа, по собственному признанію Ѳеодора Михайловича, сложились у него „непримѣтно и невольно", въ двухлѣтній періодъ изданія „Дневника". Этотъ романъ, писанный, вѣроятно, урывками, несмотря на большую неправильность плана значительную растянутость и эпизодичность явился однакоже такимъ страннымъ отвѣтомъ на вопросъ объ отношеніяхъ отцовъ и дѣтей, давно уже мучившій Ѳеодора Михайловича, что читать его страшно.. Еще страшнѣе было слушать, когда онъ самъ на публичныхъ чтеніяхъ раскрывалъ и прочитывалъ одну изъ многихъ прекрасныхъ страницъ этой „семейной хроники", полныхъ потрясающаго трагизма!

Увлеченный успѣхомъ своего романа поджигаемый всѣми тягостями, всѣми трудностями эпохи, переживаемой въ послѣдніе годы Россіей, Ѳеодоръ Михайловичъ вновь почувствовалъ въ себѣ приливъ силъ нѣйшаго желанія участвовать въ дѣятельности общественной. Живымъ доказательствомъ этого желанія явились его безпрестанныя чтенія своихъ и чужихъ произведеній на литературныхъ вечерахъ, и его прекрасныя, вдохновенныя рѣчи на Пушкинскомъ празднествѣ въ Москвѣ (лѣтомъ 1880 года), которыя всѣхъ привели въ неописанный восторгъ на этомъ народномъ торжествѣ. Осенью 1880 года явились даже слухи о томъ, что Ѳеодоръ Михайловичъ готовитъ какое-то новое, большое произведеніе, что онъ собирается съ будущаго 1881 года возобновить свой „Дневникъ"; но—увы! всѣмъ этимъ надеждамъ не суждено было сбыться... 1-й нумеръ „Дневника Писателя" вышелъ уже въ день похоронъ Ѳеодора Михайловича, который, послѣ самой краткой болѣзни, скончался 28

ГЛАВА XXVII.

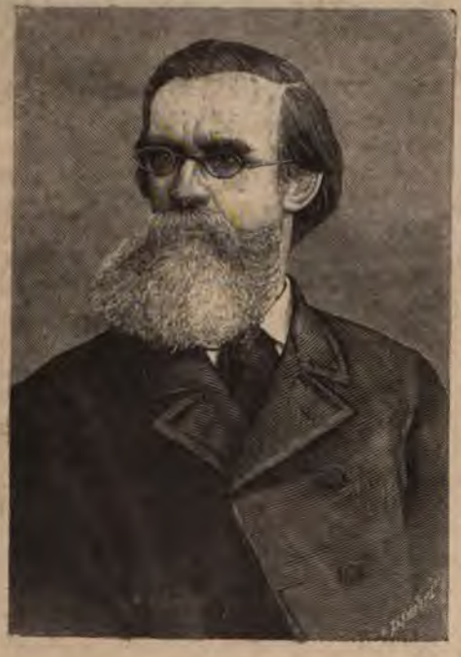
Важнѣйшіе представители новѣйшей русской поэзіи: А. Майковъ, Л. Мей, А. Толстой, Ѳ. Тютчевъ, Я. Полонскій, А. Фетъ.

Въ періодъ русской литературы, послѣдовавшій за смертью Пушкина, русская поэзія стала все болѣе и болѣе развиваться въ томъ высоко-художественномъ направленіи, которое придалъ ей Пушкинъ въ послѣдніе годы своей поэтической дѣятельности.

Легкое отношеніе къ выбору сюжетовъ поэтическаго творчества, воспѣваніе поэтической лѣни и свободы отъ всякихъ заботъ и обязанностей, туманная мечтательность и неопредѣленные поэтическіе образы, пересаженные къ намъ съ чуждой, иноземной почвы, — все это уступило мѣсто направленію болѣе самостоятельному и болѣе реальному. Наши поэты вполнѣ освободились отъ всякаго вліянія западной поэзіи, стали почерпать свои образы изъ живой дѣйствительности, и со страстью принялись за изученіе русской старины и народности, —и русская поэзія послѣдняго полувѣка заняла такое же видное и почетное мѣсто среди европейской поэзіи, какъ и русская изящная литература. Въ числѣ нашихъ поэтовъ этого послѣдняго періода самое видное мѣсто занимаетъ, по чрезвычайному разнообразію и выработкѣ своего таланта, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

А. Н. Майковъ родился 23 мая 1821 г. въ Москвѣ. Онъ происходитъ изъ старинаго дворянскаго рода Майковыхъ, которые еще въ XV в. прославились тѣмъ, что изъ Майковыхъ вышелъ извѣстный строгостью жизни отшельникъ и проповѣдникъ, Нилъ Сорскій, основатель Сорской пустыни въ Бѣлозерскихъ дебряхъ. Въ русской письменности Нилъ извѣстенъ своими поученіями и борьбою противъ ереси Матвѣя Башкина, которую онъ, въ противоположность своему современнику Іосифу Волоцкому, совѣтовалъ выводить не кострами и казнями, а мѣрами кротости и убѣжденія. Въ прошломъ вѣкѣ, основаніе перваго русскаго публичнаго театра было тѣсно связано съ именемъ одного изъ Майковыхъ. Мы видѣли уже (см. стр. 48), что богатый ярославскій помѣщикъ Майковъ много способствовалъ Ѳ. Г. Волкову при открытіи театра въ Ярославлѣ:—въ его домѣ, въ 1755 г., въ Ярославлѣ, на берегу Волги, была устроена сцена нашего перваго публичнаго театра. Старшій сынъ этого театрала-помѣщика, бригадиръ Семеновскаго полка, Василій Ивановичъ Майковъ, былъ впослѣдствіи, въ екатерининское время, однимъ изъ довольно извѣстныхъ писателей: его сатирическія поэмы написанныя довольно гладкими стихами и съ рѣзкимъ оттѣнкомъ народнаго юмора, читались охотно и обратили вниманіе Императрицы Екатерины на поэта. Родной братъ Василія Майкова былъ прадѣдомъ нашего поэта. Отецъ А. Н. Майкова, Николай Аполлоновичъ Майковъ, былъ, въ своемъ родѣ, человѣкомъ весьма замѣчательнымъ. Въ періодъ Отечественной войны, будучи блестящимъ гусарскимъ офицеромъ, Николай Аполлоновичъ былъ тяжело раненъ въ Бородинскомъ сраженіи и вынужденъ долго и серьезно лѣчиться. Въ это время, отъ скуки, онъ началъ самоучкой заниматься живописью, которая впослѣдствіи стала главною цѣлью его жизни и совершенно его поглотила. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ художникъ, отличавшійся замѣчательною тонкостью и нѣжностью кисти, и получилъ званіе академика живописи за свои художественныя работы. Императоръ Николай, въ высшей степени одаренный художественнымъ вкусомъ, любилъ бывать въ мастерской Н. А. Майкова и часто поручалъ ему выполненіе художественныхъ заказовъ для церквей и дворцовъ своихъ. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, художникъ Майковъ женился на Евгеніи Петровнѣ Гусятниковой, жен-

Государя, чтобы его „отпустили въ Италію", —и ему по Высочайшему повелѣнію былъ не только разрѣшенъ (въ то время очень затруднительный) отпускъ за границу, но еще и пожаловано 1,000 руб. на путешествіе по Италіи. За границею А. Н. Майковъ провелъ почти два года и на обратномъ пути въ Россію долго жилъ въ Парижѣ, посѣтилъ Дрезденъ и останавливался на нѣкоторое время въ Прагѣ, гдѣ близко познакомился



А. Н. Майковъ.

съ знаменитымъ Вячеславомъ Ганкою и другими представителями чешскаго національнаго возрожденія. Запасъ впечатлѣній, вывезенныхъ изъ-за границы, былъ на столько богатъ и разнообразенъ, что А. Н. Майковъ принялся горячо за свою поэтическую дѣятельность и сталъ помѣщать нѣкоторыя произведенія въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ то же время занимаясь критическими очерками выставокъ и отдѣльныхъ художественныхъ произведеній.

Однакоже служба (сначала въ Румянцевскомъ музеѣ, а потомъ въ отдѣленіи иностранной цензуры) и семейныя обстоятельства (послѣ женитьбы) стали въ значительной степени отвлекать А. Н. Майкова отъ поэзіи и литературы, и только Восточная война, въ теченіе которой Россіи пришлось выдержать первую и трудную борьбу противъ европейской коалиціи, вновь заставила поэта выступить съ цѣлымъ рядомъ горячихъ, патріотическихъ стихотвореній. Эти стихотворенія онъ издалъ отдѣльною книжкой подъ заглавіемъ „1854 годъ".

Сильное патріотическое настроеніе, вызванное историческими событіями и поучительными бѣдствіями Крымской кампаніи, много способствовало охлажденію поэта къ Западу, къ западнымъ теоріямъ и воззрѣніямъ и къ тому кружку петербургскихъ литераторовъ, которые эти воззрѣнія проводили въ жизнь и въ литературу. Въ то же время А. Н. Майковъ, совершенно естественно, сблизился съ кружкомъ славянофиловъ и съ кружкомъ той новой редакціи „Москвитянина", которая вызвала къ дѣятельности такія силы, какъ Писемскій и Островскій... Можно сказать, что только около этого времени и подъ вліяніемъ идей этихъ московскихъ литературныхъ кружковъ А. Н. Майковъ вступилъ въ періодъ полной зрѣлости своего поэтическаго дарованія. Эта зрѣлость вполнѣ выказалась въ томъ новомъ „Собраніи стихотвореній Аполлона Майкова", которое издалъ въ свѣтъ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко, извѣстный меценатъ петербургскихъ литературныхъ кружковъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. [1]

Одинъ изъ талантливѣйшихъ критиковъ того времени, Дружининъ, справедливо замѣтилъ въ критическомъ разборѣ новаго изданія стихотвореній Майкова:

„Отвѣчая всему живому и человѣческому, г. Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго... Это — поэтъ-художникъ, поэтъ-пластикъ, но не лирикъ; писатель, замѣчательный мастерскою, спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, онъ, съ перваго появленія своего передъ русскою публикой, сталъ *поэтомъ мысли* и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ

[1]) „Собраніе стихотвореній" было напечатано въ 1858 г. въ двухъ томахъ.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6 декабря 1820 года въ Рязани, гдѣ провелъ все свое дѣтство и часть первой молодости. Мать Полонскаго умерла рано, отецъ вынужденъ былъ, вскорѣ послѣ ея смерти, отправиться къ мѣсту новой службы, въ Закавказье, а десятилѣтнему Якову Петровичу, вмѣстѣ съ остальными его братьями и сестрами, пришлось остаться на попеченіи тетокъ (сестеръ матери). Благодаря ихъ нѣжной заботливости, ребенокъ выросъ и подготовился къ поступленію въ рязанскую гимназію, гдѣ впервые и обнаружилъ поэтическій талантъ. Еще будучи ученикомъ VI класса, онъ писалъ стихи въ такой степени недурно, что рѣшился поднести свое стихотвореніе Государю Наслѣднику Цесаревичу (впослѣдствіи Императору Александру II), проѣзжавшему черезъ Рязань. Августѣйшій Путешественникъ принялъ приношеніе юноши-поэта и удостоилъ его награды: прислалъ ему въ подарокъ золотые часы. По окончаніи курса въ гимназіи, Я. П Полонскій вступилъ въ Московскій университетъ, по юридическому факультету; но, избравъ факультетъ не по склонности, онъ болѣе занимался въ университетѣ поэзіей, нежели юридическими науками и не безъ труда окончилъ курсъ въ 1844 году. Въ томъ-же году издалъ онъ въ свѣтъ первый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Гаммы“, который даже и Бѣлинскимъ былъ встрѣченъ довольно благосклонно.

Я. П. Полонскій.

Затѣмъ начались для поэта „годы странствованій“: — онъ уѣхалъ сначала на югъ Россіи, въ Одессу, а оттуда—въ Закавказье, гдѣ получилъ мѣсто помощника редактора въ газетѣ „Закавказскій Вѣстникъ“. Впечатлѣнія величавой природы Кавказа и богатой красками кавказской жизни сильно повліяли на творчество молодого поэта, который, въ теченіе восьми лѣтъ своего пребыванія въ Закавказьѣ, издалъ цѣлыхъ три сборника своихъ стихотвореній, и одному изъ этихъ сборниковъ далъ даже мѣстное, туземное названіе „Сазандаръ (т. е. пѣвецъ—по-грузински) Наконецъ въ 1852 г., соскучившись по родинѣ, онъ побывалъ въ Рязани и оттуда отправился по дѣламъ въ Петербургъ, гдѣ и остался надолго, покинувъ службу и предавшись исключительно занятіямъ литературою. Здѣсь, въ 1855 г., Полонскій издалъ пятое собраніе своихъ стихотвореній, въ которое, съ нѣкоторыми исключеніями, вошло все напечатанное въ предшествующихъ сборникахъ. Здѣсь-же Полонскій сблизился съ петербургскими литературными кружками и вошелъ въ дружескія отношенія съ Тургеневымъ, Майковымъ, Дружининымъ и другими выдающимися современниками литературы. Въ 1856 г Полонскому, впервые, представился случай побывать за границей, и онъ, черезъ Варшаву, направился въ Германію и Швейцарію, затѣмъ жилъ долго въ Римѣ и Парижѣ, гдѣ и вступилъ въ первый бракъ. Возвратившись въ Петербургъ въ концѣ 1858 г., Полонскій сблизился съ кружкомъ графа Кушелева-Безбородко и былъ назначенъ редакторомъ журнала „Русское Слово“, который издавался на средства графа. Оставаясь въ теченіи двухъ лѣтъ въ положеніи редактора, Полонскій помѣстилъ въ журналѣ „Русское Слово“ цѣлый рядъ своихъ стихотвореній и прозаическихъ статей; но затѣмъ, не поладивъ съ издателемъ, сталъ искать болѣе прочнаго обезпеченія жизни, и въ 1860 г. вновь поступилъ на службу, въ комитетъ иностранной цензуры, гдѣ уже служилъ въ то время его другъ,

тости таланта, который въ теченіе долгой жизни почти не утратилъ ни красокъ, ни свѣжести. Первые стихотворные опыты свои Аѳанасій Аѳанасьевичъ напечаталъ еще будучи юношей (до поступленія своего въ университетъ), въ 1840 г., въ видѣ сборника, подъ общимъ заглавіемъ: „Лирическій Пантеонъ". Подъ этимъ заглавіемъ были выставлены буквы А. Ф., т. е. Аѳанасій Фетъ. Поэтъ принялъ въ видѣ литературнаго псевдонима фамилію своей матери и впослѣдствіи пріобрѣлъ этому псевдониму такую громкую извѣстность, что настоящее имя поэта почти неизвѣстно большинству его почитателей. Сборникъ

А. А. Фетъ (Шеншинъ).

стихотвореній юноши былъ замѣченъ:—его встрѣтили очень благосклонно въ публикѣ и въ журналистикѣ, потому что на многихъ помѣщенныхъ въ немъ произведеніяхъ лежала печать несомнѣннаго таланта и оригинальности. М. П. Погодинъ, какъ издатель „Москвитянина" и вообще человѣкъ, обладавшій замѣчательнымъ умѣньемъ вербовать себѣ талантливыхъ сотрудниковъ, тотчасъ прибралъ къ рукамъ юношу-поэта, который, вступивъ въ университетъ, рьяно принялся за изученіе классическихъ поэтовъ. Первыя стихотворенія Фета, появившіяся послѣ его сборника, всѣ были напечатаны въ „Москвитянинѣ" Погодина, и только уже значительно позднѣе стали помѣщаться въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ началѣ 1850 г., когда уже Аѳанасій Аѳанасьевичъ давно служилъ въ военной службѣ, вышелъ новый сборникъ всѣхъ его стихотвореній, разбросанныхъ по журналамъ. Новый сборникъ былъ озаглавленъ: „Стихотворенія А. Фета" — и окончательно упрочилъ поэтическую извѣстность Аѳанасія Аѳанасьевича. Всѣхъ особенно поразила замѣчательная его способность передавать не только мысли, не только цѣльно-сложившіеся поэтическіе образы, но даже самыя легкія, самыя мимолетныя впечатлѣнія души, самые тонкіе оттѣнки чувства, самыя неуловимыя черты явленій окружающей насъ природы. Если одинъ изъ критиковъ справедливо назвалъ Майкова „поэтомъ мысли", по преимуществу, то, въ этомъ же смыслѣ, отличая талантъ Фета отъ таланта Майкова, Аѳанасія Аѳанасьевича слѣдовало бы назвать именно „поэтомъ впечатлѣній и звуковъ". Эта особенность молодого поэта всѣхъ поражала еще и потому, что онъ съумѣлъ придать своимъ стихамъ какую-то особенную прелесть звучностью и мягкостью своего поэтическаго языка и необыкновенною свободою поэтическаго выраженія. Иногда онъ сыплетъ словами, набрасываетъ ихъ почти безъ связи въ свои строки—и изъ этихъ безпорядочно набросанныхъ словъ сама собою складывается передъ нами поэтическая картина; иногда, напротивъ того, простымъ повтореніемъ одного и того же слова, одного и того же звука, онъ достигаетъ такой гармоніи стиха, что въ немъ почти слышатся самые звуки наблюдаемаго имъ явленія природы...

Въ то время, когда Аѳанасій Аѳанасьевичъ служилъ въ гвардіи, онъ сошелся съ петербургскими литературными кружками и сталъ одновременно печатать свои стихотворенія и въ петербургскихъ, и въ московскихъ журналахъ. Въ 1856 и 1863 гг. эти стихотворенія вышли двумя полными изданіями. Но ими не исчерпывалась, однакоже, поэтическая дѣятельность Фета:—онъ оказался не только замѣчательнымъ и оригинальнымъ поэтомъ, но и превосходнымъ переводчикомъ, а потому весьма охотно посвящалъ свои досуги переводу классиковъ.

тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія. По смерти дяди, назначавшаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, причисленъ къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ; позднѣе я перешелъ во II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, редактирующее законы. Въ 1855 г. (во время Крымской кампаніи) я пошелъ въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи, съ цѣлью принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и дошелъ только до Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе 1000 человѣкъ отъ тифа, которымъ заболѣлъ и я. Императоръ Александръ II, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я никогда не не готовилъ себя для военнаго дѣла и намѣревался оставить службу вслѣдъ за окончаніемъ войны, то я и представилъ скоро мои сомнѣнія Его Величеству и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычною Ему благосклонностью и назначилъ меня егермейстеромъ своего Двора—званіе, которое я сохраняю и до настоящаго времени [1]). Вотъ лѣтопись моей военной жизни".

...„Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи" — говоритъ далѣе графъ А. К. Толстой въ той-же Запискѣ — „но въ печати я появился только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, а нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. [2]) я отдалъ въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія въ разные журналы, а позднѣе я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникѣ Европы" или въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Стараясь далѣе охарактеризовать свою поэтическую личность, графъ А. К. Толстой замѣчаетъ, что „независимо отъ поэзіи, онъ всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ .." Съ этою страстью впослѣдствіи соединилась другая: страсть къ охотѣ. „Съ 20-го года моей жизни она стала такъ сильна, и я отдавался ей съ такимъ пыломъ, что жертвовалъ ей всѣмъ временемъ, коимъ могъ располагать". Графъ часто убѣгалъ отъ удовольствій и разсѣяній свѣтской жизни, „чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищами, но обыкновенно одинъ. Между нашими записными охотниками я скоро пріобрѣлъ извѣстную репутацію хорошаго охотника на медвѣдей и лосей, и всецѣло погрузился въ стихію, которая столь-же мало согласовалась съ моими артистическими инстинктами, какъ и съ условіями моей официальной жизни; она не осталась безъ вліянія на характеръ моего поэтическаго творчества".

Въ концѣ 50 годовъ имя графа А. К. Толстого пріобрѣло большую извѣстность и популярность въ нашей литературѣ и журналистикѣ, благодаря его прекраснымъ лирическимъ и антологическимъ стихотвореніямъ и въ особенности такимъ подражаніямъ старинной русской пѣснѣ, какъ стихотвореніе „Сѣсь" или пѣсня: „Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала". За этими лирическими пьесами слѣдовали болѣе крупныя эпическія произведенія („Грѣшница", „Іоаннъ Дамаскинъ") и цѣлый рядъ историческихъ балладъ („Василій Шибановъ", „Старицкій воевода", „Михайло Репнинъ"). Въ 1861 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ" былъ помѣщенъ весьма замѣчательный историческій романъ А. К. Толстого: „Князь Серебряный" (изъ временъ Іоанна Грознаго), выдержавшій не одно изданіе. Изъ той-же самой эпохи вскорѣ послѣ того поэтъ заимствовалъ сюжетъ драматической трилогіи, въ составъ которой должны были войти три трагедіи: „Смерть Іоанна Грознаго", „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ" и „Царь Борисъ". Только первая изъ этихъ трагедій (напечатанная въ 1866 г.) явилась на сценѣ; обѣ остальныя, по разнымъ причинамъ, не были допущены на сцену. По личному убѣжденію автора, вторая трагедія этой трилогіи была лучшимъ произведеніемъ „изо всего, что было имъ написано въ стихахъ и прозѣ".

Въ 1867 г. вышелъ второй сборникъ лирическихъ произведеній графа А. К. Толстого, съ извѣстнымъ посвященіемъ Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, которое начинается такъ:

---

[1]) Эта Записка сгорѣла въ 1874 г. — [2]) Авторъ Записки ошибается въ этомъ указаніи: въ третьей книжкѣ „Современника" на 1854 г. уже были помѣщены шесть прекрасныхъ его стихотвореній.

изрѣдка въ альманахахъ 20-хъ годовъ [1]). Затѣмъ, по настоянію одного изъ своихъ мюнхенскихъ пріятелей, Тютчевъ послалъ Пушкину нѣсколько своихъ произведеній, и Пушкинъ, оцѣнивъ ихъ по достоинству, напечаталъ ихъ въ своемъ „Современникѣ“ 1836 г. подъ общимъ заглавіемъ: „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи“—и за подписью Ѳ. Т. Эти стихотворенія обратили на себя общее вниманіе, но имя автора ихъ никому не было извѣстно до начала 50-хъ годовъ, когда, наконецъ, И. С. Тургеневъ уговорилъ Ѳ. И. Тютчева напечатать всѣ его стихотворенія. Поэтъ, по его настоянію, предложилъ редакторамъ „Современника“ (Панаеву и Некрасову) право на печатаніе сборника его стиховъ, который и вышелъ въ свѣтъ въ 1854 г. „Съ того времени“,—замѣчаетъ біографъ—„положеніе Тютчева, какъ поэта, измѣнилось: къ нему обращались съ просьбою о сотрудничествѣ, и стихотворенія его стали появляться безъ большихъ перерывовъ, въ разныхъ современныхъ изданіяхъ“.

Сборникъ стихотвореній Тютчева былъ встрѣченъ всѣми съ восторгомъ, и оцѣненъ по достоинству. Стихотворенія Тютчева читались и заучивались наизусть и пріобрѣли такую же извѣстность въ русскомъ обществѣ, какою нѣкогда пользовались только стихи Пушкина. Такія пьесы, какъ: „Конченъ пиръ, умолкли хоры“. „Не разсуждай, не хлопочи...“, „Слезы людскія“, „Пошли Господь свою отраду“. „Дума за думой“, „Эти бѣдныя селенья“, „Умомъ Россіи не понять“ — сразу высоко поставили имя Тютчева, какъ поэта, и сдѣлали его дорогимъ для каждаго русскаго! Извѣстный писатель нашъ И. С. Аксаковъ, написавшій подробную біографію Тютчева, прекрасно опредѣлилъ достоинство его поэтическихъ произведеній:

...„Что особенно плѣняетъ въ поэзіи Тютчева,—это ея необыкновенная грація, не только внѣшняя, но еще болѣе внутренняя. Все жесткое, рѣзкое и яркое—чуждо его стихамъ; на всемъ художественная мѣра; все извнѣ и внутри, такъ сказать, обвѣяно наліцествомъ. Самое вещество слова какъ-бы теряетъ свою вещественность, какъ-то одухотворяется, становится прозрачнымъ. Мыслью и чувствомъ трепещетъ вся его поэзія! Его музыкальность не въ одномъ внѣшнемъ гармоническомъ сочетаніи звуковъ и риѳмъ, но еще болѣе—въ гармоническомъ соотвѣтствіи формы и содержанія“.

Всѣми любимый и уважаемый поэтъ, достигнувъ глубокой старости, скончался 15-го іюля 1873 г., въ Царскомъ-Селѣ, и погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

[1]) Только одно, превосходное произведеніе Тютчева—было напечатано въ «Молвѣ» 1835 г., а именно: Silentium.

Въ книжномъ складѣ **Д. Д. Полубояринова** (С.-Петербургъ, Николаевская, 18), поступили въ продажу слѣдующія **новыя книги**, примѣненныя къ употребленію въ **средн. учебн. заведеніяхъ**.

1) **ПОЛЕВОЙ. Русская исторія** для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ большимъ количествомъ картъ въ текстѣ. Курсъ систематическій. Ц. 1 руб. 25 коп.

2) П. ПОЛЕВОЙ. **Учебное руководство по русской исторіи** съ картами и картинами въ текстѣ. Курсъ элементарный (печатается).

3) ПРОФ. Э. БРАНДТЪ. **Популярная зоологическая энциклопедія**. (Млекопитающія). Ц. 5 р.

Примѣчаніе. Простота и практичность изложенія, возможность при помощи алфавитовъ на четырехъ языкахъ отыскивать скоро незнакомыя названія животныхъ и большое количество хорошо исполненныхъ рисунковъ дѣлаютъ эту книгу вполнѣ пригодною для раздачи въ награду ученикамъ и для пріобрѣтенія въ библіотеки учебныхъ заведеній.

4) ПРОТ. П. ПѢВЦОВЪ. а) **Иллюстрированные евангельскіе разсказы** (печатаются) и б) **Священная исторія ветхаго и новаго завѣта** съ картами и картинками въ текстѣ. Цѣна за обѣ части 90 коп.

Примѣчаніе. Помѣщенныя въ этихъ книгахъ изящно исполненные рисунки, величиной во всю страницу большаго формата, даютъ возможность вести наглядныя бесѣды одновременно со всѣми учениками класса.

5) А. ВОРОНЕЦКІЙ. а) **Учебникъ Всеобщей Географіи** съ картинами въ текстѣ, въ трехъ курсахъ. *Курсъ третій.* Европа. Ц. 40 к. б) **Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія** въ трехъ частяхъ. *Часть третья.* Европа. Ц. 1 руб. 65 к.

Примѣчаніе. Въ томъ-же складѣ продаются слѣдующія раньше вышедшія въ свѣтъ сочиненія **А. Воронецкаго:** *Первый курсъ* **Учебника Всеобщей Географіи**. Ц. 50 к. *Второй курсъ* того-же **Учебника**. Ц. 50 коп. *Первая часть* **Географической Хрестоматіи**. Ц. 1 руб. 35 к. *Вторая часть* той-же **Хрестоматіи** Ц. 2 р.

Въ **томъ же складѣ** продаются слѣдующія книги для учениковъ и для библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ:

1) П. ПОЛЕВОЙ. а) **Учебная Русская Хрестоматія** съ толкованіями, въ трехъ частяхъ: *1-я часть*—50 к. *2-я часть*—70 к., и *3-я часть* 75 к. б) **Методическая Русская Грамматика**. Ц. 40 к.

2) П. ПОЛЕВОЙ. **Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ** съ большимъ количествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ, въ двухъ томахъ. Цѣна за оба тома 6 руб.

Примѣчаніе. Въ пятомъ изданіи новый періодъ пополненъ тринадцатью біографіями писателей новѣйшаго времени.

3) А. ВОРОНОВЪ. 1) **Руководство Практической Ариѳметики**. Ц. 75 к. и 2) **Собраніе ариѳметическихъ задачъ** въ двухъ частяхъ: *Часть первая* (цѣлыя числа). Ц. 30 к. *Часть вторая* (дроби). Ц. 30 коп.

4) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. **Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія Начальной Ариѳметикѣ** въ двухъ выпускахъ. Цѣна за оба выпуска 30 к. (Для приготовительныхъ классовъ).

5) В. ЕВТУШЕВСКІЙ. **Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ** въ двухъ частяхъ: *Первая часть* (цѣлыя числа). Ц. 35 к. *Вторая часть* (дроби). Ц. 40 к.

6) А. БАРАНОВЪ и Н. ГОРѢЛОВЪ. **Географія Россійской Имперіи** съ большимъ количествомъ картъ въ текстѣ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р.

7) В. ИГНАТОВИЧЪ: 1) **Французская Азбука** по аналитической системѣ. Ц. 60 коп. 2) **Концентрическій Учебникъ Французскаго языка** сравнительно съ русскимъ и латинскимъ въ 3-хъ частяхъ: Цѣна *1-й части* 50 коп., *2-й*—60 коп., и *3-й*—1 р. 25 к. и 3) **Французскіе классики** въ обработкѣ для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ въ пяти выпускахъ: *1-й* и *2-й* Molière. *3-й*—Corneille. *4-й*—Racine и *5-й* Voltaire. Цѣна каждаго выпуска 1 руб.

8) В. ГЕРВАЧЪ. 1) **Прописи Русскія**. Ц. 40 коп. 2) **Прописи Французскія и Нѣмецкія** Ц. 35 к. и 3) **Прописи Латинскія и Греческія**. Ц. 30 к.

9) А. ГЕЙДЪ. 1) **Руководство Минералогіи**. Ц. 1 р. 50 коп. 2) **Опредѣлитель Минераловъ** Ц. 1 руб. и 3) **Учебникъ Зоологіи** въ двухъ частяхъ, каждая часть 1 р. 50 коп.

10) А. ДМИТРІЕВЪ. **Собраніе Геометрическихъ Задачъ** въ двухъ книгахъ: Книга I — **Планиметрія**. Ц. 70 к. Книга II—**Стереометрія** Ц. 80 коп.

11) В. СИПОВСКІЙ. «**Родная Старина**». Отечественная исторія въ разсказахъ, въ трехъ выпускахъ (во всѣхъ трехъ выпускахъ 400 рисунковъ). Цѣна полнаго экземпляра 6 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ того, въ томъ-же складѣ продаются еще учебныя руководства и учебныя пособія для среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующихъ авторовъ: Прот. Д. Соколова, И. Беллярминова, П. Евстафіева, А. Рапси, С. Ковалевскаго и Н. Бунакова.

Примѣчаніе. Всѣ заказы частныхъ лицъ и школъ на изданія Д. Д. Полубоярино ва исполняются ***только*** по высылкѣ, ***по объявленнымъ цѣнамъ***, ***всѣхъ денегъ впередъ;*** при разстояніи отъ Петербурга до 1000 верстъ всѣ расходы по пересылкѣ книгъ издатель принимаетъ на себя, при разстояніяхъ же отъ 1000 верстъ слѣдуетъ прилагать на пересылку, согласно ***новой дополнительной*** почтовой таксѣ, по 10 коп. съ каждаго фунта за каждую 1000 верстъ. Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ, книжнымъ складамъ и земствамъ дѣлается, ***первая высылка всякихъ денегъ впередъ***, съ объявленныхъ цѣнъ уступка отъ 20 до 30 процентовъ, но въ этомъ случаѣ всѣ расходы по пересылкѣ, упаковкѣ и страховкѣ товара падаютъ на покупателя; товаръ не отправляется только черезъ Контору Россійскаго Общества Транспортированія кладей. Желающіе узнать, на какихъ сочиненіяхъ и въ какихъ случаяхъ дѣлается вышеобозначенная ***уменьшенная*** уступка, благоволятъ обращаться къ издателю по нижеслѣдующему адресу: С.-Петер-